

Королевская свадьба

Annotation

Юная принцесса Беллона влюбляется в рыцаря, чей идеал — порочная и падшая женщина. Стоит ли попытаться забыть о любви, оставаясь самой собой, или взяться соответствовать идеалу возлюбленного, опозорив честь королевской семьи?

Глава 1. "Обычный день"

Солнечный свет озарил комнату. Сквозь полупрозрачные занавеси он лёг мягким, тёплым, розоватым покрывалом на бюро, стулья, старинный комод, низкий диван, обтянутый атласом в салативо-кремовую полоску, прикроватный столик и саму кровать. Воцарилась приятная весёлая атмосфера. Заслышалось тонкое щебетание канарейки в красивой золотой клетке в уголке.

Принцесса тотчас проснулась как всегда раньше своих служанок. У неё была привычка вставать рано, чуть ли не с первыми лучами солнца. Ей нравилось смотреть на рассвет, дышать свежим утренним воздухом. Наблюдение за оживляющейся картиной за окном и внутри замка доставляло Беллоне некое невинное девичье удовольствие причастности к жизни, пробуждающейся для свершений и поступков. Как всегда, она, распахивая шторы, выглядывала во двор и улыбалась начинающемуся дню. Вид из её спальни открывался на маленький внутренний, восточный перистиль замка, где был разбит сад из роз. Эти цветы здесь были самые разнообразные как по форме, так и по цветам. Их специально свозили со всех концов света в начале 2050-ых годов в честь двух принцесс, сестёр отца Беллоны — Виктории и Патриции. С тех пор этот цветник мало изменился и ничуть не испортился и не подвергся запущенности. Напротив, он только разрастался и пополнялся новыми сортами роз.

Вот и сейчас первый, кто приступил к выполнению своих обязанностей, был старый садовник Норман. Он работал уже более сорока пяти лет и был слепо предан своему делу. К сожалению, он уже не мог в одиночку справляться, и поэтому ему помогали два подмастерья — Марк и Зигфрид, простые и робкие юноши, потихоньку осваивавшиеся в служении при дворце.

Все трое знали о любви принцессы к природе, животной и растительной, поэтому вдвойне старались, чтобы порадовать девушку. Они также знали, что она смотрит на них каждое утро и наслаждается созданной их руками красотой.

Решив не сидеть без дела в своей комнате, Беллона начала собираться на прогулку. В отличие от своих подруг, фрейлин, да и вообще ровесниц, ей не приходилось часами проводить время перед зеркалом и долго возиться со своей внешностью. Девушка по праву считалась самой красивой при дворе. Не по мнению льстецов, спешащих угодить королю, а по честному мнению большинства, пусть даже кто-то признавал первенство в красоте принцессы сквозь зубы, обижаясь за себя или собственных дочерей.

Из-за этого характер Беллоны был немного заносчивым, резким. Ей было свойственно высокомерное и капризное поведение. Некоторые даже считали её невоспитанной, но, разумеется, не смели сказать об этом вслух или поделиться с кем-либо такой точкой зрения.

Однако её капризы не были как у многих других в её возрасте из-за каких-то побрякушек, брезгливости или просто из-за слабого характера. Нет. Скорее их причинами всегда были свободолюбие, строптивость и желание всегда всё сделать по-своему. Чрезмерная гордость часто давала о себе знать.

Но, несмотря на эти отрицательные качества, были в Беллоне и положительные черты.

Она была жалостливой, независтливой, щедрой и справедливой. За эти качества её ценили все близкие друзья и её прислуга. Девушка умела прощать и ненавидела неправду,

ложь и лицемерие. Старалась помочь людям, попавшим в сложную ситуацию или вступить за обделённых. К жадным же, эгоистичным и жестоким личностям относилась с откровенной неприязнью.

Итак, причесав свои золотистые локоны и забрав их в несложную причёску, Беллона надела светло-зелёное платье с короткими рукавами и не слишком длинной юбкой. Принцесса любила удобную и свободную одежду, но наряд всегда должен был соответствовать её статусу королевской дочери, поэтому штаны или амазонку разрешалось одевать только на конные прогулки.

Разозлившись, что служанки всё ещё спят, принцесса свела брови к носу и с сердитым выражением лица вышла из спальни. Проходя по прихожей своих покоев, она никого не встретила и, только ступая по коридору громкими смелыми шагами, столкнулась с горничной.

— Ваше высочество, вы уже встали? Вам что-нибудь нужно? Когда подавать завтрак?

Беллона, не намеревавшаяся вести долгую беседу и не желающая вдаваться в объяснения сотый раз, что служба заключается в начинании рабочего дня в шесть часов утра и в завершении его в одиннадцать, а то и двенадцать часов вечера, просто смерила говорившую непринуждённым взглядом и спокойно ответила:

— Спасибо, мне ничего не нужно. Все распоряжения отдам, когда вернусь.

Как назло, перед лестницей, ведущей к выходу, неизвестно откуда появилась наставница Беллоны — мадам Бланж. Наигранно взмахнув руками и шокированно, как будто увидев нечто из ряда вон выходящее, выпучив глаза, женщина затараторила:

— Ваше высочество! Почему вы так выходите из своих апартаментов? Что за небрежный вид? Где же аккуратность в одежде? И что за привычка ходить без причёски? Какая неухоженность...

— Я нормально выгляжу. И я не в девичьем монастыре, чтобы отличаться аккуратностью...

— Как вы можете такое говорить? Что за нравы! Я сейчас же позову вашу прислугу, и они оденут вас как надо...

Принцесса, воспользовавшись тем, что мадам Бланж озирается вокруг себя в поисках кого бы позвать, быстро сбежала по ступенькам и испарилась из поля зрения своей собеседницы.

Идя по открытой галерее вдоль замка, увитой вьюном с мелкими розовыми цветочками, Беллона думала о том, что в её шестнадцать лет к ней относятся, как к ребёнку! За ней всегда наблюдают, куда бы она ни пошла, и только в спальне она может побыть одна и отдохнуть. А людей, с которыми ей было бы приятно общаться, так мало в её окружении! У неё были только две настоящие подруги, которые всегда понимали и поддерживали, несколько служащих, действительно добрых и отзывчивых, да и, пожалуй, всё. И то, с последними ей приходилось разговаривать редко и осторожно, потому что когда об этом узнавал её отец — Робин Третий, он делал выговор или ограничивал в чём-нибудь свою дочь. Король строго придерживался мнения, что все должны вращаться в равных ему кругах.

Часто заступницей Беллоне была мать, но королева обладала слишком покладистым и податливым характером, чтобы спорить с мужем или кем-либо ещё. В её манере вообще было никуда не вмешиваться, но ради дочери она делала исключения.

Ну и последний член семьи был старший брат, наследник — Робин, в будущем Четвёртый. С ним девушка почти не общалась, не только из-за разницы в возрасте, но и в

связи с совершенно разным мировоззрением. Они думали по-разному, смотрели на многие вещи прямо противоположно. А уж о жизненных принципах и моральных обоих можно говорить долго.

И вот выйдя в сад, где уже всю кипела работа, первое, что услышала Беллона, был выговор Марку за какую-то оплошность. Норман гневно возмущался нерадивым помощником. Тот молча выслушивал старика и исподлобья наблюдал за приближающейся принцессой.

— Доброе утро! Что случилось, Норман? Ты чем-то недоволен?

— Здравствуйте, ваше высочество. Да, я не доволен. Этот мальчишка опаздывает каждый день. Мне надоело всё время напоминать ему о том, что он должен быть здесь уже в семь часов!

— Наверное, у него есть какие-нибудь причины для задержки, я верю, что он не специально всегда приходит позже. Ведь так, Марк? Ты же не злонамеренно так поступаешь?

Юноша лишь опустил голову, чтобы скрыть смущённую улыбку.

Беллона видела как-то, что молодой человек встречается с одной из горничных матери и бежит перед тем, как прийти сюда, к ней на свидания. Она не собиралась рассказывать всем об этом. Романтические истории нравились принцессе, и она их всячески поощряла.

— Этот наглец никогда не исправится... — продолжал бормотать садовник.

— Я думаю, вам следует быть к нему понисходительнее. Удачи и до встречи!

Махнув рукой, девушка заторопилась дальше. Сегодня ей, как никогда, хотелось куда-то идти. Куда-нибудь, всё равно куда, главное не стоять на месте. Вдыхая аромат роз, Беллона пересекла весь сад и оказалась в тенистой аллее, ведущей к северному крылу здания. Оно было личными апартаментами королевы, и сейчас, в восемь часов, там должно было быть пусто, ведь мать всегда завтракала в это время. Стало быть, и всё её окружение суетилось вокруг неё.

Ступив на дорожку, выложенную мраморной плиткой, Беллона замедлила шаг. Так приятно было слушать шум фонтанов, которых в этом, более крупном, чем восточном дворе было восемь. С различными скульптурными композициями, всевозможной высоты и размеров — они были настоящим украшением пейзажа. Среди них, по стриженному газону, ходили павлины. Птицы вальяжно гуляли и не обращали внимания ни на что. Их равнодушный вид напоминал придворных на званом вечере. Показывают себя, раздуваются от собственной важности, а до всего остального им нет дела. Беллона усмехнулась такой своей ассоциации и продолжила рассматривать окружающую её местность. Не то что бы она бывала здесь редко, но просто ей больше нравилось гулять у себя; там всё было так, как ей нравилось и хотелось, вернее даже так, как она привыкла. А в садах королевы часто встречались некие чересчур искусственные вещи, которые не нравились принцессе. Например, комнатные собачки со стрижками или окрашенной шерстью, куст в форме геометрической фигуры и тому подобное. Беллона не понимала таких извращений над природой, но это было увлечением, прихотью королевы и её фрейлин, поэтому с этим было ничего не поделать и оставалось только обходить стороной их забавы.

Сегодня же девушке просто надоело бродить по знакомым и давно протоптанным тропинкам. Все уголки своей части замка она уже знала наизусть, хоть в ней и было более пятидесяти комнат. Территории отца она тоже неплохо знала, потому что приходилось бывать там регулярно; жалобы на поведение принцессы, кое-какие вопросы относительно её

будущего приводили Беллону в кабинет короля, иногда в связи с каким-нибудь званым обедом, ужином, или празднованием, ей приходилось посещать тронный и парадный залы.

Туда почему-то девушке не хотелось. Тянуло её сегодня именно сюда; идти мимо небольшой поляны с двумя пасущимися единорогами, смотреть на лучи солнца, пробивающиеся сквозь ветки вяза.

Всё вокруг пело и благоухало. Царил мир и покой, который был внезапно нарушен голосами женщин.

Беллона немного расстроилась испорченным уединением, но решила, что это служанки идут куда-то по делам и скоро перестанут ей мешать предаваться своим мыслям. Однако приближавшимися оказались две подруги королевы — баронесса фон Даберлэф и графиня Перферио. Они и не думали никуда удаляться, а лишь медленно прохаживались, ведя оживлённую беседу. «Странно, — подумала принцесса, — кажется, все должны находиться на завтраке рядом с матерью, что же они здесь делают?». Ответ на свой немой вопрос она услышала почти сразу:

— Ах, Сальма, мне так нездоровится нынче, наверное, это сильная жара. Но, возможно, я съела чего-нибудь не того. Хорошо, что Веста разрешила мне удалиться от стола, — пожаловалась баронесса.

— А может быть, Клотильда, это несварение от нашей «любимой» Алисы Тревор?

Обе засмеялись, одна скрипуче и высоко, другая более сдержанно и манерно. «Как же я не люблю этих сплетниц и старых язв! А ведь при графине Алисе они ведут себя учтиво и вежливо... Лицемерки! Если бы мать слушала моё мнение относительно них...». Принцесса злилась, но ей не хотелось попадаться им на глаза и, тем более, с ними разговаривать. Пытаясь остаться незамеченной, Беллона, пятясь, тихо сменила направление и шагнула в тень, прижавшись к стене. Крадясь вдоль неё, девушка попала под арку, которая выходила на тёмную площадку с каменным полом. С этой площадки открывался вид на лужайку, которая, как поняла Беллона, была западной стороной замка, принадлежащей Робину, её старшему брату. Да, меньше всего девушке хотелось оказаться в этом месте, столкнуться с наследником — этим наглым и насмешливым молодым человеком, и точно такими же его друзьями-товарищами. Их общество всегда смущало принцессу и порой возмущало. Окружение принца было известно своей разболтанностью, распущенностью и вседозволенностью. Хотя иногда у них проходили и культурные вечера, на которых читались стихи, пелись песни под аккомпанемент разнообразных музыкальных инструментов и, совсем редко, соревновались в изяществе модных танцев. Всё остальное время проводилось в увеселениях, балах, приёмах, поездках по окрестностям с целью поиска приключений.

Заметив группу людей в стороне, Беллона было подумала вернуться обратно, но по-прежнему слышала смех женщин в аллее и решила подождать и постоять ещё немного. В конце концов, не могут же они там прохлаждаться вечно? Возможно, очень скоро они уйдут.

А пока ничего не оставалось, как только наблюдать за кучкой мужчин — друзей Робина. Их было не больше десяти. Все богато одеты, держались строго и, видимо, вели серьёзный разговор. Среди них явно выделялись два лидера — более высокие и красивые, чем другие. На них была тёмная одежда, плащи до земли и золотая лента через всю грудь. На ленте виднелись приколотые крупные медальоны, инкрустированные драгоценными камнями. Было ясно, что это важные персоны. А поскольку они стояли на крыльце у главного входа, не трудно было догадаться, что ожидают наследника. Тот как раз собирался появиться перед друзьями, но немного задержался из-за какой-то мелочи. С ним это часто

бывало, поскольку он не отличался расторопностью и пунктуальностью.

Беллона оставалась незамеченной приблизительно четверть часа. После этого у неё уже начали затекать ноги, и ей надоело стоять в одном положении. Едва пошевелившись, она могла бы тут же привлечь к себе внимание, поскольку утро было тихим, и в разрежённом воздухе любые звуки разносились далеко. К тому же зелёных зарослей здесь не было, и укрытием служил цвет платья Беллоны сливающийся с редкой растительностью — маленькими кустиками и вьюнами, свисающими с козырька здания над головой принцессы. Из размышлений о сложившемся положении девушку вывел громкий окрик её брата, выходявшего из своих покоев.

— Доброе утро! Я надеюсь, не очень долго заставил себя ждать? Печально, что всегда огорчаю вас своими задержками. Но это не мешает нам прекрасно провести день, не правда ли?

Первым ответил самый высокий, один из тех, что явно выделялись из общей массы.

— Что ты Робин! Мы совсем не огорчились, мы уже привыкли...

— Вот и замечательно! Тогда я предлагаю, не откладывая, пойти в конюшню, и сразу начать прогулку. Вы согласны?

Все дружно закивали головами и сделали шаг в сторону больших кованых ворот, за которыми находились стойбища лошадей и выезд с территории замка.

— Хотя постойте! Мы ведь ещё не решили, куда мы сегодня направимся? Я даже не знаю, есть ли где-нибудь званый обед в этот час...

Принц изобразил задумчивый вид; он перебирал все места, в которых его сейчас с радостью бы встретили. Хотя других в королевстве было мало. Ему были бы счастливы накрыть стол и встретить его почти везде. Компания этих юношей пользовалась популярностью и не только на Феире, но и при других дворах. Они уже давно были в фаворе даже в определённых кругах Южных Ветров и Голубого Квазара.

И так, задержав свою мысль, примерно минут на пять, Робин выдохнул:

— Я думаю, для начала схожу к отцу. Вдруг у него есть какие-нибудь дела для меня. К тому же он просил зайти к нему вчера вечером, а я так и не смог. Был сильно занят...

Друзья ухмыльнулись, пряча лица в воротники плащей, чтобы сильно не обидеть принца. Он, конечно, знал, что они думают, но предпочитал, когда все делают серьёзный вид, подстать ситуации.

— Да, да... Сильно занят, — продолжал он, — но вы, конечно, не в курсе, я был немного с другими людьми. Сержио знает, он был со мной.

Робин развернулся в сторону обаятельного молодого человека с красивыми светлыми волосами, выглядывающими из-под полей широкополой, роскошной шляпы цвета бордо, украшенной тремя пышными кроваво-красными перьями. Его озорные глаза весело блестели в лучах начинающего разогревать солнца, но, прикусив нижнюю губу, он закивал принцу и отвернулся.

И пока Беллона увлеклась разговорами взрослых юношей, что приходилось ей наблюдать нечасто, даже можно сказать, всего раз-два в жизни, она не поняла, что её брату, идя к королю, придётся пройти под этой самой аркой, под которой пряталась она. Вроде бы это было не так уж и страшно, не будь Робин-младший таким пересмешником. Заметив её, он непременно начнёт подшучивать и выставит не в самом лучшем свете при этих дворянах. Хотя принцессе было глубоко всё равно на мнение каких-то болтливых, не знающих цели в жизни, не созревших мужчин, всё же она не могла ни на одну крупинку позволить упасть

своей репутации. Мало ли что могут о ней подумать, раз она в ранний час, скрываясь в тени, стоит и неизвестно чего и зачем тут ждёт? Нет, это допустить было просто невозможно и, дабы развеять все сомнения хотя бы о том, что она здесь подслушивает, Беллона решила первая выйти и сделать вид, что только что здесь появилась. А уж зачем она пришла, придётся придумать по ходу дела...

— Доброе утро, дорогой братец!

Девушка сделала решительный, крупный шаг, позволивший ей сразу всей оказаться на свету. Ослепительно и открыто обнажив свои белоснежные зубы в улыбке, она пыталась сделать самый наивный и добродушный вид.

Среди молодых людей возникла гробовая тишина. Ни одного шёпота, ни одного звука. Взоры устремились в сторону внезапно появившейся молодой леди.

В эту минуту молчания, Беллоне показалась, что она разорвётся на части от стыда, смущения и вообще настал конец её весёлой жизни и, когда об этом узнают её величественные родители, возможно, придёт пора школы в Интермедии или чуть менее престижного закрытого учебного заведения для девочек. Некоторые из её родственниц-принцесс уже были там около пяти лет, а некоторые могли остаться там и до самой свадьбы со своим будущим царственным супругом.

— Здравствуй, сестра, какими судьбами?

Сейчас организм был напряжён до такой степени, что только природная сила воли давала держать себя в руках, а в душе, голове и сердце уже не осталось ни одного спокойного места, которое бы не дрожало. Уверенность в голосе была потеряна, как и он сам, а потому, Беллона сделала вид, что собирается с мыслями, чтобы чётче их выразить; на самом же деле она просто пыталась поймать хоть одну идею, чтобы оправдаться.

— Отец...он... просил меня прийти к тебе и сказать, что ждёт тебя.

Как это было глупо! Да, король действительно, скорее всего, ждал сына со вчерашнего вечера, у него не бывало дел, которые решались бы сами собой, но стоило принцу спросить, посылал ли тот Беллону... И тут наступал конец вариантам. Но пока это был единственно верный выход.

— Спасибо, что напомнила, Белл. Я как раз шёл к нему.

Про себя, однако, юноша сильно удивился, почему впервые король вмешал в дела свою дочь? Он считал, что та не способна к политике и видению государства. Нет, не то чтобы он так думал вообще обо всех женщинах, напротив, о некоторых он слишком лестно отзывался и был довольно-таки высокого мнения. Но касательно своей семьи он придерживался своих правил. В своём доме хозяин был один — он, ну и, разумеется, сын, достойная замена, когда его самого не станет.

В конце концов, Робин пришёл к выводу, что это был вызов по личным причинам, а не экономическим или дипломатическим. А посему, не всё ли равно кого было просить зайти за ним?

У Беллоны же в эти секунды всё начало оттаивать. Если бы она знала к тому же, что друзья брата притихли не от чего-то сверхнеподобающего, недозволенного и эксцентричного, а всего лишь от неожиданного появления редкой красоты девушки, показавшейся утренней нимфой сотканной из росы и лепестков жасмина, цветущего неподалёку.

Её белые кудри развеял слабый порыв ветерка, свежего и бодрящего, такого желанного перед приходом каждого душного и утомительного дня.

— Но что я за невоспитанный грубиян!

Робин поравнялся с сестрой и остановился.

— Я же забыл представить вам, господа, мою младшую сестрёнку. Перед вами принцесса Беллона, собственной персоной. Она ещё не представлена в высшем обществе. Её дебют намечался на середину лета, но вот, как видите, вы удостоились чести познакомиться с ней первыми.

Все синхронно склонились в поклоне, учтивом, но не низком, всего лишь подобающем титулу стоящей перед ними особы. Однако один, тот, которого Робин назвал Сержио, склонился ниже остальных и задержался в этом положении дольше дозволенного. К его счастью, кроме принцессы этого никто не заметил. Она же лишь вежливо ответила кивком головы, грациозным и совсем лёгким. До её сознания не совсем доходили некоторые вещи; почему брат не пытается ёрничать, почему не говорит пошлостей и не ведёт себя, как обычно?

Беллона повернула лицо к Робину и вопрошающе подняла брови. В её расширенных глазах билась мольба об объяснении.

Наклонившись к самому уху сестры, он шепнул ей пару слов, после которых, удалился.

— Здесь много прибывших из другого королевства, веди себя полюбезней, они подчинённые не нашего отца. Моим друзьям, которые среди них, сильно не надоедай.

И со стуком каблуков растаял и сам принц.

— Очень приятно вас лицезреть, ваше высочество, позвольте предложить вам наше скромное общество?

Один из толпы выступил вперёд и провёл рукой, как бы предлагая вступить в круг и стать центром внимания мужчин. Беллона, обрадовавшись, что здесь есть и люди, более воспитанные и скромные, чем её брат и его компания, с удовольствием согласилась. Если Робин так пёкся об их довольстве, то это, скорее всего, были достойные люди. С простаками он себя всегда вёл так, как хотел, будь то даже другой принц или консул с другой планеты.

Что ж, неплохо немного поднатореть в общении с высококультурными людьми перед тем, как её представят в июле перед самыми влиятельными личностями Вселенной. К тому же, пока неизвестно, при чьём дворе её будут принимать. Вполне возможно, что при чужом, далеко от дома и рядом не будет её матери, знакомых, подруг...

— Мне так же приятно, судари, приветствовать вас у себя в гостях. Как вам у нас на Феире? Хотя, мне известно, что некоторые из вас местные, не так ли?

Двое шагнули навстречу, а один из них даже представился.

— Маркиз Сержио о'Лермон к вашим услугам! Я и эрцгерцог де' Роль, — он указал на второго юношу, — действительно родились и выросли в этих местах. Наши же спутники приезжие, но и кое-кто из них уже бывал здесь.

В диалог вступил мужчина, более зрелый и выглядящий гораздо старше, чем другие. Он был одним из тех, которых Беллона выделила ещё издали, самым высоким. Теперь она могла подробнее разглядеть его лицо; угрюмое, с глубокой складкой на переносице и небольшой бородкой. Сейчас он казался менее привлекательным, чем полчаса тому назад. Хотя у него была благородная, властная внешность, он был просто не во вкусе принцессы, которая сама того ещё не осознавала и поэтому некоторую неприязнь списала на то, что он держит себя очень напыщенно с ней.

— Разрешите, как самому старшему лицу, объяснить, кто мы и что мы собой представляем. Коли вы принцесса Феира, скорее всего вам должно знать об иноземных

визитах и дипломатических посещениях на вашу родину?

Беллона хотела перевести тему разговора, так как побоялась открыть свою абсолютную неосведомлённость в том, что творится дальше стен её части замка. Вместо этого, однако, просто помахала головой и пространно ответила.

— Я совсем немного знаю, в силу своего юного возраста, но, разумеется, интересуюсь моими подданными, да и, как будущая королева, собираюсь обучаться теоретической политике и положением в мире.

— Замечательно, это похвально. Так вот. Я — граф Джордан Льюмен, рыцарь ордена Стеллы Нордмунской. Я и мои шесть товарищей приехали с дружеским визитом. Мы, можно так сказать, послы с Олтерна. Только, так как с миром у нас, слава Богу, всё в порядке и войны нет, мы прибыли не к королю, а к принцу, в залог грядущих отношений наших планет, скажем так, новых, более крепких и родственных.

— Что ж, это замечательно. Могу я показать вам наш замок? Если хотите, я проведу вас по нашим садам и живописным уголкам. Таким образом, время за ожиданием Робина, пролетит незаметнее...

— Большое спасибо, ваше высочество, очень любезно с вашей стороны, уделить нам немного своего внимания.

Итак, Беллона направилась по широкой дороге к любимой роще своего брата. Её сопровождали девять статных спутников. Хотя она впервые имела такое окружение, для себя отметила, что ей приятно быть среди образованных мужчин, тем более единственной представительницей слабого пола. Более осведомлённые и опытные девушки, конечно же, позавидовали бы ей и сразу же начали кокетничать и строить глазки приглянувшемуся или показавшемуся самым милым юноше, но Беллона по своей наивности просто наслаждалась пищей ума и интересными беседами. Она даже не пыталась присмотреться в лица, фигуры, наряды; прохаживаясь по нефритовым плиткам и цокая своими маленькими туфельками, принцесса чувствовала себя как никогда счастливой, важной и самостоятельной. Ей казалось, что потихоньку наступает взрослая жизнь, даже не зная её признаков, она чувствовала её приближение. Слишком невинные и детские это были рассуждения, но, несмотря на них, беседу Беллона вела достойно и ни разу не упала в грязь лицом.

Хоть о жизни, как таковой, она почти ничего не знала, словарный запас и широкий кругозор делали ей честь. Самое главное, что она сразу для себя отметила, это то, что люди с Олтерна! О нём она много читала и слышала. Тридцать лет их планеты находились на грани войны, но это было в начале прошлого века. Потом отношения обострились до предела, когда дедушка Беллоны — Робин Второй, похитил эрцгерцогиню Олтерна и женился на ней. Тогда война почти началась, но перешла в «холодную», а затем в простое игнорирование. Друг для друга два этих космических объекта просто перестали существовать, хотя торговля и связи между ними были крайне важными для обеих сторон.

И вот, можно сказать, только последнее десятилетие стало окончательно спокойным и благополучным. Мир был необходим, но слишком хрупок. И, как говорили, жители этих планет как будто в крови чувствуют вражду и ненависть друг к другу. Что ж, Беллоне представилась возможность проверить это на себе, но пока она ничего такого не заметила. Она с удовольствием слушала рассказы о родине этих олтернцев, о том, как там у них, чем отличаются их нравы и традиции, об их короле Элиосе Третьем, принце Эдгаре и трёх принцессах Розе, Грейс и Бланке.

И только одну тему Беллона не могла, да и не хотела поддерживать — это сам орден, к

которому принадлежали эти знатные мужчины. Когда-то, ещё от самого дедушки, она слышала подробнейший рассказ о его возникновении, существовании, цели. О виновнице его основания — Стелле Нордмунской, вообще было столько легенд и сказок! Но почему-то, ещё тогда, в детстве, у неё возникли неприятные ассоциации с этой историей. Сейчас она даже не могла толком вспомнить, в чём же заключалась суть? Но какие-то жизненные принципы и мораль не позволяли ей соглашаться со всеми, кто относился с пониманием к этому ордену.

Даже то, что та легендарная женщина была родной прапрабабушкой принцессы, не вызывало у девушки уважения к ней. На памяти вертелись только какие-то строчки, что она была роковой, коварной и прославилась, собственно говоря, по причине того, что всегда уступала своим похотям, желаниям и жила так, как хотела, а не должна была. Из-за неё перессорилась добрая половина галактики, много лучших друзей, и остались у разбитого корыта большое количество несчастных девушек. И вот в её честь воздвигают орден, как женщине, которая была великой, прекрасной, всемогущей! И кто воздвигает? Брошенные же ей самой поклонники, страдающие от неразделённой любви!

Хотя, возможно всего этого бы не было, если бы она хотя бы умерла как все. Но нет. Когда ей было около пятидесяти лет, она бесследно пропала. В том возрасте она выглядела очень молодо, была по-прежнему несравненной и таковой осталась у всех, кто её знал, в памяти.

В принципе, это всё, что было достаточно знать порядочной девушке об ордене, чтобы не желать знать о нём большего. К расстройству Беллоны, о нём ей всё-таки приходилось слышать из уст её новых знакомых часто.

— Не знаю, в курсе вы или нет, но наш орден существует уже почти на десяти планетах! Он стал пользоваться огромной популярностью, хотя мне, как будущему магистру и главе нашего общества, обидно, что в него вступают молодые люди, не осознающие до конца смысла наших убеждений. Для них это как хобби, понимаете? Всё равно что сходить на охоту, провести музыкальный вечер... А как судьбу и порядок своего поведения они это воспринять не хотят.

— Очень соболезную вам. Наверное, нелегко вести дела вот такого ордена и следить за тем, чтобы не нарушали его основ?

— Совершенно верно, принцесса.

— Но девушке всё равно не понять мужских убеждений и трудностей, — послышался голос от одного из спутников Беллоны.

По остальным прошёл довольно-таки неодобрительный ропот. Высказывание было не то чтобы наглое, но дерзкое. Все остановились и разошлись немного в стороны, как бы давая понять принцессе, кто позволил себе вставить слово. В самом конце их прогулочной процессии стоял второй из тех, кого выделила Беллона, когда наблюдала со стороны за западным двором. В отличие от первого, этот ни на грамм не разочаровал девушку внешним видом, даже при близком рассмотрении. Одетый во всё чёрное, он смотрелся эффектнее всех других.

Золотая лента через всю грудь просто ослепляла — настолько она контрастировала с тёмным атласом. Он был жгучим брюнетом и со своим хищным взглядом напоминал коршуна перед броском на добычу. Осанка у него была ровная, но смотрел он как бы немного снизу.

Разговор снова возобновил граф Льюмен.

— Ваше высочество, это граф Дерек Аморвил, рыцарь ордена.

Когда его представили, он небрежно присел в реверансе. «Видимо, отличается самовлюблённостью и гордыней», — подумала принцесса, потому что нельзя было сказать, что он откровенно невоспитан, ведь придраться было не к чему. От этого человека просто шла какая-то энергия эгоизма. Странно было то, что при этом он не отталкивал, а притягивал к себе и вызывал желание к общению с ним.

Беллоне, пока ещё совершенно не разбирающейся в людях, он показался очень интересной личностью и заинтриговал. К тому же, в отличие от многих других, воспитанных в тех же условиях, что и она, у неё не было гнева и ярости оттого, что её перебили или во всём с ней слепо не согласились. Она воспринимала чужие точки зрения и любила послушать чьи-то размышления и рассуждения.

Все с облегчением вздохнули, когда девушка ещё более мягко и дружелюбно, чем раньше, обратилась к Аморвилу.

— Вы считаете, что женщинам не дано понять мужчин?

— Отчего же, дано, но не всем и не всех, ваше высочество.

— Логично, граф, а я, как вы считаете, не могу сейчас понять, о чём идёт разговор?

Создалось трудное положение. Никто не знал, как бы потактичнее вывести из него графа и принцессу, чтобы никто не остался обделённым или обиженным. Аморвил продолжил сам:

— Я слишком мало знаю вас, принцесса, чтобы ответить на такой вопрос. Но с удовольствием побеседовал бы с вами на эту тему как-нибудь.

— Мне бы тоже это показалось увлекательным. Надеюсь, это будет когда-нибудь возможным.

По этикету, незамужняя девушка не имела права проводить время с мужчинами тет-а-тет, даже если это был близкий друг или деловой визит. Поэтому, в принципе, наметившийся разговор откладывался, как минимум, до замужества принцессы. До тех пор она не могла вести свободные дискуссии на вольные темы, выбранные ею же самой.

Беллоне же сейчас больше всего на свете хотелось, чтобы то далёкое время настало как можно скорее. Ещё не понимая, почему и из-за чего, она не могла отвести взгляд от этого дворянина. Впервые перед ней был настолько смелый, изысканный и вызывающе мужественный оппонент. Внутренний шарм завораживал и надолго вкладывал в память Дерек Аморвила. Немного мрачный облик придавал пикантной таинственности его особе.

К крупнейшему разочарованию Беллоны, прогулка закончилась, так как Робин показался на горизонте в сопровождении двух лакеев и при полном параде. Поведение брата показалось вполне обычным и спокойным принцессе; он не спрашивал отца о ней и её странном появлении на его территории. Но как же она сейчас его не любила! Почему он не мог заняться чем-нибудь ещё? Подольше походить по замку, найти себе дело на несколько часов, например? Ей так хотелось побыть здесь ещё, хотя бы совсем немного. Просто поболтать.

Она не просила многого. Как странно было чувствовать такую внутреннюю взбудораженность и беспокойство. Какое-то странное, доселе не знакомое ощущение, что сейчас ей будет чего-то не хватать.

— Друзья мои, король предложил нам направиться в одно совершенно замечательное место! Там вы не только лучше прочувствуете культуру нашей жизни, но и мы сможем поговорить обо всём, что волнует наши государства.

Беллона остановилась с застывшим, но, по-прежнему, милым выражением лица.

— Благодарим за компанию, ваше высочество, — объявил всё тот же граф Льюмен, — нам выпала большая честь побывать на планете, которая возвращает такую прекраснейшую принцессу.

— Я тоже была рада знакомству. Вполне возможно, мы ещё встретимся. До свидания, господа!

С этого момента тихий омут мира девушки был потревожен. В её душе появилось что-то, что начало с каждым днём, понемногу, менять её поведение и... судьбу.

Глава 2. "Вечер"

Как всегда, во все времена и при всех дворах, ничего не удерживалось в тайне или хотя бы маленьком секрете даже до темноты. Через час после какого-либо события слухи начинали распространяться, а осведомлённых людей становилось всё больше. Переполох могли раздуть даже из самой мелочи! И чем она была незначительнее с утра, тем крупнее становилась к ночи. Самой главной особенностью в этом механизме было то, что каждый новопосвящённый считал своей обязанностью, как бы невзначай, добавить свежий штрих и что-то от себя. А если эта история была хоть сколько-нибудь завораживающей или захватывающей, то можно было ещё и приобщить себя к действующим лицам.

Когда Беллона шла к себе в покои, она уже и не думала о незаметности. И если бы была в состоянии, то с радостью отметила, что ей не встретилось почти ни одной живой души, а те, кто всё же повстречались, не обратили ровным счётом никакого внимания.

В каком-то туманном сознании она дошла к себе в спальню и забралась под альков. Через час к ней должны были прийти служанки, чтобы одеть к обеду, а на столе стоял ещё не тронутый завтрак. Девушка, как можно быстрее постаралась помочь исчезнуть еде с серебряного сервиза, чтобы не было расспросов, почему у неё нет аппетита, и не приболела ли она? Как раз сейчас-то она была абсолютно уверена в своём здоровье. Такого парения мыслей где-то над всем обыденным и земным у неё ещё никогда не было. Сердце трепетало, и было не понятно: от приятного ли волнения или от чего-то недосказанного, недопонятого, несконченного, в конце концов.

Дожевывая кусочек омлета, Беллона закрыла глаза и снова, в тысячный раз воспроизвела все черты лица графа Аморвила. Для себя она поняла, что влюбилась с первого взгляда. Первый раз, и с первого взгляда. Забавно. Только ей не хотелось, чтобы об этом узнал хоть кто-нибудь. Это было её открытие, поднятие вверх на одну ступеньку своих знаний о чувствах и людях.

Принцесса потянулась к прикроватному столику и открыла крошечный ящичек, потянув за миниатюрную позолоченную ручку. Там лежала толстая тетрадка. На обложке крупным шрифтом, хоть и довольно-таки потёртым временем, было написано «Дневник».

Беллона вела его уже четыре года. Туда она записывала всё, казавшееся ей непонятным, примечательным или забавным. В последнее время там даже появлялись стихи. Девушка была довольно-таки поэтичной и имела некоторый талант в этом деле. Но до сих пор их смысл не уходил дальше описания красот природы, или возмущений над несправедливостью и жестокостью, которую иногда приходилось наблюдать по отношению к низшим слоям общества. Что ж, теперь на этих листках появится кое-что новенькое. Поставив число, принцесса изящными буквами вывела всё, что произошло с ней за последние часы; нестрашное (теперь, когда всё уже было позади) нарушение этикета, прогулка, встреча, знакомства, вернее знакомство...

«Ах, да, почти забыла, — гласили появляющиеся на бумаге слова, — баронесса фон Даберлэф и графиня Перфери, действительно лицемерки. Мерзкие и противные. Может кому-то они и по вкусу, но не мне. Я больше понимаю Алису Тревор, которую они так не любят. Она единственная, искренняя и преданная подруга моей матери.

Но всё это отходит на второй план. Это не мои заботы. Там моего мнения никто не

слушает. А вот граф Дерек... нет, просто Дерек. Здесь я могу позволить себе назвать его, как давно знакомого человека. Он занял все мои мечты. Не ждала от себя такого легкомыслия. Всегда старалась и стремилась думать о других и печься об их благополучии, а теперь вот, только о своём будущем...».

Опустив веки и откатившись на мягкие подушки, Беллона продолжила фантазировать о том, как она снова встретится с графом. Но, так как она была всё-таки более реалисткой, нежели романтической девушкой, ей приятнее и легче было вспомнить их состоявшуюся встречу, пару фраз, которыми они обменялись, его горящий взор. В нём столько всего содержалось, но только понять этого принцесса была не в силах. Она совершенно не знала, о чём думают молодые люди, об их увлечениях, предпочтениях. Раньше ей это было ни к чему. Да и неоткуда было взяться такой информации; среди подруг-ровесниц, матери и вымуштрованных гувернанток, которые лишнего слова не проронят, кроме запланированных занятий, мужскому мнению было не место. Отец и брат почти никогда с ней не разговаривали. Так, спросить о настроении, пошутить; один по-доброму, другой язвительно. Иногда были разговоры с целью подготовить её к тому, что её ожидает: семейной жизни на другой планете, замужеству с незнакомым человеком, так как жених ещё был не выбран. Но и это чаще объясняла Веста, а не её муж.

Запутавшись в доводах, понятиях и суждениях, Беллона задремала, но была сразу потревожена открывшимися дверями и вошедшими в комнату мадам Бланж с тремя помощницами. Одна несла парикмахерские принадлежности, вторая наряд, третья две коробки, по-видимому, с туфлями и драгоценностями.

— Ваше высочество, рада, что с вами всё в порядке. Я видела, как вы вернулись и вошли к себе. Но вид у вас был немного озадаченный, и я не стала сразу вас беспокоить.

— Спасибо, вы правильно сделали. Который час?

— Половина первого. Вставайте, будем готовиться к обеду.

Принцесса с неохотой поднялась. Снимая помявшееся платье, она, по-прежнему, не могла сменить направление своих дум. Как странно, когда в один момент, всё вокруг начинает сводиться к одному и тому же. Что бы ни окружало тебя, непременно ассоциировалось с единственным человеком. В каждом закоулке притаилась его тень, всё время напоминающая о себе.

Оценив то, что нужно было сейчас надеть, Беллона невольно отметила неудобства жизни важной персоны. Для простого употребления пищи в относительно узком кругу, нужно было заковать себя в корсет, тяжёлые юбки, узкие рукава, и воздвигнуть такую причёску, что наклониться к тарелке будет большой проблемой. Но это помогало спине всегда быть прямой и выглядеть поистине величаво. Хотя кому это было демонстрировать?

Как удручали эти церемонии и великосветский этикет! Взять бы это всё и отменить, как пережитки неразвитого прошлого. Сколько молодых девушек томилась и скучали, теряли свои самые бесценные годы под влиянием кем-то установленных правил! На примере своего брата, Беллона знала, что юношам приходилось не так тяжко. Им было позволено практически всё. Гулять, веселиться, набираться опыта, отваги и других, положительных для зрелого мужчины качеств. Правда, Робин-младший слишком усердствовал в этом всё, подчас за неделю пробуя больше, чем другой бы попробовал за половину своей жизни. Тяга к неизведанному была у него в крови. Все короли Феира отличались крайней неосмотрительностью до самых солидных лет. Когда речь шла о государственных делах, они, несомненно, брали себя в руки и делали всё, что нужно и положено, но вот в своей частной

жизни их понять было невозможно. Авантюрные, непоследовательные, азартные и эксцентричные — это далеко не весь список свойств характера, которыми обладали эти яркие особы. В этом было их очарование и неповторимость. Неугасимое желание успеть везде и всегда, побывать там, где другие не были, и сделать то, что другим не то что не под силу, а просто не хватило бы ума подвигнуться на такое. Спонтанной решимости им было не занимать. Некоторые даже завидовали умению жить так легко и без проблем, когда вокруг всё не так гладко.

Все мужчины рода Карлеалей, из которого и был отец Беллоны, были таковыми. Девочкам это передавалось редко.

Оба брата Робина Третьего были такими же бесшабашными, даже теперь, когда женились и стали королями где-то в других системах.

Антонио Карлеалу зимой исполнилось пятьдесят лет. Он, как и другие братья, выглядел значительно моложе, держался бодро и имел неиссякаемое чувство юмора. Развлечениям, праздникам и гулянкам с друзьями он предпочитал только одно — женский пол и всё, что с ним связано. О его похождениях до женитьбы знало полмира. Его неугомонная любовь к прекрасному прославилась так сильно, как только можно было. Его незаконных отпрысков трудно было всех найти, даже если бы очень захотелось.

Этому трудно было удивиться, поскольку он был красив собой. Высокий, стройный с обезоруживающей улыбкой и набором завораживающих фраз и комплиментов. Какая девушка могла противостоять этому Казанове? Вот только свадьбу ему всё же пришлось сыграть, и не с абы кем, а с королевой, как и подобает рождённому герцогом. И то, он сопротивлялся нарушению своей свободы и концу холостяцкой жизни ветреного соблазнителя. Только на тридцать шестом году он решился разбить вдребезги все свои принципы и установки; встретила по-настоящему достойная наследница с завидным приданным. Но даже не её богатство, а она сама более привлекла Антонио. Так получилось, что у этой чаровницы, которая была на одиннадцать лет его моложе, оказалось хитрости и ловкости много больше, чем у всех его предыдущих увлечений и пассий. Сумев приручить такого закоренелого бабника и ловеласа, она заставила уважать себя. Однако, с виду, в этой паре всегда главным был он, а она всегда была его отражением и милой спутницей. Стараясь переводить всё внимание на него, она оставалась немного в стороне. В общем, применяя женские уловки и мудрость, сохраняла их брак крепким, надёжным и удачным уже на протяжении четырнадцати лет и продолжала делать это вполне успешно.

Второй брат — Вильгельм Карлеаль, был сорока шести лет о роду. Он был немного спокойнее и проще старших. Остепенился он так же раньше них, в двадцать девять лет. Познакомился с кроткой, нежной королевой, приходившейся ему двоюродной племянницей, и предпочёл её всем былым вольностям и страстям. Сивилла была вдумчивой, тихой и спокойной. Она не стремилась к блистанию на балах, известности и авторитету где-то в обществе. Ей достаточно было счастья своих подданных и своего личного; хороший правитель и верный спутник жизни обрёл себя в лице Вильгельма. Он действительно стал таким рядом со своей супругой. Их безмятежное проживание проходило в Солнечной системе, на маленькой планетке, далеко от Феира, но Беллона хорошо знала эту семью, их дочь — её ровесницу, и дядю с тётей. Они почти каждый год бывали у них, не забывали писать и всегда присылали подарки на праздники.

Принцесса была готова к обеду, и последний раз взглянула на своё отражение в зеркале

на туалетном столике. Что ж, пожалуй, в этой чопорности, стильной изящности и ухоженности что-то было. Беллоне шла высокая причёска со спускающимися на плечи локонами. Шея у неё была тонкая и хорошо смотрелась с маленьким воротничком, не доходящим до её середины. Лимонное платье вышитое речным жемчугом делало девушку немного старше своего возраста, хоть и было к лицу.

— Идёмте, мадам Бланж. Кажется, приготовления закончены?

— Да, конечно, идёмте, ваше высочество. Позвольте заметить, что вы замечательно выглядите.

Прислуга разбежалась, оставив принцессу с её наставницей. Они незамедлительно направились в главную столовую, в центре замка.

Несмотря на то, что оставалось пять минут до начала, Беллона не торопилась и прогулочным шагом шла к месту назначения. Король был не таким ярым защитником пунктуальности и поклонения пищи, чтобы заботиться о чьём-то опоздании к столу. Он всегда находил, что поделать в свободное время. Начинал оживлённую беседу, рассказывал смешные истории, развеивал обстановку.

Когда лакеи растворили две тяжёлые двери в столовую, почти все уже были там. Тут Беллоне пришла мысль, что её брат может затронуть утреннюю тему, но, почему-то, это её не испугало, а напротив, показалось заманчивым. Если он что-нибудь упомянет о гостях государства, то будет возможность поинтересоваться, где они сейчас, чем занимаются, какое она произвела на них впечатление? Но, увидев, что на его персону не накрыто, поняла, что он ещё не вернулся с прогулки, возможно, действительно деловой. Стало быть, и оправданий себе, пока, придумывать не надо. Но огорчение взяло верх. Ей было бы приятнее всё же поговорить о том, что ей было любопытно.

Беллона заняла своё место. Мадам Бланж встала позади её стула, чтобы, как всегда, говорить, что не так и поправлять её при каждом удобном случае. По правую руку от принцессы сидела королева, она уже приступила к еде и безучастно смотрела на присутствующих, пытаясь не слушать очередные финансовые диалоги между Робинот Третьим и его советником, первым министром Стенли Фиерманом. Он всегда ел вместе с ними, как член семьи, так как был доверенным лицом короля. Кроме него за столом так же была чета Треворов, графиня и её муж Бруно, консул и посол во все зарубежные, деловые поездки важные для Феира. Бруно был ответственным за многое, политическим деятелем.

Алиса же была лучшей подругой Весты с самого детства, подругой, которую она привезла с собой со своей родной Эриды, когда вышла замуж. Они не захотели расставаться и поэтому прибыли вместе более четверти века назад. Каждая смогла найти себе счастье в новом доме, и они по-прежнему были неразлучны. Но из-за такой дружбы возникала зависть тех, кто хотел сильнее войти в доверие к королеве. К счастью, никому не удавалось ничего сделать с этим, и Веста с Алисой оставались дорогими друг для друга людьми.

Последней участницей обеда была Мария Карлеаль, эрцгерцогиня Феира, внебрачная дочь Антонио. Её мать не носила титулов и званий, она была простой купчихой, но Антонио, когда ещё был герцогом и жил здесь, не оставил девочку без средств к существованию и признал своей. Девушке было девятнадцать лет. Её принимали, как свою, и другие родственники, смело приглашая на званые ужины и широкие мероприятия, когда это было внутреннегосударственно. Когда же речь заходила о более крупных встречах и празднествах, только тогда она была нежелательной гостьей. В крайнем случае, ей отводилась роль посторонней наблюдательницы, но не больше. Несмотря на это, Беллона всегда

поддерживала её и водила с ней самую тёплую дружбу. Мария была самой близкой принцессе и только ей она могла доверить свои сокровенные желания.

Так и сейчас, принцесса захотела поделиться именно с ней событиями, которые произошли. Она знала, что Мария никому ничего не скажет и поймёт её. Как человек более взрослый, она могла так же дать какой-нибудь совет. Ведь она часто жила в городе, у матери, а там была неограниченная свобода общения с кем угодно. У неё были друзья, юноши, с которыми она вместе училась в экономическом институте, куда допускались девицы, но не допускались дворяне. Учиться вместе с молодыми людьми девушке голубых кровей считалось ужасным нравственным падением. Мария же, пускай и одарённая титулом эрцгерцогини, осталась где-то посередине между родовитой и безродной, что одновременно давало больше свободы в одних местах, и сужало возможности в других. Хотя она и не бедствовала, благодаря отцу, но всё же собиралась продолжать в будущем дело матери — заниматься торговлей и самой обеспечивать себя. К тому же замужество с дворянином ей было не суждено, несмотря на титул, её незаконнорожденность ставила серьёзное пятно на репутацию и её кандидатуру невесты. Между тем она была очень обаятельной и контактной, что делало из неё приятную собеседницу, поэтому насчёт жениха Мария не беспокоилась, просто пока он ей был не нужен. Учёба и помощь родительнице была на первом месте. А всё свободное время, которое она проводила во дворце, не давало ей заводить отношения с молодыми людьми своего социального круга.

Но такой распорядок устраивал девушку, и она не желала ничего менять. Так было проще. Все выходные в замке, будни — в городе, за книгами, с тетрадками. Дома — развлечения с подругами после занятий, а здесь — прогулки с принцессой и её фрейлинами, болтовня и придворные сплетни. Нужно отметить, что Мария относилась к Беллоне очень тепло, так же, как и та к ней. Хотя принцесса была не лучшей её подругой, во дворце это был самый близкий ей человек. Им нравилась друг в друге честность, прямота, и одинаковое понимание и восприятие мира. Их идеи во многом были схожи, они обе старались помочь тем, кому было трудно. Очень тонкие и чувствительные натуры, они никого не оставляли в беде, но так как от них, пока, в этой жизни мало что зависело, их забота и ласка в основном вымещалась на питомцах, вроде кошек, собак и птичек.

За столом они разговаривали тихо, их мнения всё равно редко разделялись присутствующими. А советник отца и вовсе мог сказать что-нибудь вроде того, что Беллона не понимает ничего и все её фантазии по поводу лучшей жизни бедных или плохо обеспеченных сушая утопия. И заниматься улучшением благополучия населения — неблагодарный труд, так как рабочие просто не умеют распоряжаться своим капиталом и правильно пользоваться деньгами.

К тому же, на планете Феир вовсе не стоял острый вопрос по поводу трудной жизни большого количества народа, просто Беллоне казалось, что часть имущества знати можно было бы разделить между существующими нищими, так было бы честнее.

— Мария, мне нужно сказать тебе кое-что после обеда. Ты пойдёшь ко мне?

— Хорошо, Белл. Что-то случилось или просто хочется погулять и развеяться?

— И то, и другое. Мне нужно узнать, что ты думаешь по одному поводу. Это важно.

— Очень?

— Относительно. Сейчас меня кроме этого ничего не волнует. Просто не терпится уйти быстрее отсюда...

В перешёптывание девушек вмещалась королева.

— Беллона, я бы хотела, чтобы ты пришла ко мне сегодня же вечером, около шести часов. У тебя нет занятий?

— Нет, мама, нет.

— Тогда ты придёшь?

— Как скажете, что-то случилось?

— Ничего серьёзного, поговорим, когда настанет время.

Все снова наклонили головы к своим блюдам и так и закончили трапезу под монотонное разглагольствование короля по поводу, и без повода.

Мария и Беллона зашли в покои и прикрыли за собой дверь. Принцесса присела на свою кровать, осторожно подобрав юбки, а подруга опустилась на низкий стульчик из светлого дерева. Оказавшись друг напротив друга, девушки улыбнулись.

— Давай, Беллона, рассказывай, что ещё стряслось?

— Да, ничего существенного, к сожалению...

— К сожалению? И это я слышу от нашей любительницы спокойствия, мира, тиши и глади? Ну, что ты опустила глаза? Выкладывай проблему, чем смогу — помогу.

— Ладно. В общем, проблемы-то и нет, есть некая ситуация. Сегодня утром, я, как и всегда, вышла прогуляться. Но сегодня рядом не оказалось ни одной моей знакомой, и служанки спали. Я оказалась одна. Мне понравилось моё уединение, и я не захотела его портить, позвав кого-нибудь для сопровождения. Далее я не разобрала, куда мне идти и как-то так случайно, сама не знаю как, шаг за шагом очутилась на западном дворе, где находилось несколько мужчин...

— Ты беспокоишься по поводу того, что столкнулась с мужчинами?

— Да нет же! Дослушай. Я вовсе не застеснялась их, хотя, признаюсь, поначалу такие ощущения присутствовали. Я познакомилась с ними. Меня представил Робин. Не делай такой удивлённый вид! Я тоже не поняла, почему он так вежлив и любезен. Просто это были люди, при которых нельзя себя было вести иначе. И вот, среди этих мужчин, я увидела одного, не похожего на всех остальных, не такого обычного, как они, совсем другого... Он выделялся.

Возникла пауза. Беллона, казалось, снова ушла в свои мысли и отвлеклась от того, что её окружало. Мария ждала продолжения, но, не дождавшись, нарушила молчание.

— Он тебе понравился и ты думаешь, что ты влюбилась?

— Я бы могла сказать, что влюбилась, но, во-первых, я не знаю, как любят, мне раньше никто не нравился и даже не был симпатичен, а во-вторых, мне бы не хотелось тратить на это время и я бы хотела просто выкинуть это из головы, суметь перестать думать об одном и том же. Мне кажется странным, что я не могу совладать с собой.

— Ничего тут странного. Белл, это же вполне нормально! Так и должно быть!

— Ты считаешь? Неужели влюблённые люди такие ограниченные и с этим ничего не нужно пытаться сделать?

— Это свойственно людям. Зачем подавлять в себе эмоции и то, что заложено в нас природой?

— Наверное, ты права.

— Подумай хорошо над этим всем. И не нужно стараться выкинуть его из головы. Если суждено, всё само пройдёт, если нет, тогда поговорим. Как зовут его хоть?

— Дерек, граф Дерек. Красивое имя, правда?

— Да, запоминающееся...

— Такое же, как и он сам.

— Ууу, да ты уже им просто гредишь.

— Ах, Мари, не упрекай меня, я ведь не специально...

— Смотри, тебе же лучше, если у тебя всё-таки получится взять себя в руки.

Интересоваться — интересуйся, но не больше. В конце концов, вы все равно не пара. Тебе придётся выйти замуж за того, с кем тебя обручат. И он тебе неровня. Что такое граф для принцессы такой крупной планеты, как Феир? Маленькая букашка...

— Ну, не такая уж он и букашка. Он очень красивый, видный...

— Наивная моя, кого волнуют его физические качества? Если у него нет за душой собственного королевства, он может быть свободен.

— Да, конечно, я понимаю. Спасибо, что вовремя открыла мне на всё глаза. Я пересмотрю своё отношение к тому, что мне нужно делать.

— Рада помочь. Может быть, пойдём, пройдемся?

— С удовольствием!

Девушки поднялись со своих мест и направились на выход. Беседа стала более непринуждённой; они весело хохотали и смеялись. Проходя по многочисленным залам, они говорили обо всём, но Беллона часто сводила тему к мужчинам. Ей была нужна информация, хоть какая-нибудь, и Мария была прекрасным источником. Как оказалось, она очень много общалась с юношами, и довольно-таки близко. У неё были друзья, хоть и не дворяне, но достойные представители сильного пола. Странно, и как это раньше Беллона не удосуживалась поговорить обо всём этом? Было так увлекательно слушать, как Мария ходила на свидания, бегала с однокурсницами к мальчишкам в гости, тайком от своих родителей. Почему она раньше не рассказывала всего этого? Видимо считала, что принцесса ещё не «созрела» для такого. А теперь, когда Беллона сама заводила разговор, подруга смело могла открыть все стороны своей жизни, более взрослой, чем её младшей спутницы. Теперь они могли общаться более откровенно, и Мария была рада этому факту, ведь так они становились с Беллоной ещё ближе, без запретных тем, секретов и тому подобного.

— Мари, пойдём к Габриэль? Нужно вытащить её из душевной комнаты, скорее всего опять скучает в окружении своих кошек. Да и нам с ней будет лучше, она расскажет что-нибудь новое. Я ещё толком не общалась с ней с тех пор, как она вернулась с родителями из своей усадьбы.

— Хорошая идея, я тоже соскучилась по нашей выдумщице. Уж она нам не даст сидеть сложа руки.

Габриэль Нови, графиня Леонверден, была наследницей большого поместья Леонверден, что находилось в пятистах километрах от королевского дворца. Ей было почти семнадцать; поздняя и единственная дочь уважаемых родителей, желанная гостья при дворе. Довольно притягательная внешне и не пустая внутри, она была самой хорошей подругой Беллоны, возможно была бы лучшей, если бы они встречались чаще, чем принцесса с Марией. Всегда в приподнятом настроении и бодром состоянии духа, Габриэль была центром их компании и подателем всех идей, задумок, проказ. Родители, граф Гордений и графиня Элерона, часто увозили своё чадо подальше от шума, многолюдности и праздного времяпрепровождения. Они надеялись сделать свою дочь более покладистой, смиренной, привить ей любовь к искусствам и наукам, но всё было напрасно. То, что заложено от рождения, подавить трудно, практически невозможно. Продолжая оставаться неусидчивой,

громкой, поддающейся своим эмоциям, Габриэль по-прежнему доставляла массу проблем и забот старшим. Королева даже как-то высказалась, что юная виконтесса плохо влияет на принцессу, после чего ту отправили в закрытую школу для девочек на четыре месяца. Однако Беллона просила отца вернуть свою любимую фрейлину, и тот с радостью согласился, так как имел слабость к задорным личностям. Ему была по душе озорная девушка, которая не редко давала о себе знать. Иногда она вытворяла что-нибудь эдакое, над чем король долго потешался.

И вот, два дня назад, Габриэль вернулась со своим отцом ко двору. Её мать осталась в поместье. Она была уже в преклонном возрасте и только по необходимости совершала дальние переезды. С приближением старости Элерона всё меньше придиралась к поведению дочери, а теперь, впервые, отпустила её без своего сопровождения.

Виконтесса была как никогда рада такому событию и приехала счастливой и готовой к новым приключениям и забавам. Вся в ожидании чего-то невероятного, она собиралась, как только немного отдохнёт от тяжёлой дороги, сразу же, не теряя понапрасну драгоценных часов, вытащить своих подруг на какую-нибудь прогулку в окрестности. Ей ужасно хотелось устроить пикник, где-нибудь на берегу живописной речки, находящейся поблизости, развлечься, возможно, даже устроить благотворительную ярмарку. Она знала, что принцесса поддержит этот её благородный порыв. На ярмарку могло съехаться много народа! Туда бы приехали бродячие артисты, или известные музыканты и певцы. Столпотворение: торговцы, фокусники, циркачи; люди всех профессий соберутся, чтобы показать себя и посмотреть на других. Вот такие грандиозные планы строила Габриэль, сидя у себя в покоях, когда её побеспокоил стук в дверь. Она немного разозлилась на неожиданных гостей, потому что очень тщательно хотела всё продумать, до деталей и мелочей. И кому нужно было заявляться к ней именно сейчас?

подавив вспышку гнева, девушка развернулась к дверям и выкрикнула:

— Кто там? Вы можете войти...

В комнату, хихикая, вбежали принцесса и Мария.

— Габриэль, с приездом!

Все трое крепко обнялись, а виконтесса, как всегда более эксцентричная, запрыгала от восторга, что увидела своих подружек.

— Это вы! Я так рада, что вы сразу пришли ко мне! Грустно было без вас... В Леонвердене одни провинциалки, с ними и поговорить не о чем! Рассказывайте, что тут творится, как у вас делишки, чего нового?

Первая ответила эрцгерцогиня.

— У меня началась пора экзаменов, то, что другие студенты мученически называют «сессия». Нужно готовиться, если не сдам хоть что-нибудь, меня не переведут на третий курс. Кроме этой, вроде бы, новостей никаких.

Она перевела взгляд на Беллону, как бы выжидая, захочет ли та поделиться своими переживаниями с Габриэль. Принцесса хотела, но растерялась и, не зная, как завести разговор, решила поинтересоваться делами недавно прибывшей.

— Как ты сама? Тебя не было два месяца! Ты немного выросла...

— Правда? Я не заметила. Но, действительно кое-что изменилось...

Габриэль заговорщически улыбнулась и заговорила шёпотом.

— Должна вам сообщить — я поцеловалась! Первый раз!

— О, как это произошло? Габи, ты же сказала, там были одни провинциалы? —

изумилась Беллона.

— Ну, в большинстве своём — да, но у нас устраивались вечера, приезжали соседи, бароны, маркизы...на один такой светский раут приехал маркиз, с очень и очень симпатичным сыном. Ах, он был такой изысканный, галантный. Весь вечер рассказывал ироничные истории. У него такое чудесное чувство юмора! Он так живо вёл беседу, что своей эрудицией затмил отца! Потом гости стали расходиться, мужчины ушли в курильню, мать стала провожать тех, кто уезжал, и отдавать распоряжения слугам по размещению гостей, которые оставались на ночь и дольше. Мы с Сильвио, да, его звали Сильвио, так вот, мы с ним воспользовались тем, что про нас забыли. Проверив, что за нами никто не следит, и мы никому не понадобятся ближайшее время, мы вдвоём ушли на улицу.

— Боже, Габи! Как у тебя хватило смелости на такое? — только и смогла из себя выдать принцесса, обескураженная столь безответственным поведением. Теперь она, кажется, начинала понимать, что именно так возмущало родителей виконтессы...

— А что такого? Вечер был просто великолепный! Тёплый, безветренный...звёзды были такие огромные и яркие, что казалось, будто они висят над самой головой! Мы пошли по тропинке, спускающейся к морю. Там цвели магнолии и каштаны, их аромат просто кружил голову! Чем ближе я и Сильвио подходили к берегу, тем больше шум воды не давал нам слышать друг друга. Пришло к тому, что слова стали не нужны, и тогда всё и произошло...

— Как романтично! — добавила Мария. — У меня всё было совсем иначе...

— Ты тоже уже встречалась так близко с молодыми людьми? — в негодовании воскликнула Беллона.

— Само собой, мне ведь уже девятнадцать лет! Что ты хочешь, что бы я была скромной затворницей, старавшейся избегать мужское общество? Так?

Возразить было нечего. Одна против двух... Теперь уже принцесса чувствовала себя ненормальной. Наверное, они были правы, а она нет. Почему у неё не было возможности жить так же? Если бы ей дали хоть каплю их свободы, скорее всего всё случилось бы аналогично. А может, просто прежде у Беллоны не было желания к таким поступкам? Ей ведь никогда строго настрого не запрещал общаться с юношами. Ей объясняли, что положено по этикету — что нет, что красиво, а что и неприлично. Видимо, боясь переступить тонкую грань, принцесса вовсе отказалась от вольностей.

— Нет, я так не думаю. Лучше расскажи, как это было у тебя?

— Смешно вспомнить. Это был не дворянин и не вельможа. Соседский мальчишка...я до сих пор иногда с ним встречаюсь. Он зашёл в магазин моей матери. Мне хотелось с ним поболтать, но чтобы он не занимал места у прилавка и не мешал посетителям, я его отвела в подсобку. Внезапно вернулась мама, и я, боясь, что она нечаянно зайдёт туда, найдёт постороннего, и будет ругаться, стала сама выполнять всю работу и бегать за товаром. Вот мы и столкнулись вместе в темноте...

— Да, немного не хватает лиричности моей истории, — засмеялась Габриэль, — Но каждому своё.

После короткой паузы, Беллона произнесла:

— Может, всё-таки уйдём отсюда? Чего сидеть в замкнутом пространстве, когда такая погода разыгралась! Солнце уже не в зените и не печёт так сильно, как ещё час тому назад. Вставайте, идём!

Габриэль убрала со своих колен большую пушистую кошку. Это была её фаворитка, белоснежная Ромашка. Редкостной красоты животное, умное и всё понимающее, оно почти

всегда было рядом с виконтессой. Огромные, круглые голубые глаза, смотрели с доверием и нежностью на хозяйку. Ей было четыре года, и всё это время за ней ухаживали, как за неприкасаемой персоной. Привыкшая к людскому обществу, она, казалось, слушает и запоминает всё, что творится вокруг неё.

Потревоженная и проснувшись, она медленно перебралась на бархатный пуфик в тенистом уголке, подальше от окна. Не обращая внимания больше ни на что, Ромашка бесшумно свернулась клубком и снова уснула.

Девушки поднялись и направились на улицу. День на самом деле выдался прелестный. Недостаток был только в том, что окружавшие со всех сторон стены дворца не давали проникать ветерку, и он, не достигнув цели, так и оставался кружить снаружи. От стоявшего из-за этого на месте насыщенного запаха роз, было полное ощущение лета, хоть на дворе и стояло семнадцатое мая. Над бутонами пролетали пчёлы, привлечённые сладким ароматом.

Подруги нашли самое прохладное место восточного двора — резную беседку под кронами ивы и двух тополей. Старые деревья полностью накрывали ветвями находившихся внутри от посторонних наблюдателей. Усевшись на лавочку, они продолжали разговор. Обсудив всё мыслимое и неммыслимое, тема, так волновавшая Беллону, всё же была затронута и она наконец-то поделилась всем и со второй, близкой по духу, подругой. Габриэль очень заинтересовалась всем этим. В частности по причине того, что эта была возможность подбить принцессу на какие-то действия. Можно было устроить поиски этого молодого человека! Всё происходило здесь, рядом, события были прямо под носом, далеко и ходить не нужно. Приезжие, гости... с ними было бы любопытно познакомиться и ей, Габриэль. Девушка не любила долго упиваться воспоминаниями и довольствоваться чем-то, что было где-то и когда-то. Настоящее её влекло куда сильнее. Уже почти позабыв о Леонвердене, она прогнозировала приближающиеся перемены. Нужно же было так во время вернуться!

Теперь главной задачей было убедить Беллону, что это всё достойно внимания! За счастье и развлечения нужно бороться. Под лежащий камень вода не бежит. Шевелиться было необходимо для нормальной, цивилизованной молодой жизни! Габриэль не могла по-другому, её судьба всегда сводилась к тому, что всё вокруг било ключом.

Если тот парень смог разбудить в принцессе интерес к себе, значит, он представлял собой что-то неординарное. Было заманчиво посмотреть на него. Среди его друзей и себе можно было найти ухажёра. По словам Беллоны они все были знатные вельможи. А если ещё и состояли в том же ордене, то соответственно у них были те же интересы, увлечения. Значит, они так же были личностями особыми. Решено, этим нужно заняться.

Тут возникло столкновение двух мнений.

Мария была категорически против выдумок Габриэль. Уверенность, что увлечение не равным по рождению приведёт не только к неприятностям, но к проблемам и лишним хлопотам, не выходила из её головы. Ей казалось, что всё это ненужные старания и траты сил с нервами. Со времени последнего разговора наедине с Белл, эрцгерцогиня утвердилась в своих убеждениях. Оставалось уговорить порывы двух своих младших подруг. Но это не было так уж просто, ведь Габи по натуре привыкла побеждать и ни от чего не отступать, а принцесса находилась в состоянии неведения. Она не знала, к кому прислушаться? Что стоит предпринять? Или, напротив, нужно безвольно подождать, что случится дальше, само собой, без её участия.

Наследница Леонвердена продолжала настаивать...

И пока Беллона не могла взять в толк, что же от неё требуется для правильно выбора, часы на главной башне пробили шесть часов. Боже, она же должна быть у королевы! Как же они засиделись! Вот так всегда начинало происходить, когда появлялась наследница графства, легкомысленная Нови. Принцесса сбивалась с привычного ритма жизни, режим и расписание дня шли кувырком. Всё вокруг путалось и становилось другим.

— Девчонки, мне пора, извините! Встретимся завтра, сегодня, скорее всего, уже не получится, я опаздываю к матери. Всё, пока!

Она подхватила подол длинного платья и побежала в северное крыло. Морально готовясь к выговору, она всё прибавляла и прибавляла скорость, перепрыгивая через ступеньки, что было довольно сложно делать с её нарядом. Волосы выбивались из-под бриллиантовой заколки и падали на лицо. Принцесса почувствовала себя не в своей тарелке во всём, что на ней было надето, но, всё же, остановившись перед дверью в покои матери, привела себя в порядок, поправив одежду и уложив причёску.

— Мама, ты хотела меня видеть?

— Да, проходи, дочка.

По кивку Весты, женщины, находящиеся в комнате, бросили свои занятия, и вышли; пряжа, вышивка, корзины с нитями — всё осталось наспех собранным лежать на стульях, которые только что занимали фрейлины. Баронесса фон Даберлёф, как всегда, пренебрежительно прошла мимо принцессы, а графиня Перферио даже смерила злобным взглядом, и только после этого, высоко подняв голову, позволила себе удалиться. Беллоне даже померещилось, что её овеяло холодом, морозным воздухом, настолько чёрствыми были эти особы. Внутри сразу возник осадок, и неприятное чувство могло бы остаться надолго, если бы напоследок она не столкнулась с маркизой Мевори. Доброжелательная Коломбина, через край излучающая положительный настрой, всегда радовала девушку. Приятно было сознавать, что на Феире, да и вообще в мире, есть такой человек, который мог утешить, пособолезновать. Она могла согреть одной своей улыбкой, поэтому Беллона тут же оттаяла, увидев маркизу и поздоровавшись с ней.

Коломбина Мевори была второй спутницей, помимо Алисы Тревор, прибывшей с планеты Эрида вместе с королевой. Она была всего на год их старше, но всегда разбиралась в людях лучше, и была более опытной во всех отношениях. Отправляясь сюда, она оставила на родине мужа и пятилетнего сына; по прошествии свадьбы и празднеств, маркиза должна была вернуться к себе домой, так как была просто сопровождающим лицом. Однако, пробыв всего полтора месяца в разлуке и собираясь обратно, к ней пришла трагическая новость — её семья умерла, заразившись какой-то болезнью, эпидемия которой бушевала в тот период в окрестностях усадьбы Мевори. Проболев около недели, у маркиза и его наследника началась горячка, которую они и не пережили...

Убитая горем Коломбина, похоронила самых дорогих ей людей, переписала всё имущество на имя племянников мужа и снова приехала на Феир. Здесь она стала жить ради подруг и их счастья. У каждой вскоре родилось по мальчику, и, став крёстной одного из них, маркиза отдала всю свою любовь обоим малышам. Личная жизнь у неё так и не наладилась, воспоминания не дали ей снова насладиться полной жизнью. Так, посвятив себя заботе о близких и благотворительности, она жила последние годы.

Итак, двери закрылись и остались только мать и дочь.

— Я ждала тебя. Не напрягайся заранее, ничего серьёзного я говорить не буду. Просто

хотелось поговорить о многом. Ты ведь взрослеешь, тебе следует узнавать об окружающей тебя жизни больше.

Беллона обрадовалась, что на её задержку не обратили внимание. Королева действительно была благосклонно настроена и хотела просто вести душевную беседу.

Принцесса села в глубокое удобное кресло и приготовилась слушать и отвечать.

— Мне стало известно, что ты сегодня отличилась перед делегацией с Олтерна?

— О, мама, ты знаешь об этом?!

Смушение настигло девушку врасплох, и она покраснелась.

— Белл, в этом нет ничего страшного, и я не ругаю тебя. Конечно, было неосмотрительно оказаться в такой час, без приглашения, в таком обществе, но все остались довольны.

— Как замечательно! Я так беспокоилась по этому поводу.

— Не стоило, ты ведь не посрамила себя, даже перед взрослыми мужчинами не растерялась. Я горжусь тобой. Но, что ты делала у своего брата? Я знаю, вы с детства не в самых лучших отношениях и тебя никогда не интересовали его занятия и досуг. Оно и понятно, он на семь лет старше тебя...

— Да, всё это так. Но я пошла туда не специально. Я ушла в свои мысли, а тем временем ноги вели меня подсознательно куда-то. Когда я поняла, что оказалась там, где мне не очень хотелось, было уже поздно, Робин представил меня своим знакомым.

— Я так себе всё и представляла. Что ж, ничего страшного не случилось, тебе полезно поднабраться мудрости во встречах и диалогах с образованными людьми. Когда-нибудь придётся вести вечера и званые обеды, и стараться, чтобы они были не скучны, в меру изысканы, аристократичны и респектабельны. Кстати, я как раз хотела ещё обсудить с тобой твой первый выход в свет. Как ты уже знаешь, каждая принцесса по исполнению пятнадцатилетия, представляется высшим слоям нашей вселенской элиты. Обычно это происходит на балах, карнавалах или маскарадах устраиваемых каким-либо королём на своей планете. Все будущие влиятельные личности, достигшие вышеназванного мной возраста, официально признаются обществом их достойными членами. Вот это-то тебе вскоре и предстоит. К этому нужно тщательно готовиться и всё чётко планировать. После заявления в таких кругах, в твои обязанности будет входить: посещать множество мероприятий, участвовать в благотворительных компаниях, фондах, самой устраивать торжества и не забывать приглашать на них нужных и полезных людей.

— Как всё это трудно! Мне кажется, я не справлюсь...

— Не нервничай, всё это ты будешь делать под самым строгим надзором своего поручителя. Правда, мы с его величеством ещё не решили, кто им будет. Но всё будет решено в самые ближайшие сроки. Дело очень ответственное, но мы справимся и покажем себя на нужном уровне, да?

— Да, мама, я буду стараться.

— Не сомневаюсь. Хочу тебя предупредить, что дата уже назначена. Твоя премьера состоится на дне рождения твоей тётки Виктории Атика. Её пятидесятипятiletний юбилей будет пышно отмечаться на Вермаше, чем мы и воспользуемся. Это будет восемнадцатого июля. Не так скоро, но этот день уже и не за горами. Моргнуть не успеешь, как время придёт.

— Я думаю, что за два месяца смогу достаточно подготовиться и научиться всему, чему следует. А что за человек будет мой поручитель?

— Обычно это кто-то из родственников, авторитетный мужчина зрелого возраста. Его образ жизни, биография и репутация будут твоим лицом и твоей визитной карточкой. Чем значительнее будет его персона, тем с большей радостью и частотой ты будешь востребована на всех собраниях и массовых встречах правителей планет.

— Значит, его выбор на многое влияет? Фактически на всю мою общественную деятельность?

— Да, совершенно верно. Над этой задачей мы с твоим отцом ломаем голову уже давно. Твоих дядей, по понятным причинам, мы отмели сразу. Достаточно и того, что Антонио был доверен Робин. Теперь моего мальчика воспринимают так же, как и его знаменитых родственников, а он и рад им соответствовать. Мои родственники, как ты знаешь, не такие влиятельные, как у моего мужа, поэтому, думаю, придётся попросить кого-то из друзей.

— Их у отца достаточно, скорее всего, нужная кандидатура найдётся.

— Разумеется. Да. И последнее. Начиная с юбилея твоей тётки и включая его, тебе следует присматривать к гостям и выбрать среди принцев себе жениха. Ты уже взрослая, но до сих пор не обручена. Мы специально не сделали этого, пока ты не выросла и не стала сама понимать, что тебе нужно, а что нет. Заботясь о твоём благополучии, мы не станем навязывать тебе того, кто тебе будет не по душе или неприятен.

Беллона сразу осознала горечь смысла этих слов. Ей придётся выйти замуж...возможно нескоро, может через год-два, а может и через лет пять... Но финал одинаков независимо от протяжённости времени. Она должна стать женой принца, будущего монарха, наследника.

— Помолвка дело ответственное, слишком серьёзное. Неужели мне нужно торопиться с этим?

— Нет, что ты, дочка! Желательно, конечно, чтобы ты определилась в течение года, но это может и подождать до твоего восемнадцатилетия. Просто, юноши не останутся без внимания, самые выгодные партии займут первыми. А мне бы хотелось, чтобы ты, когда станешь замужней женщиной, занимала не последнее место в мире.

— Я понимаю, мама. Хорошо, когда представится возможность, я рассмотрю варианты возможных браков.

— Вот и славно. Ты можешь идти, Белл. Не буду тебя больше задерживать. Если у тебя возникнут вопросы или сомнения, не мешкая, приходи ко мне, и мы всё обсудим.

Беллона сделала лёгкий реверанс и покинула комнату. В голове беспрерывно вертелась мысль о свадьбе. Всегда так бывает у молодых девушек — до кого-то события ещё огромное количество дней, месяцев, а то и лет, но уже начинаешь настраивать себя, думать, что и как выйдет, получится ли что-либо. Хотя в данный момент, проблемы никакой не стояло, принцесса уже накручивала себя и не знала, как бы подольше оттянуть предстоящее обручение. Ах, если бы в это утро она не встретила Дерека! Наверное, восприняла бы слова матери, как нечто само собой разумеющееся, подчинилась бы родительской воле беспрекословно. Впрочем, так и придётся сделать. Мария права, говоря, что всё это бесполезная трата эмоций. Граф Аморвил не равен ей, и не должен волновать её сердце. Но как же он ей нравился! Для Беллоны он был в сто раз лучше любого короля и всех их вместе взятых. Зачем она снова думала о нём? Не понятно, она ведь пообещала себе забыть и стараться не вспоминать.

Однако, противореча самой себе, девушка направилась к своему брату. Ей хотелось узнать что-нибудь о приезжих кавалерах ордена Стеллы Нордмунской, хотя бы где они находятся. А кроме Робина ответить на этот вопрос Беллоне никто не мог. Может, и мог, но

она не знала кто. Собрав в кулак всю волю, Белл приготовилась к нападкам, насмешкам и подколам будущего самодержца. Найдя в его крыле дворца камергера, принцесса поинтересовалась, свободен ли её брат и может ли он её принять?

— Его высочество ещё не вернулись из поездки. Будут позже.

Принцесса ушла томиться в ожидании и надеяться на его скорейшее возвращение. Но, проходя под двери покоев Робина ещё дважды, около восьми и десяти часов вечера, получала всё тот же ответ.

Раньше её так не беспокоило его отсутствие, даже не волновало местонахождение. Что ж, всё меняется. Наступают моменты, когда начинаешь интересоваться тем, на что ещё вчера не обратила бы внимание...

Глава 3. "Ночь"

Последние отблески солнца уже давно спрятались за горизонт. На небе мерцали жёлто-белым светом звёзды. Их ледяное сияние не достигало земли, поэтому в городе было темно, там, где не были зажжены фонари. Местами, на тротуар и дорогу падал свет из ещё не погашенных окон. Повсюду царила тишина. Звуки доносились только из работающих допоздна ларьков и шумных игровых домов и ресторанов. Они находились в центре города и к ним подъезжали, от них отъезжали, почти до самого рассвета.

Однако нас будет интересовать немного другой район, окраинный. В нём всё было совершенно по-другому. Развлекательных заведений здесь почти не было, а точнее было всего одно. Таверна «Чёрный кот» стояла между двумя жилыми домами, но её окна и двери были столь глухими, что внутри проходящие постоянные пирушки, посиделки и мальчишники, не беспокоили местных жителей. Всё было шито-крыто и под пологом ночи, происходящее внутри было совершенно недоступно для внешнего мира.

Хозяйка сей пивной свято хранила секреты своих постоянных посетителей и завсегдатаев. Пытаясь сохранить репутацию своей таверны, как самой безотказной и угождающей любым желанием клиентов, вдова Пароне изощрялась всё в новых и новых услугах. В конце концов, второй этаж помещения был занят под место, которое принято называть публичным домом, или просто — борделем.

Чтобы не привлекать внимания посторонних и непосвящённых во все тонкости «Чёрного кота», над входом не горело множество свечей или какой-либо другой иллюминации, а присутствовала одна единственная лампа, с зелёными закоптившимися стёклами, висевшая над вывеской с названием таверны. На ней так же был изображён сам герой названия, чёрный гладкий кот с красными глазами и длинным хвостом, закрученным колесом.

Это было не самое плохое место. Оно было комфортабельным и своеобразно элегантным. И сюда, скорее всего, сбежалась бы туча людей, если бы знали, кто здесь бывает. Но известно это было только работающему в таверне персоналу: вдове, официанткам и труженицам второго этажа.

Сегодня залы тут тоже не пустовали от персон, которые предпочитали сохранять своё инкогнито. Из-за них за столами имелось много свободных стульев, так как они щедро платили, чтобы лишние не допускались в их избранное общество. Простому человеку в такую ночь лучше было бы поискать другой приют для отдыха. Расслаблялись в эти часы присутствующие мужчины по полной программе, и не хотели, чтоб покой, и возникнувшая идиллия, были нарушены.

Самым откровенно развлекающимся был князь Сториан Мак Джойн. Его громкие изречения раздавались по всему помещению, достигали потолка и возвращались эхом обратно. Сыпля шутками, непристойными замечаниями, сальными словечками, он находился в центре внимания. В «Чёрном коте» его боготворили, и души в нём не чаяли. Бесценный гость и желанный любимчик собирающейся публики. Из всех двадцатипятилетних, он, пожалуй, был самым развитым и развратным, когда-либо жившим на свете молодым человеком. Глаза его были замутнены похотью, а каждый жест выдавал страстность, затаившуюся в глубине сознания и регулярно вырывающуюся наружу. Изгиб

бровей показывал тщеславность и высокомерие. Не признающий отказов и ненавидящий тех, кто вставал на его пути, он имел много власти и могущества, по большому счёту не только благодаря своему уму, ловкости и титулу, но этому немало способствовала и дружба с принцем. Сториан был его лучшим другом. Они почти всегда были вместе. Даже сейчас.

Робин-младший сидел рядом с князем и получал удовольствие от его компании. Ему безумно нравились выходки своего товарища. Циничность и высокомерность приводили в дикий восторг принца. Хотя внешне они и были полной противоположностью — Сториан был брюнетом с тёмными карими глазами, а принц светловолосым и голубоглазым, вся их внутренняя сторона гармонировала как нельзя лучше. И если по лицу и чертам Мак Джойна сразу бросалась в глаза вся его сущность, то по Робину никогда в жизни было бы невозможно догадаться, что он собой представляет и чем дышит, настолько облик его был наивен и ребячлив. Только после некоторого времени общения, картина прояснялась...

С ними вместе так же забавлялись брат князя, Рикардо Мак Джойн, маркиз о'Лермон барон Сантьяго Эливерсон и ещё пара представителей молодого дворянства. Все они находились под покровительством принца и являлись его близкими друзьями.

Младший Мак Джойн не многим отличался от старшего, разве что был на четыре года моложе и на полголовы ниже. В остальном он был его копией, хоть и менее удачной, чем оригинал. Слегка крупноватый нос и отсутствие бесноватого огня в глазах, который был у Сториана, снижал шарм Рикардо. Собственно, он и не претендовал на первое место, а всегда довольствовался задним планом, всего лишь оттеняя брата.

Сантьяго Эливерсон был самым непритязательным снаружи, но притязаний на славу и восхищение у него было, хоть отбавляй. В нём был и отличавший его от других плюс — бесконечная храбрость и благородное сердце, которое редко давало о себе знать, в связи с попытками соответствовать товарищам. Безжалостности Мак Джойнов в нём также не наблюдалось.

Сержио о'Лермон, о котором уже можно было немного узнать из утренней прогулки принцессы, маркиз не похожий на других из-за пристрастия к романтике. Он был совсем иного склада, нежели его спутники. Хотя общение с ними в определённой мере оставило свой след. Особенно оно повлияло на то, как он распоряжался свободными часами и проводил досуг; вместо прежних сочинения любовных поэм и интеллектуальных бесед с просвещёнными, выдающимися умами эпохи — пьяные песнопения и вакханалии с самыми опустившимися слоями рода человеческого. Однако было то, что не давало ему сбиться с верного пути и помогало оставаться верным своим убеждениям. Сержио состоял в ордене «Стеллы Нордмунской», а его кавалерам вменялись некоторые обязательства.

Тут нужно поподробнее объяснить, что же это за орден и углубиться в историю.

Основан он был Робинотом Первым в середине сороковых годов прошлого века. Безумно влюблённый в ту самую Стеллу с юношеского возраста, он пронёс своё чувство до самой смерти, несмотря на то, что она стала женой его лучшего друга — Элиоса Второго, короля Олтерна.

Когда она пропала, на её поиски было направлено столько сил, что, пожалуй, все задействованные лица не могли бы уместиться на одной планете, а на затраченные суммы денег можно было бы безбедно существовать миллионам людей в течение целого века. Но финансовая сторона не сильно волновала мужчину, который и жизнь бы отдал за одну только ночь с мечтой, которую он обожал и боготворил.

Такая сентиментальность пришла к нему только с пониманием об ушедшей молодости.

И Робин не раз раскаивался в том, что не пожелал сделать её своей супругой в двадцать лет, восприняв Стеллу за очередное увлечение, мимолётный интерес. Сам виновник своего не сложившегося счастья. Они познакомились, когда ему было восемнадцать, она была старше всего на год. Один из самых богатых и могущественных принцев того времени и обедневшая герцогиня малоизвестной планеты, причём герцогиня, пользовавшаяся не самой лучшей славой. Разумеется, никто бы даже не подумал, что между ними может быть что-то серьёзное. Общественное мнение сыграло большую роль в их судьбах. И ранговое несоответствие, и её репутация... всё это ни как не способствовало будущему этой пары. Но сила влечения к женщине, пусть и легко доступной, но трудно подчиняемой своей воле, стропливой и не поддающейся любви, заставила Робина ввести её в свой круг, познакомить с теми, кого прежде Стелла могла видеть только на портретах и чёрно-белых гравюрах с первых страниц газет, и слышать о них во всемирных новостях особой важности. Среди них был и Элиос. В отличие от своего соперника, тогда ещё союзника во всём и близкого товарища, он не обращал внимания на чьи-то предрассудки, и сам обустроивал свою жизнь, как хотел; самостоятельный и всегда надеющийся только на себя, легко влиял на других и обладал определённой силой внушения и убеждения. Элиос не стеснялся быть своенравным, потому что его род, его семья и он сам, были глубоко уважаемы. На Олтерне более двух веков не менялась правящая династия, да что там два века — это была первая и единственная династия, когда-либо повелевавшая на той планете. Слишком зарекомендовавшие себя на тот момент, они могли совершить маленькую оплошность, и им бы это всё равно простили, настолько тверды были позиции. Общество с почтением относилось к принцу и его отцу — Леонардо, за их участие в войне Солнечной системы и спасение Лиги звёзд от Тёмной армии, произошедшими в 2000 году.

Робину же напротив, было не сладко на своём престоле. Времена на Феире были тогда беспокойные, ещё не утихнувшие после народных бурь, разрушений революции. Везде затаивались предатели, шпионы и люди, желающие свергнуть молодого принца. Повсюду расхаживали убийцы, беспощадные озверевшие бунтари, которым не терпелось поставить к власти своего представителя. Предполагалось уничтожить монархию и создать совершенно новый строй, где все будут равны, и всё будет общим. Разумеется, народные массы поддерживали такое течение и вступали в ополчение, движущееся против дворянства, королевской семьи и её друзей. Они ведь не знали, что те, кто поднимал их на восстание, не собирались делиться завоёванным имуществом, привилегиями, богатством, роскошью. Люди, как всегда, были наивны, просты и доверчивы, и шли туда, где им что-то обещали, хоть и забывали давать гарантии. А начавшиеся кровавые бои, резню и погром, остановить было невозможно. Да и был ли смысл? Когда действует разрушение, обратный процесс включить довольно трудно, и если нет пути назад, то не останавливаться же на середине? Даже если понимаешь, что это не ведёт ни к чему хорошему. Механизм, работающий на безумии и всеобщей раздражённости, агрессии, чувстве недостатка и возможности ухватить добычу, урвать чужой кусок в свою пользу — вот что такое революция.

Осенью 1998 года в этом ужасе погибли родители Робина. И он, оставшись один, с двумя соратниками убитого короля, скрывался восемь месяцев и вёл тайную, подпольную политику против Крестьянского собрания и Коммунного парламента. Медленно, аккуратно, через секретных посланников, потерявшая власть пыталась вернуть руководящее место и реабилитироваться в глазах оставшейся знати. Хотя те тоже были вынуждены скрываться, всё же помогали загнать в рамки ничего не смыслящее крестьянство и не отвечающую за

свои поступки чернорабочую армию. В течение года, это удалось сделать. Пожалуй, Феирская революция, уникальный случай истории, в котором удалось ликвидировать последствия произошедшего переворота. Пусть и путём многих жертв и трагедий.

Именно поэтому Робин не мог позволить себе устроить личную жизнь по своему разумению. Неустойчивое положение нужно укреплять и поддерживать, а не расшатывать ещё больше. На тот момент с этим был согласен и он сам. А от выбора спутниц жизни зависела поддержка внешней политики. Сделай он неверный шаг, его без труда бы убрали прочь.

Стелла всегда была честолюбивой, и в её планы не входило прозябать в захолустьях своего обнищавшего имения. Она при всех удобных случаях пользовалась своей красотой, хитростью и умом, чтобы завести нужные связи, быть на хорошем счету у высокопоставленных людей. Своими чёрными блестящими глазами могла толкнуть мужчину на самый непредсказуемый для него самого поступок. Из-под густых тяжёлых ресниц околдовывал всех не томный взгляд, как у обычных красавиц, не пронизывающий, и даже не кокетливый, а всегда разный, живой и интригующий взор. Не навязчивый и не напористый, а приковывающий к себе, как бы невзначай. Откровенный, манящий и затягивающий в свою глубину, топь бездонной темноты, на дне которой вспыхивали мириады огоньков. У неё не было манеры смотреть из-под полу-опущенных век, она смотрела прямо и чётко.

Завораживающий, волшебный смех был заразительным, пьянящим и отрезвляющим одновременно. Слушать его можно было бы вечно. Он напоминал переливающуюся песню или звонкую мелодию, удачно дополненную низкими нотами. Голос был столь же прекрасным. Чуткий и бархатистый. Он лился по воздуху и проникал в сознание.

Про фигуру, великолепные бёдра, прелестную, тонкую талию, стройные ноги и грациозные руки, можно не упоминать, так как красивых женщин поистине много, но не все нравятся противоположному полу, потому что в них нет данной природой женственности, тех едва уловимых повадок, которые нельзя приобрести, а можно только получить с рождением. Одни пустые и легкомысленные, другие слишком умные и скучные, третьи скованные и застенчивые, четвёртые развратные и блудливые. Во всех, казавшихся на первый взгляд идеальными, находятся недостатки. Очаровательные прелестницы оказываются искажены отсутствием маломальской разумности или напротив, кичатся собой настолько, что становятся занудами. Интеллект бледнеет от неумения его проявить или выразить свои мысли правильно. А некоторые, даже при огромном внутреннем содержании, обладали таким неприятным тембром и тональностью голоса, что вести с ними диалог или слушать их, не представлялось лёгкой задачей.

Но в Стелле всё сочеталось как нельзя удачнее. Разговор с ней завораживал. Порочность сливалась с прозрачностью и чистотой мыслей до такой степени, что грань было найти невозможно. Интерес к ней не угасал, потому что она никогда не открывалась до конца, всегда сохраняла загадочность и, как бы ни старались её поклонники и воздыхатели, не допускала духовной близости, находясь в отстранении от мужских посягательств на её сердце.

Это, пожалуй, был её единственный недостаток, хотя, возможно, самое главное достоинство. Стелла не любила никого, кроме себя. Чувство, восхваляемое поэтами, трубадурами, герольдами и певцами, она в своей судьбе не испытала. Хотя, в отличие от множества других девушек, она встречала для этого более чем достойных мужчин. Ей было кому посвятить себя и подарить душу. Но, видимо, что-то не сложилось. Что тому было

виной, понять не дано. Просто не любила и всё. Могла поддаться безудержной страсти, вспылать диким интересом, кинуться в омут с головой в пучину очередного романа. Влечение и вожделение — вот ведущие определения натуры Стеллы; сама постоянно испытывая эти эмоции, ценила их и в тех, кто пытался её добиться. Но быть чьей-то добычей или трофеем ей нравилось перемененно с тем, что она сама любила завоёвывать, достигать и соблазнять. В полной мере осознавая всё своё величие, которым щедро одарил её Создатель, не могла сидеть сложа руки и выходила на "охоту". Своеобразная хищница, иногда превращающаяся в ручного котёнка; Стелла не простила бы себе, если бы стала простой дворяночкой или осталась неизвестной, живущей не на широкую ногу герцогиней. Цель находилась на вершине всех иерархий — королева и не меньше...

Что ж, в те времена это ещё было возможно, причём без чрезмерных тягот и проблем. Относительно недавно, в 2093 году Заседание Министров и Представителей власти всех держав издало указ, запрещающий королям жениться на ком-либо помимо чистокровных герцогинь и принцесс, однако этот закон в некоторых королевствах пока не полностью прижился. Стелла умело воспользовалась тогдашними традициями и приоритетами.

Познав радости интимной жизни в четырнадцать лет, девушка поняла, что в удовольствиях себе отказывать нельзя, она себе это просто-напросто запретила! Ни за какие драгоценности и сокровища мира, не вернёшь молодость или упущенный шанс испытать блаженство ночи, проведённой в постели с юным или опытным любовником. Золото и бриллианты не доставят наслаждения, не согреют, не подарят ласку и нежность. Так с какой стати ущемлять себя?! Стоит ли беречь что-то, для кого-то, когда никто ни от чего не застрахован и не знает о том, что его ждёт и что с ним станет? Получать желаемое, приобретать вожделенное, всё и сразу, при любом удобном случае; не ждать когда наступит нужный момент, не оттягивать мечту, которая может сбыться, не жить завтрашним днём. Вот те несложные убеждения Стеллы, верность которым она свято хранила. Это, кстати, было единственное, чему ей когда-либо приходилось быть верной — своему кредо и стремлениям. Да и разве в какой-то мере она не права? Зачем закрепощать себя и заковывать в железные кандалы комплексов? Можно, конечно, трудиться на благо прекрасного будущего, и так его и не дождаться.

Повстречавшись с Робинем, Стелла открыла для себя совершенно новые горизонты и перспективы. Он, по сути, был совсем ещё мальчишкой, и им можно было бы вертеть, как того хотелось, если бы с другой стороны им не манипулировали советники, политические соратники и дипломатические наставники. Однако знакомство с его друзьями от него получить всё же удалось.

Робин любил, когда безраздельно восхищались им одним, но ему это быстро наскучивало. Все его предыдущие фаворитки не удерживали позиции первенства из окружающих его милых особ более чем два-три месяца. Они требовали от принца того, чего тому самому хотелось — поклонения. Некоторые были ревнивыми, одни обижались на измены и уходили сами, другие устраивали истерики и ещё больше начинали раздражать и без этого теряющего интерес Робина.

Стелла же никогда не устраивала сцен, скандалов и не пыталась занять всё пространство вокруг мужчины собой; но так же и не позволяла думать, что стала чьей-то собственностью. Свобода — бесценный дар, который не променяла бы она ни на что и ни на кого. Оставаться самодостаточной, независимой, лишённой предрассудков — вот главное, а всё остальное — ерунда.

Когда девушка поняла, что её место не так уж и завидно, что уважения к ней нет, то решила перестать добиваться от Робина каких-либо конкретных поступков, ждать от него предложения. Вернее она и не добивалась от него ничего какими-либо способами или методами, просто подсознательно, интуитивно надеялась на какие-то действия. Тогда Стелла и стала более близко общаться с Элиосом, даже задумалась над тем, что возможно могла бы стать его законной женой, королевской супругой. Долго ждать не пришлось, так как мужчина уже давно был влюблен и желал венчания, как ничего другого на свете. Третьего января 2001 года они сыграли свадьбу. Не сказать, что брак этот получился по заслуге Стеллы, с её стороны усилий было приложено минимум. И вовсе не за деньги она выходила замуж. Так думали многие, но нет, страсть и возбуждение, которое вызывал в ней Элиос, больше влияли на её окончательное решение. Мало кто знал, что решиться стать чьей-то, в данном случае женой короля Олтерна, Стелла согласилась совершенно случайно, выпив на романтическом ужине в монарших покоях бутылку вина и под её воздействием сказав "да". На следующий день она уже немного раскаивалась, но дело было сделано. В конце концов, найдя в сложившейся конъюнктуре лучший компромисс между удовольствиями и благополучием, девушка смирилась.

Далее последовала долгая история жизни, трудно поддающаяся описанию. Подробно, пожалуй, не стоит говорить об этом всё, слишком много нюансов и перипетий. Если попытаться пересказать, что происходило потом, потребуется очень большое количество времени, и мы уйдём от главной мысли — основания ордена.

Стелла развелась со своим мужем, хотя одно время ей казалось, что его любит, потом стала супругой другого короля — Ника, правителя Медео. Рассталась и с ним, вернулась к Элиосу. Связь с Робинем так же поддерживала все эти годы, который был дважды женат. Оба раза ради выгоды и укрепления общественного мнения о себе. Стелла понимала всё это, но сделать ничего не могла, а терять такого любовника из-за уязвлённого самолюбия не хотелось... В общем наделала она много шума в мире и привлекла к себе достаточно внимания, чтобы претендовать на звание "легендарной". В довершение ко всему, бесследно пропала на своей родине — Северной Луне.

Возможно, культ её личности воздвиг бы и сам король Олтерна, если бы вскоре не погиб, загадочно, как пропала его дважды бывшая супруга. Поэтому почётная миссия досталась Робину.

Имея хоть какое-то представление о Стелле, можно предположить, что же за идеалы и принципы были у тех, кто ей восхищался и посвятил себя её памяти. В первую очередь, задачей каждого, вступившего в орден, было узнать — что случилось со Стеллой и как закончилась её жизнь, если, конечно, закончилась... находились и такие, кто верил, что ей уже сто двадцать четыре года, а она, по-прежнему, жива, здорова и красива. Рыцари и кавалеры стремились отыскать, найти хоть какую-нибудь зацепку, связанную с таинственным исчезновением. Разумеется, ни у кого ничего так и не вышло...

Соответственно своему кумиру они искали себе и девушек, вернее будет сказать женщин. Им не нравились невинные и наивные души, которые трепетали от поцелуев и присутствия молодого человека. Такие недотроги казались тоскливыми и унылыми, вызывали чувство разочарования. Честь девушки заключалась в совершенно ином понятии, нежели у обычных людей. Это был символ свободолюбия, самостоятельности и независимости. Если в особе не было непокорной индивидуальности, стремительности и рискованности, она навивала сон. Одно время рыцари пытались жениться на какой-либо

родственнице Стеллы, её потомках (одних внуков и внучек у неё было одиннадцать, а правнуков чуть ли не в пять раз больше!), но потом поняли, что это будет затруднительно и стали выбирать схожих по характеру, внешнему виду, поведению.

Робин Второй, сын основателя ордена и дед Беллоны, похитил родную внучку Стеллы — Викторию Мери эл Рой. Она была похожа на бабушку, очень сильно, и король любил свою супругу, но все его друзья замечали, что она скованная и слишком скучная, недостойная своей прародительницы. Однако такие разговоры пресекались. Все знали, как бережно Робин относится к семье, и не терпел каких-либо сплетен или оговорок в её сторону. Но ему и самому иногда хотелось, чтобы сходство Виктории и Стеллы было не только внешним. Конечно, импульсивности женщине не хватало, но неинтересной её назвать было нельзя, в крайнем случае не темпераментной и сдержанной. Это не было недостатком для тех, кто не был одержим идеей ордена. Робин к таким не принадлежал, но ему было интересно продолжить дело отца, хоть от этого и страдало самомнение его матери — Роксаны, прожившей с человеком, всегда сравнивающим всех женщин с первой любовью.

Итак, наконец-то разобравшись в некоторых сторонах происходящего, можно продолжить рассказ о Сержио о'Лермоне.

Он не был полным приверженцем всех принципов ордена, но ему была притягательна его лирическая сторона — нахождение идеала для себя и поклонение столь чудесному образу. Ему не нравились брюнетки (Стелла была именно жгучей брюнеткой, хоть и окрашивала волосы в каштановый или малиновый оттенок), в отличие от его товарищей, резкие и раскованные девушки, нет. Он предпочитал естественность и простоту, сочетание природной дикости и взращенной сдержанности. Проще говоря, поведение, которое было наигранно или выжато из себя, Сержио раздражало и иногда приводило в гнев. Юноша явно различал ложь и лицемерие от искренности и правды. Защитник и борец за честность. Хранитель традиций рыцарей, которые сражались за прекрасную даму сердца. Вот такой герой-романтик, который немного не вписывался в круг своих друзей, хотя и их принципы казались ему приемлемыми. Духовность — это одно, а физиология требовала своего, способствуя схождению с верного пути. Молодость захлёстывала своей бурностью и пышущей жизнью, разворачивая в сторону чисто материальных благ и удовольствий.

Сториан ценил Сержио, за талантливость, горячность, стремительность. Его безукоризненно благородный нрав иногда ставил на место даже принца, в принципе привыкшего к своевольному поведению. Но вся компания упорно занималась расшатыванием устоев маркиза, чему тот медленно и верно поддавался. Причём он не называл это дурным влиянием, а лишь дружеской поддержкой.

В разгаре веселья, сквозь хмельные пары и угар дыма от сигарет, Робин обратился к Сержио:

— Послушай, почему ты сегодня, как никогда, молчалив. Обычно из тебя легче выбить хотя бы пару слов, точнее, их из тебя всегда выбивать не нужно, поскольку ты у нас не робкого десятка, чтобы сидеть скиснув...

— Робин, я не знаю, что тебе ответить. Мне сейчас кажется, будто текст кончился, и мысли закрылись в моей голове на замок.

Более трезвый, нежели принц, маркиз ещё мог связно составлять фразы, но вот до Робина они доходили с трудом. Фактически проигнорировав ответ друга, он продолжал дальше.

— Не будь таким хмурым, поделись своими печальями с нами. Расскажи о своих

тревогах.

— Да, начни откровения, дабы мы смогли понять, о чём твои тяжкие думы, — подключился Сториан. Все громко засмеялись.

— Собственно ни в чём. Перестаньте приставать, я не хочу говорить сейчас.

Он крепче сжал в руках кружку с тёмным пивом и пригвоздил свои глаза к таящей по его стенкам пене. Поглаживая холодное стекло правой рукой, юноша стучал по дубовому столу пальцами левой. На столе была постелена чистая тёмно-синяя скатерть с кипельно белыми оборками по краям. Хотя они и не вписывались в стиль всей обстановки, довольно вульгарной, тяжёлой и кабацкой, хозяйка считала, что они показатель чистоты и не соглашалась убрать ненужную деталь.

— Сержио, ну ладно тебе, выкладывай всё как есть, — подал голос Рикардо.

— Если вы так настаиваете, то я уступлю, но хочу предупредить, что Робин может оскорбиться тому, что я скажу.

— Мой друг, ты знаешь, я никогда не держу на тебя обид. Ни на тебя, ни на кого из здесь присутствующих. Можешь делать то, что считаешь нужным и я просто приму это к сведению, не держа на тебя ни малейшего зла!

— Что ж, тогда признаюсь вам, господа, что сегодня утром, я был сражён одной юной девой, которую до сих пор не могу выбросить из головы. Она была столь прекрасна, что заняла собой всего меня и не отпускает мои мысли ни на миллиметр от своей персоны.

— Боже, а ты по-прежнему чувствителен, как юнец, Сержио о' Лермон! — захохотал старший князь Мак Джойн. — Подумать только, вот уж не ждал от тебя такой сентиментальности... Какая юбка может привлечь к себе внимание на столь долгий срок? Никакая! Забудь! Достойных таких почестей, как наши головы, руки или другие части тела нет и быть не может! Все они хороши, пока ты не попробуешь их, а после они станут пресными и завянут на языке...

— Я бы не спешил с такими выводами, Сториан.

— Да брось! Не мне ты будешь это говорить! Просто ты плохо её знаешь, и она не успела тебе наскучить.

— Такая девушка вряд ли может наскучить.

— Не смейся! Мой тебе совет — соблазни её, завали на две лопатки и через сутки от твоей "любви", не останется и следа. — Помутнённый от алкоголя взгляд прояснился при такой родной для князя теме, как соращение девиц и совершение неблагоразумных поступков. Туман в голове слегка рассеялся и язык заработал ещё бойче, чем прежде. — А если уж ты покажешься ей столь скверным, что она откажется одарить тебя своими ласками, то возьми желаемое, никого не спрашивая. Ты понимаешь, о чём я...

— О, боюсь я не смогу этого сделать...

— Ещё чего?! Не падай безвозвратно в моих глазах, я о тебе хорошего мнения и не собираюсь думать, что ты будешь ходить и стесняться, как скромный лакей у ног императрицы...

— Именно в таком положении я и нахожусь.

— Что ты имеешь в виду?

— Я был покорён её высочеством, принцессой Беллоной.

Повисла тишина. Казалось, Сториан впервые в жизни не знает, что сказать и это его самого выводит из себя. Но говорить действительно было нечего. Перечислять недостатки женского пола дальше, значило лично кинуть в лицо королевской семье какие-то претензии,

а замолчать...это могли расценить как отказ от своих слов. Больше всего на свете князь не любил менять свою точку зрения. Его мнение непоколебимо, всегда таким было, и он надеялся, что останется и впредь. Он надул губы, и начал было что-то говорить дальше, поднося кружку для того, чтобы сделать глоток и произнести какой-нибудь тост, более-менее сглаживающий выходящее априори. Но ему помешали.

— Я слышу, затронули имя моей сестры? Сержио! Я ничуть не виню тебя и не обижаюсь! Боже мой, восхищайся ей на здоровье, она не зря у нас считается красавицей.

— Спасибо, Робин. Я рад, что ты не воспринял это, как остальные. Хотелось бы верить, что ты поддержишь меня и дальше.

— Конечно, какие вопросы! Мне лестно, что мои друзья нашли Белл достаточно развитой и интересной. Лично мне всегда казалось, что она слишком маленькая и скучная, и не умная...

Он посмеялся над своими словами.

— Робин, если бы ты мог помочь поговорить с ней ещё хотя бы раз...

— Тихо, тихо, тихо! Вот тут не горячись. Я бы постарался сделать всё зависящее от меня, но когда речь идёт о чести Карлеалей... Беллона молодая, ещё не выведенная на публику леди, и общаться, а уж тем более встречаться с парнями, ей нельзя.

— Неужели я не могу рассчитывать на дружескую беседу?

— Не смейся народ, — вставил Сториан, — какая дружба, какие беседы?! Тебе там не светит. Она тебя на порядок выше по происхождению. Побывать с ней наедине, значило бы посягнуть на её честь или нанести оскорбление. Да что я рассказываю это всё, ты сам прекрасно знаешь.

— Да, знаю, но... может быть, мне удастся увидеть её в присутствии кого-либо? На каком-нибудь торжестве, или охоте...

— Моя сестра ненавидит охоту, слишком изнеженная и любит пожалеть лесных тварей. Так что, выкинь эту ерунду из головы и давайте развлекаться дальше! Вина мне! Да покрепче!

Подошедшая миловидная официантка составила с подноса новую, только что откупоренную бутылку с терпким, распространяющим вокруг себя алкогольные пары напитком. Принц обнял девушку за талию и посадил себе на колени. На ней была довольно откровенная одежда: лёгкое платьице, едва прикрывающее бёдра, с глубоким квадратным декольте, почти полностью открывающим грудь. Прорези на рукавах оставляли плечи обнажёнными.

— Прелестное создание, как зовут тебя? Ты здесь новенькая?

— Да, сеньор, меня зовут Тажа.

— Замечательно! — Робин остался доволен осмотром с головы до ног, к тому же градусы явно позволяли приукрасить картину. — Сториан, если ты не против, я пожалуй покину вашу компанию ненадолго!

Князь ответил не сразу. Он провожал глазами остальных перемещавшихся по залу девушек и так увлёкся этим зрелищем, что медленно и лениво повернул лицо к принцу:

— Хорошо, мы, я думаю, тоже ждать тебя тут без дела не будем.

— Не сомневаюсь, что вы не дадите скуке вас одолеть...

Захватив свою выпивку, Робин поднялся вверх. Следом за ним, почти через минуту, по лестнице проследовал и Рикардо, в сопровождении обаятельной сирены с белокурыми прядями волос, спускающимися до лопаток. Её наряд прикрывал так же мало, как и у всех

остальных служащих в "Чёрном коте". Различными были только расцветки, а фасон у всех одинаков.

Последними остались Сержио и Сториан. Они долго смотрели друг на друга молча. Этой ночью сошлись между собой их самые отдалённые понимания жизни. Сказать было нечего. Маркиза так и подмывало кинуть, что когда-нибудь и он, Мак Джойн, полюбит и поймёт, что был не прав, а князь хотел усмехнуться над чувствами, так как он в них не верил. Ему не терпелось, чтобы прошло некоторое время, и он мог сказать другу: "Как ты был наивен, настоящий осёл!". Изобразив губами ухмылку, Сториан скинул камзол, который был такого же цвета, как и небо за окном — иссиня чёрный. На груди серебряная нить сплеталась в узор, символизирующий фамильный герб. Оставшись в расстегнутой рубашке, он покинул Сержио, отдав ему в распоряжение одиночество.

— Не хочу ссориться с тобой, да в принципе и не из-за чего. Но принцесса не твоего поля ягода. Её судьба — царская, а твоя... твоя другая. Надеюсь, нам больше не придётся видеть твоего мрачного лица и возвращаться к этой теме. Жениться тебе ещё рано, а развлечения нужно выбирать подходящие. Увлекайся равными, а лучше стоящими ниже, тогда они будут зависеть от тебя, а не наоборот.

Сержио переваривал слова товарища, но до утра смог сделать только один вывод — не стоит больше говорить им о своих мыслях. Сделать вид, что это был пьяный бред, будет довольно-таки просто. А что будет дальше, покажет только время.

Глава 4. «Брат и сестра»

Узнав, что брат вернулся уже после рассвета, Беллона поняла, что раньше полудня он её не примет. Теперь ему нужно будет отоспаться, отдохнуть и привести себя в порядок, а делал это Робин ой как долго! Он любил лежать в постели, пока ему это окончательно не надоест, потом медленно бродить по комнате, настраивая себя на суетный день. Затем собиралось большое количество слуг, которые обхаживали принца — причёсывали, душили, умывали. Самой долгой была процедура одевания. Выбрать подходящий костюм по настроению не так-то просто. Всевозможные брюки, пиджаки, рубашки, сюртуки, бриджи раскладывались на кровати, стульях, канопе и пристально рассматривались Робин, пока его взгляд не падал на что-нибудь подходящее. Принц вовсе не был каким-то жалким угодником моды. Детства и несостоятельности в нём тоже было мало, он был нормальным мужчиной, уверенным в себе, похотливым, своеобразным и немного перебалованным, привыкшим к многочисленному вниманию и, совершенно искреннему, восхищению. Как уже говорилось ранее, вся эта гламурность и пафосность была напускной, показной и создавала вид несерьёзности, комедии. Он просто пользовался тем, что ему даровала судьба, его забавляла игра в собственную значимость. А на самом деле, Робин легко обошёл бы и без всего этого — без тряски над ним, без сдувания пыли вокруг и молчаливого поклонения. Его забавляло наблюдать за тем, как люди верят в то, что он может устроить скандал или расстроиться из-за какой-то мелочи. Ещё веселее ему было, когда с ним возились, как с ребёнком. Но всё это были остатки подростка в его характере, которые часто давали о себе знать. Сдерживаться не составляло особого труда, и иногда Робин был совершенно спокойным, вдумчивым и понимающим. Об его смене масок знала только Коломбина Мевори, так как с самого младенчества проводила с мальчиком время и следила за его забавами. Она поражалась, с какой лёгкостью принц мог одурачить служанок, друзей и собственную мать. Та принимала все проделки за чистую монету, и её удручало, что сын по-прежнему такой незрелый, как она думала. А маркиза тем временем принимала условия Робина и никому не раскрывала его тайн. Пусть принц кажется таким, каким хочет казаться, когда он ещё повзрослеет это пройдёт само собой.

Беллона, не проводя много времени в обществе брата, как и все считала его таким, каким он себя изображал — вспыльчивым, капризным, мелочным и болтливym, но хоть он много и болтал, чего-то дельного от него вряд ли можно было добиться. Сложившееся мнение, что из него можно вытянуть всё что угодно, было ошибочным. Его слова слетали быстро и бесперебойно, однако они все были настолько продуманны, что представляли собой не более чем бессмысленные шутки, присказки, истории третьих лиц, которые вводили людей в заблуждение и окончательно запутывали, когда принцу это было нужно. Так что заставить проговориться, осечься и открыть какой-либо секрет практически не представлялось возможным. Скорее Робин сам мог залезть в закрома чей-либо души и узнать всё что хочет, причём так непосредственно и ненавязчиво, что человек бы даже не заметил, что сказал по-настоящему важную информацию. Вид принца всегда как бы говорил: «Для меня ничего не имеет значения». Беллоне не нравилась такая поверхностность, но она и не подозревала, что у её брата всё же есть глубины разума.

За завтраком принцессе как раз подвернулась эта тема для раздумий. Что из себя

представляет будущий Робин Четвёртый? Как с ним найти общий язык и заставить понять себя? Какую сторону его жизни нужно затронуть, чтобы он откликнулся и помог в чём-то? Может быть, просто вести себя естественно и сказать всё прямо, так как есть? Вряд ли он найдёт в себе силы, чтобы разделить девические переживания. Нужно было бы сначала посоветоваться с Габи, или ещё лучше с Марией, но с ними они договорились на вечернюю прогулку, а с братом, если не застать его на месте в обед, то потом неизвестно когда ещё можно будет поговорить. Свободен он мог оказаться только завтра, а может быть, и нет — он редко сидел во дворце. Чаще он выезжал в окрестные леса, деревни или ближайший город, которые располагался в низине, среди лиственной чащи в двадцати километрах от дворца, и им был Риджейсити. В нём жила мать Марии и находился Светский парламент, кабинет министров и Палата князей (в нём же находился и «Чёрный кот»). Оттуда всегда приезжал гонец к королю со всеми новостями. Туда же король ездил по делам, для решения вопросов и управления своим государством, своей великой империей. Сегодня Робин Третий тоже был там и намеривался вернуться только через два дня, поэтому в замке немного поухло и стало меньше народу. Веста редко сопровождала мужа. Только на балы и приёмы знати.

Доедая булочку с творожной начинкой и запивая её тёплым молоком, принцесса поглядывала на часы. Короткая стрелка указывала на девять, а длинная на шесть. Как же ещё рано. В это утро Беллона была не рада своей привычке вскакивать вперёд всех. Хотя сегодня прислуга встала первой, нужно отдать ей должное. И даже приготовила всё вовремя. В восемь уже появлялась мадам Бланж и успела нагрузить девушку уроком географии. Рассказывала о рельефах, горах, особенностях планеты, которую грело два солнца с двух полюсов, и которые можно было увидеть одновременно на экваторе, но чтобы это сделать пришлось бы вытерпеть ужасную жару до сорока, а то и до пятидесяти градусов! Говорила про богатства и природные ископаемые южных регионов Феира. Чего там только не было! Ко двору ежемесячно привозили более тонны гранита, мрамора, малахита, янтаря, агата, опала, множества других полудрагоценных камней. В тёплых морях искатели жемчуга находили удивительной красоты и ровности жемчужины. Некоторые достигали величиной размеров плодов вишни. Оттенки были самые разные: розоватые, молочные, песочные, серебристые, чёрные и сиреневые. Любимым камнем Беллоны был изумруд, который в избытке доставлялся королю, специально для его дочери. Этот минерал, прозрачная разновидность берилла, окрашенная в зелёный, нравился принцессе именно за цвет, цвет надежды. После занятий с её бывшим учителем химии — мистером Продовски, девушка даже знала, что эту окраску он имеет благодаря наличию ионов трёхвалентного хрома, замещающего в кристаллической решётке алюминий. Хотя она абсолютно не понимала, зачем изучать состав и почему нельзя просто любоваться созданной природой совместно с ювелирами красотой? Стоило вытаскивать из недр земли сотворённые ею породы, чтобы раскладывать их по частям! Больше у Беллоны химии не было. Не потому, что она отказалась заниматься, а потому что выучила всё на год быстрее, чем следовало. В детстве она была более покладистой и упорно занималась, теперь же всё больше замечала за собой никчёмный, мешающий многому, романтизм.

От воспоминаний о прошлом преподавателе и уроках принцессу оторвала залившаяся тонкой песней канарейка.

— Ах, Флоупи, ты проснулась. Не хочешь полетать? За стенами комнаты не так и жарко, ты не утомишься...

Беллона открыла дверцу и, распахнув её, поднесла к растворённому окну. Маленькая яркая птичка порхнула в воздух и растворилась в безграничном небе. «Сколько раз я выпускала тебя на волю, но ты возвращалась обратно и снова радовала своим пеньем». Пеньем! Боже, в половине одиннадцатого придёт репетитор по вокалу, и только после него можно будет распоряжаться собой как угодно...

Сев обратно за столик, принцесса вернулась к трапезе и разрешила рулет из гусиной печени.

Робин проснулся. Сначала не понял почему. Видимо просто так, от того что уже пора. Убрав со второй попытки с головы подушку, подумал, что зря, потому что внутри черепа, где-то в мозгу, всё зануло и загудело. Попытавшись надвинуть её обратно, причинил себе лишь ещё большие неудобства. «Что за чёрт, перебрал вчера...во сколько же я вернулся?». Открыв сначала один глаз, он попытался определить по освещению помещения, сколько было сейчас. Нет, для этого явно нужно было открыть и второй...

Покосившись по всем углам и стенам, Робин прикинул, что нужно бы расшторить окна, а потом уже будет виднее. Так, всё по порядку. Когда вернулся — светать только начинало, значит, все ещё спали, и отец не знает о его состоянии. Как удачно он всегда выскальзывал из такого щепетильного положения! Протерев руками лицо сверху вниз, ещё раз проморгался и ощутил чьё-то присутствие. Ага, значит, всё-таки проснулся не просто так! Что-то его побеспокоило. Очень странно, что он на это отреагировал, поскольку чутким сном он никогда не обладал.

Напрягая все силы, Робин, опираясь на локти, приподнялся и посмотрел себе в ноги, в сторону дверей. На трельяж стоящий слева от входа, девушка в скромном форменном костюме с кремовым передником, ставила кувшин с водой, тазик и стакан с морсом.

— Мег, это ты... как всегда бесшумно и осторожно.

— Я подумала, что когда вы проснётесь, вас будет мучить жажда и вы захотите охладиться. — Её речь была тихой, приглушённой. Шёпот не резал уши с похмелья, за что Робин был несказанно благодарен девушке, понявшей его состояние.

— Ты просто ангел! Ты моё спасение! У меня внутри всё пересохло, пожалуйста, подай выпить.

Горничная взяла морс и подошла к принцу.

— Осторожнее. ваше высочество, я положила лёд туда, не знала, что вы уже бодрствуете... не пейте так быстро, мне потом сделают выговор, что я вас застудила!

— Ничего страшного, я не восприимчив к болезням от выпивки.

Девушка засияла скромной улыбкой. Ей был очень симпатичен принц, но её безумно смущала его простота и прямота. Он так мило и по-доброму всегда относился к ней, шутил. Но не только поведение и отношение нравилось Мег, ей Робин был приятен и физически. Его глаза, такие мягкие, подчас заносчивые, делали девушку безвольной и скованной. Сильные руки, протягивающиеся к ней, чтобы принять из её ладоней стакан, создавали ощущение уверенности. Плечи и грудь, с которых он откинул одеяло, расположившись поудобнее, в меру смуглые, подкаченные. Волосы, такие красивые, густые, светлые, льющиеся; растрёпанные и падающие на лоб, сейчас придавали ему забавный вид.

— А который час, Мегги?

— Двенадцать, ваше высочество.

— Ох ты! Здорово же я вздремнул...не рассчитывал, что так долго не приду в сознание.

Поняв, что её долг выполнен, она с неохотой собралась уходить.

— Подожди! Мег, поднеси воду, я умоюсь.

Не успев проснуться толком, Робин в очередной раз включился в свою игру в неспособного о себе позаботиться мальчика. Брызнув на лицо и шею прохладной водой, принц почувствовал себя лучше. Горничная подошла ближе, чтобы дать полотенце. Ей было так приятно приблизиться к этому мужчине. Однако, начав наслаждаться моментом, Мег поняла, что теряет равновесие и падает на шёлковую простыню. Не успев прийти в себя, она поняла, что сверху на ней лежит принц, который привлёк её к себе, найдя девушку довольно привлекательной и желанной в это утро.

— Ваше высочество! Что вы делаете?!

Оттолкнув со всей силы от себя молодого человека, Мег вlepила такую пощёчину, что тот свалился на пол. Выросшая в деревне, и привыкшая к тяжёлой работе, девушка могла запросто за себя постоять, поэтому Робин, можно сказать, напрасно предпринял такую попытку. Однако он был не из тех, кто действовал только силой.

— Вам не следовало так поступать, вы же знаете — это не прилично и...и... просто возмутительно!!!

Служанка встала и начала отряхиваться. Её движения были резкими, неосознанными, автоматическими.

— Никогда больше не вытворяйте такое!

Когда она остановила поток своих причитаний, то заметила, что принц лежит без движения в той самой позе, которой упал на ковёр.

— Мой Бог! Что такое? Ваше высочество, что с вами? Боже Всемилостивый! Пожалуйста, не молчите, скажите что-нибудь! Прошу вас, очнитесь!

Мег опустила на колени и попыталась привести принца в сознание. Наклонившись к лицу Робина, она хотела услышать дыхание. Жив ли он? В эти секунды тревога и отчаяние так захватили девушку, что у неё почти темнело в глазах. Всё тело дрожало, и холодный пот выступил на висках. Как угораздило попасть в такую историю? Горничная винила себя за то, что не рассчитала силу. Робин ведь не хотел ничего плохого, можно было и более мягко объяснить, что не следует так поступать. Зачем она вообще пришла сюда? Её могла заменить и любая другая прислуга.

Внезапно почувствовав на спине руки принца, Мег удивленно ахнула, но способность убраться и отскочить в сторону девушка потеряла в результате пережитого шока. Теперь она могла только радоваться его оживлению. Но...стоп! Был ли он вообще без сознания? Размышлять было поздно, поскольку настойчивые пальцы Робина крепко притянули к себе Мег, а губы скользнули по её губам, обжигая сладким поцелуем, от которого сломилось последнее сопротивление...

Одна их дверей приоткрылась. Из-за неё, в бледно-карамельном платье, шагнула Беллона. Не успев открыть рот, чтобы поприветствовать родственника, она улицезрела всё, что творилось на полу. На пушистом, шерстяном ковре с великолепными золотыми рисунками, изображающими фазанов в саду, греющихся возле водоёма, лежал брат в одном нижнем белье с какой-то девушкой. Вытянув лицо от изумления, принцесса не знала, как поступить. Ей нужен был разговор, но вроде бы уйти было самое место. Столкнувшись с подобной картиной первый раз за всю свою, пока небольшую, жизнь, Беллона оцепенела. Представшее перед ней, казалось верхом пошлости и распутства. Как сказала бы мадам Бланж: «Блуд». Сейчас королевская дочь начинала догадываться о полном смысле этого

слова. Она ничего не знала о взаимоотношениях полов, хотя была в курсе, что дети появляются в результате их столкновения. Помимо поцелуев, о которых рассказали подружки, Беллона не интересовалась, чем ещё занимаются мужчина и женщина, когда остаются наедине. Лучшим вариантом принцесса выбрала привлечь к себе внимание, а дальше пусть они решают, как поступить...

— Добрый день, братец, — произнесла почти по слогам Беллона.

Принц дёрнулся и в один миг поднялся на ноги. Маленький переполох быстро улёгся, когда горничная с глубоким поклоном пулей выскочила из покоев, забыв унести с собой посуду. По простому наряду цвета бордо, принцесса только теперь поняла, что это была служанка.

Робин сначала неловко озирался вокруг себя, но потом, приняв гордый вид, плюхнулся под балдахин и уже оттуда стал подавать голос.

— Что тебя принесло? Единственный раз заявила ко мне, и то не вовремя.

— Я...

— О, пожалуйста, говори тише, иначе я буду вынужден просить тебя удалиться.

— Хорошо, — приглушённо произнесла Беллона, — я пришла поговорить с тобой, по поводу вчерашнего утра...

— А что было вчера утром? Кстати, почему ты зашла без стука и предупреждения? Где мой дворецкий и слуги, которых, я чувствую, нужно уволить ко всем чертям?

— Они все на месте, просто ты мне был очень нужен и встретившаяся мне тётя Коломбина, посоветовала пойти и разбудить тебя...

— Я встаю только тогда, когда считаю это нужным. Запомни. Так чего у тебя со вчерашним утром? Припоминаю, ты очутилась у меня перед дружеской делегацией с Олтерна и развлекла их, пока я был у отца. И что с того?

Беллона выдержала паузу — не вспомнит ли Робин, что-нибудь по поводу того, что король не посылал дочь к наследнику. Но нет, в его выражении не читалось ничего кроме попытки собраться с мыслями и превозмочь головную боль.

— Я хотела узнать кое-что об этих людях, которые были с тобой. Ты ведь провёл с ними потом весь день?

— Ну, мы проехали по Риджейсити. Посмотрели наши знаменитые театры, заехали в парламент. Осматривали город, проще говоря. Им безумно он понравился. А потом граф Бенк увёз их показывать свои угодья, где они и остались. Природа и свежий воздух привлекли куда сильнее, нежели шум и столпотворение. Так что я с ними не сильно возился. Зачем они тебе нужны? Откуда такой интерес?

— Мне...да так, я заинтересовалась приезжими людьми, что в этом странного?

— Ничего. Просто, по-моему, ты из своей норки никогда не высовывалась и тебя пугает постороннее присутствие.

— Не угадал! Допустим, я не привыкла к разностороннему общению, но мне нравится заводить знакомства!

Робин поморщился.

— Не шуми. Мне кажется, я сейчас распадусь на части, а ты меня потом будешь собирать.

— Извини. Просто я не согласна с тобой. Мне не приходилось попадать на какие-либо мероприятия, кроме семейных или полу-деловых, в узком кругу, вечеров. А если бы пришлось, я бы вряд ли сторонила людей. Сам видел, что я не постеснялась найти общий

язык, даже с взрослыми мужчинами.

— Да. Признаться был удивлён. Думал, посрамишься.

Принц рассмеялся, но сразу остановился, ухватившись за затылок, в котором эмоция отдалась очередным взрывом.

— Ох, за что на меня столько проблем... так что именно тебе нужно узнать-то про них?

— Я бы хотела снова с ними встретиться.

— Не слабые заявки. К чему тебе лишние проблемы? Сиди у себя, да читай книжки, или занимайся другими девичьими делами. Вышивай крестиком...

— Ты не понял, я на самом деле хочу увидеться с ними.

— Тебе они показались такими любопытными и незаурядными? А по мне так кучка простофилей, даже провести досуг как нормальные дворяне не могут. Бедный Мартин, он до сих пор, наверное, терпит их маразм. И как хозяин дома ведёт себя предельно вежливо, чтобы не обидеть гостей. Поверь, они замкнутые, интроверты. Держатся друг друга и часто предпочитают промолчать, вместо того, чтобы рассказать чего-нибудь весёленькое.

— Это не недостатки. Просто они более ответственные и серьёзные, чем ты со своими друзьями. Вам бы стоило у них поучиться, ведь честь вельможи...

— Если бы ты слышала их понятия о чести, не стала бы за них заступаться, придя в неопикуемый ужас от подобных рассуждений. Мне, конечно, они в некоторой степени импонируют, но ты бы бежала куда подальше заткнув уши.

— Ты наговариваешь. Перестань быть паяцем. Я пришла не трунить над тем и этим, а просто поговорить.

— Я весь внимание, только перестань корчить из себя надзирательницу, сделай вид попроще.

Беллона помолчала некоторое время. Потеребив миниатюрное кольцо с солнечными топазами, девушка присела на низенький пуфик, ютившийся рядом с кроватью брата. Одернув подол и расправив складки, она подняла лицо. Волосы, такие же, как и у Робина, только завивающиеся крутыми волнами и, из-за палитры в которую была одета, отливающие медью, были распущены по плечам, от чего она выглядела настоящей красавицей.

— Так ты сможешь устроить встречу?

— Я не вижу в ней смысла. Дать пообщаться тебя с новыми личностями? Для этого есть и другие способы, и другие персоны. Эти люди приехали по делу.

— Прошу тебя! Я бы могла произвести на них ещё более положительное впечатление в политических целях, разумеется.

— Предлагаешь взять на себя заботы о времяпрепровождении этих рыцарей?

— Да, — не думая, отрезала принцесса.

— Замечательно, у меня появится свободный завтрашний день...смогу не напрягаться, что и где продемонстрировать для удовлетворения их желаний и тяги к знаниям...

Принц задумался. На переносице залегла складка. Тщательно перебирая что-то и раскладывая по полкам. С одной стороны, ему это было на руку, в частном плане, а с другой — опять бы пошли толки о его безалаберности. Хотя, со стороны репутации бояться ему было нечего. О его похождениях никто не знал, они были скрыты от чужих домыслов и пытливых умов. А вот относительно нрава и характера нечего было терять. Он был неисправим. Эгоист и лентяй — так его описывали дипломаты и знакомые родителей. А касательно репутации принцессы? Что бы сказали о ней, если бы узнали, что она провела день в обществе плохо знакомых гостей и занималась тем, что их развлекала? Решительно

для девушки это был не вариант. Однако не его это, Робина, проблемы. Её встречу с орденосцами можно было бы и как-нибудь замять. Да вообще сделать так, как будто её не было! Как заманчиво выглядело свободное время, предоставляющееся в распоряжение принца, если Беллона займёт олтернцев...

— Я согласен.

Девушка хотела крикнуть «спасибо!», но сдержалась, вовремя вспомнив о мигрени брата. Чмокнув в щёку Робина, Беллона еле слышно поблагодарила его.

— Не обольщайся так, Белл. Отец может запретить тебе это. Я постараюсь организовать всё, но ничего не обещаю. Ручаться за какую-либо реакцию короля никто не может, он иногда довольно-таки непредсказуем.

— Его величества два дня здесь не будет, к твоему сведению, братик.

— Ах ты, маленькая интриганка! Не ожидал от тебя такой прыти. Вот уж дались тебе эти орденосцы.

— Постараешься устроить всё завтра?

— Попробую. А мать?

— С ней я, возможно, договорюсь.

— Дерзай. Интересно, что из этого всего выйдет.

Договорившись за обедом о беседе с матерью, Беллона упивалась холодком тени в компании своих бессменных подруг. Они опять сидели в том же месте, что и в прошлый раз, только теперь их сопровождала Ромашка, которая крутилась у ног девушек.

— Значит, ты снова с ним повстречаешься? — любопытствовала Габриэль.

— Ещё ничего не решено, но я надеюсь, что мы с Робинем сможем осуществить свои идеи.

— Как хорошо, что у тебя такой отзывчивый брат!

— Ну да. Он согласился только в угоду себе. Для него тоже польза. Оказаться незанятым и непривязанным ни к чему! Вот что ему нужно было.

— Даже если так. От перестановки слагаемых, сумма не меняется. Не важна причина, важно то, что он помогает.

— Лучше было бы, если он делал это от чистого сердца, а не от корысти.

— По мне, так без разницы.

Принцесса посмотрела на Габи с недоверием: «Так уж тебе и без разницы на то, из каких соображений исходя люди совершают те или иные поступки?». Та скорчила индифферентную гримасу и сменила тему. Беллона знала, что девушка любит казаться непробиваемой и привыкшей ко всем поворотам судьбы. Она внутренне сама себя готовила к трудностям мира, закаляла невосприимчивость к человеческой жестокости, злобе, подлости, предательствам. В будущем пригодится иметь иммунитет к ударам сзади и подвохам. Габи заставляла себя сдерживать слёзы, не показывать обиду и горечь, игнорировать насмешки, язвительность, уколы самолюбия. Правда, всё же гасить чувства у неё плохо получалось, несмотря на её усердные старания.

Беллона боролась с этим как могла. Её убеждения были противоположными. Попытаться достучаться до чьей-то души, растормошить переживания, посочувствовать и подсобить — вот что нужно было делать, а не становиться такой же пустой, как недруги. К тебе повернулись спиной — не втыкай в неё нож. Подойди с другой стороны и сделай ещё одну попытку растревожить самое светлое, что есть в ком-то. Габриэль же считала, что

существуют люди, у которых напрочь отсутствует всё светлое и тревожить в них нечего.

— Мария, а ты что молчишь? Каково твоё мнение об этом всём?

— Я рада, что твои мечты вскоре могут сбыться. Но это очень сложно и шансы равны один к десяти, что получится что-то дельное. Ты ведь представления не имеешь, во что это всё может вылиться. Да и королева Веста вдруг не пойдёт на уступки...

— Как раз за это я и беспокоюсь больше всего. Хотя мама никогда не была со мной категоричной, всё же согласие на такое, есть вероятность, что не даст. Но, в принципе, она оживилась вчера, узнав, что я выхожу в круги новых знакомых. Даже похвалила меня за смелость и находчивость. Кто знает, быть может, воспримет за хороший урок-подготовку к моей премьере, да поспособствует.

— А если его величество узнает обо всех приключениях? Ты не думала над этим?

— Конечно думала! Я очень надеюсь, что мы сохраним всё в тайне, но если всё же что-то всплывёт наружу... Отец никогда не был со мной крайне строг, однако наказывал иногда; помню, не выходила из спальни целую неделю, а однажды должна была выучить пятьдесят три сонета и прочесть их наизусть. Что он придумает что-то более страшное, я сомневаюсь. Чего я больше всего боюсь, так это школы в Интермедии. Там не будет вас... все чужие, монастырские порядки и круглосуточный зубрёж. Встречи с родственниками только по праздникам. И так до самого замужества. Если я попаду туда, то потеряю привилегию собственноручно выбрать себе мужа.

— Как, родители разрешили выйти замуж за кого угодно?

— Дурочка ты, Габи. Разумеется, выбирать мне позволено любого... из принцев и наследников. А повернуть голову в сторону от престола, я не могу даже при всём желании.

— Так может, откажешься от своей задумки, пока не поздно? — настойчиво произнесла Мария.

— Нет. Ни-за-что!

Сидя перед матерью, Беллона снова растерялась. Теперь она не вела себя так уверенно, как при графине и эрцгерцогине. Пыл понемногу сошёл, и оставалось осторожно, не сказав ничего лишнего, и не наделав глупостей, убедить королеву в необходимости приведения в действия замысла принцессы. Ещё больше смущало присутствие баронессы фон Даберлёф и графини Тревор. Королева не сочла нужным отпустить их, ведь разговор обещал быть не на личную тему, а на сравнительно отстранённую. К тому же, лучше фрейлины узнают всё из первых уст и примут участие в незначительном заговоре, чем будут разносить невообразимые слухи.

Веста приняла дочь с радостью. Ей было приятно оттого, что они с Беллоной становились ближе и больше доверяли друг другу. Тёплые отношения в семье — вот чего она всегда хотела. Страстно полюбить венценосного супруга у неё так и не получилось, поэтому она черпала счастье из взаимоуважения и заботы. Хотя в молодости Робин вызывал в ней довольно сильные чувства, чаще он приносил ей боль и разочарования своими изменами и поверхностностью. Ей хотелось больше проводить время вместе, стать друзьями, говорить обо всём на свете, дарить нежность и получать взамен то же самое. Но он был не моногамен и не усидчив. Ценил свою дорогую половину за верность, понимание и разумность, король предпочитал более яркую и непостоянную жизнь. К тому же дел всегда было так много, что собственно на романтику и сердечность сил не оставалось. Но Веста была благодарна ему за то, что он никогда не унижал её официальными фаворитками, мельгешащими по замку

любовницами. Если королева где-то появлялась, то никто не смел даже намекнуть на то, что короля интересуют другие женщины.

В следующем году Весте исполнилось пятьдесят лет, но её благородная, царственная красота ещё не поблекла. В её профиле, изящно очерченном рте, благочестивых и внимательных глазах, была хорошо заметна настоящая порода голубых кровей. Забранные назад когда-то золотые, а теперь больше серебряные волосы, открывали овальный контур лица, правильный и классический. Причёску украшала корона тонкой работы, не парадная, а просто символическая. Вставленные в оправу бриллианты переливались радужными красками, блистая, как росинки на утренней траве. Такие же камни виднелись и по всему платью тёмно-голубого цвета.

— Как замечательно, что ты снова пришла, дочка.

— Я тоже рада, что могу смело поделиться с тобой всем, мама.

— О чём ты хотела поговорить?

— Я хотела продолжить о вчерашнем...

— Ты переживаешь по поводу дня рождения тёти Виктории? Я же говорила — причин для беспокойства нет, впереди много времени, а твой папа, как только освободится, сразу займётся твоим поручителем.

— Нет, я не об этом. Здесь я совершенно спокойна. Я насчёт прибывших с Олтерна.

— Ах, рыцари ордена Стелы Нордмунской? Им что-то не понравилось? Или что-то произошло?

— Нет, мамочка, всё в порядке! Они всем довольны и пребывают в добром здравии.

— Тогда что же опять привлекло твоё внимание к ним?

Беллона посмотрела сначала на одну женщину, находившуюся за спиной её величества, потом на другую, сделала вдох и продолжала дальше.

— Дело в том, что они в залог будущей дружбы наших планет приехали к Робину, младшему. Он должен был показать наше расположение к ним и заняться тем, чтобы они устроились как можно лучше. Но у него возникли дела. Ему нужно уехать в одно графство. Гостей оставлять на собственное попечение как-то некрасиво, нужно чтобы кто-то заменил брата. А так как хозяйка мы, королевская семья, нужно чтобы кто-то из неё сделал это. Я и подумала, раз я уже была им представлена, почему бы не мне завтра принять на себя эти почётные обязанности?

Королева, выслушав до конца, ушла в себя. Можно было догадаться, что она планирует всё очень тщательно. Прикидывая, как всё будет гораздо лучше, Веста отвлеклась буквально на пять минут. Она не очень многое мыслила в политике и никогда не решала подобных вопросов и сейчас, по правде, растерялась.

— Полностью согласна с ходом твоих мыслей, дорогая, но твой отец, он никогда не позволил бы тебе принять участие в подобном. Пойми правильно.

— Да, я понимаю, мама.

В этот момент раздался голос Алисы Тревор.

— Однако, ваше величество, вашего супруга сейчас нет во дворце, и вы в праве сами решить, как поступать.

— Алиса, но зачем делать что-то ему наперекор? Я никогда не брала на себя такую ответственность...

— А кто сказал, что это столь значительное событие, что сможет привлечь его внимание?

Намёк был тонкий, но особого труда не составило прочесть между строк: «А кто собирается докладывать ему об этом?».

— Графиня Тревор, а вы не государепослушная подданная...

— Что же со мной поделать, ваше величество!

Беллона с признательностью смотрела на подругу матери. Она готова была броситься ей на шею и расцеловать за поддержку.

— Если все считают, что предосудительного ничего нет, то я даю своё разрешение дочери.

Тут подключилась баронесса.

— А я не поддерживаю этого. Юной девушке не пристало развлекать кучку мужчин! Это безобразие! Куда покатится мир, если это всё произойдёт!

— Что такого неприемлемого, Клотильда, ты видишь в нашем решении?

— Всё! Буквально всё! Как она одна сможет быть в их присутствии? Это же скандал, не меньше! Чёрти что начнут говорить о нравах принцессы. И, поверьте мне, самым безобидным будет, если скажут, будто она легкомысленная и поддающаяся дурному влиянию.

— Ты права, она не должна быть одна, ей нужны спутницы. Беллона, когда всё будет готово, возьми с собой сопровождение. Думаю, Габриэль Нови вполне подойдет? Ну и ещё какую-нибудь подругу, тогда никто не скажет, что ты была без присмотра.

— Спасибо, мама! Ты не представляешь, как я тебе благодарна!

— Не за что. Ты должна развиваться и активно участвовать в том, что считаешь нужным. Это моё мнение, а с королём мы побеседуем, если придётся. Сложностей возникнуть не должно. Я надеюсь на это. Но давайте постараемся, что бы его величество всё-таки не узнал обо всём этом.

Принцесса на седьмом небе от счастья пересекала восточный двор. Всё так удачно складывалось! Она и не ожидала, что королева так легко пойдёт на всё. Видимо, Беллона действительно мало общалась с матерью и вследствие этого плохо её знала. Та, оказывается, совершенно не умела быть строгой и неуступчивой. Хотя способствовала окончательному вердикту графиня. Её характер и ум были более жёсткими, чем у королевы. Она привыкла всегда всё делать сама, думать сама, так как её супруга редко можно было застать дома, в семье. Он всегда был в командировках и деловых поездках. А любовь к принцессе у Алисы была безграничной. Ей безумно хотелось иметь дочь, в которой ей было отказано природой, и поэтому она старалась стать Беллоне второй матерью. Баронесса фон Даберлэф, напоследок, тоже смирилась с тем, что её втянули в комплот, но после того, как ей пообещали, что её дочь Матильда непременно будет участвовать в намечающейся прогулке. Осталось дожидаться брата и узнать, что же у него вышло. Хотя, могла быть жуткая вероятность, что он, увлечшись своими заботами, плюнул на просьбу сестры и потешался где-нибудь с девицами и приятелями.

Лишь в первом часу ночи Беллону разбудил стук в дверь. Сначала слабый, а потом более сильный и громкий бой о дерево. Быстро включив сознание, принцесса помчалась отворить замок. Споткнувшись на ходу о табурет, она повернула ключ в скважине, отодвинула защёлку ипустила позднего посетителя. Робин спешно переступил порог и, пробежав по комнате, опустился на стул. Первый миг девушка даже вздрогнула, испугавшись, поскольку не сразу узнала брата в чёрном плаще с поднятым воротником. Тот, отдышавшись, махнул рукой, как бы поздоровавшись ещё раз, мол, «виделись!».

— Доброй ночи. Скажу заранее, если ты сейчас меня обрадуешь тем, что тебе ни черта не разрешили, я удушу тебя твоими же подушками.

— Нет, всё налажено. Завтра я могу орудовать по своему усмотрению.

— Вот и славно! А теперь слушай меня. В девять часов тебя будут ждать в графстве Финкер-Оренстофф, у Мартина Бенка. Он в курсе дела и поможет тебе, как только будет способен. Там назначена охота, зверя уже пустили и вам предстоит отличное времяпрепровождение...

— Охота? Но я ненавижу её...

— Мне всё отменить?

— Нет, нет! Конечно же, нет! Продолжай...

— Собственно продолжать нечего. Как я уже сказал, тебя будут ждать, и тебе практически ничего не нужно делать, только почтить своим присутствием и занять всех увлекательными диалогами, впрочем, и до них дело может не дойти. Хорошо бы, чтобы ты была там не единственной девушкой, потому что трудно будет находиться с непривычки в таком окружении...

— Мне об этом же говорили мама и её подруги. Я уже решила, со мной будут ещё три спутницы.

— Твои сопливые компаньонки по детским играм?

Принц прыснул от смеха, но, вспомнив о том, что все спят и лучше не привлекать внимание, уткнулся в рукав и успокоился. Ему представилась забавная картина, как несмышленные несформировавшиеся девчушки, пытаются увлечь своим лепетом взрослых людей с обширными знаниями и престижным образованием. Как они неумело болтаются в сёдлах, пытаясь не отстать от мужчин, и при этом считают, что выглядят на уровне. Что за бред? Он мог бы и раньше сообразить, какая несуразица выйдет. И что подумают потом олтернцы? При всём безразличии к их мнениям, тут Робину стало не до шуток. Может и лучше, если принцесса будет одна одинёшенька, она хотя бы смысленная не по годам и смогла кое-что доказать в этом отношении.

— Они не сопливые. Все старше меня. Марии вообще девятнадцать лет!

— Мария? Она едет с вами?! Ты сумасшедшая! А как же её незаконнорожденное происхождение? Ладно ещё здесь, дома это воспринимают нормально, но рыцари-то заграничные... вы случаем на пироги к её матери не собирались?

— Перестань. Без неё я бы не решилась никуда поехать. Она такая опытная, грамотная и сведущая во многих вопросах. Она и подскажет, если что, и спасёт любой зашедший в тупик разговор! Ты даже не представляешь, насколько тактично у неё получается уводить всё в нужное русло и выходить из сложных ситуаций. И о юношах знает достаточно, чтобы комфортно чувствовать себя в такой компании. У неё есть чему поучиться.

— Смотри, не перехвали её. К тому же это всё не спасает её родословную.

— Не живи предрассудками. Главное, каков сам человек, на деле, а не то, что принято о нём думать.

— Стереотипы — жестокая вещь, и мы все им подвергнуты. Для некоторых сестёр рядом за столом с подобными ей, считается оскорблением.

— Но это неправильно! Так не должно быть...

— Слушай, не я устанавливал такие неписанные правила и не мне их отменять.

— Я разрушу эту стену людской глупости и слепоты. Мария будет завтра со мной.

— Твоё дело, но я бы не рекомендовал тебе этого.

— Беру её с собой и точка.

— Что ж, тогда я откланиваюсь. С меня больше никакого спроса. Вся ответственность на тебе и в случае приключения плавно перешедшего в злключение — я был изначально против всего этого.

— Спокойной ночи!

— Доброй, Белл, доброй. Спокойной желают только детям, таким, как ты, а мне ещё предстоит бодрствование большой протяжённости.

Покачав головой, принцесса заперла свои покои за братом и, упав на мягкие перины, погрузилась в сон.

Глава 5. "Охота"

Ловя в зеркалах отражение, Беллона не могла окончательно определить, всё ли было так, как нужно. Внешний вид вызывал неуверенность, которую ранее она никогда не испытывала. Всё как будто было не на своих местах и смущало, несмотря на то, что на ней была её любимая форма одежды — амазонка. Капри хвойного цвета обтягивали стройные ноги, зашнурованные спереди по колено в сапожки из тонко выделанной оленьей светло-каштановой кожи. Белая блуза из хлопка сверху дополнялась плотным жакетом, застёгивающимся на крупные пуговицы с гравюрами. Но даже облачённая в зелёные тона, принцесса держалась скованно, хотя именно они, как никакие другие подчёркивали её красоту.

На затылке развивался хвост, расчёсанный до блеска и сияющий, как настоящее золото. Он был тугим и высоким, чтобы волосы не мешали во время скачки. Бижутерией было решено не дополнять гардероб, так как на просторе, в открытой местности, она была ни к чему; Беллона сама выглядела, как бесценный алмаз. На этом сошлись все служанки, Габриэль и Мария. Сами они в свою очередь сильно уступали по облику принцессе. Не такие прекрасные и яркие, похожие на полевые цветы рядом с садовым. Как звёзды поблёскивают при Луне, так и они отражали свет более сверкающего светила.

Виконтессу, несмотря на не особенно выделяющиеся черты, многие находили притягательной, но правильнее было бы назвать её смазливой и обаятельной. Маленький носик, пухлые губки, постоянно пребывающие в улыбке, озорной и что-то замышляющей, ямочки на щеках. Нимб мелких кудряшек, пшенично-рыжеватых, довершал общее впечатление о ней, как о беспокойной, непоседливой особе. Габриэль любила подчеркнуть оранжевый отлив локонов контрастом с голубым. На намечающееся мероприятие она как раз надела лазоревый костюм. Причёску делать не согласилась, так как её шевелюра выглядела довольно экстравагантно и пламенно, когда ещё больше растрепывалась при движении и развевалась на ветру.

Про Марию мало что можно сказать; её почти никак нельзя описать. Ровным счётом она была «никакая». Кроме глаз, унаследованных от отца — авантюрных, бесстрашных, энергичных, в эрцгерцогине невозможно найти ничего примечательно. Длинные прямые волосы обрамляли лицо, интересное только своей живостью и интеллектом. Эффектные наряды с сочными и насыщенными красками ещё больше смазывали несущественные положительные стороны, поэтому Мария довольствовалась серой амазонкой с чёрной отделкой. В этом она была строга и внушительна.

Уговорив Беллону, что она выглядит безупречно, подруги покинули комнаты и направились туда, где их уже ждала, или должна была ждать, дочь баронессы фон Даберлэф — во двор принца Робина, к конюшням. Там уже стояли подготовленные кони и обмундированное сопровождение в лице двух лакеев и четырёх стражников из королевской гвардии. Это была самая надёжная охрана, какую только можно было придумать. Проверенные и надёжные люди, прошедшие скрупулёзную проверку и подготовку, гордость любой армии. К тому же, с лёгкой руки Робина Третьего, у них был не столько грозный, сколько нарядный вид. Красные мундиры шитые золотом, с широкими отворотами отороченными чёрной тесьмой сидели на мускулистых солдатах, как литые. Вдоль

воротника толстой линией шла вышивка, подчёркивая солидность их миссии. Ботфорты были начищены до зеркального блеска настолько, что даже слепили глаза, отражая в себе свет. Известно было, что для такого эффекта, в казармах к гуталину добавляли шампанское, но так готовились только к таким важным выездам, как этот. Треуголки с алой каймой смотрелись элегантно. В довершение ко всему, на руках у них красовались перчатки с такими же золотыми узорами, как и на мундирах.

Принцесса считала, что это всё было излишним, и армия должна выглядеть более скромно, на что король непременно отвечал: «Где-нибудь, может она и должна быть попроще, но у меня во дворце, прямо под носом, она будет такой, какой мне приятно её видеть. В прекрасном месте, всё должно соответствовать ему». Спорить с этим человеком бесполезно, также как и со всеми монархами, поэтому никто не вступал в пререкания.

Шагая по двору с подругами, Беллона встретила со своим садовником. Он, как всегда, был целиком и полностью погружён в работу, однако оторвался от неё, чтобы поприветствовать молодую госпожу.

— Утро доброе, ваше высочество!

— Здравствуй, Норман! Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, спасибо за беспокойство.

Девушка улыбнулась и, повертев головой, кивнула Марку, подрезавшему рядом листья.

— Вы сегодня так восхитительны... — покраснев, сказал он и снова уткнулся в цветы.

— Ты очень любезен, Марк, спасибо. Мне крайне важно знать, как я выгляжу...

Беллона сама вогнала себя в краску.

— Вы не умеете плохо выглядеть, ваше высочество, — вмешался старик — но, позвольте поинтересоваться, куда вы собрались?

— Я еду на охоту...

— Вы же терпеть не можете подобных вещей?

— Да, но... лучше пожелай мне удачи, я безумно волнуюсь.

В принцессе действительно ощущалось переживание. По спине у неё пробежала дрожь.

— Да прибудет с вами Господь, ваше высочество! До свидания!

Когда оставались последние секунды до того, как нужно было ступить во двор брата, Беллона снова почувствовала тревогу. Она никогда ни совершала ничего подобного. Без разрешения отца, без одобрения своих действий, без согласия Марии, которая хоть и вела себя непринуждённо, но всё равно показывала, что до сих пор против всего этого. Утешала одна Габриэль, веселившаяся с семи часов и вдохновлённая предстоявшей скачкой. Несмотря на представление о них Робина-младшего, все три девушки отлично сидели в сёдлах, особенно виконтесса. Возможно, лучшей стала бы принцесса, но ей редко представлялся случай вдоволь накататься на лошади, в то время как Габи делала это в своё удовольствие, сколько ей было угодно.

Оказавшись на дорожке, напротив конюшни, Беллона увидела свой эскорт, в том числе и Матильду фон Даберлэф, единственную придворную, с кем принцесса могла бы соперничать в красоте. В фиолетовом одеянии, она слащаво улыбалась, ощущая свою значимость и вызываемую реакцию у мужчин. Дразня вызывающим видом и соблазнительными взмахами ресниц, виконтесса гордо держала голову, высоко её поднимая. В общем, сладкий запретный плод, который манил, но не подпускал к себе.

Принцесса загляделась на эту красивую девушку. Соперницей её назвать было трудно — они ничего не делили между собой и ни разу не вступали в словесные баталии, но каждая

встреча оборачивалась колкостями со стороны Матильды и призрением в ответ от Беллоны. Что имели они друг против друга? Ничего конкретного, но это «ничего» проскакивало как молния или электрический заряд между двумя полярностями. Одна выигрывала преобладанием опыта, другая его отсутствие заменяла природными талантами; разные, но обе с амбициями и желанием быть по заслугам награждённой в этой жизни. Беллона ещё не знала чем и за что она хотела быть награждённой, а вот баронесса фон Даберлёф чётко видела, что хочет получить и каким образом.

Очередная мысль появилась в голове юной дочери короля. Какое же всё-таки произведёт впечатление она на графа Аморвила? Намереваясь вести беседу как можно больше конкретно с ним, нужно знать, о чём следует говорить и как себя лучше преподнести. Какие качества проявить, а какие напротив — оставить незамеченными? Всё это сложно и неопределённо. Беллона проклинала отсутствие в своей жизни юношей и молодых людей, общаясь с которыми она могла бы к настоящему моменту быть готовой и мало-мальски знающей что-то. Из двух фраз кинутых Дерекком, помнилось лишь предвзятое отношение к женским особям. Хотя он подчеркнул, что иногда его мнение и меняется. Но что нужно, чтобы его взгляд на принцессу стал положительным? Как свернуть цепь рассуждений мужчины в необходимое русло? «Жаль, что не удалось толком поговорить и обо всём расспросить Марию» — думала Беллона. Та, конечно, всегда была рядом, но уже не тот момент, чтобы просить советовать. Искушённой в такого рода делах была и Матильда, но от той помощи ждать не приходилось, а напротив, можно было опасаться подвоха или каверзных ситуаций. Габриэль с утра заявила, что если их противница позволит себе что-нибудь не то, она собственноручно переломает ей все кости и вправит ум на подобающее место. Высказавшись в резкой форме и тем самым успокоив подруг, Габи чувствовала себя защитницей и ангелом-хранителем.

Запрыгивая на лошадей с помощью лакеев, все девушки обменялись обычными любезными словечками. Как бы того не хотелось, а в пределах дворца соблюдать вежливость было святым законом. К тому же Беллона не хотела доставлять неприятности матери, которая могла попасть в неловкое положение перед своей подругой и фрейлиной — баронессой Клотильдой. Может, так оно было и лучше — как всегда стараться не обращать внимания на раздражающий предмет и тем самым беречь своё спокойствие. Принцесса пользовалась известной мудростью: «Дурак спорит с каждым, а умный с равным». К первым ей относиться не хотелось, а ко вторым не хотелось причислять Матильду.

Подоспевшие слуги открыли ворота, выпуская собирающихся на выезд. Благо, что у принца был свой путь из дворца в город и вообще на дорогу; не пришлось пользоваться парадными вратами с перекидным мостиком и тем самым наводить шум. Хоть та тропа была и более безопасной, а эта шла через тенистый лес и сначала сворачивала во владения старого генерала Меджимела, потом в город, а уже после в Финкер-Оренстофф.

Дорога эта была проложена потому что западное крыло было главным, королевским во времена Робина Первого. После разрушений революции 1995–1999 годов, этой части замка не осталось — оно было взорвано и растащено по частям «недовольными». Юный принц, взошедший на престол, не захотел жить в комнатах, наполненных счастливыми, но горькими воспоминаниями о родителях. Он построил новое здание, более свободное и, в отличие от остальных строений дворцового комплекса, трёх, а не двух этажное. Оно было более функциональное, современное, без лишнего пафоса и декоративности. Реставрировав и полностью восстановив пышность и торжественность сохранившихся построек, сделал их

ещё изысканнее, чем прежде, Робин Первый отделал свои покои в сдержанной манере. Строгие и чёткие линии, гладкие стены без лепнины и скромные карнизы. Однако удержаться от панно на потолках он не смог, и художники изобразили в каждой комнате картину по тематике. В столовой — вакханалию с пиршественной сценой и трапезничающими людьми, в кабинете — воина-победителя, стоящего на шкуре дикого зверя с венком, венчающим голову и поверженными врагами у ног, в салоне для вечеров — кружащихся в хороводе прекрасных дев и амуров с арфами. Ещё одним и последним украшением были часто встречающиеся арки. Они были повсюду: двери, окна, любые углубления и полки, всё это обрамлялось арками. Даже картуш над основным входом был вделан в очередную. На нём, кстати говоря, красовались пламя и вода Карлеалей — их родовой герб, а под ним девиз «Горячее сердце и неиссякаемая справедливость». Как бы говорилось, что несмотря на всю вспыльчивость натуры королей, они всегда всё решали правильно и рассуждали благородно, великодушно. Нужно заметить, что среди них действительно не было тиранов, деспотов или предателей интересов своего государства.

Но в этой части замка почти до полудня было темно и хмуро, поэтому Робин Второй сразу перебрался на место прежних монархов, а новостройку оставил наследнику. Так с тех пор и повелось. Каждый новый принц приукрашал свои апартаменты и теперь внутренняя обстановка не сильно отличалась от обстановки всего дворца, а вот внешний фасад вызывал какой-то дисбаланс всей композиции.

Двор так же не отличался изяществом; по траве всегда топтались лошади, и здесь ничего не сажалось. По краям стены прикрывали кусты жасмина и редкие клумбы розового и сине-фиолетового люпина, который разросся и, воспользовавшись свободой, рос как попало.

Итак, десять всадников тронулись в путь. Лёгкой рысцой они оказались на той самой тропе, которая вскоре должна была превратиться в широкую дорогу. По сторонам редко зацветший из-за недостатка солнца орешник-лещина прятался под сенью столетних дубов, кроны которых густо закрывали небо и смыкались над головами, а стволы с морщинистой корой, щербатой и в некоторых участках тронутой лосем, или молодым оленем закрывали от глаз чащу леса. Кое-где виднелись небольшие ёлки, с очень тёмной хвоей и рыжеватыми шишечками. Землю плотно покрывал папоротник и, местами, влажные мхи. Там, где старые и грозные деревья располагались не так близко друг с другом, светились крошечные полянки с выбившимися дикими вишнями, которые всё равно не смогут разрастись, так как их корням не было места.

Через минут пятнадцать появился крутой поворот, и дорога повела вниз, не очень резко, но было ясно, что королевский замок был построен на возвышенности. Лес стал редеть и его состав сменялся всё больше и больше на сосны и ели. Лиственные хозяева отступали, делая всё вокруг светлым и живым. По обочинам небольшие овражки собирали в себя всю влагу, и поэтому почва стала сухой на этом участке. Топот копыт стал громче и звонче. Габриэль начала говорить о том, что ей было довольно боязно ехать по тёмной дремучей местности. Она ужасно переживала, как бы ничего не случилось, но теперь все страхи ушли. Хотя, признаться, приходилось уже бывать в подобных местах в её родном Леонвердене. Беллона же была здесь впервые, не только здесь, но и вообще в подобном пространстве, в подобной ситуации. Обычно, когда приходилось добираться в Риджейсити, принцесса путешествовала по основной дороге, идущей через поля и пролески, небольшие поселения и одинокие хутора.

Скоро стало ясно, что со временем, которое должен был занять путь, не рассчитали и придётся прибыть с опозданием. Прибавив скорость, принцесса и её свита пересекали природный ландшафт, уже не рассматривая виды и красоты. Оставалось надеяться, что к десяти часам они всё-таки достигнут цели и не вызовут сильно негодования рыцарей и кавалеров, которые их ждали к девяти.

На горизонте завиднелась дорожная отметка. На внушительном столбе достигающим в высоту метров двух были приколочены три доски, ровных, геометрически точно выпиленных и сточенных так, что на одной стороне каждая имела острый конец. Все они указывали в одном направлении, а надпись на них гласила, что ответвление дороги вело во владения Меджимелов. Их земли занимали обширную территорию, от этой самой вывески и ещё около шести-семи километров на запад. Там граница обозначалась широкой рекой Вармеркур. Это была глубокая, сильная река, с упрямым течением, по которой ходили довольно-таки крупные суда. Она имела важное значение в жизни здешней торговли, крестьянства, сельского хозяйства. Исток был далеко-далеко отсюда, в сотнях километров, а окончание — у теплого Южного моря, добраться до которого по суше можно было лишь за пятнадцать-двадцать дней.

О хозяине этого района можно рассказывать долго. Старый генерал Асканио был знатным воякой и известным смельчаком. Он всю свою судьбу посвятил армии и провёл в походах, ставках. Начав карьеру военнослужащего в семнадцать лет простым рядовым, он стремился к битвам и отважным поступкам, к славе. Под началом знаменитых тогда полководцев и маршалов, Асканио изучал ратное дело, схемы построений войск и тактические манёвры. Не углубляясь в подробности, самое главное, что хотелось сказать, так это о том, что в уже зрелом возрасте он погасил восстание, возникшее в юго-восточных областях, в шахтах, за что и получил свой феодал. Доказав преданную службу королю, генерал удостоился чести получить самый близкий к дворцу земельный надел.

По иронии судьбы его единственный сын погиб около десяти лет назад в результате несчастного случая произошедшего в гарнизоне. Трагедия, произошедшая с сыном, ни коим образом не повлияла на твёрдые убеждения Асканио, что он должен посвятить свою жизнь сражениям и военному делу. Теперь генерал жил вместе с невесткой и двумя внучками, старшая из которых уже была замужем за лордом Ругитаном, члене парламента ратуши Риджейсити, уважаемом в обществе и имеющем много сподвижников человеке.

Поворот в город остался за спиной. Оказавшись на перекрёстке и увидев у постоялого двора две кареты, спутники решили удалиться как можно быстрее и постараться остаться незамеченными, что им, в принципе, удалось. Оставляя большую часть пути позади, они ехали по финишной прямой к поместью графа Бенка. Солнце уже разогревало всё сильнее, и даже встречный ветер в лицо не сильно спасал от расходящейся жары. Беллона начинала жалеть, что отказалась от экипажа, в нём было бы прохладнее, но, правда, медленнее. Золотую середину найти непросто.

— Беллона, ну как, ты не волнуешься? — виконтесса подъехала максимально близко, чтобы её слышала только принцесса.

— Конечно же волнуюсь и хочу прибыть как можно быстрее, чтобы обратного пути уже не было. Когда мы будем втянуты в охоту, всё завертится само собой и, как сказала Мари, всё будет зависеть уже от случая и нашей удачи, а не от нас.

— Она, как всегда, права. Хорошо, что ты настояла на её присутствии. Я может, одна и

не растерялась бы, но готова спорить, сделала бы что-нибудь не так.

Подруги понимающе кивнули друг другу и снова разъехались по сторонам. Эрцгерцогиня хранила молчание. Ещё утром прозвучало предупреждение, что девушка будет наблюдать со стороны и не вмешиваться ни во что. Если что пойдёт не так, она поправит, осадит или, проанализировав ситуацию, скажет что стоит добавить, как лучше выразиться, себя повести.

У самых ворот Финкер-Оренстоффа, нервы принцессы внезапно приняли невозмутимую позицию. На душе появилось удивительное спокойствие. Сама дивясь такой перемене, Беллона была готова к действиям. Очень кстати проявилась в ней эта семейная черта — брать себя в руки в самый ответственный момент. Наследница Нови и Мария Карлеаль обратившие внимание на то, что суэта прекратилась и перестали шёпотом задаваться вопросы, лишь повели плечами. Матильда, плохо знавшая девушек, ничего не заметила и ничему не придала значения. Она держалась самостоятельно и непринуждённо, отдавая приказы лакеям, которые помогали ей спускаться с коня.

Задержавшиеся на целый час, прибывшие юные леди были встречены дворецким, двумя слугами и, по-видимому, распорядяющейся всей домашней работой и хлопотавшей по хозяйству, назвавшейся кузиной графа Бенка — Дарией. Миловидная дворянка, очень приветливая и обходительная, позвала конюхов, чтобы они позаботились о животных, а сама предложила проследовать за ней, в прохладный павильон, выпить освежающих напитков и немного перекусить; в нём уже томились олтернцы и представители местной знати, имеющие отношение к «ордену». Все вокруг были порядочно взволнованные, так как ожидали высокую персону и боялись, что с ней могло что-нибудь приключиться в дороге.

— Ох, как хорошо, что вы, ваше высочество, всё же приехали. Мы все места себе не находили от тревоги, — быстро проговаривала Дария, — все так переживали, особенно мой брат.

— Не стоило так беспокоиться. Мы все живы, здоровы. Просто расстояние оказалось немного большим, чем мы предполагали.

Беллона несказанно радовалась тому факту, что первый незнакомый человек, к которому пришлось обратиться, была эта девушка, ровесницей которой почти приходилась она сама, но та была много независимей и шустрее.

На краю аллеи, у озера средних размеров, холодного и даже ледяного в своей прозрачности, стояло белоснежное строение, состоящее из колонн и застеклённых витражей. Благодаря рассаженным по кругу каштанам, горячие лучи не попадали внутрь. К тому же с крыши ниспадал до земли плющ и ещё какой-то лиановидный вьюн с крупными листьями, неизвестный в этих регионах. Видимо его завезли специально для украшения подобного помещения, подумалось Беллоне.

— Проходите, ваше высочество. Угощайтесь: морс, лимонад, чай со льдом...

Дария сделала жест рукой, открывая прозрачную стеклянную дверцу.

И не успела Беллона, набрав полную грудь воздуха, бросить взгляд на всех находящиеся внутри и найти среди них объект, ради которого она сюда примчалась, ради которого рисковала если не многим, то уж точно не малым, объект, который не выходил из её юной головки последние двое суток и вокруг которого сомкнулись все звуки, цвета, ощущения и, пока ещё по-детски невинные, желания, как весь обзор ей перегородил граф Бенк, на правах хозяина ринувшийся встречать важную особу.

— Добро пожаловать, ваше высочество! Разрешите представиться — ваш покорный

слуга, Мартин Бенк, граф Финкер-Оренстофф. Весь к вашим услугам и в вашем распоряжении.

Он низко поклонился и уже после этого отступил в сторону. Несмотря на то, что молодой человек обратил на себя внимание дочери короля совсем на краткие мгновения, она успела заметить его сходство с кузиной. В них было общее обаяние и способность располагать к себе. От них шло мягкое пламя доверия и открытости. Из внешнего сходства Беллона отметила только искреннюю улыбку, добрую и благожелательную.

— Господа, наша долгожданная принцесса! — громогласно объявил граф.

Находившиеся в зале мужчины — их было около десяти — все поднялись и слегка склонились, не так сильно, как только что Мартин Бенк. Не принято было слишком покорно распинаться перед чужими государями. Тем более что на Олтерне жил весьма гордый народ, который уважал и чтит исключительно своего монарха и его семью.

Но вот Беллона встретила взглядом с Дерекком. Граф Аморвил, как всегда, облачённый в чёрное. Мрачная натура, казалось со стороны. Тем, кто его не знал, он виделся слишком жёстким, чёрствым и непробиваемым. На молодых девушек он производил слишком трагическое впечатление, и они старались держаться от него подальше. У зрелых женщин он вызывал противоположную реакцию. Их, словно магнитом, притягивала его загадочная личность и выдержанный, твёрдый характер. Чем опытнее были эти женщины, тем больше они ценили и его красоту, в которой ему было мало равных. Но она не бросалась в глаза и не выделялась из толпы. Она была не яркой, а приглушённой, правильной, классической. Иногда чтобы её увидеть — нужно было рассмотреть. Беллона пригляделась к ней с первого взгляда и теперь замерла, продолжая любоваться. Пытаясь собраться с мыслями, девушка невероятными усилиями перевела взор дальше и прошла по всем. Кивнув Джордану Льюмену, их «главному», по крайней мере, из присутствующих, девушка заметила и двух юношей, которые были с Феира. Имя первого она, как не напрягала память, вспомнить не смогла, а второго — Сержио о'Лермона, одарила одной из своих нежных улыбок. Он просиял в ответ. Остальные её мало волновали и интересовали вообще, хотя досужий хозяин представил и разрекламировал каждого.

Что ж, для начала было неплохо. Теперь настала очередь принцессы представить своих подруг. Стараясь сдержать дрожь в голосе, Беллона заговорила:

— Уважаемые гости нашего государства, разрешите познакомить вас с сопровождающими меня представительницами самых достойных ячеек нашего общества и моими близкими подругами.

«По-моему я слегка загнула, — пронеслось в голове принцессы, — слишком официально и отталкивающе, нужно постараться немного ласковее». Указав на присевшую в реверансе Габриэль, девушка продолжила:

— Виконтесса Леонверден, дочь графа Гордения Нови. Это баронесса Матильда фон Даберлёф, — стараясь не показывать неприязнь, Беллона всё же как-то смято произнесла это предложение. — И моя двоюродная сестра, эрцгерцогиня Мария Карлеаль. Прошу любить и жаловать.

Немного замешкавшиеся придворные Элиоса Третьего, не знали как себя вести дальше. Всем было хорошо известно, что братья короля Робина такие же венценосные, как и он сам, стало быть, у их дочерей должны бы присутствовать громкие титулы, но таковых не прозвучало. Все не знали, что и думать.

Решив оставить пока эту тему и не пытаться разобраться, граф Льюмен первый перешёл

к дальнейшим разговорам.

— Я очень рад снова видеть вас, ваше высочество. Вы оказали нам любезность, уделив нам немного своего времени, так разрешите теперь мне сопровождать вас и составлять компанию.

— Спасибо, если вас не затруднит, конечно.

Отказать было неудобно, пришлось согласиться. Хотя Беллона надеялась, что граф Аморвил снизойдёт до того, чтобы подойти и сказать что-нибудь. Но он оставался в стороне. Гордый и немногословный. Скрестив руки на груди, Дерек чуть наклонял голову, когда ему что-либо говорили. В помещении, без шляпы, можно было видеть как его ухоженные густые волосы ниспадали на плечи, льющиеся и шелковистые. Стаявшие рядом с ним спутники явно меркли около него. Кто из-за более низкого роста, кто из-за не очень выдающейся внешности. Но сильнее всего они не радовали Беллону тем, что подвели к своему кружку Матильду, искрящуюся от удовольствия, что оказалась в столь изысканном обществе, а вернее просто в мужском обществе. Её нельзя было упрекнуть в легкомысленности, но внимание она ценила и не упускала ни единого случая продемонстрировать всю себя. Однако благосклонность этой особы действительно распространялась только на знатных дворян, из слоёв не менее популярных, чем сама баронесса. Ей не нравилось, что называется «копошиться среди мусора», то есть, обедневших или позабытых в высшем свете личностей.

Принцесса ещё до конца не начав ориентироваться, подхватила крайний на столе бокал и отпила немного, по-прежнему пытаясь не смотреть в одну точку. По горлу потекла прохладная жидкость, и лишь спустя несколько минут Беллона поняла, что это малиновый морс. «Хорошо, что у них не стоят алкогольные напитки, иначе я бы и не заметила, как попробовала бы один из них». Слушая графа Джордана, девушка поняла, что он довольно-таки приятный собеседник, а не сноб, как ей показалось в прошлый раз. Если бы не смущавшая принцессу разница в возрасте (а она была не менее десяти лет), то они могли бы спокойно, почти по-дружески общаться. Мужчина со своей стороны тоже чувствовал, что ведёт разговор фактически с равной по смыслённости и сообразительности, а так же по развитости и начитанности.

— Ваше высочество, а вы не хотели бы побывать у нас? Я слышал, что вы ни разу не покидали Феир, так почему бы ни начать знакомиться с остальным миром именно с моей родины, славного Олтерна?

— О, поверьте, я с удовольствием бы так и сделала. Я наслышана о вашей планете и много знаю о её истории и разных сторонах её жизни. Меня весьма увлекают все эти рассказы и впечатляют те сведения, которыми я обладаю. Но, к сожалению, мой первый выезд состоится на Вермаш, к моей державной тётушке Виктории. Вы, должно быть слышали, что у неё намечается торжество в честь её же юбилея?

— Да, конечно. Я уже осведомлён, — сэр Джордан, как уже называла его про себя Беллона, тепло улыбнулся. — А что же вас так впечатлило из узнанного об Олтерне? Надеюсь, это были положительные впечатления?

— Несомненно! Ничего дурного или просто отрицательного я не могу сказать из того, что знаю. Признаюсь честно, больше всего мне нравятся рассказы о ваших традициях и праздниках. Я слышала, что король Элиос всегда отмечает любые пиршества с народом и даже берёт с собой наследника?

— Ну, доля правды в этом естественно есть, но в целом это преувеличение. Наш король хоть и любит соприкоснуться с людьми, толпой, их бытом, но праздники чаще проводит у

себя, а наследника и того реже берёт с собой, он ведь ещё совсем ребёнок, ему только тринадцать...

— Но, говорят, он уже разговаривает на пяти языках, и в стрельбе ему нет равных?

— Допустим не на пяти, а на трёх, а вот про стрельбу — это верно, он очень любит королевский тир и стрельбище. К тому же принц Эдгар превосходно владеет шпагой и кинжалом. Иногда его трудно оторвать от занятий фехтованием.

— Наверное, у них невероятно тёплые отношения между собой? Я имею в виду в семье, в самом роду Назаровых...

Беллона задала этот вопрос, потому что ей самой подчас не хватало присутствия сплочённой, доброй и крепкой семьи. А когда она думала о том, что на Олтерне целых три принцессы и о том, какие они, наверное, хорошие подруги, как вместе играют, забавляются и проказничают, её и вовсе охватывала тоска, и щемило в груди. «Если бы у меня была сестрёнка, возможно, мне было бы проще и легче. Я безумно рада Марии и Габи, но они не могут постоянно и вечно оставаться при мне, они часто покидают двор и надолго уезжают». Как бы в поддержку своих мыслей она нашла взглядом сначала одну, потом другую. Мария стояла совсем рядом и задумчиво потягивала фруктовый чай, Габриэль же оживлённо беседовала с местными (если их так можно было назвать, поскольку один родился и вырос на севере, где-то за Столвардскими горами, а второй хоть и вырос здесь, родом был из ещё более отдалённых земель). Глаза виконтессы горели, щёки пылали, а голос приобрёл новую для Беллоны интонацию. Обычно Габриэль разговаривала немного спешно, со смешками и заканчивала фразу на высоких нотках, а теперь это исчезло. Девушка более мягко и чётко произносила каждый звук, словно разливая его по воздуху. Не стоило прикладывать огромных усилий, чтобы понять, что вся эта игра нацелена на маркиза о'Лермона, кавалера «ордена».

— Давайте пока оставим эту тему. Я думаю, лучше будет обсудить это после того, как вы хоть раз побываете у нас в гостях.

Голос графа Льюмена вывел принцессу из лавины её мыслей.

— Хорошо, как вам угодно. И я искренне надеюсь, что моё путешествие к вам произойдёт как можно скорее.

— Взаимно, ваше высочество.

Снова пытающийся себя проявить, как деловитый хозяин, Мартин Бенк привлёк к себе внимание, тем самым собрав всех присутствующих в один коллектив, а не в разрозненные компании бродившие до этого по павильону.

— Ваше высочество, господа! Если вы уже отдохнули, может быть, начнём нашу охоту? Я понимаю, не хочется выходить на это пекло, но всё же...

— Что вы, граф, мы очень рады такой погоде. Вы же знаете, у нас сейчас осень и, признаться, холода несколько утомили, — заговорил один из присутствующих кавалеров.

— Ну, тогда, прошу всех следовать за мной. Как говорится: «По коням!».

Беллона по-прежнему находилась рядом с графом Льюменом, а теперь ещё и Мартином Бенком, который поспешил собственноручно помочь принцессе забраться на лошадь. Впрочем, она бы с лёгкостью обошлась и без него.

Дария осталась в стороне ото всех. Сложив руки на юбке, девушка наблюдала, как все усаживаются, и как подводят собак, пока ещё не спущенных с поводов. Беллона заметила это.

— Как, разве вы не будете участвовать в охоте вместе с нами?

— Ну что вы, ваше высочество, я в седле и пяти минут не продержусь...

— Жаль, мне приятно ваше общество.

— Поверьте, в скачке вам будет не до разговоров, — вмешался хозяин дома, — когда вы узнаете, что такое настоящая погоня, вы всё поймёте сами.

Принцессе не раз доводилось развивать огромную скорость на лошади. Но сейчас она не знала, сколько времени займёт всё это, и немного побаивалась, что может не выдержать подобного напряжения. А если одолеет усталость? Неудобно будет остановить весь процесс из-за одного человека. Так думала Беллона, хотя прекрасно знала, что когда кому-то из членов королевской семьи что-то надоедает — хоть трава не расти, но он бросает то, что делал и начинает заниматься тем, что его больше заинтересовало. А если уж он устал, то тем более никто не мог заставить его продолжать делать что-либо.

Когда всё было готово, все уже стояли у самого леса, мальчик-паж протрубил в рог. Его звук разнёсся далеко по Финкер-Оренстоффу, во все стороны. Псы с лаем сорвались с места и кинулись по следу.

Сначала Беллона и граф Льюмен вырвались первыми. Они неслись наравне, шаг в шаг. Ни его жеребец, ни её кобыла не хотели уступать, хотя принцесса понимала, что настигни она зверя первой, ничего не сможет сделать, поскольку у неё не было оружия. Да если бы и было — пользоваться она им не умела. Джордан был настроен куда серьёзнее. В ножнах у него поблёскивал кинжал, а из-за пояса выглядывал стилет. При приближении к животному, он, скорее всего, спрыгнет с коня и вонзит лезвие ему в горло. «Какие же мужчины жестокие, они, не задумываясь, проливают кровь и убивают» — пронеслось у принцессы в голове. И она никого не выделяла, как более мягкосердечного, потому что, взглянув через плечо, увидела тот же азартный или даже одержимый свет в глазах Дерека Аморвила.

Слева Беллону обошла Габриэль, рискованно перепрыгивая через поваленные замшелые деревья и преодолевая препятствия. За ней последовал Мартин Бенк. Теперь они вдвоём возглавляли шумную скачку. С принцессой поравнялся граф Дерек. «Боже, теперь я точно не выделюсь, как хорошая наездница, мне даже вперёд смотреть трудно!». Однако держа себя как можно более сосредоточенно на преследовании, девушка смотрелась увлечённой дичью, а не всадником по правую руку. Давалось ей это с трудом.

Снова привлекла внимание виконтесса. Габи уступила пальму первенства графу Бенку. Причём было очевидно, что она это сделала намеренно, отстав настолько, что оказалась за спиной Беллоны, рядом с маркизом о'Лермоном. Принцесса поразилась откровенности подруги. Неужели можно так открыто уделять внимание человеку, который тебе нравится? «Хотя, заметила это, пожалуй, только я. Другие настолько увлечены, что им и дела нет, кто с кем едет. Если бы я могла придумать, как поближе пообщаться с Дерекком! Мне бы наглость Габи и сообразительность Марии, я бы уже давно во всём разобралась и всё организовала». Тем временем сам Аморвил обогнал всех и стал удаляться на горизонте, оставляя за собой помятую траву и надломанные кустарники. Догоняя его легко можно было сломать себе шею или загнать лошадь, если та была не приучена к таким нагрузкам. Беллона, стиснув зубы, пыталась сделать всё возможное, чтобы не сильно увеличивалось расстояние между ними, но вскоре оставила свои попытки. Постепенно, расстроенная и почти опустившая руки, принцесса осталась в самом конце вереницы и уже не смотрела, кто был вокруг. Создавая вид заинтересованности, девушка на самом деле думала, что вся её идея провалилась. Но если посмотреть под другим углом, то в том, что она не среди первых, есть и преимущество

— ей не придётся видеть, как погибнет кабан, или олень, или лось. Беллона не слышала, о ком говорил Бенк, но скорее всего это был кабан. Да хоть белый медведь! Сейчас это уже не имело значения... «Но зверушку всё равно жалко, она совсем не виновата в том, что люди захотели развлечься, — принцесса вспомнила о брате, — мог бы придумать и другую забаву! Настоящий пример безалаберности и ограниченности!» Ей стало легче, после того, как она мысленно его поругала.

Решив хотя бы накататься в своё удовольствие, Беллона пришпорила лошадь и стала прорываться из «хвоста» вперёд. Ожидая, что максимальная скорость будет такой же, как и прежде, девушка сильно ошиблась. Животное под принцессой внезапно издало пронзительное ржание и рвануло так, что было ощущение, будто у него появились крылья. Испуг от внезапной прыти лошади заставил принцессу вскрикнуть. Она не понимала, почему так внезапно её поведение изменилось, а быстрота увеличилась. Ещё через мгновение, Беллона поняла самое страшное — она не может не то что остановить лошадь, но даже заставить её хоть немного притормозить.

Буквально летя по лесу, терпя бьющий о лицо воздух и царапающиеся сквозь рукава ветки, принцесса постепенно приближалась к панике. Не имея представления, что же делать в таком случае, она, в конце концов, не выдержала и закричала. Крик услышали не все, многие были уже далеко отсюда и почти нагоняли свою жертву. Другие даже услышав его, не сразу поняли в чём дело. Отреагировавшим первым был маркиз. Сержио заметил что-то неладное почти моментально, как только мельтешившее перед ним животное издало громкий звук. Время от времени поглядывавший на Беллону, юноша отметил для себя неполадки и поспешил вмешаться, однако и ему трудно теперь было достигнуть скорости лошади принцессы. Даже небезопасные для жизни попытки сделать это не помогали. Но он был опытным наездником и продолжал нагонять обезумевшую кобылу принцессы, не боясь пострадать. Девушка тем временем сама была под стать безумной оттого, что не могла совладать с ситуацией и ничего сделать. Перестав кричать, и просто впад в молчаливое шоковое состояние, она пригнулась к самому крупу животного. Не видя ничего вокруг, Беллона безропотно ожидала своей доли. Представлялась она ей далеко не в самом лучшем свете, хотя что-либо вообразить в такой момент вообще было трудно. Прносящиеся счастливые моменты, приятные мгновения — всё это наводило на одну единственную мысль, никогда больше не идти в разрез с нравами людей и, тем более, правилами отца. Стоило ей поступить так, как хотело её сердце, и вот результат! Получите — распишитесь. Да и кузина предупреждала...нет, определённо никогда больше она не станет своевольничать. Тут Беллона, при очередной больно резанувшей по плечу ветке, засомневалась, что у неё получится когда-либо как-либо поступать.

Сержио всё-таки удалось поравняться с принцессой, и он был уже близок к тому, чтобы перехватить лошадь под уздцы. Рука тянулась к заветному кожаному ремешку, от которого зависело всё. Внезапно маркиз понял, что если зверь вёл себя так агрессивно, то возможное вмешательство может привести к ещё более тяжким последствиям, например, оно могло встать на дыбы и скинуть наездницу, а она, без нужных навыков, вряд ли удачно приземлится. Итак, придётся вытащить девушку из седла и посадить к себе. Боже, да при таких условиях это практически невозможно! Но, долго размышлять некогда, время решительных действий наступило. Молодой человек, прижимаясь боком своего коня к боку кобылы принцессы, попробовал обхватить Беллону за талию и крепко сжав снять её с места. Старания закончились ничем, так как испуганная девушка вцепилась в животное и ни за что

не хотела размыкать рук, обвинивших шею лошади. На самом деле она и не заметила, что ей желают помочь. Сержио сделал ещё одну отчаянную попытку, но снова потерпел неудачу. Чувствуя, что его конь начинает ослабевать, он перестал надеяться на то, что принцесса всё же осмелеет и позволит взять её с лошади. К тому же ему было крайне неловко, в некотором смысле неудобно даже дотрагиваться до её высочества. Воспитанный с почтением к королевской семье, с глубоким уважением к людям с более высоким чином, званием, титулом, маркиз, хоть и водил с принцем близкую дружбу, буквально благоговел перед всеми остальными членами семьи своего товарища. Это были чуть ли не последние на свете люди, чей авторитет не пошатнулся после высказываний и отношения ко всему его друзей, потому что даже Сториан никогда не смел пошутить или съязвить в сторону Карлеалей. Поэтому вот так просто обнять принцессу, даже ради её спасения, было для него чем-то столь важным, для чего нужно было переступить через себя, и на что нужно было решиться. Но он решился, и это не привело ни к чему. Что ж, оставалось первое, что пришло ему в голову — постараться остановить лошадь.

Ещё раз напрягая своего коня до предела и ровняясь с принцессой, маркиз схватил повод и стал тянуть его назад, чтобы животное наконец-то остановилось. И оно остановилось, при этом оправдав самые страшные ожидания Сержио о'Лермона — кобыла вздыбилась, скинув с себя наездницу и еле удержалась, чтобы не повалиться сверху. Теперь она стояла взъерошенная, с пеной на губах и испуганными, затравленными глазами.

Почти сразу к месту происшествия подоспела Габриэль и, так же как и маркиз, пыталась разобраться в случившемся.

Чудом оставшаяся живой принцесса лежала на земле и судорожно глотала воздух, да так глубоко, что почти задыхалась от этого. Её блуждающий взгляд до сих пор не мог оценить на каком она свете — этом, или уже другом. Не чувствуя ни единой части тела из-за стрессового состояния она безвольно водила руками по траве. Кроме этой троицы в округе никого не было видно, но скорее всего, скоро все начнут прибывать и ужасаться тому, что за Беллоной не досмотрели, и вообще допустили подобное. Первая решила проверить всё ли в порядке с подругой Габи.

— Белл, ты меня слышишь?

Девушка быстро-быстро закивала головой, но по-прежнему не могла собраться и сделать что-то чёткое и определённое. Шёлковая лента где-то потерялась и волосы красивыми локонами разметались по плечам, спине, а несколько прядок попали на лицо.

— Маркиз спас тебя, рискнув своей жизнью, Белл, теперь ты в безопасности.

Тот в это время наклонился к принцессе, чтобы посмотреть, нет ли у неё каких-либо травм или увечий. Виконтесса в свою очередь продолжала:

— Как ты? Как ты себя чувствуешь?

Вместо ответа Беллона кинулась в объятия Сержио и сжала его камзол в своих руках как бы в поисках защиты. До неё дошли слова, что это именно он сохранил ей жизнь, и теперь она автоматически хотела как-то его отблагодарить, но уже через мгновение испугалась своего порыва и отпрянула обратно. Покрывшись лиловой краской, девушка пристыжено отодвинулась. Это же надо было так грубо нарушить этикет...

— Извините, маркиз о'Лермон, я...я до сих пор не могу придти в себя. Не знаю, как и вознаградить вас за вашу самоотреченную храбрость. Я навсегда запомню вашу услугу и...

— Мне ничего не нужно, ваше высочество, я счастлив знать, что с вами всё в порядке. Для любого подданного высшая награда — это здоровье и благополучие сюзерена.

— Вы очень любезны.

«Для такой внешней привлекательности он слишком благороден. И, если учесть, что он из знаменитой компании дворянчиков моего брата, чересчур вежлив и, можно сказать, искренен, — Беллона ещё раз внимательно всмотрелась в лицо юноши. — А быть может это всего лишь придворная выучка. Нет, несмотря на эти лукавые искорки в его глазах, он кажется вполне надёжным и хорошим человеком. Как бы я хотела, чтобы таких людей было побольше, если он действительно таков, каков есть, и ни что не скрывается за этим светлейшим обаянием. Но почему он на меня так смотрит? Выглядит испуганным. Скорее всего переживает, что мог бы оказаться крайним за то, что я пострадала. А, в общем, очень милый...теперь понятно, почему Габриэль на него обратила внимание. Хотя кажется по характеру они совершенно не пара.

Нужно пообщаться с ними обоими поближе. Или не мешать Габи? Уверенна, она сама разберётся. Но что же делать мне? Охота где-то далеко, а с ней и Дерек...»

— Ваше высочество, вам помочь подняться?

— Да, конечно, если вас не затруднит.

Принцесса протянула руку и попыталась встать, но боль исказила её прекрасные черты и она повалилась обратно.

— Что с вами? Господи, принцесса, ответьте мне, что случилось?!

Беллона открыла глаза и со стоном произнесла:

— Нога, у меня ужасно болит нога. Я не могу на неё наступить. Это что-то серьёзное?

— Простите мою неосведомленность, я совсем немного изучал медицину, но думаю, если вы позволите посмотреть вашу лодыжку, я легко определю — перелом это или обычный ушиб. Разрешите снять ваш сапог?

Беллона замешкалась. Этот Сержио всё больше и больше вызывал у неё симпатию, чисто дружескую, тёплую и трепетную привязанность, и чем больше в ней этого накапливалось, тем больше она его смущалась, хотя отлично понимала, что ей сейчас нужна хоть какая-нибудь помощь, вернее её ноге, а не ей самой.

«Если бы не эти красные тона, которые он всё время носит, клянусь, он мог бы быть похож на ангела. Такой чистый. Напоминает о принцах и рыцарях, про которых мне читала когда-то тётя Коломбина. И только что совершил самый настоящий подвиг. Он в совершенстве оправдывает звание кавалера ордена, который носит. Робин напрасно пытался оклеветать их, говоря что-то об их подозрительных идеалах и непорядочных принципах». Мысли помогли отвлечься от того момента, когда маркиз расшнуровывал сапог. Теперь одна нога Беллоны была разута и предстала перед взором юноши, который и на самом деле кое-что во врачевании понимал.

Сержио, как замороженный, смотрел на маленькую ножку, поместившуюся у него в руке. Такая миниатюрная и аккуратная. Ни разу не приходилось ему чувствовать такой нежной кожи, видеть таких изящных изгибов, тонких линий стопы и пальчиков. Он, словно осматривая, провёл ладонями от колена до пятки, кое-где нажимая, чтобы принцесса сказала, что она при этом чувствует. В некоторых местах её реакция была бурной и громкой, причём настолько, что Беллона жмурилась и стискивала зубы, дабы не взвизгнуть.

— Маркиз, что вы скажете? Что со мной?

Если бы не эти слова, Сержио вечно продолжал бы заниматься своим делом, и его остановило бы только землетрясение или приказ самого короля.

— Причин для волнений нет, ваше высочество. У вас небольшой вывих лодыжки.

Краснота спадёт дня через два, а опухоль в течение недели.

— Мне нужно будет применять какие-нибудь процедуры и вести лечение?

— Тут, я думаю, вам лучше будет посоветоваться с вашим врачом. Я не знаю, что делают для облегчения такого состояния. Скорее всего, компрессы. Может, прикладывают лёд или что-то в этом роде.

— Огромное спасибо, маркиз. Ещё раз примите мою благодарность и заверения в сердечной признательности.

— Ну что вы, я выполнил свой долг. Но, должен заметить, с превеликим удовольствием. А спас вас не я, а поистине чудо. Вот так вот отделаться после падения с лошади...это счастливый случай и ничто другое. Даже я бы, наверняка, сломал шею, не меньше. Странно, что вам дали такую необузданную лошадь. Неужели в королевской конюшне не нашлось более спокойного зверя?

— Поверьте, эта кобыла всегда была самой тихой и покладистой. Я представления не имею, что с ней случилось. Моя бедная, маленькая Фиалка. Она никогда не участвовала в охотах, шумных представлениях, так же как и я сама. Видимо её напрягла обстановка, она ведь не человек, и многого не понимает. А ваш конь я смотрю готов ко всем жизненным трудностям?

— Вы точно подметили, принцесса. Он у меня закалённый. Не боями, конечно, там ему бывать не приходилось, но вот такими развлечениями, как сегодня.

Габриэль стояла всё это время немного в стороне и не решалась проявить себя, как обычно, единственное из-за того, что боялась произвести плохое впечатление на маркиза о'Лермона, который мог бы принять её за полную невежду, если бы она начала источать все свои знания и раскидываться обаянием рядом с принцессой. Что ж, роль второго плана, хоть и давалась трудно, но находила в себе свои преимущества; наблюдаешь за тем кто тебе нравится, восхищаешься им себе в удовольствие, подмечаешь, как и на что он реагирует. Несколько раз Габи даже почувствовала укол не то зависти, не то ревности по отношению к Белл. Ах, вот так бы ей лежать на этой сочной мягкой травке, под рассеивающими лучами солнца, наслаждаться лесными запахами и трепетать под изучающей ладонью маркиза, заливаясь румянцем от его глаз (хотя это было вовсе не свойственно виконтессе, и она почти никогда не от чего не краснела и не стеснялась). Ладно, по крайней мере, пока они скакали рядом, она успела с ним пообщаться и теперь вполне могла разговаривать с ним чуть ли не на дружеской ноте. Заметив приближающихся остальных всадников, Габриэль обратила на них внимание своих спутников.

— Вот и появляются те, от кого мы так сильно отстали. По их виду похоже, что всё уже закончилось. Видимо погоня удалась на славу, и мы всё просмотрели. Но это и к лучшему, иначе неизвестно что бы случилось с тобой, моя дорогая подружка. Я до сих пор не могу придти в себя оттого, что здесь стряслось. Маркиз, поверьте, я испытываю к вам не меньшую благодарность, чем её высочество. Если вам когда-либо понадобится помощь или вы попросите меня о какой-либо услуге — знайте, я вам никогда не откажу...всё наше королевство теперь можно назвать вашим должником.

Обращаясь к молодому человеку, Габриэль опять начинала рисоваться и делать томные глаза и голос, что превращало её в своеобразную светскую львицу. Образ этот никак не вязался с совсем ещё юным личиком и резковатыми, энергичными движениями, невольно срывающимися у девушки.

— Это всё ни к чему. Я ещё раз повторяю, что это был мой долг, и на моём месте так бы

поступил каждый уважающий себя мужчина.

Подъехали граф Бенк, кузина Беллоны и граф Аморвил. У всех был растерянный вид. Его даже можно было назвать слегка ошеломлённым. Первым соскочил с коня Мартин и кинулся на колени к возлежающей принцессе.

— Ваше высочество! Что произошло?! Разрази меня гром! Что случилось?

— Любезный граф, я всего лишь упала с лошади, которая понесла, всё обошлось.

— Всего лишь?! Горе такому хозяину как я, когда у меня под носом творится чёрти что, а я успеваю в самый последний момент! Ваше высочество, низжайше прошу простить меня за мою неосмотрительность, за мою нерасторопность, за невнимание...

— Довольно граф, — Беллона остановила поток извинений, у неё начинала болеть голова и она прекрасно понимала, что никто ни в чём не виноват, — на моём месте мог оказаться каждый, любая другая.

— Но от вас я просто не имел права отходить! Мне доверили такую хрупкую и драгоценную мадемуазель, а я...настоящий олух. Ваш светлейший брат мне этого не простит, и никогда больше не захочет иметь со мной общее дело.

Принцесса улыбнулась. Ну да, конечно, есть дело Робину до неумейки-сестры, которая, как он скорее всего скажет, вываливается из седла при малейшем дуновении ветерка. И что ему было на это возразить? Беллона не знала, что послужило причиной её разлада с Фиалкой, они всегда прекрасно чувствовали друг друга и понимали, а тут всё вот так обернулось...Раздался голос Дерека Аморивила:

— Боюсь, что на вашем месте, принцесса, не могло быть никого другого...

Белл охватило негодование: «Ах, вот значит как?! Это только я такая неуклюжая? Другие бы, все до единого, справились с обезумевшей лошастью, но только не я. Да он уже переходит границы, этот наглец! Сейчас наконец-то нам и предстоит разговор по душам. Посмотрим, как он будет себя вести, когда я перестану быть доброй. Он увидит, какой я бываю, когда ко мне совершенно несправедливо относятся презрительно, и когда я вижу таких зазнаек, как он!» И хотя губы уже вытянулись в струнку, а лоб принял не предвещающее ничего хорошего выражение, слова застряли на кончике языка и никак не могли сорваться. Мария спустившаяся с коня к двоюродной сестре, положила руку ей на плечо.

— Что вы подразумеваете под своими словами, граф? Будьте добры уточнить.

Дерек Аморвил обошёл кобылу принцессы с другой стороны, с той, которая была отвёрнута ото всех взглядов. Фиалка испустила жалобное ржание и снова хотела подорваться с места, но граф вовремя удержал её и успокоил.

— Полюбуйтесь, — из чёрных перчаток мужчины что-то блеснуло и подлетело в ноги всем стоящим, — это я только что вытащил из бедра лошади. Что скажете?

На траве, посверкивая на солнышке, словно тело змеи, лежал изогнутый нож. Поалевшая сталь быстро окрасила листочки вокруг.

Глава 6. «Расследование»

В Финкер-Оренстоффе Беллоне сразу обустроили лучшие покои и уложили её на постель, чтобы она лучше отдохнула. Дария Салис налила ей травяной чай и добавила туда валерианы и пустырника, обработала царапины и ушибы от хлестких веток. Даже лодыжку перебинтовала спиртовым компрессом. Принцесса нервничала, и её нужно было успокоить. Почти всех слуг отпустили подальше, чтобы, не дай Бог, нигде, никто и никогда не прознал о том, что на охоте, на принцессу, возможно, было совершено покушение. Покушение! Это была не шутка. Кому-то пришло в голову во всеобщей суматохе целиться не в оленя, а в самую дочь короля. Хорошую же нашли жертву! Сказать было нечего. Принцессе наказали тщательно вспомнить мельчайшие подробности своего перемещения по лесу — кто был с ней рядом, кто ехал сзади, кто, как ей показалось, мог на неё зло смотреть (этого иногда вполне хватало, чтобы выдвинуть серьёзное обвинение). Нужно было хотя бы предположить, кто мог метнуть нож в сторону Беллоны. Но память, как назло, именно сейчас её подводила. Кроме своего огорчения от отсутствия любимого графа и следовавших по пятам Сержио с Габриэль, вспомнить было нечего.

Дария положила ей на голову влажную, холодную материю и пыталась отвлечь внимание от сегодняшнего дня. Рассказывала о своём детстве, о её родных местах, о том, как приехала жить к кузену, когда узнала, что он осиротел, и обнаружила полное запустение хозяйства, которое тут же взяла в свои руки и с тех пор не выпускала, а прошло уже целых два года. Но всё летело мимо ушей девушки, и она вздрагивала при мысли о том, что кто-то желает ей смерти. Габриэль и Мария, такие же бледные и ничего не понимающие сидели по сторонам и напряжённо думали. Виконтесса быстрее всех сочинила первую версию, но её отвергли так же быстро, как она и появилась. По её мнению неудачной убийцей была Матильда фон Даберлёф. Вот оно — воплощение зла, голосила Габи, грозно поднимая вверх палец, и долго не соглашалась отказаться от этой идеи. Она и смотрит всегда плохо на принцессу, и вообще являет собой пример коварства и жестокости.

— Нет, Белл, ну согласись, в чём-то я права, ведь так?

— Прекрати, Габи, — вмешалась Мария, — если тебя кто-нибудь услышит из мужчин, они примут тебя за сумасшедшую. Ну, откуда юной баронессе уметь метать ножи? И на кровожадную маньячку она никак не тянет, как бы плохо ты к ней не относишься.

— Кузина права, Габи. Я тоже не испытываю симпатии к младшей Даберлёф, но обвинять её ни в чём не стану. Да ведь, и её нож при ней...ножи нашли у всех, кроме Дерека, потому что он заколол им оленя.

— А кто ответит, что это не было задуманное покушение? Кто мне, графине Нови докажет, что никто не мог захватить с собой лишний кинжал?

— Ты сама знаешь, что говоришь полную чушь. Какое запланированное покушение, если охоту и ту организовали за один день и тайком? Ну, кому это было нужно? Нет, здесь какое-то глупое стечение обстоятельств. Я не знаю, как и что получилось, но произошла просто какая-то ошибка. Я никому не делала зла и меня не за что пытаться...убить.

Принцесса задрожала и чуть не заплакала. Волнение перерастало в сильный страх и боязнь неизвестности. Дария, до этого державшаяся в стороне, на почтительном расстоянии, чтобы не слушать разговора подруг, попросила соизволения удалиться и сказала, что если

что-либо понадобится, она будет в соседней комнате, или, в крайнем случае, в кабинете брата.

— Однако, — продолжала виконтесса, — это был кто-то весьма неумелый и скорее всего женщина, говорю тебе. Ну, какая глупая мужская особь будет подвергать опасности такую красавицу? Ну, перестань, не смей заплакать! Я знаю, ты никогда не плачешь, ты сильная девочка.

Габриэль обняла Беллону и сильно прижала её к себе. Погладив её по волосам, она встала и начала прихорашиваться у зеркала.

— Всё. Заканчивай. Давай опять уложим твои локоны в хвост, приведём тебя в порядок. Скоро сюда обязательно кто-нибудь заявится с очередными заверениями верности и преданности, а ты тут сидишь такой размазнёй. Вставай.

Принцесса послушалась. Обе её подруги были старше неё, и она привыкла во всём на них полагаться. Самой ей в начале месяца исполнилось шестнадцать, и поэтому любые возрастные промежутки она ощущала очень резко. Теперь заговорила Мария. Её авторитет был для Беллоны вообще нептерстуаемым.

— В конце концов, попали в лошадь? В лошадь. Может в неё изначально и метились! Подумай сама, идёт охота, ты вся в зелёном и теряешься в зелени листвы, а лошадь издалека то же самое что олень. Разве не так? Габи, как ты на это смотришь?

— Всё может быть...

— Вот именно. Возможно, это был лесник, или одинокий охотник. Здесь поблизости много маленьких деревушек, люди из которых добывают себе еду в этом лесу. Вот кто-нибудь и забрёл, чтобы добыть дичь и себе на беду перепутал твою Фиалку с оленем. Это самое вероятное, что могло быть. Да, скорее всего, так и было.

Беллона сидела на стульчике перед зеркалом и безропотно подчинялась рукам Габи, делавшей высокий тугий хвост ей на затылке.

— Ты слышишь меня, Белл?

— Да, Мари, слышу.

— Ты веришь мне? Сестрёлнка, ты успокоилась?

Девушка встала и расцеловала кузину в обе щеки.

— Я верю тебе, сестрёлнка. Я знаю, ты всегда права. И ты была полностью права, когда говорила, что сегодня всё будет зависеть от удачи и случая, а не от нас. Ты у меня самая лучшая! И ты Габи, что бы я без вас делала! Наверное, сегодня я помешалась бы от ужаса и тревоги, не будь рядом вас. И мне не на кого было бы опереться, чтобы ходить не прихрамывая.

— Это почти не заметно, к тому же принцесс не портит ничего абсолютно, уж доверься мне. А теперь, ваше высочество, улыбку, пожалуйста, для ваших подданных, желающих видеть вас счастливой.

Принцесс засмеялась и подняла подруг склонившихся в комичных реверансах. Как они любили вот такие беззаботные моменты. Все вместе, втроём, никаких проблем. Можно насладиться свободной и беззаботной минуткой. И пока не нужно было думать над случившимся, можно было поболтать о своём, девичьем.

— Габи, ну-ка расскажи теперь немного о своём поведении. Я хочу знать, как же обстоят дела с Сильвио?

— Сильвио? Каким Си. ах, Сильвио! Не знаю, с ним, верно, всё отлично, а почему ты спрашиваешь?

— Я думаю, ты и сама догадываешься. Одна легкомысленная девушка, как мне показалось, сегодня не очень-то о нём вспоминала и предпочитала поглядывать в сторону другого молодого человека. Я не права?

— О чём ты? Сильвио писал мне три дня назад, когда я только приехала, просил сообщить, как я добралась, что здесь нового и уверял, что уже горит желанием встретиться. Я написала ему, что всё отлично, что я быстро нашла развлечения, что здесь летом не должно быть скучно и что тоже не могу набраться терпения до осени, когда мы снова с ним увидимся. Думаю дождаться от него ответа на следующей неделе...

— Не переводи-ка ты тему разговора. Говори честно. Тебе ведь уже понравился другой?

Виконтесса переступила сначала на одну ногу, потом на другую. Потом села, как разоблачённая шпионка и понуро опустила голову.

— Беллона, Беллона, и откуда у тебя эта проницательность? Да, Сильвио мне больше не нравится. А ещё несколько дней назад казался самым интересным и замечательным...но он слишком провинциальный. Никогда не думала, что не придворное воспитание так сыграет в моём отношении к людям. Его юмор...такой деревенский. А манеры...сейчас они мне не кажутся такими уж изысканными. Обычный дворянин, не представляющий из себя ничего из ряда вон выходящего. Назвала бы его и мужланом, но нет, настолько он не плох. Белл, прошу тебя, не считай меня из-за этого ветреной! Я не виновата, что он перестал интересоваться мной...

— Знаю. Он же не сам вылетел у тебя из головы, кажется, ему кто-то помог.

Эрцгерцогиня смотрела непонимающими глазами.

— Может меня посветят во всё, что вы обсуждаете? Я совершенно не могу понять, о чём идёт речь. Габи, ты говоришь о том славном Сильвио, который преподнёс тебе самый первый урок любви? И так запросто отказываешься от своей симпатии к нему? И плюс ко всему тут замешан ещё какой-то красавец? Я имею возможность узнать об этой истории поподробнее?

— Можешь, ещё как можешь. Но я хочу послушать, что скажет Белл, она начала этот разговор, пусть и скажет, что ей известно, и какие выводы делает она по этому поводу.

— Говорить тут совершенно нечего. Как только мы зашли в павильон, я заметила перемену в тебе. Ты стала так себя вести, что и слепому было бы понятно, что ты хочешь кому-то понравиться.

— Быть того не может! Я вела себя скромно, хотя, признаюсь, старалась заигрывать...

— Вот и я об этом. Возможно, к счастью, это заметила только я, все остальные не знают, как ты ведёшь себя в натуральном виде. Мария, а ты, неужели ты ничего не заметила?

— Ничегошеньки! Я даже не обратила внимание на какие-то изменения, случившиеся с Габи, мы все знаем, что она любит покривляться и поиграть, изобразить что-нибудь, да спаясничать, поэтому...но кто же этот объект?

— Сегодняшний герой дня, наш спаситель маркиз. Не правда ли он мил на столько, что захватывает дух? Я просто таю от одного его вида. Вот уж кто по праву заслуживает называться «самым», к какому бы прилагательному его не подставляй: привлекательный, изысканный, воспитанный, мужественный. Одним словом просто лучший! Заметили, как его алый костюм контрастировал с моими бирюзовыми тонами? Словно провиденье одело нас, для того, чтобы мы смотрелись вместе.

— Мечтательница ты наша! Я не знала, что ты настолько влюбчива, — Беллона смотрела на подружку с восхищением. Как у неё всё просто! Один стал далёк и недоступен,

и она уже по уши влюблена в другого, не менее достойного, возможно даже более. И с каждым у неё получается общение, знакомство, всё, что она желает.

— Везучая, у тебя всегда теперь будут романы завязываться прямо под боком и без всяких проблем? — засмеялась Мария, — вы ведь равны по происхождению и ничто не составляет препятствий между вами. Смотри, если узнает обо всём твой папа, он непременно поспешит вытолкать тебя за него замуж, от твоих проказ подальше. А то, если до графа Гордения дойдут слухи о твоём непостоянстве, он и впрямь решит, что это лучшее решение — твой срочный брак.

— Уж поверьте, я сделаю всё для того, чтобы ни он, ни мама об этом не узнали. К тому же, кто сказал, что буду менять свои вкусы каждую неделю или месяц? Захочу, и остановлюсь на этом.

— Тогда тебе точно пора под венец.

— Нет, нет! Беллона, ты что! Пожалей меня! Я ещё не нагулялась и пожить хочу, нормально пожить. Вдоволь взять от судьбы всё, что она предложит: праздники, путешествия, удовольствия, развлечения. Я ещё так мало всего видела.

— Да уж куда больше, чем я, — с грустью завершила принцесса.

— Перестань, ты же знаешь, у всех королевских особ жизнь начинается после свадьбы. Они становятся полновластными, свободными, могущественными. В твоих руках будет какое-нибудь государство, которое ты ещё никогда не видела. У тебя будут свои подданные. Свои обязанности. А у королев, как известно, они не очень обременительны — балы да приёмы. Не то что жизнь, пусть и очень известной и богатой, дворянки. Хотя если ты возьмёшь меня когда-нибудь с собой, я буду вместе с тобой посещать все увеселения, которые ты будешь устраивать, и буду сопровождать тебя туда, куда тебя будут приглашать, а не сидеть в своём Леонвердене и каждые выходные смотреть на одни и те же лица докучливых соседей. Я стану настоящей светской дамой, придворной дамой.

— Я тоже этого хочу, Габи. Поэтому, пожалуйста, не устраивай свою личную жизнь вперёд моей, без тебя я засохну, как куст на пекле, в пустыне.

— Не волнуйся, не брошу я вас. К тому же, как я заметила, господин Сержио не спешит отвечать мне взаимностью...

— Да ладно тебе, перестань. Как можно не поддаться чарам такой хорошенькой виконтессы, как ты?

— Очень легко, когда поддаёшься чарам прекрасной принцессы...

— Что? Что ты хочешь сказать?

— То и хочу. Он запал на тебя. Не делай такие глаза! Да, мы провели всю охоту рядом, много болтали, но лишь потому, что оба старались держаться около тебя. Да, да. Иначе, почему он так быстро среагировал на беду, которая с тобой чуть не произошла? Потому что глаз с тебя не сводил! А с каким нескрываемым удовольствием он ощущал себя твоим защитником! И ни кому не позволил вести свою лошадь, на которой ты сидела, когда мы направлялись обратно.

При этом виконтесса изображала то кинувшегося на землю юношу с обожанием в глазах, то подпиравшего себя в бока кавалера, кичащегося от хорошо выполненного дела, то охранника, никого не подпускавшего к объекту, за которым он должен наблюдать. Всё выглядело так комично, что все три девушки уже через минуту держались за животы, продолжая эту игру в дразнилки. Габриэль, поддерживаемая аплодисментами и довольными возгласами, переключилась и на остальных присутствовавших всадников, начав

пародировать графа Льюмана и Матильду. Но стоило ей подойти к Дереку Аморвилу, как принцесса успокоилась и перевела разговор в другое русло.

— Как интересно моя бедная Фиалка сейчас себя чувствует?

— Боже мой, я ей про любовь толкую, а она опять проявляет чудеса бестолковости!

— Но, но! Габи, не забывайся, ты разговариваешь не абы с кем, а со своей суверенной госпожой.

— Ладно, ладно. Вздёрнула нос. Плохо возноситься над подругами, кто кроме них тебе ещё всегда скажет правду и примет такой, какая ты есть?

— Я же шучу, конечно же, я позволяю тебе всё. И не только я. Мой отец от тебя тоже в восторге, он так любит, когда ты присутствуешь на наших семейных обедах или прогулках. У тебя вообще удивительная способность всех людей, как магнитом, притягивать к себе и обвораживать. А я вот умудрилась только заслужить чьё-то желание разделаться со мной...

— Опять ты за старое! Я думала, я смогла отвлечь тебя. И вроде мы порешили на том, что метились в лошадь? Ясно? На этом и остановимся.

— Хорошо, девочки.

В эту секунду в дверь постучали. Беллона строгим голосом, хотя слегка напряжённым оттого, что она уже не знала чего ожидать, разрешила войти. В комнату вошёл Мартин Бенк. На нём уже был костюм не для конных поездок, а строгий вишнёвый камзол в тонкую пурпурную линию. С белоснежными кружевными манжетами и таким же красиво сложенным шарфом, он выглядел не так суетливо, как обычно. Он был деловым мужчиной с шармом. Так его охарактеризовала для себя Беллона.

— Как вы себя чувствуете, принцесса?

— Спасибо граф, значительно лучше. Что-нибудь стало известно?

После короткой заминки граф Бенк ответил.

— Нет, пока ничего толком не ясно, но одно вне сомнений — ваша жизнь подверглась риску по чистой случайности...

Выступила Мария.

— Жизнь её высочества подверглась опасности по чистой случайности? Что за нелепости вы тут говорите. Принцесса должны быть застрахованы от таких случайностей и не сталкиваться с подобным. Как это вообще допустили? Где все были, когда их лошадь понесла? Кто-нибудь оказался рядом или откликнулся на крик о помощи? Нет, и это стоит донести до сведения ни кого-нибудь, а короля...

— Мария, Мария, — замахала руками Беллона, останавливая праведный гнев эрцгерцогини, — не горячись так, дай графу всё высказать и мы ещё раз все вместе обсудим. Ничего не будем предпринимать. Пока. Так значит, граф, чистая случайность?

— Прошу вас, называйте меня просто Мартин, мне это будет очень приятно.

— Хорошо, Мартин. Вы уверены в том, что на меня не было...покушения?

— Об этом не может даже идти речи! Окрестности проверяют, никого не нашли, да и не могли, со вчерашнего вечера территория графства была очищена от постороннего присутствия и охранялась от вторжения какого-нибудь любопытного зрителя. Когда обследование леса закончат, я сразу сообщу вам результаты, но заранее могу сказать, что они будут утешающими для меня и для вас. И для всех нас.

— Но всё-таки нож откуда-то взялся, не так ли?

— Это так. По заверению графа Аморвила, он был всажен не глубоко в плоть животного, значит, намерений с летальным исходом ни у кого не было. Кто-то

действительно хотел сыграть злую шутку разогреть коня, чтобы он летел быстрее пули. Если у нас, конечно, есть основания доверять графу...

— У нас есть такие основания, — отрезала Беллона. Ей не понравились слова кузины с том, что про всё может прознать король. Она видела при этом настороженный взгляд Бенка, не видящий в происходящем для себя ничего хорошего. А теперь ещё он пытался намекнуть, что виной всему могли быть олтернцы. Списав на них преступление, Мартин освобождался от всяких подозрений, а вот для отношений двух планет всё могло кончиться плачевно. Этого принцесса допустить не могла. Ей нужно было убедить всех, в том числе и саму себя, что в Фиалку попали по чистой случайности, что это был кто-то местный и, наконец, сделать всё возможное, чтобы возвращающийся послезавтра монарх ни слухом, ни духом не узнал о том, что творилось в графстве Финкер-Оренстофф. И с его дочерью в целом.

— У вас, Мартин, есть какие-нибудь серьёзные подозрения или улики?

— К глубочайшему сожалению, нет, ваше высочество. Я пришёл в надежде, что вы вспомните что-нибудь из скачки. Может быть, вы что-либо заметили? Если вы расскажете как можно более подробно весь свой путь и всё, что вас окружало, опишите мне, мы сможем составить чёткую картину происходящего.

— Я уже пыталась воспроизвести всё в голове десять раз. Ничего даже близко обращающего на себя внимание не было. Сначала я ехала со всеми, в самом центре. Потом вы и Габриэль... прошу прощения, виконтесса, вырвались вперёд. Потом всех обогнал сэр Дерек. После все как-то стали рассеиваться по лесу, и я не обратила внимания ни на что, кроме того, что маркиз о'Лермон и виконтесса Нови остались со мной, рядом, чуть отставая, но следуя за мной попятам. Может быть, они могли видеть кого-то или что-то?

Габриэль разочарованно покачала головой посмотревшему на неё графу.

— Я так же ничего не видела, я смотрела на дорогу, на принцессу и думала об охоте.

«Так и хочется ущипнуть тебя, лгунья, — подумала Беллона, — снова и снова лукавишь. Ну, где там тебе на меня было смотреть? Всё красавчик маркиз...но об этом на самом деле не стоит при Мартине Бенке. А сам граф, мне жаль, что он попал в такую неловкую ситуацию, в другом месте, в другое время он был бы весьма приятным собеседником, но вот, попал в историю. Я не верю в его причастность к моей еле избегнутой гибели. Сделаю всё от меня зависящее, чтобы обелить его персону. А вдруг этим я подставлю Дерек? Несомненно, нужно прежде какого-либо решения поговорить с рыцарями, они представляются образованными и логически мыслящими людьми, но они чужаки. С какой миссией они на самом деле могли прибыть на Феир? Нет, это сразу нужно выбросить из головы». Но выбросить из головы у Беллоны это не получилось, и червь сомнений прочно поселился в ней и не давал ей покоя. Между Олтерном и Феиром натянутые отношения, совсем недавно была холодная война...неужели они могли приехать с дружественным видом, а сами тем временем замыслили непоправимые трагедии? Убийство принцессы. Что оно им давало? Беллона пыталась мыслить как сыщик или политик. Никто не смел прервать её молчание. «Так, нужно толком разобраться, в чём же тут дело. Нельзя распускаться настолько, чтобы всецело поддаться чувствам и простить орденосцам все их возможные прегрешения за одни красивые глаза сэра Дерек, к тому же он и сам может быть не чист на руку. Нет! Быть того не может. Он ускакал далеко вперёд, когда всё произошло. Но допустим, виновником метившимся в мою лошадь всё-таки был кто-то из них. Зачем? Джордану в меру благородства и в голову бы не пришло пытаться убить шестнадцатилетнюю беззащитную девушку, де Роль очень предан моему брату...да, кстати, куда бы стало понятнее, если бы

они покушались на наследника, на Робина, в будущем Четвёртого. Не дай Бог, но всё же. Случись с ним что, на трон Феира сядет Кевин Карлеаль, дальний родственник Элиоса Третьего. Как хорошо, что я хоть малость разбираюсь в политике! Но они почему-то решили избавиться от меня... Итак, всё с начала. Какую я представляю опасность для Олтерна? Никакой. Может быть неудобство? Стоит задуматься... ну конечно! Как мне сразу не пришло в голову! Всё дело в моём будущем. А точнее в предстоящем браке. Если меня очень удачно обручат, то Феир обретёт ещё большую могущественность, силу, поддержку. Олтерну это ой как не выгодно. Стало быть, если убрать единственную принцессу, то и распространению власти Феира наступает конец. Вот и разгадка. Мерзавцы! Но ничего, они ответят за то, что прибыли с такой целью. И у них не получится отнять у Феира законное место во вселенной — место могущественной сильной планеты!».

— Мартин, я могу поговорить с сэром Джорданом Льюменом, его кавалерами и рыцарями?

— Разумеется. Вы уже достаточно хорошо себя чувствуете?

— Достаточно для того, чтобы суметь постоять за себя и за честь государства.

Никто толком не понял тайного смысла сказанного, поэтому все промолчали.

— Граф, передайте им, что я хочу беседовать с ними через тридцать минут. Я отдохну ещё немного и приму их в кабинете, если вы мне выделите таковой.

— Само собой разумеется, всё что прикажете. Извольте ещё что-нибудь?

— Нет. Теперь я хочу побыть наедине со своими подругами. Зайдите за мной через полчаса.

Мартин Бенк откланялся и спиной вышел из комнаты. Он почувствовал в этой девочке такую силу духа и грозность, какую никак не ожидал. Робин рассказывал о ней совершенно другие вещи. Она вовсе не трусливая и не безвольная, и, как он надеется, вполне разумная для того, чтобы всё сейчас решить правильно. Потому что лично он уже не понимал что происходит. На кого стоит класть подозрение и стоит ли это делать вообще? Ведь нож действительно мог быть всего лишь случайностью...

А принцесса осталась ещё поговорить с окружившими её девушками, однако, не затрагивая при этом темы своих подозрений.

В просторной комнате, одну половину которой занимал широкий стол, шкаф с встроенным баром, два кресла и мягкий кожаный диван, а другую небольшая библиотека, находившаяся на некотором возвышении над первой половиной, всё тщательно обговаривали и обдумывали рыцари ордена Стеллы Нордмунской. Некоторые пили виски, другие бренди, третьи предпочитали сохранять ясность мыслей. Первой речи ждали, как и полагается, от графа Льюмана, как от самого старшего, ну и само собой, их предводителя. Он никак не мог начать, потому что не знал, как объяснить сложившуюся ситуацию. Ответы на вопросы стоявшие в глазах мужчин он не знал, но знал одно — все, кто в курсе произошедшего, думают, что это олтернцы покушались на принцессу и никак иначе. Опровергнуть эту гнусную, начинавшую распространяться мыслишку следовало как можно скорее и любыми способами, так сказать, уничтожить в корне. Но в привычках Джордана было всё тщательно, очень тщательно обдумывать, прежде чем совершить какое-либо действие или приступить к утвердительным высказываниям. Поэтому первым сорвался барон Ван Стройер. Августин был горячим, не лишённым лоска юношей, эффектным и экспрессивным, в целом спокойным и умиротворённым, но иногда несдержанным. Особенно когда что-то касалось

репутации, чести, его самого или его друзей.

— Что? Никто не заговорит? Я один должен произнести вслух то, что всем уже и так понятно. Нас тут держат за дураков. Нет, вернее будет сказать за козлов отпущения. Надеюсь, это всем ясно?

Тут граф Льюман не выдержал.

— Тише, тише, не поднимай шум и не делай из мухи слона. Нас тут никто ни за кого не держит. Просто никто ничего не может понять, так же, как и мы.

— А мы и не должны здесь ничего понимать. Нас впутали в местные интриги, к которым мы не должны иметь никакого отношения, да вот, не то по стечению обстоятельств впутались, не то нас специально под это подписали. Лично я считаю, что всё было задумано заранее.

— С какой стати?

— Да говорю же я вам, господа, нас и не должно волновать, с какой стати. Они, феирцы, любезные дворяне и гостеприимные хозяева, решили зачем-то убрать свою принцессу, но не захотели нести за это ответственности. Куда легче всё повернуть, когда приезжают налаживать и без того хлипкие отношения двух планет, доверчивые и простодушные, как они думают, олтернцы. Нужно умыть руки и дело с концом.

— Мы настоящие дворяне и достойные носители золотой ленты ордена, мы не станем делать ничего подобного. Даже если нам придётся выслушать ложные обвинения, мы останемся и чтобы ещё больше не усугублять павшее на нас подозрение, постараемся сами разобраться во всём.

— Ну конечно, забот нам мало!

В разговор вступил князь Вальядов, рыцарь ордена Стеллы Нордмунской. До этого он тихо стоял в углу и, вглядываясь в дно стакана, как будто там на самом деле можно было найти истину, планировал, как провести всё так, чтобы обошлось без виновных.

— Августин, мы действительно должны сами вмешаться в это дело. Шанс, что удастся доказать причастность к произошедшему кого-то из феирцев — равен нулю. Посмотри на их принцессу, разве у кого-либо возникнет желание убить её? Разве у неё могут быть враги? Недоброжелатели? Нет, тут что-то не так. А мы как раз те самые «приезжие», которым можно приписать все смертные грехи. Кто нас тут знает, кроме Сержио и Макса? Даже принцу наша компания не сильно приглянулась...и, не пытайтесь со мной спорить, — отрезал он, отреагировав на чуть было не вырвавшееся противоречивое высказывание Джордана Льюмана, на что тот решил сменить мысль, но всё же сказать что-нибудь.

— Кстати, Сержио, Максимилиан, может, вы знаете о чём-нибудь, о чём не знаем мы? Вы всё-таки живёте при дворе, часто там бываете, может, принцессу и в правду кто не любил? Что скажешь, о'Лермон?

Юноша поднялся с дивана, прокашлялся и, не отнимая глаз от пола, промолвил:

— Я таких не знаю. Мне известно лишь то, что принцесса великодушна, добра, имеет друзей. К тому же, она редко покидает замок, и не могла бы так сильно с кем-то успеть разругаться, чтобы ее хотели убить...

— А вы, де Роль, что скажете?

— А я скажу, что она так редко выезжает в люди, что народ в стране, да и по всему государству её не очень жалуется, она не пользуется популярностью. Только среди самых приближённых слуг и всё. Ну, и двух подруг разумеется.

— А третья?

— Какая третья?

— Матильда, баронесса, — хором подсказали князь и виконт Эпсон, после чего смутились и сделали отвлечённое выражение лица.

— Ах, Матильда! Так она и не подруга ей вовсе. Они, так сказать, не в ладах. Недолюбливают друг друга.

— Так может быть... — начал было Ван Стройер.

Парис Вальядов закачал головой вперёд, чем успел открыть рот, а когда всё же сделал это, остановить его было трудно.

— Августин, ну как вы можете, молодая особа так нежна и беззащитна, что её саму впору хоть защищай, она такая хрупкая, и к тому же не умеет обращаться с оружием, как сама мне призналась. А уж что с ней творится при виде крови! Я собственными глазами видел, с какой жалостью и одновременным ужасом она смотрела сегодня на убитого зверя. Ей бы и в голову не пришло совершить преступление, даже в кошмарах она бы такое не увидела...

— Вас послушать, так она ангел во плоти, — усмехнулся граф Аморвил, — а я вот о ней сложил совсем другое мнение. Хитра, себе на уме, горделива, жестока, в меру, разумеется. Но, вы правы, на покушение она бы не пошла.

— И судя по всему вы, Парис, успели с ней близко пообщаться, — заметил виконт Эпсон.

— Хватит придирааться по поводу этой баронессы. Нет, так нет. У нас тут два совершенно разных мнения о принцессе — что её любят, и что её не за что любить. Как быть?

— Я думаю, вам самим следует с ней подольше пообщаться и всё понять самому, Джордан, — констатировал граф Аморвил.

— Да, кстати о вас, Дерек, — обернулся Льюман, — больше всего подозрений пало на вас. Вы так стремительно унеслись вперёд, что все только потом и видели мёртвое животное, да вас с руками в крови, а где вы были целых минут тридцать-двадцать — никому неизвестно. Не делайте такие глаза, все присутствующие не сомневаются в вашей непричастности, но феирцы не мы. Самым подозрительным им показалось то, что именно вы обратили внимание на нож. Теперь им интересны все подробности, что вы можете на это сказать.

— Я могу сказать много чего, но они не поверят ни единому моему слову. Нож был в животном настолько глубоко, что повредил только его внешние ткани — кидали для болевого шока, не более. И всажен он был ровно, то есть метились именно туда, куда попали, а не в её высочество.

— Мы полностью доверяем вашему опыту, но вот как это всё объяснить принцессе, графу Бенку...

Джордан задумался. В глубине души он всё понимал и почти мог найти оправдание всему, что произошло, но на словах это выразить было не возможно. Не улики, не свидетелей. А если заведут настоящее расследование? Дело дойдёт до короля, мало того до Робина Третьего, так ещё и призовут к ответу за подданных Элиоса Третьего. Уважение, которое он испытывал к своему государю, сейчас застилало все остальные проблемы. Как ему трудно и тяжело будет оправдаться перед королём! Как он объяснит, что из девяти мужчин его ордена, который он должен возглавить в ближайшие несколько лет, ни один не уследил за безопасностью одной милой, совсем юной девушки. И не просто девушки, а леди

королевской крови! Нет, один всё же спас ей жизнь. Джордан с признательностью посмотрел на Сержио. «Мда, похоже, кроме него и меня, никто не понимает, что в нашем ордене на первом месте стоит защита женщины. Ведь наш устав гласит, что мы любимыми способами должны уберегать от опасностей слабый пол. Стоп, а что если именно на это сделать упор? Неужели они поставят наше мужское слово под сомнение, если мы скажем, что вступая в орден, клялись быть заступниками девушек и ценой собственной жизни всегда выручать их. В этом есть своеобразный выход из ситуации». В комнату после громкого стука вошёл граф Мартин Бенк.

— Простите за беспокойство, уважаемые господа, но принцесса желает видеть кого-нибудь из вас в отдельном кабинете для беседы, на тему сложившейся ситуации.

После того, как все хмуро переглянулись, Джордан согласно кивнул.

— Мы будем через пять минут. Поверьте, мы так же обеспокоены, и так же хотим поговорить.

Мартин с пониманием кивнул и удалился. Джордан повернулся ко всем, выпрямился, расправив спину и положив руки на бока.

— Что ж, я думаю, следует сделать так. В первую очередь пойдёт Сержио, ему её высочество охотнее поверит, как собственному спасителю. Ты будешь заверять в том, что мы никогда не посмели бы, не решились бы, да и просто не могли бы, ну ты понимаешь о чём я?

— Само собой, я и сам хотел упомянуть о наших правилах и обетах, которые мы давали.

Льюман счастливо улыбнулся. Этот молодой человек понимал его не то что с полу слова, он просто читал его мысли!

— С тобой пойдёт Дерек. Мы все знаем, какой силой внушения он обладает. Но плюс ко всему, Дерек, на тебя я возлагаю ещё одну ответственную миссию — ты должен сделать и сказать всё, чтобы принцесса пообещала не устраивать расследование и ни о чём не докладывать своему отцу, ясно?

— Положись на меня Джордан. Если это невинное создание обладает хоть какими-нибудь чувствами, она откажется от мыслей дать простор для слухов о сегодняшнем дне.

— Отлично, тогда и пообщайся с ней поближе сам, ты лучше всех нас разбираешься в женщинах. Вот потом и скажешь, какова эта особа на самом деле.

— Сделаю всё, что в моих силах. Буду предельно вежлив и ненавязчив, но наблюдателен.

Сержио с подозрением покосился на своего друга по ордену, но решился высказаться только на выходе.

— Дерек, что ты имел в виду, когда говорил о чувствах принцессы?

— Да так, не бери в голову. Не волнуйся, мы найдём с ней общий язык.

— Очень на это надеюсь, но только не переусердствуй.

Граф таинственно улыбнулся и вышел в коридор, где уже ждал Мартин Бенк, чтобы сопроводить их до комнаты, в которой уже ожидала Беллона, настроенная весьма непреклонно. Подруги немного успокоили её, но настроение оставалось скверным, а взгляд непроницаемым. «Боже, что если это действительно они пытались всё подстроить так, чтобы я погибла? Ну почему, почему? Разве я так мешаю? Разве могут люди быть настолько жестокими? Причём жестокими совершенно беспричинно. Я не знаю с чего начать разговор с ними. Джордан должен всё понять, он гораздо старше и решительнее меня, и он первый вступит в диалог. Интересно, а кого он возьмёт с собой? Если Дерек, то я пропала, я растеряюсь, я не буду знать даже, как мне лучше держать руки, а других кавалеров я вообще

не знаю... «чужаки» — почему это слово так и прилипло к моим мыслям и чуть не срывающейся речи?»

— Мария, ты успела пообщаться с кавалерами? Ты узнала о них что-нибудь? Пожалуйста, поделись любой информацией, мне это сейчас так важно!

— Я ни с кем не заговаривала, так, поболтала немного с эрцгерцогом де Ролем и шевалье ля Мерлоутом. Но один чересчур остряк, а другой совсем ещё юнец — младше меня на год, с ними толком информацией не пообмениваешься. Оба выглядели довольно открыто и простодушно, поэтому на убийц-наёмников были не похожи. Если бы я на кого и подумала, так это на мрачного, тёмного и странного графа Дерекка...

— Не надо, Мари, пожалуйста. Я и сама не знаю, что делать, однако не бросаюсь неподтверждёнными обвинениями. Это как минимум некрасиво. Давай сейчас лучше посмотрим, как они себя будут вести, а потом уже сделаем соответствующие выводы, которые, как я очень надеюсь, опровергнут все наши самые дикие догадки и домыслы.

В этот момент раздался стук в двери, с просьбой о разрешении войти.

— Проходите, — сказала Беллона.

Обе дверцы распахнулись, и вошёл хозяин графства Финкер-Оренстофф. Мартин как никогда был строг и насторожен.

— Как вы и приказывали, ваше высочество — кавалер о'Лермон и сэр Аморвил.

После этих слов девушка глубоко вдохнула и у неё напряглась каждая мышца тела. Ладони вспотели, и на кресле стало как-то неудобно и неуютно. Ну вот, всё-таки прислали его. Да ещё без графа Льюмана, а с ним Беллона чувствовала бы себя куда более комфортно. Успокаивало то, что рядом будет земляк — Сержио, самоотверженный юноша, который продемонстрировал, что готов всегда прийти на помощь беззащитной. Да, он будет хорошей поддержкой, если конечно Дерек не будет тянуть его на себя. И вообще, интересно, что они оба будут говорить. С какой целью не пришёл сам будущий магистр? Застеснялся или ему неудобно стало? Нет, определённо не это. Тогда что? Это и предстоит узнать, и с этим, пожалуй, не стоит оттягивать.

Беллона последний раз смерила глазами обоих юношей, хотя одного из них более удачней будет назвать мужчиной. Посмотрела им в глаза, правда первая отвела свои оба раза. «Так никуда не годится, они должны почувствовать, кто здесь главный, но как это сделать?» Мария, Габриэла и Матильда присевшие за спиной придавали солидности и грозности, и так, чуть-чуть уверенности. «Что ж, господа, у меня хотя бы есть тыл, а вот вам деться совершенно некуда. Но если вы чисты на руку, то вам и не придётся никуда деваться. Хотя, возможно было бы лучше, если бы нас с Дерекком оставили наедине. Знаю, Мария сейчас бы сказала — и вот тогда бы он тебя точно прикончил. Да выдумки это всё. Я скорее поверю, что меня пытался убить мой брат, тайно пробравшийся на охоту».

— Что ж, спасибо за услуги, Мартин, вы можете быть свободны.

Молодой дворянин откланялся и прикрыл за собой вход в комнату. Встав сразу у выхода, он решил проследить за тем, чтобы никто не мешал разговору, решающему, возможно и его собственную, судьбу.

Глава 7. "Объяснение"

Пригнувшийся в глубоком поклоне граф еле удержал маркиза, который явно хотел пасть на одно колено в знак глубочайшего уважения и виноватости. Но в планы Дерекка не входило вот так запросто признать себя в чём-то виноватым. Тем более что он твёрдо знал, что ни он, ни его товарищи не повинны ни в чём дурном и его задача была совсем другая. Настроить принцессу на великодушие и заставить её принять их сторону. Забыть о собственной безопасности и запретить расследование, замаять всё случившееся. Ну и конечно, последняя миссия — стать ближе принцессе, чтобы получше понять её, узнать, и доложить все сведения Джордану, который собирался вести собственный розыск виноватого, в едва минувшей принцессу гибели. В тишине и напряжённом воздухе было слышно, как тикают крупные часы на стене, виляющие своим маятником, сделанным в виде солнца, с острыми лучиками во все стороны. Беллона хотела услышать что-нибудь из уст только что зашедших, но потом поняла, что они, по этикету, ждут разрешения заговорить или когда она сама начнёт беседу, но правильнее это было бы сейчас назвать допросом. Принцесса последний раз помялась, покрутив пуговицу своего жакета, и решила вступить в бой.

— Итак, господа, я пригласила вас, чтобы...поговорить прямо и без каких-либо виляний. Нам ведь нечего друг от друга скрывать?

— Разумеется нет, ваше высочество, — живо откликнулся Сержио.

— Ну, это смотря какие стороны нашей жизни вы хотите обсудить, — беззаботно возразил Дерек.

Три фрейлины Беллоны тихо засмеялись. Граф решил выбрать язык иронии, чтобы смягчить принцессу. «Что ж, неплохой ход, — подумала Мария, — в нём есть скрытый потенциал очень интересного мужчины, понятно, почему моя кузина на него так сильно положила глаз». Принцесса залилась краской, не то гнева, не то смущения.

— Меня не волнуют личные стороны вашего бытия или какие-нибудь тайные дела вашего ордена, я хочу поговорить о сегодняшнем дне. Мне сказали, что при вас не нашли ножа?

— Да, это так, кабан так брыкался, когда я воткнул его ему в хребет, что нож отлетел куда-то в кусты, его сейчас ищут.

— А почему вы решили осмотреть мою лошадь, как только прибыли на место происшествия?

— Ваше высочество, я столько раз был на всевозможных скачках и охотах, что уже догадывался о причине внезапного бешенства животного. Поверьте, ваш случай не единичный. Единично то, что вы чудом и, слава Богу, спаслись.

— Да, это и есть чудо, — интонация Беллоны по-прежнему была ледяной. Ей было невыносимо больно совладать с собой. Нужно было показать всю мощь своего титула, всю силу характера, заставить дрожать и уважать, но, глядя в эти чёрные с пурпурным отблеском глаза, невозможно было вести себя так, как хотелось. Хотелось протянуть руку и дотронуться до его ухоженных волос, нагнуться чуть ближе и почувствовать этот тонкий аромат лаванды, мяты и горькой полыни. «Осторожно Беллона, — сказала она сама себе, — ещё немного и у тебя голова пойдёт кругом. Ну с чего ты взяла, что это он покушался на тебя? Почему не можешь сейчас просто вести милый разговор, непринуждённую болтовню,

ты ведь так ждала подобного момента». Принцесса глубоко откинулась в кресло, чтобы на самом деле не склониться к Дереку и не сделать чего-нибудь не того.

Инициативу пока перехватил маркиз о'Лермон.

— Ваше высочество, мы хотели принести извинения, что не уследили за вами. Просто, поймите, охота для мужчины, это такой азарт, все увлеклись...

Беллоне в голову пришла любимая фразочка Габриэль.

— Не хочу ничего понимать! Вот вы же были рядом!

— Я...да, но я...просто не так люблю быструю езду, в своё время она мне надоела...

«Боже, кажется, я стараюсь казаться не такой, какой хотела себя показать. Сейчас они подумают, что мне нужно было внимание и верчение вокруг меня, услужливые и безотказные лица, не отходящие от меня ни на шаг. Так, гляди, недолго заработать ту же репутацию, что и у моего брата, нужно исправить положение. Но как?».

— Принцесса, может вы ещё хотите намекнуть, что тот столовый нож с деревянной рукоятью, который я вытащил из...кажется Фиалки — это моё оружие?

Беллона молчала. Ей стало неудобно. Она решительно ещё не готова вести такие разговоры, что уж говорить о её премьере через два месяца, да она там просто посрамится! Ну почему всегда все дела решали за неё, теперь она вообще не знает, что делать. Успокаивало одно — венценосные особы и их родственники имели право говорить, молчать, выдерживать паузу, когда им это вздумается.

— Должен вас заверить, что у меня был настоящий стальной кинжал с гравированной рукоятью, украшенной аметистами и с красующимся на ней фамильным гербом графов Аморвилей.

«Фамильный герб Аморвилей! Как это звучит, и как бы мне хотелось ходить под его знаменем, несмотря на то, что знамя Карлеалей в сотни раз престижнее этого дворянского наследия».

— Нет, я не хочу на это намекнуть, я просто хочу расставить всё по своим местам.

— Принцесса, позвольте заметить так же, — продолжил Сержио, — что в нашем ордене, посягательство на жизнь женщины карается смертной казнью. Мы все, все участники ордена — рыцари и кавалеры, принесли клятву никогда не предпринимать никаких действий, способных привести к смерти женщины. Это наше одно из самых первых и святых правил.

— Вот как? — Беллоне захотелось оттаять, с каждым словом её голос становился всё мягче и мягче. Раз уж они давали такую клятву...Это серьёзно. Но всё же следовало ещё потянуть с непробиваемостью и поверхностностью к представшим перед ней орденосцам. — Если у вас это одно из табу, хотелось бы ознакомиться и с другими аспектами вашего учения.

— Это не учение, это образ жизни, — улыбнулся маркиз, — если вы желаете, я могу...

— Не стоит, Сержио, право же не стоит, — остановил граф.

— Сэр Дерек, вы по-прежнему считаете, что девушка не может понять всех трудностей вашего дела и всех параграфов вашей жизни? Вы, кажется, обещали мне разговор на эту тему, помните?

— Само собой, но это слишком долгий разговор людей с разными идеалами, стоит ли его начинать?

— Думаю да, — отрезала принцесса, — к тому же, откуда вам знать мои идеалы, чтобы утверждать, что они у нас разные, скажите на милость?

В дверь снова постучали.

— Ну кто там ещё, — прошипела себе под нос Беллона. — Войдите!

Мартин Бенк зашёл немного повеселевший с тех пор, как его видели десять минут назад.

— Слуги...они нашли кинжал сэра Дерека, недалеко от того места, где был убит кабан, совсем рядом. И ещё. Шевалье ля Мерлоут сказал, что когда услышал ржание коня принцессы, он обернулся и увидел лесника, высокого мужчину с густой бородой, который, когда понял, что натворил, кинулся бежать прочь. По-видимому, он действительно принял вашу кобылу за оленя, и хотел вернуться домой с добычей.

Беллоне хотелось вскрикнуть от счастья. Так вот всё как просто! А сколько волнений, напряжения, и всё напрасно. Ну, наконец-то, наконец-то она может преспокойно завершить сегодняшний день, счастливый нужно заметить день. Отдаться развлечениям, а всё своё внимание перекинуть на Дерека.

— Ну что ж, если теперь всё понятно, всё так замечательно разрешилось, можно расходиться каждый по своим делам, — непрощено возникла Мария. Принцесса уже хотела поставить её на место, в ласковой манере, разумеется, но её опередил граф Аморвил.

— Если у вас есть дела, не терпящие отлагательств, я думаю, её высочество вас отпустит, Мария, а вот мне был обещан разговор. — Дерек нагнулся и поцеловал принцессе руку, после этого заговорщически заглянув ей в глаза и отойдя на то почтительное расстояние, на каком стоял прежде. Беллона обмерла. У неё спёрло дыхание, а ритм сердца ускорился, как минимум в два раза.

— Да, кухня, вы можете быть спосо...то есть свободны я хотела сказать. А мы с сэром Дерекком поговорим.

Мария нагнулась к самому уху принцессы, чтобы никто больше не мог их слышать.

— Белл, не теряй самообладания! Может, ты ещё всех отпустишь и останешься с ним наедине? Беллона, дорогая, это будет самым позорным, что ты можешь придумать.

— Извини, я совсем забылась, но что же мне делать, я так хочу пообщаться с ним?

— Оставь меня и этого будет достаточно.

— А маркиз? Я же не могу выгнать его! Это будет некрасиво. Они пришли вместе и, по-видимому, должны уйти тоже не порознь.

— Ну, оставь ещё и его, он довольно-таки тихий, скромный, я думаю, не помешает.

— Если я оставлю его, то я просто обязана буду оставить и Габриэль, иначе она никогда в жизни мне не простит того, что я лишила её нескольких минут удовольствия, а отправить восвояси в полном одиночестве баронессу, будет верхом невоспитанности. Эх, чувствую, тет-а-тет не удался.

— Милая, ты просто до него ещё не доросла.

Смутившаяся и огорчившаяся принцесса решила отвлечься от этого, оставив всё, как есть, хоть ей и безумно хотелось что-то поменять.

— Мартин, скажите на милость, а почему же этот шевалье...

— Шевалье ля Мерлоут, Густаво ля Мерлоут.

— Да, спасибо. Почему он сразу не рассказал обо всём, что он видел? Это настолько быстрее разрешило все наши проблемы. И такого переполоха бы не было.

— Я понятия не имею, ваше высочество, он поделился с нами буквально десять минут назад. Может он не знал, как начать разговор, может, ещё что...хотите, я пришлю его к вам?

— Нет, не нужно. Вы можете быть свободны.

Граф, уже в который раз, откланялся и отправился заниматься своими делами. Дерек развернулся к принцессе и произнёс.

— Вы очень верно заметили, что шевалье как-то странно умолчал об увиденном. Он должен был сразу поделиться с нами, своими товарищами.

— Прощу вас, давайте больше не будем об этом. Мне и так весь день было несладко. Я бы не хотела затянуть свои тревоги до позднего вечера.

— Как скажете, принцесса. Но всё-таки, как бы вам того не хотелось, мне кажется, эта тема будет подниматься ещё не раз.

— С чего вы взяли?

— Ну, как же, несчастный случай с такой высокочтимой особой теперь не будет давать покоя придворным сплетникам. Они будут чесать языки тут и там.

— Мне бы меньше всего этого хотелось.

— Понимаю, но, однако, когда узнает его величество Робин Третий...

— Он сейчас в отъезде.

— А когда он вернётся?

— Сэр Дерек, мой отец очень храбрый и сильный человек, но за меня он переживает слишком сильно. Я боюсь, как бы эта новость не нанесла вреда его здоровью. Поэтому мне бы хотелось сохранить в тайне то, что произошло. И, чтобы не было лишних толков, неплохо было бы сохранить в секрете всю охоту. Вы понимаете, о чём я?

— В свою очередь, я сделаю всё от меня зависящее, но я не властен над графом Финкер-Оренстофф и вашими подданными.

— По этому поводу вы можете не беспокоиться. Мои подданные так же пекутся о здоровье моего отца, как и я сама, так что никто ни о чём не узнает. А вот ваши рыцари...

— Мои рыцари, люди немногословные и понимающие. Даю вам своё слово, что на Олтерне ни одним словом не обмолвятся о сегодняшней охоте.

Мужчина и девушка посмотрели друг другу прямо в глаза. Она с облегчением и благодарностью, а он с пониманием и чувством выполненного долга. Они договорились. Дальше всё могло идти своим чередом. Беллона, уже почти счастливая, хотела устроить ещё какое-нибудь празднество, но при попытке встать, вспомнила о вывихнутой ноге, которая напомнила о себе резкой болью, дёрнувшей ступню и эхом отразившейся где-то в колене и даже выше. Принцесса ахнула и стала заваливаться прямо перед собой, рискуя разбить себе лицо или повредить ещё какую-нибудь часть тела. К счастью сэр Дерек стоял недалеко, и он вовремя подхватил девушку на руки. Маркиз округлил глаза, глядя на представшую пред ним картину — для него это было просто недозволительно, своеобразное святотатство. Предмет его восхищения и обожествления попал в руки, чужому, недостойному... одним словом — не к нему. Габриэль засияла довольной улыбкой, как будто осуществлялся план, который она чётко спланировала. Мария и Матильда издали испуганные звуки, а позже, скорее возмущённые. Их чувства были схожи с чувствами Сержио, но только они были вызваны исключительно приличиями и этикетом, без личных интересов.

Граф, не отпуская из рук прекрасную дочь короля, смотрел в её растерянное лицо, не выражая при этом на своём абсолютно никаких эмоций.

— С вами всё в порядке? Мне кажется вам, ваше высочество, ещё рано ходить без поддержки. Повреждение лодыжки — дело не шуточное, с ним можно провести в постели больше недели, если не соблюдать медицинских рекомендаций.

— Вы очень любезны, в таком случае мне теперь всё время придётся нагружать кого-то

своей личностью.

— Я думаю, что любой воспримет за счастье, а не за нагрузку, носить вас на руках.

— Ну что вы, мне достаточно будет просто о кого-нибудь опереться...

— Я бы не советовал вам так напрягаться, когда вокруг столько галантных кавалеров, готовых быть к вашим услугам с любой миг.

— Что ж, тогда я воспользуюсь вашим советом.

Мария уже готова была взвыть и замахать руками в качестве протеста — это же недозволительно! Беллона, не сходи с ума! Не бери пример с Габриэль, ей всегда всё сходит с рук! Ну же, кузина, разуй глаза и оглянись на реальность, что ты вытворяешь? Эрцгерцогиня безвольно замотала головой и понуро опустила плечи.

Матильда, закусив губу, смотрела на принцессу с завистью. Вокруг неё столько внимания! И её по вполне пристойным причинам носят на руках. Уж юная баронесса-то знала, как приятно ощутить на себе, сквозь одежду, крепкие пальцы, уверенные в своих действиях, как сладко прижаться к сильной груди и почувствовать себя маленькой жемчужиной в надёжной раковине. Нет, она никогда не позволяла себе ничего большего, чем флирт и маленькие интимные шалости, но и того, что она знала, было достаточно, чтобы захотеть очутиться на месте Беллоны.

— Тогда, граф, если вас не затруднит, отнесите меня до моей...вернее выделенной мне постели. Это в конце коридора, сразу направо.

— С превеликим удовольствием.

«Кто бы знал, что я сейчас ощущаю! Дерек, мой дорогой Дерек несёт меня на руках и даже не подозревает, как много это для меня значит. Только я и он...ах, если бы это было возможно, но маркиз и мои замечательные сопроводительницы не отступают ни на шаг. Плевать, плевать на все условности и запреты, мне хорошо, так хорошо, как не было никогда в жизни. Жаль, что это продлится не дольше минуты. Нужно придумать, что делать дальше. Сочинить что-то, чтобы повторить это удивительное чувство. Он так легко несёт меня, что, кажется, будто я и ничего не вешу».

Граф легонько приоткрыл тонкую дверцу и проследовал прямо к кровати, на которую, с аккуратностью ювелира, возложил принцессу, при этом нагнувшись так сильно, что чуть не задел своими губами её лицо. От присутствующих не укрылась эта деталь, и теперь трое из них стояли кто побелевший, кто позеленевший, и все по своим причинам. Одна Габриэль оставалась неунывающей, светящейся улыбкой и озорно подмигивающей подруге, которая поглядывала на неё краем глаза. «Что ж, чем лучше и быстрее у Белл с графом получится роман, или хотя бы, учитывая создавшиеся условия, взаимная симпатия, тем быстрее Сержио поймёт, что ловить ему там нечего и переключится на меня». Ветреная виконтесса, как всегда, была в своём духе, не заботясь о последствиях страстей, возникающих между неравными.

Беллона, понимая, что моменты удовольствия подходят к концу, решила воспользоваться последней зацепкой.

— Сэр Дерек, мне сказали, что вы очень сведущи во всём, что касается охоты, оружия и тому подобного?

— Да, это действительно так. Не сказать, что в этой области я разбираюсь лучше всех, но всё-таки, толк кое в чём знаю. А что собственно вас, ваше высочество, интересует?

— Я хотела узнать ваше мнение по поводу шевалье ля Мерлоута. Вы верите в показания, которые он дал графу Бенку и вашим друзьям? Вы считаете, что какой-то охотник мог

перепутать меня с ланью, в то время как, ещё со вчерашнего вечера, на территорию леса в несколько гектар было запрещено появляться кому бы то ни было?

Дерек вспомнил свою миссию — убедить принцессу, что всё в порядке, что повода для беспокойства нет, но нужно что-то ответить, к тому же не очень подозрительное, как будто он сам пытается кого-то прикрыть.

— Вы очень точно выразили вслух мои подозрения. Нет, мне с трудом верится в это всё, поэтому я намерен самолично поговорить с Густаво и понять, в чём дело.

Не выдержав больше этого разговора, при котором игнорировались все присутствующие, ревность Сержио дала себе выйти наружу, хоть и не в разгорячённом виде, но в скромной фразе.

— Дерек, зачем вы снова запугиваете принцессу? Ей и без того хватало волнений, а тут ещё вы, со своими догадками.

— Позвольте заметить, — вскипятилась Беллона, — что это и мои догадки тоже. А вы, маркиз, хотите сказать, что всё гладко и ни что не вызывает у вас подозрений? Всем сказали, что будет проводиться охота, а какой-то оголодавший крестьянин всё-таки решил выйти и добыть себе пищу! Дамы и господа, во что вам больше всего не верится в этой истории? Лично мне ни в единый момент. Ни в то, что кто-то из местных мог нарушить запрет, ни в то, что здесь есть настолько оголодавшие люди, способные на всё, ради еды. Что вы теперь скажете, Сержио о'Лермон?

— Я? Точно я сказать ничего не могу, но согласен с вами, что что-то здесь не так.

— Вот-вот, поэтому не нужно меня успокаивать. Чем скорее мы разберёмся в происходящем, тем нам всем будет проще и легче.

Дверь в комнату открылась и зашла Дария Салис.

— О, извините, я не знала, что вы уже вернулись сюда, просто зашла посмотреть, всё ли тут в порядке. Ну, раз уж вы все здесь, то разрешите пригласить вас через тридцать минут на ужин. Это на первом этаже, во втором зале от входа, я думаю, все найдут. Ещё раз извините за беспокойство.

Кузина Мартина удалилась. После её ухода Сержио и Дерек почувствовали себя немного лишними и направились к выходу, однако Габриэль окликнула одного из них.

— Сэр Дерек, если уж вы возложили на себя столь почётную обязанность, то не могли бы вы перед ужином зайти за её высочеством и отнести её к столу.

— Как скажете, очаровательная мадмуазель.

Виконтесса засветилась одной из своих лучезарных улыбок, от чего ямочки на щеках стали ещё глубже и придали ей совсем юный вид. Несмотря на то, что она была старше принцессу на год, выглядела она младше, к тому же была немного ниже ростом. Беллона, чуть не открыв рот от изумления, наблюдала за тем, что вытворяет подруга, и находилась в полной растерянности по этому поводу. Да, ей хотелось того, что попросила Габи, но сама бы она никогда в жизни не решилась бы на такую просьбу. А то, что эта просьба прозвучала не из её уст, не снимало с неё значения и смысла. Стало быть, сейчас девушки повели себя неприлично. Мария, как всегда, оставалась в стороне, но когда дверь закрылась, всё-таки заговорила:

— Габи, как ты могла? Это же нахальство! Сущее безумие просить молодого человека таскать кого-то на руках, если он сам этого не предлагает.

— Мари, безумие не попросить его об этом, когда он не против, а очень даже «за». И что значит «таскать кого-то»? Между прочим, ему выпала честь носить саму принцессу

Феира и он должен этим гордиться. Не лезь к нам с Белл со своей чопорностью. Мы улаживаем нашу личную жизнь, разве непонятно?

Матильда фон Даберлёф смотрела в непониманием и, наконец, когда поняла, что совсем запуталась, решила разобраться в том, что происходило у неё под носом. Она встала, оправила свой фиолетовый жилет, подтянула сапоги и обратилась к графине Нови.

— Габриэль, тебе что, понравился кто-то из этих кавалеров, и ты хочешь пофлиртовать с ним?

Виконтесса переглянулась с принцессой — да, решительно не следовало сейчас посвящать эту девушку в амурные дела Беллоны, это могло бы не очень хорошо закончиться.

— Да, я хочу с ним немного сблизиться, чтобы получше пообщаться и узнать его с разных сторон.

— И этим кем-то является сэр Дерек?

— Нет, ну что ты, я говорю о маркизе...

— Тогда почему ты так усердно вертелась вокруг него?

— Но это же старая истина — чтобы узнать человека, нужно пообщаться с его друзьями. Более подходящей кандидатуры, чем граф Аморвил, я не нашла.

— Теперь понятно. Да, маркиз отличная партия. Он воспитан, красив, богат, вежлив, к тому же перспективен, поскольку находится в близкой дружбе с будущим королём Феира и имеет знакомства на Олтерне.

— Это всё, конечно, превосходно, но вот если бы он чуть быстрее поддавался моим намёкам и кокетству...а так...ну почему все молодые люди такие тугоухие?

— Может быть, он просто знает себе цену? — предположила Матильда. — Лично я бы если бы и стала стараться ради кого бы то ни было, если только бы он имел возможность представить меня ко двору в Южных ветрах или императору Голубого квазара — это другое дело. Остальные пусть сами ухлёстывают за мной и надрываются, ломая голову над ухаживаниями. Мы — девушки, созданы, чтобы принимать знаки внимания, а не оказывать их.

— Ты права, Матильда, но иногда так не хочется подчиняться судьбе и каким-то условностям, что делаешь попытку взять что-то милое сердцу самой. Разве тебе самой никогда не приходилось обращать на себя чьё-либо внимание намеренно?

— Что ты такое говоришь? Габриэль, я же не какая-нибудь дурнушка из захолустья, чтобы так поступать. Ко мне всегда все подходят первыми и предлагают своё общество.

— Да уж мы видели. И кто же удостоился взаимности? Барон, князь, шевалье? Они так и вились вокруг вас, словно мухи.

— Пчёлы, дорогая, пчёлы. А взаимность я не собираюсь оказывать ни одному. Кто они есть? Со своим орденом они так и пропадут в безызвестности. Хотя весьма недурны собой и состоятельны.

Парис Вальядов, Августин Ван Стройер и Густаво ля Мерлоут, действительно почти сразу, когда все только представлялись в павильоне, окружили баронессу теплотой и заботой, делая ей комплименты и развлекая, как только можно. Кто-то нашёл в ней интересную собеседницу, она ведь была не глупа, кто-то нашёл в ней просто завораживающую красавицу и решил провести в её компании как можно больше времени. Парис, как самый главный ценитель красоты, поначалу всё-таки обратил внимание на принцессу. Беллона ему показалась куда более симпатичной, но удел общения с такой особой был не для него. Когда графы Льюмен и Бенк встали по обе её руки, он понял, что

там делать нечего, а увиваться прихвостнем, как маркиз о'Лермон ему не хотелось, это было ниже его достоинства. Таким образом Матильда провела целый день с тремя кавалерами и теперь ходила напыщенная и важная, как индейка на праздничном столе, к которому преподнесена главным блюдом.

Габи, поняв, что что-то слишком разговорилась с вражеской стороной, замолчала. Мария с укором смотрела то на одну, то на другую подругу. Если бы принцессой была она, она бы живо угомонила эту вертихвостку Нови и поддающуюся её влиянию Беллону. Но ей ничего не оставалось делать, как только подчиняться желаниям принцессы, которые, к счастью, пока ещё, она могла кое-как контролировать.

Беллона сидела в огромном напряжении. Всё происходившее вокруг казалось ей чем-то нереальным. Через какое-то время Дерек снова вернётся и снова возьмёт её на руки. Какое счастье! А потом они будут беседовать за ужином, и никто не посмеет мешать ей любоваться им, сколько душе угодно. Она будет слушать его вкрадчивый, но уверенный голос, внимать каждому слову и отвечать, разумно и сдержанно. Не отвлекаться на тех, на кого сама захочет. Возможно, придётся из благодарности учтиво отвлечься на маркиза, но не более. До последнего она будет посвящена графу Аморвилу. Нет, неправильно, она же королевских кровей! Это он будет посвящён ей. Как жаль, что он не подданный её отца, было бы гораздо проще. А при данных обстоятельствах, их разделяют не только титулы, разница в возрасте, но и традиции, привычки и устои двух совершенно разных планет. И через несколько недель Дерек со спутниками должен будет вернуться к себе на родину. Как сейчас хотелось посоветоваться с Марией, но при баронессе сделать это было невозможно. Куда бы спровадить Матильду? Нет, это тоже невозможно. Как странно, она принцесса, уважаемая и почитаемая, первая девушка двора и всего Феира, но перед ней столько всего, чего она просто не имеет право менять. Ну что за несправедливость! Хотя король не позволил бы даже того, что происходит в данный момент, так что ей ещё повезло, что она вот так вырвалась из-под его всевидящего ока и наслаждается кусочком свободы и самостоятельности. Правда, было замечено, что это чуть ни привело к трагедии, но всё обошлось благополучно, поэтому, в принципе, можно и в дальнейшем будущем попробовать действовать по своему усмотрению.

Принцесса была довольна. Общая картина дня предстала перед ней красочной и увлекательной. Даже нож лесника, казалось, просто добавил остроты ощущений. Ведь не будь его, граф Дерек бы никогда в жизни и пальцем не коснулся бы Беллоны. До неё ведь раньше вообще никто не дотрагивался...ну если не считать неудачные попытки Сержио снять её с лошади. Но это совсем другое. У графа руки сильные, крепкие, смелые, уверенные. «Уверенный — вот какое слово идеально олицетворяет Дерека, по крайней мере, мне так кажется, — думала Беллона, — а как мы понимаем друг друга! Буквально с полуслова. Нам не нужно было долго мучиться, чтобы договориться оставить охоту в тайне. Похоже, он догадался, что я здесь без ведома короля. Но даже если так, то ничего страшного, ему можно доверять, я чувствую это. Я чувствую, что этот человек — сплошная честь и порядочность. И что мой братец имел в виду, когда говорил, что я сильно удивлюсь, когда узнаю об их нравах и привычках, а тем более, законах ордена? Из услышанного, я поняла, что у них с законами всё в порядке, а из женщин они делают чуть ли не культ. Это просто великолепно! Робин, очевидно, в очередной раз хотел пошутить надо мной». Мысли принцессы прервала музыка раздавшаяся снизу.

— Что это такое?

— Насколько я могу быть осведомлена, — откликнулась Матильда, — граф Бенк пригласил на ужин музыкантов, чтобы они развлекали нас во время трапезы. Тем более, как известно, хорошая музыка способствует пищеварению.

— Спасибо за ответ, баронесса. Так, значит, до ужина осталось совсем немного?

— Около пяти минут, — взглянув на часы, подала голос Габриэль.

Беллона почувствовала дрожь в коленках. Ладони моментально вспотели, и она застыла в ожидании того момента, когда за ней, по договорённости, придут. До неё доносились мелодичные звуки лютни, флейты и бубна. Играла весёлая плясовая песенка, под которую так и хотелось сделать несколько танцевальных движений. Принцесса жалела о травме ноги, потому что танцевала она довольно хорошо, и не будь у неё этого увечья, она непременно объявила бы вечер танцевальным. Габи вдвойне бы обрадовалась такому событию, поскольку её неиссякаемая энергия требовала постоянного выхода. Но нет, эти планы пока отменялись. Беллона глубоко в душе надеялась, что ей ещё представится не один случай составить пару с Дерексом в вальсе или гальярде. В последние два дня Беллоне вообще хотелось много недозволенного. До этого она всегда подчинялась указам старших и смотрела, слушала, читала и говорила только то, что проходило через строгий контроль короля и подавалось ей в обработанном и отфильтрованном виде. Что ж, всему рано или поздно приходит конец. В начале месяца её высочеству исполнилось шестнадцать лет, и она стала сильно меняться, с тех пор, как она увидела рыцаря, покоровшего её сердце, разум и душу — сэра Дерекса Аморвила.

В дверь постучали, и наступил долгожданный для Беллоны момент.

Глава 8. "Ужин"

Музыканты выстроились на небольшом каменном возвышении справа от входа и теперь играли более лиричные мелодии, спокойные и размеренные. Слуги суетились вокруг стола; в белоснежных рубашках или блузах, с накрахмаленными воротничками. На столе всё уже было готово. Блюда и приборы стояли на своих местах. Начищенное серебро сверкало. Три канделябра, в каждом из которых горело по семь свечей, освещали все представленные кушанья. В центре красовалась фаршированная кабанья грудинка — виновник торжества занял почётное место. По сторонам от него находились жаркое с грибами, в котором золотились кубики жареного мяса, и рагу из кролика. От посыпанного зеленью рагу, поданного со сметанным соусом, исходил изумительный запах. Далее располагалась дичь, тушённая с рисом, куропатка с апельсинами и жареные перепела. Рыбные тефтели и рулет из рыбы сдвинули к краю, так как главным всё-таки решили, что будет мясо. Гарниром подавался тушёный картофель с овощами.

Беллона, донесённая до самого стула и аккуратно посаженная заботливым графом Дерексом, сидела во главе стола. По правую руку от неё сидел граф Бенк; как хозяйева, они с Дарией занимали места близкие к самой почётной гостье. По левую руку от принцессы сидела Габриэль. Другой конец стола возглавлял сэр Джордан Льюмен в окружении своих подопечных кавалеров и рыцарей. Всего присутствовало пятнадцать человек. Хотя для пиршества это считалось не так уж и много, повара постарались на славу, приготовив ещё одну смену блюд и великолепные десерты, которые будут подаваться в завершении трапезы; пудинги, пироги, желе, булочки с фруктовыми начинками и горячий шоколад должны были привести в восторг каждого сладкоежку.

Когда за столом находилась особа королевской крови, никто не имел права вести разговор шёпотом или просто не вовлекать в него эту персону. Должна была вестись одна единственная светская беседа, в которой мог бы поучаствовать каждый, и в первую очередь принцесса. Все не знали о чём бы таком заговорить. Обычно обсуждалась прошедшая на славу охота, но в связи со случившимся казусом, не знали, удобно ли это будет. Беллона быстро поняла, почему все молчат. Не находился ни один орденосец, решившийся бы взять на себя ответственность за тему беседы. Мартин сидел и так уже изрядно утомившийся от сегодняшних приключений и выкручиваний с оправданиями. Дария вообще рта не смела открыть — она впервые попала в такое общество и немного смущалась. Мария, как всегда, была немногословна, да и по жизни не любила привлекать к себе внимание. Матильда наслаждалась взглядами, которые по-прежнему на неё бросали барон и шевалье, и эта игра была для неё дороже слов.

Габи, выдержав паузу, наконец, решила спасти ситуацию.

— Значит, у вас, господа, сейчас осень на Олтерне, при дворе? А у нас такая жара — уже почти лето. Как вы переносите местный климат?

— Мы привыкли в резкой смене погоды, мы слишком много путешествуем, чтобы обращать на это внимание. Буквально за месяц до прибытия к вам, на Феир, мы вернулись из Южных Ветров, с Ландеры, — ответил сэр Джордан.

— В самом деле? Вы были там? Как интересно, — вмешалась Беллона, — и именно на Ландере...там правит мой двоюродный дядя, племянник моей бабушки Виктории. Вы

видели его? Как он поживает?

— Он поживает замечательно, в полном здравии, но, как мы уже замечали, мы странствуем с целью улучшить отношения в будущем, поэтому большую часть времени мы провели с принцем Луисом.

— Моим троюродным братом? Скажите, пожалуйста, я ведь его ни разу не видела, какой он? Вы не представляете, как мне всё это интересно.

— Понимаю, понимаю. У вас, ваше высочество, действительно много родственников, с которыми вас объединяет ваша общая прабабка — Стелла. — При названном имени все рыцари коснулись медальонов на своих золотых лентах, выказывая тот священный трепет, который жил в каждом почитателе легендарной королевы. — А принц Луис, кстати, внешне похож на вашего брата, только повыше, покрепче. Характер у него сдержанный, своевольный, но спокойный. И он так же, как и его высочество Робин, до сих пор не обручен. Это сейчас первая проблема на Ландере. Он пока отказывается от всех предлагаемых невест.

— И в правду, как мой брат... — Беллона задумалась. Ей опять напомнили о её прапрабабке — Стелле. Ну почему она её так не любила? Сама не могла себе объяснить. Ей казалось, что подобная личность порочит репутацию Карлеалей своим присутствием в их генеалогическом древе, а ей напротив восторгаются и ставят в достоинство то, что в ком-то течёт её кровь. Что за бред?! «Нужно показать этим орденосцам, что я чего-то стою и без своей знаменитой родственницы». Граф Джордан тем временем продолжал рассказывать.

— А его сестра — принцесса Лила, она ваша ровесница, такая разумная, но дерзкая. Порой ведёт себя, как мальчишка. Её тоже будут представлять в этом году в высшем свете, только я не знаю когда, возможно на том же дне рождения вашей тёти. Но родители Лилы, венценосные Стефан и Ингерна, очень переживают за то, как она себя будет вести в столпотворении знатных лиц.

Беллоне почему-то стало приятно от мысли, что где-то у неё есть троюродная сестрёнка, которой предстоит такое же испытание, как и ей — испытание обществом. Она, наверное, точно так же переживает и не знает, как себя вести. Ведёт себя как мальчишка? Вот счастливица! Там, в системе Южные Ветра, они могут вести себя, как хотят, эти принцы и принцессы, им слова никто не скажет, потому что они могущественные и многоуважаемые правители. Держава Южных Ветров уже два века держит под каблуком весь юг галактики, настолько сплочённые это королевские семьи. Ещё бы, все сплошь родственники. Система состоит всего из шести планет, а сколько силы и власти! «Кстати, у меня ведь там и на другой планете есть троюродные братья».

— А на Офеле вы не были, господа?

— Как-то было дело, лично я был, — произнёс князь Вальядов, — а с миссией мы туда ещё не ездили.

— Понятно. Тогда расскажите мне ещё о вашей родине — об Олтерне, я всё-таки тешу себя надеждой побывать там когда-нибудь.

— Непременно побываете! — воскликнул шевалье ля Мерлоут, — наша планета очень гостеприимна и королевский двор любит новых людей прибывающих во дворец.

— Какие вы все патриоты. Вы так любите родину?

— Мы любим не только её, но и всё что с ней связано, — заговорил сэр Дерек.

— Что же, например? — полюбопытствовала Габриэль.

— Мы любим наши традиции, наших жителей, своих правителей...

— Не каждые подданные могут похвастаться любовью к своему суверену, — продолжала виконтесса, — значит, у вас настолько милостивый, мудрый, добрый, щедрый и благосклонный государь?

— Вы назвали лишь малую толику его добродетелей, — ответил Дерек, — Элиос Третий — великий правитель. Он умён и проницателен, а наша королева составляет ему достойную пару. Она очень красива, несмотря на возраст, впрочем, не такой уж и большой.

— И сколько же ей лет?

— Её величеству королеве Эстель сорок один год.

— Что ж, если она всё ещё красива, это делает ей честь, — улыбнулась Матильда, пламенно глядя в глаза барону Ван Стройеру. Августин отвечал взаимным горячим взглядом, светящимся нескрываемым желанием.

— У неё много достоинств и помимо красоты, — вмешался Джордан Льюмен, — всё-таки, как-никак она родная внучка Стеллы Нордмунской. Они похожи, почти как две капли воды, даже имена созвучны... Эстель Медеосская самая великая из ныне живущих женщин!

Беллону чуть не вывернуло от такого восторга кучки мужчин перед одной женщиной. Ну, неужели можно так восхвалять её из-за какой-то ерунды — родства со Стеллой Нордмунской? Принцесса не удивилась бы в данный момент, если бы ей заявили, что с ней соизволили вообще разговаривать, только потому, что она тоже там какая-то седьмая вода на киселе. Глупцы, вокруг столько очаровательных живых девушек, а они довольствуются воспоминаниями об усопшей. Так думала Беллона.

— А вы дорожите всем, что связано с моей прапрабабкой? — не выдержала она.

— Разумеется, — ответили ей, чуть ли не хором, — наш орден полностью посвящён ей. Мы трепетно относимся ко всем вещам, которые имели к ней отношение и тем более относимся с почтением к людям, которые знали с ней или состоят с ней в родстве.

— И много осталось на свете людей, которые с ней знали? Не сомневаюсь, вы наверняка всех их знаете...

Граф Льюмен глотнул вина, прочистил горло, как будто собрался долго говорить и после этого ответил принцессе со всеми мельчайшими подробностями.

— Ну, во-первых, это её дочь — Люси Фельзер, урождённая Самонди, как и её мать, ей сейчас семьдесят семь лет, она мать нашей королевы. Живёт на Медео, в своём герцогстве, доставшемся ей от её последнего мужа. Почтенная вдова. Хотя она родилась королевой Северной Луны и по закону должна была занимать там трон, которого её лишили вместе со всеми почестями. Я не раз был у неё в гостях, она много рассказывает о своей матери. Она знала и Элиоса Второго, она выросла на Олтерне, когда Стелла и Элиос ещё были вместе. Эта женщина любит предаваться воспоминаниям, и гостей она любит. Детство у неё было счастливое, жизнь интересная и насыщенная. Дай Бог ей ещё долгих лет жизни! Во-вторых, таким человеком является королева-бабушка Валлора — Улиана Макартни, заклятый враг Стеллы в течение всей её жизни. Никто не знает, из-за чего они всю жизнь враждовали, но факт остаётся фактом — эти две дамы ненавидели друг друга до последнего вздоха...вернее пока Стелла не пропала. В юности они были подругами, даже выручали одна другую в некоторых ситуациях, но с возрастом антипатия усиливалась и потом вовсе превратилась в какую-то неприязнь и желание вендетты. Не понятно кому и за что. Сейчас Улиана живёт при дворе своего правнука и уже около сорока лет не говорит ни о чём кроме как о своём покойном муже, который давным-давно ушёл в мир иной. Мы надеемся получить у неё аудиенцию. В августе ей исполняется сто двадцать лет, и будет устраиваться пышное

празднество, роскошный банкет. Очень бы хотелось улучшить момент и попросить рассказать её что-нибудь интересное о Стелле, если, конечно, получится и она не заведёт старую занудную болтовню о своей тяжкой вдовьей доле. И, наконец, третий человек, который не просто знал Стеллу, а был её лучшей подругой — это Ольга Уланова, Ольга Рижская. Эта не менее экзальтированная особа живёт на Риге, маленькой звёздочке, королевой которой когда-то была, а теперь закрылась в старом фамильном замке своей бабки — ведьмы Тайнарины, и доживает свои дни, не подпуская к себе никого, кроме самых приближённых и верных слуг, которых там не более десяти. Я думаю, ей не долго осталось, ей будет сто двадцать четыре года. Жаль, если так и не удастся побывать у неё и услышать о молодости Стеллы от неё. Кто, как не лучшая подруга, может знать самые интересные подробности жизни? Говорят, когда-то она была не менее прекрасна, чем Стелла, а теперь, когда годы унесли все её прелести прочь, она не хочет показываться людям. Хотя глупо противиться времени, все мы когда-нибудь состаримся и будем похожи на высушенный фрукт.

Беллона выслушала всё это с нескрываемым интересом. Сколько оказывается на свете всего интригующего! Ей бы тоже хотелось вот так путешествовать по свету и навещать то одного, то другого известного человека, прославившегося чем-либо. Почему-то больше всего ей захотелось побывать у Улианы Макартни. Неудивительно, что она не любила эту Стеллу, трудно любить коварную сердцежку, которая крутила мужчинами, как хотела. Удивительно, что у неё вообще ещё и подруга была!

— Я бы хотела вместе с вами побывать на торжестве в честь юбилея этой почтенной старушки, но неизвестно, какое впечатление я произведу на своей премьере, и пригласят ли меня туда.

— Плохого впечатления вы явно произвести не сможете, — изрёк, чуть дыша, маркиз о'Лермон.

— Ах, спасибо за поддержку, но я всё равно буду сильно переживать по этому поводу.

— Но там ведь, скорее всего, будет много вашей родни, они вас морально поддержат и помогут вести себя, как следует, — сказал граф Дерек.

— Я многих из них не знаю. У моей тёти Виктории восемь детей, а я из них знакома только с двумя старшими кузенами. Они оба намного старше меня, уже женаты...тётю Патрицию и дядю Антонио я видела так давно, что почти не помню. Остаётся только дядя Вильгельм и его жена — её величество Сивилла, они, наверное, единственные, кто кроме родителей, будут мне не как чужие.

— Я так скажу, — снова заговорил Джордан, — главное на премьере — это то, какое впечатление вы произведёте на представителей Голубого Квазара, несмотря на то, что у вас и там много родственников, тамошние правители считаются только с личными симпатиями, и им всё равно кем вы кому приходитесь. Хотя...Вы ведь в родстве с самим сыном Алмы?

— Да, моя кузина вышла за него замуж, несмотря на то, что ему было семьдесят, а ей пятнадцать лет. Лично мне это кажется просто невероятным!

— Некоторые на многое способны ради власти, — проговорил сэр Дерек, — у них кажется даже дочь появилась от этого брака?

— Да, Дарма. Ей уже тринадцать лет. Я её ни разу не видела.

— Что-то мы всё о родственниках, да о родственниках, — прервала Габриэль, — господа, расскажите какой-нибудь интересный случай из своей жизни, у вас наверняка найдётся парочка историй.

— Разве будет столь молодой девушке интересно слушать про сражения на пегасах или грифонах? — промолвил граф Льюмен.

— Как, — удивилась Беллона, — вы служили в королевской армии Олтерна?

— Да, приходилось. Я служил там ещё мальчишкой и бросил её шесть лет назад.

— Непременно расскажите нам о своей жизни поподробнее.

Беседа продолжалась ещё долго, сменяя тему за темой, перетекая от весёлых историй к трагическим случаям из чьей-либо судьбы. Часто чей-нибудь особо любопытный рассказ превращался в длинный монолог и все, как заворожённые, слушали рассказчика. Потом всё-таки вспомнили об охоте, но это уже было, когда принесли десерт. Все ещё раз выразили принцессе своё недоумение по поводу того, что недосмотрели за ней, а Мартин снова принёс извинения за то, что допустил оплошность в охране территории. Шевалье ля Мерлуот ещё раз уверил Беллону в том, что леснику сейчас должно быть тоже не сладко, такой у него был испуганный вид, когда он понял, что же натворил.

К девяти часам вечера все уже от души веселились и вели непринуждённые разговоры. Матильда продолжала наслаждаться реакцией барона, строя ему глазки. Тот в свою очередь был совершенно очарован и попросил соизволения сопровождать карету принцессы на обратном пути. Граф Бенк выделял свой экипаж Беллоне и её свите, чтобы девушка не испытывала неудобства при езде на коне с больной ногой. Тем более, мало кого удивит поздняя поездка кареты графа Финкер-Оренстоффа к крылу принца, а вот молодые девушки с сопровождением из королевской гвардии могли бы привлечь внимание на постоялом дворе, мимо которого пришлось бы проехать, или обратить на себя внимание встречных путников.

Решено было разойтись в десять часов, чтобы хотя бы к полуночи вернуться обратно, в замок Карлеалей. Беллона уже представляла, как волнуется её мать, но главное, чтобы она не устроила переполоха и никто не кинулся на поиски принцессы, иначе все старания оставить всё под большим секретом пойдут насмарку. Оставалось надеяться на мудрую Коломбину Мевори, которая всё объяснит королеве и на логически мыслящую Алису Тревор, которая успокоит её величество Весту. И что рядом не будет этих двух змей — Перферио и Даберлэф. Двух науськивающих особ ещё не хватало. Хотя баронессе тоже есть за что волноваться, её дочка здесь же. И надо сказать, ведёт себя не как скромница. Принцесса знала, что у Матильды всегда вокруг много ухажёров и претендентов на её руку и сердце, и решила понаблюдать за ней и поднаучиться искусству обольщения. Чем чёрт не шутит? Может пара уловок поможет ей очаровать графа Аморвила, который за весь ужин не очень-то сильно баловал Беллону своим вниманием. Он предпочитал смотреть «никуда». Просто переводил взгляд с одной точки на другую, а когда его глаза всё же встречались с глазами девушки, в них не было ничего кроме лукавства и надменности, какого-то странного выражения, которое как будто говорило «ну, и что же вы, ваше высочество, от меня хотите? чтобы я кинулся к вашим ногам? не дождётесь!». Беллона терялась и отводила глаза, хотя помнила то, чему учил отец: «С людьми, как с собаками, если ты отвёл взгляд, ты уступил место хозяину — пересмотри человека, и он будет тебя уважать или даже бояться!» Учил он, конечно, не её, а сына, но она приняла этот урок и для себя. Робин Третий зря надеется вырастить из своей дочери послушную мадмуазель, подобную тем, что проходят обучение в монастырях. Беллона решительно поддавалась зовам природы, начинающим бушевать в ней страстным позывам, которые подогревали события, начавшиеся так внезапно.

Она смотрела на сэра Дерекка и не могла понять, что же испытывает? Любовь? А что это

такое? Как она должна проявляться и ощущаться? Если бы у неё было у кого спросить... вроде бы Мария вполне подходила для советчика, да вот беда, она ни разу не влюблялась. По крайней мере, от неё ни разу не было слышно, чтобы она вздыхала или страдала по кому-то. Да, ей нравился мальчик — она с ним поцеловалась, теперь она с ним дружит. Но чтобы ей хотелось быть с кем-то рядом, такого от неё явно никто не слышал. А Габриэль вообще относительно себя развеяла все надежды. То ей нужен был один, теперь она глаз не сводит с другого. Разве это серьёзные чувства? Конечно же, нет. Может по приезду спросить у матери? Не признаваться откровенно, но так, намёками вытащить из неё, что же она чувствует к отцу? Хотя их отношения Беллона бы даже тёплыми не назвала. Неужели её родители не любят друг друга? Какие истины открываешь на семнадцатом году жизни... обидно приходиться к таким разочарованиям в результате своих размышлений. Может ей нужно меньше думать и больше делать? Но делать что? Красота Матильды сама делала своё дело, а что же с внешним видом принцессы? Вроде ничем не хуже, возможно даже лучше, потому что Беллона заметила, что баронесса пользуется косметикой. Видимо хотела стать ещё ярче, чтобы затмить всю конкуренцию разом. Похоже, ей это удавалось. Хотя, не совсем. Маркиз исподлобья косился на принцессу, и регулярно вставлял в разговоры какие-нибудь комплименты. А этот князь? Парис Вальядов. И как Беллона сразу не заметила, что он не отводит взора с её лица. Весь вечер он только это и делал. «Значит, кому-то я всё-таки пришлась по вкусу».

— Князь, а вы так ничего конкретного и не рассказали об Офеле, давно вы там были, что видели?

— Я был там в прошлом году. У меня там кузен и его семья, я проводил с ними всё время, поэтому лучше пусть расскажет сэр Дерек, он ездил со мной, но видел намного больше и даже был представлен ко двору...

— А вы?

— А я там представлен ко двору уже давно, милейшая принцесса.

— Понятно, что ж, тогда пусть расскажет нам что-нибудь граф...

— Боюсь, я не лучший рассказчик, но вам в этой просьбе не откажу. Мы приехали тогда в самый разгар душного и жаркого сезона, самым модным развлечением там было купание. Пекло доводило температуру воздуха до тридцати-тридцати пяти градусов и все спасались от солнца в тени. Проводились турниры по укрощению амазонских драконов и мне предложили участие в одном из них...

— Амазонские драконы? Что за диковинка? — поинтересовалась Габриэль.

— О, это дикие драконы, с очень прочной чешуёй, которую практически невозможно пробить, они в размерах не превышают двух метров в высоту, а размах их крыльев составляет всего четыре метра. Приручать их умеют только на Амазонке, откуда собственно они родом. Местные девушки-воины используют их вместо лошадей, причём это ещё и великолепная охрана — они изрыгают огонь на большие расстояния, а своими лапами они сражаются не хуже чем солдат мечом. Так вот, я согласился принять участие. Парис отказался, чтобы нам ни в коем случае не стать соперниками в этом соревновании. После нескольких раундов я вышел победителем.

— Да, да, — подтвердил князь, — Дерек превзошёл всех других участников, хоть никогда раньше и не занимался подобными вещами. Он просто прирождённый охотник и всегда и везде первый.

— Не преувеличивай, Парис, — продолжал рыцарь, — итак, я оказался победителем, а

среди зрителей находился юный наследник — Астерикс. Принц подошёл познакомиться со мной и пригласил на бал, ко двору. Несмотря на то, что ему было всего пятнадцать лет, он чувствовал себя довольно уверенно, совершенно не смущался старших и вёл себя раскованно. В течение моего дальнейшего пребывания на Офеле, он предложил мне свою искреннюю дружбу и пригласил приехать ещё как-нибудь. Вот и вся история.

— Спасибо, что поделились с нами эпизодом из своей жизни. А он тоже похож на моего брата? Этот Астерикс, он ведь тоже мне троюродный брат...

— Нет, он совершенно иной, — стал пояснять сэр Парис, — у него рыжеватые волосы, тёмные глаза. Он очень весёлый и задорный мальчик, не очень симпатичный, но со своей изюминкой во внешности. Куда красивее его младший брат — копия своей матери, великолепной Мериан Виборнской. Правда, он тоже не похож на вас и вашу семью.

— Судя по моим подсчётам, — промолвила принцесса, — Астерикса тоже ждёт премьера в этом году?

— Вы абсолютно правы, — подхватил граф Льюмен.

Свечи вращались в канделябрах. С тех свечей, что стояли на столе, воск капал на скатерть, а с других, которые горели у стен, на комодах, полках и огромной люстре висящей в центре залы, он растекался тонкими струйками и окроплял пол, и деревянную мебель. Слуги спешили поменять свечи, чтобы они не успели потухнуть. В камине слабо потрескивал огонь. Дров было наложено настолько, чтобы они излучали свет, но ни в коем случае не грели воздух, потому что этим весенним вечером дышать и так было трудно. Окна были открыты, но в них не дул даже малейший сквознячок. Занавески висели спокойно, не колышась от ветерка, которого не было, но которого все так жаждали. Помещение, в котором все ужинали, было просто, но богато украшено. Повсюду висели гобелены, а на полу лежал ковёр из мягчайшей шерсти. При входе расположился портрет важного, полного мужчины — первого графа Финкер-Оренстоффа, жившего несколько веков назад. Эта картина в золотой раме, одна из тех редких вещей, которые уцелели, вопреки революции. В те времена уничтожали всё, что было связано с аристократией, но портрет увезли в далёкую деревушку, что находилась за Вармеркуром, в глухих лесах. Там было тихо, мирно, ничто не нарушало спокойствие сельских жителей. И только два года назад, вместе с Дарией, приехавшей из своей глубинки, этот замечательный предмет роскоши и часть истории вернулся на своё законное место. Дария привезла его с собой, потому что на том уровне жизни, на котором она жила раньше, это чудо совсем не вписывалось. А золотая рама могла послужить поводом залезть в дом для какого-нибудь воришки, а тут, как-никак, всё под охраной, и портрет, и всё имение вообще.

Разговор подходил к концу, время близилось к десяти, речь вёл Джордан Льюмен, который мог бесконечно рассказывать об ордене, магистром которого собирался стать. Видимо, он был очень предан своему делу.

— ...В жизни легендарной Стеллы много чёрных пятен, много неизвестного, возможно такого, о чём мы никогда не узнаем. Больше всего я жалею, что возможно никогда не узнаю, что же с ней произошло...но мы все уверены, что она не умерла, она непременно прожила ещё долго, а возможно жива и до сих пор. — Вино немного развязало язык графа, и он откровенно говорил обо всём, чём думал. — До сих пор неизвестно, как ей удавалось выдавать за свою дочь своей подруги Карен, из рода Салада, в течение целых двадцати с лишним лет! Уже потом она сама призналась, что в молодости была бесплодна, и ей пришлось прибегнуть к обману, чтобы остаться королевой Олтерна. Какой ум! Какая

хитрость! Какая находчивость! Потом, каким-то чудом, она исцелилась и родила пятерых своих детей! Великая, превосходная!

Беллона начинала чувствовать себя ущемлённой. Как и всякая королевская особа, она бы предпочла, чтобы пели оды ей, но это были гости её планеты, и их кумиров тоже нужно было уважать. Их идолы — это их выбор и их право, которое не стоило оспаривать. Принцесса взяла пример с Марии, которая откровенно потешалась над великовозрастными мужчинами, верящими в какую-то сказку, созданную кем-то и как они приходят в экстаз от упоминания о давно высохшей старухе.

— Если бы я когда-нибудь и женился, то только на подобной ей. Но пока я такую не найду, я останусь холостяком, впрочем, как и все здесь присутствующие. Да, ребята?

Участники ордена согласно закивали, все, кроме маркиза, но этого никто не заметил. Беллона вздрогнула. Как? Только на похожей на эту...эту...развратницу? Обманщицу, распутницу, авантюристку и ещё много чего там. Она мысленно представила себе такую женщину — хищный взгляд, шикарная фигура созревшей дамы, расчётливый ум, тщательно продуманное каждое движение и лживые, льстивые слова. И такая будет рядом с Дерексом... такая, а не она, Беллона. Что же ей делать? Стать такой? Ни за что на свете! Поменять интерес Дерекса? Но как, если он сознательно вступил в этот орден и решил согласиться со всеми его принципами и порядками. Боже, у неё голова пошла кругом, неужели у неё не получится понравиться графу Аморвилу? Не удастся привлечь его внимание и добиться взаимности? Какой неожиданный поворот, просто удар в спину... Все эти мысли шли под фон разглагольствований сэра Джордана.

— А ещё известно, что она вела дневник. Записывала туда всё, вплоть до самых мелочей. За эту вещицу я отдал бы многое, мы все ставим перед собой задачу найти его. Это такая драгоценность для нас! Но никто даже приблизительно не знает, где находится сей артефакт. На Олтерне ли, на Северной Луне? А может быть ещё где. Возможно, она завещала его кому-нибудь, и этот человек до сих пор хранит эту реликвию, как самое дорогое на свете. Официально нашим орденом за эту находку обещано десять миллионов роялов. Представьте себе, это же цена огромного, богатого надела земли со слугами, конюшней, псарней, в общем со всем, что нужно, чтобы жить на широкую ногу, как знатный дворянин.

— Представляю... — кисло произнесла Беллона. Что за дурачки? За клочки бумаги готовы выложить огромные деньги, лучше бы потратили свои сбережения на благотворительность. Если у ордена был такой богатый фонд, теперь понятно, почему они так беспрепятственно путешествовали, вычурно одевались, ну, не все конечно.

В этот момент вмешалась Габриэль.

— Значит, самой главной вашей задачей является найти эту тетрадь с записями? Стало быть, вы своего рода искатели, только не сокровищ, а откровений о своей жизни одной женщины.

— Не простой женщины...

— Хорошо, пускай не простой, но всё-таки, всего лишь женщины. Как интересно, собрание мужчин, охотящееся за своей святыней, чем-то напоминает «золотых»...

Возникло молчание. Даже те, кто жевал, перестали работать челюстями. Рыцари округлили глаза, пара из них даже хотели привстать. Беллона, Мария и Дария не сразу поняли, что произошло. Габриэль сама не поняла, почему на её высказывание так отреагировали.

— Если бы это не было сказано вами, очаровательная виконтесса, — произнёс с

каменной интонацией Джордан Льюмен, с покрасневшим лицом и вспотевшим лбом, — бы счёл это за оскорбление.

Ужин был закончен.

Что ж, сравнение благородных рыцарей с «золотыми», действительно было неудачным. О «золотых» знали все, об этой шайке бандитов, которые делились на три категории — грабители, убийцы и насильники. Это была могущественная банда, которую никто не мог победить, несмотря на то, что их изгоняли с планет и запрещали там появляться. Многие из «золотых» сами были королями планет, поэтому многие запреты им были нипочём. Возглавлял их некий Лео, о котором кроме имени ничего не было известно. Существовала легенда, что ему уже много веков и он бессмертен. Когда-то давно, ради какой-то цели (какой, никто опять же не знал) он собрал несколько молодых людей и стал вместе с ними наводить ужас на людей, убивая, грабя, похищая, разбойничая. Со временем их стали бояться, да и боятся до сих пор. К ним стали присоединяться, вступить в «золотые» стало солидным, но абы кого туда не брали. Все участники были исключительно мужчинами, молодыми, красивыми, сильными и здоровыми. Им запрещалось жениться или заводить постоянную подругу. Они были равнодушными, жестокими и безжалостными. Исключения делались только тем «золотым», которые были королями, они могли обзавестись семьёй, чтобы родить законного наследника. Но любить они всё-таки почти не умели. По крайней мере, такие случаи были очень редки. Вернее их всего за всю историю было два, когда «золотой» влюбился!

При вступлении в шайку, молодой человек должен был полностью забыть свою прошлую жизнь и начать новую. Он менял имя, брал кличку и начинал «работать» на Лео. Вернее они были вольны делать всё что хотят, по своему усмотрению, в этом и заключалась «работа». Кто что предпочитал, тот то и вытворял. Или у некоторых был просто талант воровать — тогда он становился вором. У кого были другие таланты... те становились грозой молодых девушек или убийцами. Узнать одного из них очень просто — «золотые» всегда ходят в чёрной кожаной одежде, с золотыми украшениями и оружием за спиной. Нунчаки, арбалеты, палки, мечи, шпаги, секиры и томагавки — уметь драться обязан каждый, независимо от ремесла.

Поэтому когда Габриэль провела параллель между орденосцами и бандитами, они так оскорбились. На некоторых планетах запрещалось даже упоминать о них, или просто считали это верхом неприличия. Однако искоренить банду не удавалось, и она то и дело давала о себе знать, то тут, то там. С тех давних времён, когда они только образовались, разбойники так разбогатели, что обеспечили себя на много поколений вперёд и теперь «хулиганили» просто ради забавы и удовольствия. Обычно они появлялись на планете, организовывали себе там логово, тайное убежище, которое фактически невозможно было найти, и делали вылазки, которые оставляли после себя кучу неприятностей.

Существовало уйма сказок об этих ребятах, об их образе жизни, их загадках и прочем. Были легенды о несметных сокровищах «золотых», о том, что они спрятаны в заколдованных местах. Говорили, что все эти парни заколдованы, что их жизнь покрыта туманной пеленой секретов. Они, как магнит, притягивали к себе девушек, которые ради них могли бросить всё — родню, богатство, титул. Среди таких были и принцессы. Так пропала сестра королевы Плутона — сбежав с бандитом, по кличке Колдун. Связавшись с ними, исчезла старшая сестра королевы Эстель — Ява. Это было давным-давно, но её до сих пор пытались найти.

Было ещё и второе предположение — что её забрала к себе её бабка, Стелла, то ли в качестве спутницы, то ли чтобы с помощью магического обряда переселить свою душу в молодое тело и продолжать наслаждаться жизнью. Но точно было одно — Яву с тех пор никто не видел. Ещё на «золотых» пытались списать пропажу тёти короля Олтерна Элиоса Третьего, но её исчезновение было совсем невероятным и необычайным, настолько необъяснимым, что его, уже как само собой приписали разбойничьей шайке. Она пропала ещё в 2058 году.

Но самое главное, что волновало всегда всех, кто хоть мало-мальски интересовался «золотыми», это их легендарная библиотека. Поговаривали, что в ней есть информация на каждого участника банды и там записан каждый его шаг. Там хранится тайна Лео — кто же он такой и с какой целью набрал своеобразное войско жестоких юношей. Что случилось с людьми, которых похитили «золотые» и их дальнейшие судьбы. В общем, там можно было найти любую информацию о чём угодно. Многие искали эту библиотеку, шли к ней, но всегда ошибались и натыкались не на то. Большинство охотников за библиотекой погибали. Да, это в принципе происходило со всеми, кто ввязывал в свою судьбу «золотых» — этот человек погибал. Быстро ли, медленно, но конец всех ждал один.

Беллона не стала указывать Габриэль на то, что она должна попросить прощение за столь неудачное сравнение, она считала ошибку подруги достойным наказанием Джордану Льюмену и его кавалерам за их слепое поклонение её прапрабабке. Принцесса не любила, когда кто-то в каком-то деле доходил до фанатизма и ничего не мог с собой поделать. А перед ней весь вечер красовался яркий пример всего этого — сэр Джордан. Так пусть же знает, на кого он стал похож в своём стремлении — на преступников и изгоев, на нежеланных нигде гостей. Кажется, его это поставило на место, потому что после этого он не проронил ни слова, а орденосцы стали готовиться расположиться в выделенных покоях и уснуть.

Августин Ван Стройер, как и обещал, присоединился к солдатам королевской гвардии, для сопровождения принцессы со свитой, маркиз о'Лермон последовал его примеру и тоже снарядился в путь.

— Господа, — забеспокоилась Беллона, — но ведь тогда вы вернётесь обратно не раньше трёх часов утра, как же так?

— Зато со спокойной душой и чистой совестью, — парировал барон.

— Да, нам будет приятно знать, что её высочество в полной безопасности благополучно вернулась к себе в покои.

— Ах, судари, я даже не знаю, как вас отблагодарить.

Подошёл князь Вальядов.

— Для них лучшей наградой будет — присутствовать рядом с вами, не правда ли друзья мои?

— Конечно, — согласился Сержио.

— В таком случае я рада принять ваше предложение сопровождать меня и с удовольствием проведу ещё пару часов в вашем обществе.

Граф Аморвил снова поднял принцессу на руки, чтобы отнести её до кареты. Он усадил её настолько осторожно, что она даже ничего не задела своей больной ногой.

— Надеюсь, я не очень сегодня нагружала вас необходимостью переносить меня с места на место?

В эти секунды, пока Беллона только села в карету, а остальные девушки обходили её с

другой стороны, чтобы сестры, они были наедине. Это был тот интимный момент, о котором так мечтала принцесса. Их никто не слышал.

— Ну что вы, я совершенно не был нагружен. Я бы даже с удовольствием тоже проводил вас до замка, но, к сожалению, должен завтра рано утром вместе с графом Льюменом быть в вашем парламенте и обсудить кое-какие дела.

— Понятно. Что ж, я думаю, мы ещё встретимся, вы ведь не скоро уезжаете с Феира?

— Через две недели, — Дерек поцеловал руку принцессе, — если вы желаете встречи, она непременно состоится.

В экипаж залезла Габриэль, а следом за ней и ещё две фрейлины принцессы.

— Ну что, все готовы к поездке до дома? Тогда предлагаю трогать не откладывая.

— Как скажешь, Габи, — произнесла Беллона, выдёргивая руку из ладоней графа, пока этого никто не заметил, — трогай!

Приказ принцессы был моментально услышан и кучер щёлкнул кнутом. Оставшись наедине, девушки, наконец, дали волю своим языкам. Первой не выдержала Мария.

— Габи, ну как ты могла так оплошать! Назвать их «золотыми»!

— Я не назвала, а всего лишь сравнила...

— Всего лишь сравнила! Нет, Белл, ты послушай это, наша виконтесса делает вид, что не знает, как общество относится к этим...этим мерзавцам — бандитам, не дай Бог с ними когда-нибудь встретиться...но, почему ты смеёшься, Белл? Что с тобой?

— Ничего, не обращай внимания.

Беллона откинулась на спинку сидения и с улыбкой задремала. Она была счастлива. В момент прощания Дерек вёл себя именно так, как ей и хотелось бы. И плевать, что в их ордене эталон женщины — хитрая стерва, она будет такой, какая есть. Она уверена, что добьётся взаимности и в этом не может быть никаких сомнений!

Две недели, у неё на всё про всё всего лишь две недели. Нужно с максимальной пользой провести это время, использовать этот срок. Устроить ещё что-нибудь. Да хоть ещё одну охоту! Всё равно, лишь бы ещё хоть раз взглянуть в эти глубокие, как колодцы, глаза, раствориться в них и утонуть. С этим принцесса и уснула под стук колёс и копыт лошадей, под поскрипывание кареты и под перешёптывание кухни и Габи. Матильда отсела к окну и тихо перекидывалась фразами с бароном. Он ехал совсем рядом и готов был по пояс залезть в окно, лишь бы стать ещё ближе к так восхитившей его баронессе. Однако его не подпускали к себе на расстояние меньше метра. Матильда знала себе цену и знала свой главный девиз: «Запретный плод сладок».

Когда они добрались до замка, было более часа ночи, но, как и предполагала Беллона, переполоха не было. Подруги королевы хорошо сделали своё дело. Станным образом, они понимали принцессу больше, чем её мать. Девушку разбудил свет факела, упавший в открывшуюся дверцу. Не успев опомниться, она хотела сама спуститься с двух ступенек, но снова испытала глухую боль в вывихнутой ноге. Заныв, она ухватилась за сапог. На это её движение маркиз соскочил с коня и подставил руки.

— Ваше высочество, позвольте здесь мне донести вас до опочивальни, вы не дойдёте сами, да и не стоит пытаться, это только повредит ноге.

— Хорошо, маркиз, если вас не затруднит.

Безумно радостный от этого, Сержио о'Лермон даже не почувствовал веса девушки, которая легла ему на руки, он пересекал двор, шёл по лестницам, коридорам, залам и

искренне верил, что его друг — принц Робин, не забыл об их ночном разговоре и устроил сегодняшнюю охоту ради него, ради того, чтобы он ещё раз увидел принцессу.

Глава 9. "Мать и дочь"

Королева не могла спокойно спать и ворочалась с боку на бок. Ей не терпелось узнать, как Беллона провела день, и она ужасно волновалась, почему же возвращение было столь поздним? Немедленно направившись в покои принцессы, как только та прибыла, она получила от ворот поворот. Служанка сказала, что её высочество прибыли с небольшой травмой и уже спят, уставшие от волнений. Разумеется, после таких слов, как и любая мать, Веста вообще забыла о покое и долго сидела в алькове пытаясь забыться чтением, но мысли возвращались к дочери и к тому, что же с ней случилось? Не сумев отвлечься, она легла, но лежала долго и только под утро забылась коротким и тревожным сном.

Наутро Веста немного разочарованно взглянула в зеркало, заметив, что неважно выглядит из-за теней, пролегших под глазами и осунувшегося лица. Но это сейчас её не так беспокоило как то, что нужно первым делом навестить Беллону. Собравшись, она сообщила фрейлинам, что завтрак будет позже на час или два, и что сегодня они могут быть свободны, так как она намерена уделить весь свой день семье. Пройдя по внутренним коридорам сначала своего крыла, потом прошагав по галерее центрального строения, королева, наконец, очутилась в гостиной принцессы и приказала сообщить её высочеству, чтобы она оделась и приняла свою мать. Через пятнадцать минут молоденькая девушка вышла из спальни Беллоны, и сказала, что её госпожа готова и ждёт величественную родительницу для беседы. Настороженная Веста зашла в комнату. «Как у матери, у меня действительно есть большие упущения — я не знаю, как общаться со своей девочкой, а ведь я должна быть первым человеком, которому она могла бы довериться, пожалиться и с кем ей хотелось бы советоваться».

Принцесса сидела причёсанная, умытая, но в ночной рубашке и под одеялом. Она приветливо, но выжидающе поглядывала, подозревая, на какую тему королева будет с неё спрашивать.

— Утро доброе, дочка, как ты себя чувствуешь? Мне сказали, что ты повредила ногу? Это серьёзно?

— Нет, мамочка, со мной уже почти всё в порядке. Я упала с лошади...

— С лошади? Боже! Какой кошмар! Это могло так плачевно кончиться, это так опасно...

— Но всё обошлось. Волноваться незачем. Просто я ещё немного прихрамываю, потому что подвернула лодыжку. В целом я ничего не поранила.

— Я рада. Но как же так случилось? Ты ведь у нас хорошая наездница, да и лошадь тебе вчера дали самую смирную и спокойную о которой только можно подумать.

— Всё... всё произошло неожиданно. Я не увидела издали бревно, загораживающее дорогу, и стала резко тормозить, когда была от него всего в двух шагах. Фиалка встала на дыбы и скинула меня.

— Очень хорошо, что всё разрешилось благополучно, но в следующий раз... хотя, надеюсь, следующего раза не будет.

— Что ты имеешь в виду?

— Что больше никуда тебя одну не отпущу. Можешь не рассчитывать, что я отныне буду потакать твоей самостоятельности. Ты ещё слишком беспечна и юна. К тому же принцесса

всегда должна находиться под присмотром старших. И самое главное — что мы скажем твоему отцу? Ты подумала, как объяснить, что послужило причиной твоей травмы?

— Нет...

— То-то же. Я нахожусь в недоумении, как оправдаться перед его величеством. Можно, конечно, сказать, что ты неосторожно спускалась с лестницы...

— Я и Габи обязательно что-нибудь придумаем. Не сомневайся.

— Это хорошо, но, пожалуйста, не бери в привычку врать, договорились?

— Ну, что ты, мама. Ты же знаешь, я всегда говорю честно, разве я могу обманывать вас с отцом? Просто пойми, если он узнает о вчерашнем, то будет очень сердит.

— Да, да. Я всё прекрасно понимаю. Моя умница, я горжусь тобой, ты растёшь достойной представительницей Карлеалей, хотя, на моей памяти, в их роду женщины никогда не касались политики и не встречались с гостями планеты.

— Значит, я буду первая, — Беллона довольно подняла голову, чем умилила королеву. Та постояла в дверях, не зная, что ещё сказать и собралась уходить, развернувшись и начав дёргать за ручку.

— Мама, постой!

Веста остановилась и с радостью повернулась обратно.

— Я хочу с тобой поговорить, мама.

— Я слушаю тебя, — женщина присела на стул возле кровати и сложила руки на коленях, — можешь говорить прямо, я всегда пойму тебя.

— Даже не знаю, с чего начать...

— Начни с главного, со мной ты можешь быть откровенна.

— Хорошо. Как понять — влюбилась ты или нет?

Несколько мгновений выражение лица королевы менялось и приняло суровый вид. Её глаза помрачнели, а губы сузились.

— Не хочешь ли ты сказать, что тебе понравился какой-то придворный? — такие симпатии нужно было пресечь в корне. Но Веста не рассчитала со строгостью, отразившейся во всём её облике и спугнула Беллону, которая не смогла признаться матери честно и решила по-другому выйти из ситуации, забыв о только что данном обещании не усердствовать с ложью.

— Нет, нет, что ты! Как я могла, я понимаю, что они всего лишь придворные — наши подданные.

Веста расслабилась и более миролюбиво посмотрела на дочь.

— Вот и славно, но тогда к чему такой вопрос?

— Видишь ли, ты недавно мне сказала, что совсем скоро, когда я выйду в общество, я смогу сама выбрать себе мужа...

— Да, это были мои слова, и я не беру их обратно, всё так и есть. Но я не вижу связи?

— Я бы хотела знать, как я смогу понять, что это тот человек, который мне нужен? Как я пойму, что полюбила? — Беллона готова была говорить о чём угодно, лишь бы кто-нибудь поделился с ней опытом, рассказал что-нибудь о любви, о том, как же вести себя при мужчине?

Королева погладила принцессу по голове.

— Девочка моя, ты слишком торопишь события. И, к тому же, любви с первого взгляда не бывает.

— Нет?..

— Ну, возможно симпатии возникают иногда моментально, но ни к чему хорошему это не приводит. Всё, что быстро вспыхивает — скоро сгорает, понимаешь? Если чувства захватывают и мешают мыслить нормально, то это совсем не то, что нужно. И чаще всего такие вспышки проходят и забываются.

Принцесса разочарованно вздохнула. А ей так хотелось, чтобы романтические грёзы Габи стали явью! Виконтесса так красиво всё расписала в их последнем разговоре! И вот, теперь королева открывает глаза на правду.

— Но как же можно полюбить по-другому, если человек не приглянулся тебе с первой встречи? Разве не говорит это о том, что он тебе неинтересен и не подходит вовсе?

— Совсем нет. Я всё объясню тебе; спутника жизни, супруга, нужно искать не по красивым глазам и не по очаровательному лицу, даже не по смазливым и обаятельным манерам. Это, для начала, должен быть достойный мужчина, с головой на плечах, который всегда думает, что делает и знает, как правильно поступить.

— Мама, по-моему, эти качества хороши в делах государства, но никак не в личной жизни...

— Если он будет заботиться о своём народе и печься о его благе, то точно так же он отнесётся и к тебе, запомни это. Если кто-то плохо с кем-то поступил, рано или поздно он так поступит и с остальными окружающими его. Мы с отцом предоставим тебе возможность продолжительное время общаться с принцами. Ты успеешь оценить — надёжен ли он, достаточно ли уважаем в обществе, такого же он уровня, как ты или может даже выше...

Беллона поняла, что мать кривит душой. Гораздо легче рассуждать о третьих лицах и учить жить, чем самому следовать своим советам. Разве сама бы королева поступила бы так? Девушка прекрасно знала, что когда состоялось венчание её родителей, у отца уже была не лучшая репутация и перед этим, вроде бы, даже хотели расторгнуть эту помолвку, однако Веста настояла на свадьбе, наперекор родителям, убедив их, что Робин Третий обязательно исправится и станет великим правителем!

— Хорошо, допустим, а как это было у тебя с папой?

— Я думаю, не стоит сейчас пересказывать историю нашей жизни, это займёт много времени, к тому же ты наверняка уже много раз всё слышала от тёти Алисы.

— Я хочу услышать от тебя. Ты никогда не рассказывала ничего о ваших первых встречах с отцом. Мне интересно, что ты об этом думаешь, и что ты чувствовала, а тётя Алиса была всего лишь посторонний наблюдатель.

— Да, она была подружкой невесты на свадьбе и моей подругой с раннего детства, поэтому, не сомневаюсь, она отлично передала действительность, мне наверняка нечего будет добавить.

— Перестань, мама, у нас сегодня свободный день и моё главное желание — пообщаться с тобой.

Веста радостно развела руками. Её улыбка засветилась любовью, любовью к дочери, к хорошему дню, ко всему, что её окружало. А день на самом деле выдался просто чудесный. Погода, наконец-то, не жарила и радовала лёгкой прохладой под лучами солнца. С утра, прямо перед рассветом, прошёл мелкий дождик и освежил землю.

— Ладно, я поделюсь с тобой воспоминаниями, хотя, возможно многое я уже не вспомню. Когда-то я вела записную книжку и всё-всё ей доверяла, но потом я побоялась брать её в чужую страну, да и дома оставлять было боязно. Тогда я сожгла её, там, на Эриде, двадцать восемь лет назад.

— Знаешь, я тоже веду дневник.

— Правда? Никогда не знала об этом. И что же ты там пишешь?

— Разное... — Беллона пожалела о том, что разоткровенничалась, потому что за дверью слышала удаляющийся шорох «Кто бы это мог быть? Кому нужно подслушивать мой разговор с мамой? Странно». — Всякие малозначительные мелочи, иногда пытаюсь попробовать себя в качестве поэта, но получается неважно.

— Ты слишком самокритична, а вдруг это что-то стоящее, а ты скрываешь от людей талант?

— Не заостряй на этом внимания, ты начинала говорить о своей молодости...

— Ах, да. Тебя интересовало, как я познакомилась с его величеством? Слушай. Мне, кажется, было тринадцать лет, да, точно, тринадцать. Шёл 2068 год. Я была совсем ребёнком и ещё даже не знала, что значит слово «замужество», хотя его уже начинали часто произносить при моей старшей сестре...

— Тёте Минерве?

— Да, царство ей небесное. Она достигла шестнадцатилетнего возраста, и отец торопился выдать её под венец, потому что её поведение и характер оставляли желать лучшего.

— Я несколько раз слышала о ней что-то в этом духе, она на самом деле была такой отвратительной?

— Послушай, если о Минерве и говорят плохо, то она это заслужила, хотя я лично давно не слышала разговоров о ней. Слишком это был опозоривший Беренсов член семьи, и теперь о нём не вспоминают. Даже я не могу ей многого простить, хотя бы смерть нашего отца.

— Неужели она его...

— Нет, нет, что ты! Просто Минерва причинила ему столько неприятностей, столько переживаний, что он не вынес этого и скончался, не дожив до старости. Но хватит об этом! Если серьёзно, то я бы и вовсе не хотела вспоминать о сестре. Я буду упоминать её имя, только по необходимости. Так вот. Маленькой девочкой я кружилась у себя в комнате, когда ко мне вошёл дядя и двое слуг. О, мой дядя — это милейший человек, всегда весёлый и в добром расположении духа, такой мирный и задорный, он приезжал, последний раз, когда тебе было двенадцать, помнишь?

— Да, разумеется. Радостный старичок с седыми бакенбардами.

— Мне жаль, что ты мало его знаешь, тебе бы он понравился. Он всегда всем нравится!

— Думаю, не так сильно, как мои дяди...

— Я говорю тебе о другом. Возможно, огромного успеха среди женщин он не имел, но у него везде есть друзья, все соглашались с ним, даже если до этого были другого мнения. И вот, дядя Анатолиус заходит ко мне в комнату со словами: «Я пришёл с твоим женихом!». Я даже ни сразу сообразила, о чём идёт речь? Но когда увидела у слуг в руках огромную картину, то догадалась, что это портрет, а на нём изображён мой суженный.

Я изумлённо глядела на лицо человека, которое было нарисовано на холсте. Это был принц в полном смысле этого слова: белокурый, голубоглазый, с ровными, благородными линиями скул, подбородка. Изящные пальцы унизанные крупными перстнями лежали на скрещенных на груди руках. Серебристый камзол очень шёл к цвету кожи и волос, благодаря ему он казался немного моложе своего возраста и выглядел совсем юным и прекрасным. Я не любила этот образ, я просто стала ему поклоняться. Всё было представлено так красиво, что мне казалось чем-то неземным и идеальным. Во мне поселилась уверенность,

что если кому-то и повезло, то непременно мне. Причём повезло настолько, что я даже не считала себя достойной такого счастья. Моё восхищение подогревала Минерва, которая при каждом взоре, брошенном на портрет, говорила, что хотела бы сама быть невестой такого жениха. Эта картина до сих пор висит в моей спальне, в Бренс-холле. По крайней мере, так утверждает в своих письмах моя мать.

Я жила ожиданием сказки — моей встречи с принцем. Я понимала, что это будет не скоро, но ужасно хотела поторопить время, чтобы приблизить такое важное для меня событие. Вскоре Минерва стала выезжать на балы, на одном из которых лично познакомилась с Робинем. Она очень много мне рассказывала про него, говорила, что с ним безумно приятно общаться и проводить время. Вроде бы, они подружились. В те моменты я впервые испытала чувство зависти. Иногда я даже не хотела разговаривать с сестрой, чтобы не слушать о её восхищении моим женихом. Я одновременно была и рада, когда она в очередной раз уезжала, и разочарована, потому что почему-то была уверена, что она опять встретится с тем, с кем хочется встретиться мне.

— Ты...ревновала?

— С чего бы? Я не знала что это такое — ревность, только детская зависть, что у кого-то сбывается мечта, которую ты себе придумала. В день моего рождения, когда мне исполнилось шестнадцать лет, отец сказал мне, что откладывает свадьбу. Никто не знал, насколько сильно я была огорчена! А ведь я даже не видела вживую будущего супруга, но, несмотря на это, моему расстройству не было конца. Мне не объяснили, почему же происходит задержка, а позже я узнала, что помолвку и вовсе хотят расторгнуть...

— Но почему?

— Я не знала, только через длительный срок Коломбина мне рассказала обо всех обстоятельствах, но тебе их знать ни к чему.

— Мама, ну пожалуйста...

— Нет. Я не стану тебе говорить всего. Многое тебе ещё слишком рано знать, а некоторые вещи человеку не стоит знать никогда!

— Ладно, но почему же всё-таки вы не расстались, а смогли через несколько лет пожениться?

— Помолвку удалось сохранить благодаря дяде. Да и я сама уговаривала отца ничего не менять. Мои слёзные просьбы подействовали на него. Чем убеждал его Анатолиус я не в курсе, но эти убеждения тоже были действенными. Остановились на том, что отложили венчание на два года, а я с дядей, Коломбиной, Алисой и ещё двумя моими фрейлинами, которых ты не знаешь, которые живут и теперь на Эриде, выехала в свет и начала посещать званые вечера чуть ли не каждую неделю. Оказалось, что мои родители делали это с надеждой на то, что я влюблюсь в кого-то другого и сама разочаруюсь в Робине. Но этого не произошло. К тому же в обществе знали, что я уже «занятая» девушка, поэтому кавалеры не спешили баловать меня своим вниманием.

И вот, на юбилее моего свёкра — Робина Второго, я повстречалась с наречённым мужем. Даже трудно передать, что я испытывала! Здесь был и восторг, и интерес, и недоумение. Я ничуть не разочаровалась в увиденном, всё было точь-в-точь, как на портрете, как я и ожидала. Но так как я была осведомлена, что внешность бывает обманчивой, я пыталась пообщаться с ним, побольше узнать его. Однако этого не получилось, потому что кто-либо из родственников всегда мешал мне и отвлекал моё и его внимание на что-то постороннее. Мне оставалось лишь следить за тем, как он держится, как ведёт себя.

Наблюдая со стороны, я всё больше увлекалась им и скорее хотела стать его женой. Казалось, что тогда все будут завидовать мне. Хотя я никогда не желала ни чьей зависти, это было мимолётное самолюбие, которое хотело себя потешить. Представить свадьбу я боялась даже в мыслях, после недавних событий, мне думалось, что я могу всё сплести. Моя судьба была хрупкой и зависела, к сожалению, не от меня.

Все разъехались, а мы так даже и не побеседовали. Потом мы снова встретились через два месяца. Но опять я не смогла узнать его ближе. Когда мне удалось ускользнуть из поля зрения отца, Робин уже ушёл куда-то.

— И как же вы всё-таки стали общаться? Как вы нашли общие интересы?

— В том-то и дело, что до самой свадьбы я толком с ним не разговаривала. Всё что было — это обмен короткими фразами, ничего не значащими, светской вежливостью. Через год, в течение которого мы иногда виделись и сталкивались на праздниках, пропала моя сестра. Никто не знал, что же с ней случилось. Мать была в горе, отец в растерянности. Меня закрыли в замке под усиленной охраной, испугавшись возможности похищения или, ещё хуже, убийства. Прошло полгода, прежде чем стало общеизвестно, что она сама сбежала, по собственной воле, но в неизвестном направлении. Из-за этих происшествий я больше не покидала родной Эриды и надолго была лишена возможности вести прежнюю жизнь. На развлечения мне было всё равно, но без Робина я очень скучала.

— Но по твоим словам выходит, что ты всё же влюбилась с первого взгляда?

— Да нет же. Я полюбила его, потому что знала, что так хотят мои родители и что он мой муж, будущий. К своим чувствам и желаниям я прислушалась только после того, как мы вышли из церкви законными супругами. Тогда я поняла, что отец и мать всё правильно за меня решили, и что сама я не могла бы распорядиться своей жизнью лучше.

Беллона почувствовала неувязку между тем, что Веста сказала. Король Эриды хотел расторгнуть помолвку, но его дочь умоляла его не делать этого! Причём же здесь желание родителей? Она полюбила и поэтому вышла замуж, а не по тому, что так нужно было сделать. Однако свои домыслы вслух принцесса не произнесла и молчаливо внимала рассказу дальше.

— Когда мне исполнилось восемнадцать и начались приготовления к моей свадьбе и отправлению моего приданного на Феир, пришли известия от Минервы. Оказалось, что она тайно венчалась с Александром, короле Мильи. Все были просто в шоке. Про меня опять забыли на некоторое время. Виктория — тогда ещё королева, заявила, что не примет в свою семью девушку из рода, в котором дети не считаются с родителями. Наш брак снова попал под сомнение. Шум в высшем обществе поднялся невероятный. В прочем, там всегда много шума, по поводу и без повода.

Время не стояло на месте. Минерва родила наследника, но возник какой-то скандал и её прогнали прочь с Мильи. Она стала беглой, опороченной королевой, нет, просто герцогиней, потому что короны её лишили. Сестра приехала к нам, к себе домой. Как сейчас помню её пристыженное лицо, полное неуверенности и незнания, что же её ждёт? Я хотела с ней поговорить — мне не дали. Я лишь слышала крики отца из кабинета, когда он выговаривал ей всё, но он был готов к тому, чтобы простить Минерву. Однако всё та же королева Виктория поставила чёткое условие, что если такую девушку Беренсы примут обратно, о свадьбе их младшей дочери и её старшего сына не может быть и речи. Родители прогнали её прочь, как того и хотело общество...

— Как можно было так обойтись с собственным ребёнком? А ты, мама, разве ты не

постаралась переубедить их?

— Я не прилагала больших усилий, чтобы предотвратить её изгнание. А мой папа... ты его никогда не знала, потому что он умер до твоего рождения. Он был человеком самых строгих правил и моралей. Для него честь и репутация были чем-то нерушимым, сокровенным, тем, что нельзя поколебать. Поэтому когда его старшая дочь повела себя наперекор его убеждениям, на него достаточно было слегка надавить, чтобы он принял роковое решение.

— И что же стало с тётёй?

— Я уже сказала, что не стану говорить о её жизни. Но факт, что пока всё это происходило, мне исполнилось двадцать, отец серьёзно заболел. Врачи говорили, что он протянет недолго. Каждый день они ждали его смерти, и я не могла бросить его и уехать куда-либо. Мне было мучительно больно смотреть на страдания отца. С каждым днём они становились всё сильнее, но он жил. Я с трудом выдерживала всё это, моё сердце рвалось к Робину и новой жизни, но дочерний долг брал верх. Это длилось два года. Король Матвей скончался. Мама была безутешна. Робин с моим свёкром приехали выразить свои соболезнования и предложили мне немедленно обвенчаться и покинуть Эриду. Однако законы приличия говорили другое — я обязана была соблюдать траур ровно год.

Спустя год, который казался мне вечностью, и в течение которого я постоянно находилась в храмах, монастырях, сидела с унылой и постаревшей матерью, заболела и она. Как же я испугалась её хвори! Я думала, что вот-вот останусь одна одинёшенька, да к тому же ещё на неопределённый срок не смогу покинуть Эриду. Но, к огромному моему счастью и облегчению, она выздоровела! Это был такой праздник моей души! Кстати, с тех пор я каждый день молюсь о её здравии. Приехали поверенные Робина Второго с целью назначить точную дату венчания. Как я жаждала покинуть тягостный и удручающий Бренс-холл! Мои девичьи мечты сбывались. Я поняла, что когда очень сильно чего-то ждёшь, то это непременно сбудется, даже если не очень скоро и для этого нужно будет пройти массу испытаний и страданий.

— И как прошло бракосочетание?

— О, всё было роскошно и чудесно. Я была в пышном платье, украшенном россыпью бриллиантов. Мой шлейф тянулся ещё метра три следом. На голове красовался венок из белоснежных роз, а от него струилась до самой ковровой дорожки фата. К алтарю, у которого уже стоял жених, меня вёл дядя. Ах, не могу вспоминать этот прекрасный день, у меня на глазах наворачиваются слёзы счастья...

— Тебе сильно повезло с папой. Долгое ожидание оправдалось конечным результатом.

— Да, ты права. С тех пор я не знала беспокойства, почти...

— Почти?

— Ну, разные мелочи и передраги есть в жизни каждого супругов... — Веста отвела взгляд от дочери, зрячки забегали по комнате, желая найти тему, которая могла бы сменить текущую. — Скажи, Белл, а тебе не хочется покинуть родной дом, как это было со мной? Ты не считаешь, что где-то может быть лучше?

Принцесса задумалась. Конечно, её угнетало постоянное наблюдение за ней, нарекания, указания на то, что можно, а что нельзя, строгости отца, отсутствие каких-либо развлечений, но...но покинуть дворец в котором выросла? Девушка вздрогнула. Она не могла представить, что когда-нибудь уедет из родных мест, где всё так знакомо, где каждый сантиметр такой свой. Где стены защищают и успокаивают, где такие приветливые люди, которые работают

на королевскую семью. Нет, Беллона не хотела покидать родную обитель.

— Нет, мама. Я не готова расстаться со всем тем, что меня окружает. По крайней-мере, пока. Ведь однажды вы выдадите меня за чужеземного правителя, и я уеду далеко-далеко, и волей-неволей мне придётся смириться со своим положением.

— Девочка моя, если бы я могла, я бы, конечно же, никому тебя не отдала, но так просто не бывает. В один момент ты сама захочешь упорхнуть и стать самостоятельной, а это будет не за горами, раз ты уже стала интересоваться любовью и чувствами. Ты взрослеешь не по дням, а по часам.

— Почему-то сама я этого не замечаю, — Беллона печально вздохнула, потому что действительно считала, что ещё слишком наивна и глупа для того, о чём она только что беседовала с королевой. Однако одна мысль всё-таки закружилась в голове девушки. Ей непременно захотелось узнать побольше о таинственной тёте Минерве, о которой на самом деле никто не хотел много говорить. Всё, что знала Беллона о своей близкой родственнице — это, что рассказала мать и то, что семь лет назад все узнали о её смерти, но ни один её родственник не поехал проститься с ней, не прибыл на похороны. Что можно было такого натворить, чтобы все, кто когда-то любил тебя, от тебя отказались? Принцесса почувствовала страх перед неизвестностью. А вдруг Минерва стала жертвой злых наветов и клеветы? Пострадала ни за что. Такое может произойти с каждым.

Беллона догадалась, кто мог обладать нужной ей информацией, и решила приступить к действиям немедленно.

— Мама, а может быть, сходим в нашу часовню? Заодно вдвоём помолимся о здоровье моей бабушки.

— Белл, ты просто ангел, но как же твоя нога?

— Ничего, я буду держаться за твою руку и мы замечательно прогуляемся.

— Что ж, тогда собирайся.

Веста и Беллона вышли через северное крыло и, идя вдоль здания, дошли до стены, огораживающей территорию замка. Она была толщиной около восьми метров, поэтому в ней находились коридоры, сторожевые и охранные пункты. С внутренней стороны проход закрывала решётка, у которой находился дежурный солдат, следящий, чтобы никто без надобности не покинул приделов дворца. С внешней стороны проход закрывала тяжёлая чугунная дверь, у которой также дежурили двое храбрых молодых людей.

Увидев королеву с принцессой, стражники беспрекословно открыли все преграды и, поклонившись, пропустили женщин. Те вышли за границу охраняемых земель, сразу за которым был спуск по старой стёсанной каменной лестнице, поскольку замок находился на возвышении. Внизу находилась узенькая тропка, окружённая неприветливым лесом, глухим и одиноким. Под тенью толстого и корявого дерева, на сером мшистом камне, сидела хмурая горгулья. Её красноватые глаза смотрели из-под мохнатых бровей. Крылья были вяло сложены и казалось, что она дремлет, но это было не так. За её спиной виднелась железная высокая ограда и каменные ворота с маленькой калиткой — именно этот вход она и охраняла.

— Добрый день, Валло! — поздоровалась королева, на что горгулья только лениво поднялась и открыла калитку. Подождала, когда в неё войдут, закрыла её и села обратно.

Беллона прошла как можно быстрее мимо. Оказавшись внутри ограды, она поинтересовалась у матери.

— А почему Валло всегда молчит? Он всегда был таким мрачным?

— Нет, когда я жила здесь первые годы, их было двое — Валло и Дилла. Видимо это была его спутница. Потом она скончалась. С тех пор он ни с кем не разговаривает, только выполняет свою службу и всё. А может быть, это соседство с мёртвыми навело на него такое настроение? Кто знает... Горгульи не разговорчивые существа, во всём мире не сыскать такую, которая бы болтала без умолку или смеялась.

Мать и дочь стояли на кладбище. Это и было тем местом, которое берёт Валло. К тому же, здесь покоились не простые усопшие, а исключительно Карлеали.

Кладбище было маленьким, так как могилы всех предков до Робина Первого были утеряны, поэтому склепы были относительно новыми. Первым при входе была как раз его могила. По правилам, супруги должны были быть похоронены в одном фамильном склепе, но когда отрыли завешание Робина Первого, там обнаружили приказ о том, чтобы его, после смерти, похоронили отдельно, потому что он не желает на том свете видеть с собой никого кроме Стеллы...

Дальше на надгробии можно было прочесть, что там покоилась дочь Робина и Роксаны — Жослин, прожившая всего восемь лет, следом покоилась и сама её мать. Последним был погребён Робин Второй, умерший всего четыре года назад.

Пройдя это не навевающее ничего хорошего место, Веста и Белл попали на широкую тропу, короткую и прямую, выходящую прямо на часовню.

— Мама, а почему с этой стороны нет ограды? Неужели считают, что жители дворца могут заниматься вандализмом, а жители соседних деревень нет?

— Совсем не поэтому. Просто здесь ей не за чем находиться. Прямо за этими деревьями находится непроходимое болото, оно тянется несколько километров на север. И лишь единицы знают опасный путь, по которому можно его пересечь. Только даже эти смельчаки не рискуют опробовать свои знания.

— Понятно, — принцесса посмотрела между стволами осин и начинающимися зарослями камыша и осоки. Да, там была марь. Скорее всего, там уже очень много лет никто не пытался пробраться.

Часовня заметно украшала местность и делала её не такой отталкивающей и противной, из которой хотелось бегом бежать. Постройке было около шести веков. Старина была видна невооружённым глазом, но состояние её не было гибельным, потому что её постоянно ремонтировали и реставрировали. Паперть была пустой. Врата открыты и из полутёмного помещения доносился слабый свет свечей. Беллона шагнула внутрь, поддерживаемая королевой. Глаза не сразу всё ясно увидели. Сначала цветные витражи, подсвечиваемые с улицы солнечным светом, потом амвон и, в конце концов, места для пришедших, низкие скамьи, стоящие рядами. Они пустовали, и только во втором ряду сидела одна склонённая фигура, в которой нетрудно узнавалась Коломбина. «Я так и думала, что она здесь. Где ей ещё быть в такое время? Осталось отвлечь маму, переключить её на глубокую молитву и попытаться поговорить с маркизой Мевори. Вот уж кто знает всё о жизни на Эриде до 2079 года, хотя, возможно не так много, как тётя Алиса, но та менее охотно расскажет по-настоящему важные вещи».

Пара новоприбывших дам села в первом ряду и опустила головы. Веста быстро ушла в себя, на радость Беллоне и не слышала, как девушка, шурша юбками, встала и пересела на другое место. Принцесса понимала, что самое дерзкое и невоспитанное, что она может сделать, это отвлечь кого-то от молитвы, но другой возможности поговорить с Коломбиной

один на один могло не представиться. К тому же всё то время, что она находилась одна, она пребывала в молитвах.

К счастью, Коломбина сама подняла лицо и, улыбнувшись, поприветствовала принцессу.

— Здравствуйте, ваше высочество, захотели поговорить с Господом?

— Да, мы с её величеством решили помолиться за наших близких... а вы давно здесь?

— Около получаса. Вы же знаете, что только здесь я чувствую себя умиротворённой.

— Это место хорошо помогает направить мысли в нужное русло.

— Вы правы. Здесь все суетные думы развеиваются. На душе такая благодать, что порой я не могу заставить себя отсюда уйти и остаюсь молиться всю ночь.

— Всю ночь? Вы слишком самоотверженны, так нельзя себя изнемогать.

— Мне не за чем себя беречь, всё, что я могла получить от жизни для себя, я уже получила. Теперь пора позаботиться о других и моём пребывании в следующей жизни.

— Пожалуйста, не надо говорить так! Вы ещё нужны многим здесь. Мне, маме. К тому же, вы ещё молоды...

— Не льсти мне, девочка моя, — Коломбина посмотрела на принцессу мокрыми глазами.

— Извините, что расстроила вас, давайте сменим тему. Поговорим о чём-нибудь отвлечённом, например об Эриде. Вы же знаете, я там никогда не была, но многое о ней слышала. Это родина моей матери. Я бы хотела побывать там.

— Да, там есть что посмотреть, удивительное место. Тем более у тебя там живёт бабушка, много родственников, которых ты никогда не видела. Тебе будет любопытно с ними познакомиться. Тем более что они все отличаются от местных жителей, ведь на Эриде свои уставы, традиции, характеры.

— Жаль, что я уже не смогу увидеть свою тётю, Минерву...

Коломбина устремила взгляд к небесам, а вернее потолку и сложила руки пред лицом, как бы давая понять, что упомянуто что-то нечистое. Маркиза замолчала, но Беллона решительно собиралась добиться ответа.

— Вы знали её?

— Да, немного. Давай лучше пойдём, зажжём свечи.

— Не делайте вид, что я не замечаю, будто вы не хотите о ней говорить. Расскажите мне что-нибудь о ней.

— Я не могу, и не хочу. Тем более твоей матери не понравится, если ты будешь интересоваться или жалеть свою мёртвую тётю.

— А было за что её жалеть?

Маркиза Мевори поняла, что уйти от разговора не получится и нужно хотя бы малость удовлетворить принцессу с её расспросами. Женщина поднялась и кивком головы указала на выход, подталкивая к нему девушку.

— В святом месте о таких личностях слов не произносят. Выйдем, там и поговорим.

Беллона, обрадованная пониманием Коломбины поспешила удалиться из часовни, совершенно забыв про мать, которую нужно предупредить, куда она уходит. Дальше паперти они, правда, и не ушли. Остановившись посредине тропы, маркиза повертела головой вокруг и спросила.

— Что именно ты хочешь узнать о Минерве? Чем она тебя так заинтриговала?

— Мне показалось странным, что моя мама не любила свою родную сестру. Я не против

узнать о ней как можно больше. Вы поможете мне?

— Только если самую капельку, и без особой охоты.

— Спасибо вам! Вы очень добрая и отзывчивая!

— Ну, будет тебе. Просто я подумала, что ты уже достаточно сообразительная, чтобы суметь научиться жить на чужих ошибках и перенять чужой опыт. Поэтому тебе будет в чём-то полезно узнать, как поступать не нужно.

— Я постараюсь сделать надлежащие выводы.

— Минерва должна была родиться мальчиком, — начала Коломбина, — её повадки с самого детства беспокоили всех няnek и гувернанток. Она любила бегать, прыгать, играть в пиратов и разбойников, вследствие чего вокруг неё собиралась куча мальчишек с которыми она дружила. Это ещё более пагубно влияло на неё. Девочка выросла, и её красота кидалась в глаза. Внешность старшей принцессы мало кого оставляла равнодушным. У неё появились ухажёры, с которыми она себя вела раскованно. Что кривить душой — у неё начались близкие отношения с мужчинами. Король Матвей догадывался об этом, но не хотел верить, поэтому продолжал потворствовать её вольной жизни, говоря, что она была бы славным наследником, если бы была парнем.

О распущенности Минервы стали ходить слухи, которые не достигали только её родителей. Но правители других планет уклончиво давали отказ на обручение своих сыновей с принцессой Эридской. Потом, из-за Минервы, чуть не обрушилось счастье твоей мамы. Её помолвку с его величеством почти расторгли...

— Причём тут тётя?

— Даже не знаю, как тебе сказать помягче. Ходили сплетни о том, что Минерва и Робин...они...в общем, у них был роман. А так как у него был роман с одной сестрой, то свадьба с другой уже считалась неприличной.

— Неужели моя тётя могла так поступить с сестрой?

— Доказано ничего не было, поэтому всё осталось как есть.

— И за это её так невзлюбили? Я так и думала, что она стала жертвой чьих-то козней и злых наветов.

— Да нет, всё началось гораздо позже, когда она организовала заговор против своей двоюродной тётки и убила её, что бы освободить себе престол. Это произошло, когда от неё отвернулся отец и прогнал с Эриды. Но на троне она продержалась около шести лет. Её поведение привело к недовольству народа, и Минерва лишилась ещё одного пристанища. Тогда перед ней встал выбор — либо обратиться за помощью к своей, тогда уже царствующей, сестре, либо примкнуть к «чёрной» секте. Второе она, конечно, выберет позже, но сначала она выбрала первое...

— Она прибыла на Феир в поисках помощи от мамы?

— Да, но её темперамент, её легкомыслие, которые направили её на неверный путь в шестнадцать лет, сыграли с ней шутку и в этот раз. Тогда-то между ней и Вестой возник конфликт...

Из часовни вышла королева. Растерянные движения говорили о том, что она не поняла, почему её дочь стоит на улице, а не рядом с ней.

— Белл, что ты здесь делаешь?

Принцесса не была застигнута врасплох, но разочарование от незавершённой беседы отразилось в её голосе.

— Я закончила молитву, увидела маркизу и решила не мешать тебе, поэтому мы вышли

потолковать о разном.

— Что ж, тогда, если нас больше ничего здесь не задерживает, может, пройдем во дворец?

И не дожидаясь согласия дочери, Веста подхватила её под руку и повела домой. Как не прискорбно это было сознавать, но королева поняла, что она так и не сумела расположить к себе принцессу, и у той осталось ещё много секретов от своей матери.

Глава 10. "Задумка"

В восемь вечера, после ужина, Беллона наконец-то осталась без общества матери, которая, как и обещала, провела с ней весь день. Переваривая всю полученную информацию, принцесса легла на кровать, которая пахла свежими простынями. На прикроватном столике в вазе стояли кремовые розы со светло-розовой каймой. Их запах расслаблял и одурманивал, но девушка всё равно не отвлекалась от того что ей нужно разобраться во всём, что произошло, и что происходит. Она снова достала из ящичка свою старую тетрадку, открыла новую страницу и начала писать. «Двадцатое мая. Вчера я была на охоте с участием Дереха, которую организовал мой любезный братец. Не знаю уж, что на него нашло, но всё-таки он соблаговолил помочь мне. По началу, когда мы только приехали к графу Бенку — мы, это я, Габи, Мария и дочь баронессы Клотильды, я страшно переживала за каждое своё движение и тщательно прислушивалась ко всему, что говорили, чтобы понять, как себя вести и быстрее адаптироваться. Всё шло нормально. До поры до времени. Был один инцидент. В результате одного несчастного случая, я упала с лошади и подвернула ногу, но в целом всё прошло замечательно! А этот инцидент даже напротив, сыграл хорошую роль — благодаря моей хромоте, Дереху пришлось несколько раз пронести меня на руках. Я испытала такое волнение, не знаю почему, но у меня разыгралось какое-то странное внутреннее ощущение, которое я не могу описать. Когда он дотрагивался до меня (на прощание ведь он ещё поцеловал мне руку), по всему телу пробежала дрожь, хотя мне не было холодно или страшно. Вернусь к предшествовавшему этому событию. Меня уверили, что это несчастный случай, но некоторые убеждения выглядели не слишком правдоподобно, и я остаюсь в некотором сомнении, что всё же столкнулась с покушением, но об этом не хочется думать...

Мне очень не понравилось открытие, которое я сделала. Рыцари рассказывали о своём ордене, речь снова зашла о «великолепной» Стелле. Оказалось, что она является женским идеалом всех приезжих олтернцев. Боже мой, они совершенно не чтят порядочность! Неужели Дереху тоже нужна подобная женщина? Если потолковать над этим, получается, что я не могу ему понравиться. Точнее могу, став такой, как их обожаемый образ... Но это невозможно! Я никогда не стану обесчещенной и не уроню имя Карлеалей в грязь. Возможно, Робин был прав, говоря, что я их идеализирую и совсем их не знаю. Ведь восхищение развязным поведением женщин, это ещё далеко не всё, что они могли рассказать о себе. Может им нравятся и более гнусные вещи?

Тогда я задумалась, а может я и не влюблена в Него вовсе? Когда-то тётя Алиса сказала, что если один человек полюбил, а другой не ответил ему взаимностью, значит, они не посланы друг другу судьбой, и надо искать дальше. Я попыталась узнать более подробно о таких случаях и поговорила с мамой. Она призналась, что тоже влюбилась в отца с первого взгляда, вернее открыто она этого не сказала, но я поняла. Но ей мужа выбрали родители, поэтому она стала счастлива, в конце концов. Стало быть, родители всегда лучше знают, что нужно их детям, а сами люди порой решают, как им поступить не в свою пользу. Это всё, конечно, правильно, но Дерек мне не перестаёт от этого меньше нравиться. И не делая поспешных выводов, нужно как-то выведать, нравлюсь ли я хоть чуточку графу? В таком случае, высказывание тёти Алисы ко мне не относится, и мы с Дерехом сумеем прийти к компромиссу.

Потом упомянули о Минерве, моей покойной тёте. Она была чем-то вроде той Стеллы, только в меньших масштабах, ну я так поняла по тем немногим сведениям, которые про неё имею. Её жизнь оказалась трагической, и я спрашиваю себя, не потому ли, что она вела себя своевольно? Не слушала старших, игнорировала мнение общества, всё делала по-своему. Мне стало стыдно за свои опрометчивые поступки вчерашнего дня. Я тоже пошла наперекор многому. Хоть бы об этом никто никогда не узнал!

Да, решено, я никогда не поступлюсь тем, что во мне воспитывали ради интереса, интереса к мужчине. Ни ради чего не поступлюсь! Моя гордость и моё достоинство всегда останутся при мне. И всё-таки почему, почему Ему нравятся недостойные, низкие женщины?».

В дверь убедительно постучали, и Беллона молниеносно швырнула дневник обратно в ящик, закрыла его маленьким золотым ключиком (раньше она никогда не закрывала его, но сейчас почему-то интуитивно сделала это), который засунула под вазу. Девушка быстренько перескочила на стул возле трюмо, взяла в руку расчёску.

— Войдите!

Комната наполнилась лёгким ароматом луговых цветов, который источали духи Габриэль. Неся на руках Ромашку, виконтесса сама напоминала свою кошку — пушистую, хорошенькую, с большими глазами, выражающими лукавство.

— Привет, Белл. Ты не представляешь, как же мне сегодня весь день было скучно! Я не знала, чем себя занять. Я уж и читала, и играла в карты, и музицировала на рояле, даже уговорила служанок сыграть в прятки. От этого я утомилась ещё больше. Мария уехала после обеда в город, ты всё время ходила с её величеством. Как ты могла меня бросить? Все бросили меня!

— Перестань, ты же понимаешь, что маме нужно было знать, как прошла охота, на которую она дала своё разрешение. Мне необходимо было ввести её в курс дела.

— И ты рассказала о покушении?..

— Нет, разумеется! К тому же, Габи, никакого покушения не было, мы вчера во всём разобрались.

— Да, конечно. А как ты объяснила травму ноги? Кстати, как чувствует себя твоя нога?

— Спасибо что вспомнила. Вполне нормально, но наступать ещё больно. А объяснила я всё довольно просто; я быстро неслась на Фиалке и не заметила повалившегося дерева, которое лежало на пути. Фиалка резко затормозила, и я соскочила с неё. Но возникла кое-какая проблема...

— Что ещё такое?

— Как объяснить всё королю, который завтра возвращается?

— Можно придумать что-то правдоподобное, например, гуляла и оступилась, или зацепилась подолом, идя по лестнице. Вариантов масса.

— Я уже думала над всем этим. Меня пугает то, что может сочинить отец для предотвращения моей очередной травмы. Он может приставить мне охрану, которая будет следить, чтобы со мной ничего не произошло или заставит мадам Бланж следовать за мной по пятам, куда бы я ни пошла.

— Мда, это он может. Что же тогда делать?

— Не знаю. Попытаться не попадаться ему на глаза, пока нога не заживёт?

— Это невозможно. Завтра все обязаны будут собраться на обеде, чтобы торжественно его встретить. Если тебя там не будет, он подумает, что ты заболела и тогда неизвестно, чем

всё кончится.

— Ох, ну, сколько же проблем! Будь папа хоть чуточку проще...

Девушки задумались, перебирая в голове всё, что они знают. Беллона терялась в догадках, как поступить так, чтобы не расстроить отца, не подставить мать и не оказаться в немилости. Габриэль же искала сумасбродный план, благодаря которому можно будет не только выйти сухими из воды, но и извлечь выгоду. Иначе она не могла. Уж если что сочинять, то по полной программе. Минут через десять гробового молчания, будущая графиня Леонверден подскочила с радостным писком и захлопала в ладоши.

— Что такое, Габи, ты придумала что-то?

— Ты даже представить себе не можешь что! Это гениально!

— Ну же, говори?

— Всё будет просто высший класс! Только нам нужна помощь одного человека.

— Да не тяни же. В чём твоя задумка?

— Значит так. Мы зовём врача её величества осмотреть тебя...

— Зачем? Я уже знаю, что со мной...

— Не в этом дело. Вывих ноги — это то, что должна знать ты, ну и по необходимости, твоя мать, а для твоего отца мы предоставим совершенно другой диагноз.

— Какой ещё диагноз?

— Всё будет так: господин Дрезен, этот старенький профессор медицины, уже давно ничего не смыслит в лечении и болезнях. Он слеповат, глуховат, у него плохая память и королева его держит только как антиквариат, сувенир с Эриды. Мы попросим его посмотреть твою лодыжку, и пока он будет с умным видом стоять и думать, как тебя лечить, я упомяну, что у одной моей знакомой, якобы, был такой же случай — она стала хромать, нога разболелась, а всё из-за того, что у неё был малоподвижный образ жизни. И ей врачи посоветовали, как можно больше гулять, ходить, танцевать и развлекаться. Даже назовём эти синдромы...эээ...ну, к примеру, застой суставов и сухожилий лодыжки.

— Это всё забавно, но зачем нам это?

— Как зачем? Твой отец, когда услышит это всё, моментально начнёт придумывать, как же тебя развлечь, чтобы ты пошевелилась, повеселилась. Глядишь, его ещё и угрызения совести замучают, за то, что он жёстко тебя ограничивал.

— Не надо заставлять моего папу раскаиваться, он ни в чём не виноват. А что дальше?

— Я просто предположила. А дальше мы как-нибудь устроим выезд на природу, или в гости к ближайшему дворянскому семейству, которым окажется Финкер-Оренстофф, и ты снова увидишь Дерека!

Беллона угомонилась, и её недавний энтузиазм заметно поиссаяк.

— Нет, решительно — нет.

— Как, что с тобой, подруга? Ты больше не хочешь увидеть своего ненаглядного графа?

— Да, не хочу. И слышать о нём тоже больше не хочу.

— Но как же так? Ты ещё вчера была ему так рада. Ты мечтала о том, чтобы снова увидеть его. Ты была готова на многое, даже на какую-нибудь шалость.

— Вот именно что — была!

— Я не узнаю тебя. Это всё её величество, да? Это она провела с тобой воспитательную беседу, сделала пару внушений и ты уже согласна запереться тут, уйти от окружающего мира. Может, ты ещё в монастырь пойдёшь?

— Не утрируй. Я просто не хочу встречаться с этими рыцарями. То есть, возможно,

совсем немного, хочу... Я сама не определилась! Я уверена только в том, что делать этого не стоит.

Габриэль тяжело плюхнулась на диван. Ещё вчера она строила грандиозные планы, как бы провести досуг, чтобы всё вокруг вертелось, кружилось. Поездки, вечера, пикники. Она была уверена, что на Беллону можно положиться в помощи организации незабываемых вечеров. Рауты с обаятельными кавалерами, рыцари толпящиеся повсюду. И само собой Сержио, с которым она будет танцевать до упада, а потом подарит ему надежду на ещё одну встречу. Всё так внезапно рухнуло, что кому-нибудь другому стало бы тоскливо и обидно, но виконтесса была не кто-то другой. Она умела добиваться своего с помощью неугасимого оптимизма и просто неземной настойчивости и упорства. К тому же, неопределённость для принцессы было редким явлением и его легко можно было побороть.

— Отлично, как знаешь, тогда уже можешь начинать привыкать к постоянному обществу мадам Бланж. Мне её позвать? А то вдруг ты успела забыть, как с ней бывает приятно поболтать.

— Нет, не надо! Я поговорю с отцом, он поймёт меня и оставит всё как есть.

— Да неужели? Ты уверена? А мне кажется, в первую очередь, он отдаст приказ обмотать все углы мягкими тканями, чтобы его дочь-младенец не, дай Бог, ни обо что не стукнулась.

— Ты говоришь ерунду.

— Посмотрим, кто из нас прав, тем более ждать осталось недолго, завтра днём результаты уже будут на лицо.

Принцесса притихла. И почему Габриэль так умела внушать ей свои мысли? Она убедительно расписала то, что может произойти. Но опять этот соблазн — встреча с графом Аморвиллом. «Отец даст мне волю, заботясь о моём здоровье, а я предам его, помчавшись туда, куда совсем не следует, нарушая все приличия. Я не могу так поступить. Но если я не последую совету Габи, то меня действительно ждёт угнетающая обстановка, даже неизвестно насколько.

А кто сказал, что я настолько слабовольна, чтобы воспользоваться доверием родителей? Ну уж нет. Что если поступить так: сделать всё так, как придумала Габи, таким образом, я уже избавляюсь от мучений чьего-то постоянного присутствия, но после этого не воспользоваться данной свободой. Отличная идея! Так всё и сделаю. Главное чтобы хватило мужества отказаться от очередных собственных сумасбродных желаний вляпаться в новые приключения и авантюры».

— Ну, Белл. Ты подумала?

— Я думаю, думаю. Я запуталась, я не знаю.

— Нельзя быть такой нерешительной!

— Согласна, но я только сегодня пообещала маме, что не буду никогда врать ей и папе.

А это ведь очередной обман!

— Ложь во спасение, не забывай об этом.

— Спасение чего?

— Своей индивидуальности и собственных интересов.

— Но намного ли они важнее интересов моих близких? У меня такое чувство, что ты змей искуситель, который заставляет меня совершить греховный поступок.

— Вот, приехали! Теперь я уже олицетворение зла. Я сейчас обижусь, и на меня можешь больше не рассчитывать.

— Ну, извини. Просто мне всегда нужно ещё чьё-то мнение. Была бы здесь Мари. Как не вовремя она уехала. Не знаешь, когда она вернётся?

— Кажется, послезавтра.

— Как долго! И кроме неё сегодня мне никто больше не сможет помочь.

— Спроси, что тебе делать у королевы Весты.

— Нет! Ни в коем случае! Она пожмёт плечами, скажет, решай сама, но я же просила тебя говорить нам только правду. В общем, так и не ответит, который из двух вариантов будет лучше.

— Послушай, ты должна сейчас сосредоточиться и услышать внутренний голос. То, что он тебе подскажет, то и есть лучший вариант. Я знаю, ты всегда всё решала по справедливости. По опыту общения с тобой, я уверена, ты примешь единственно правильное решение.

В комнату вошла мадам Бланж.

— Вы ещё не спите, ваше высочество? Как замечательно, а я вот как раз решила, что мне следует почитать вам одну увлекательную книгу. Я сегодня увидела её у себя на полке и подумала: принцесса Беллона наверняка заинтересуется ей. Это жизнеописание одного учёного-философа, его рассуждения, мытарства и поиск истины. Она называется...

Габриэль торжествующе посмотрела на подругу. В её очах ясно читалось «Ну, что? Весело тебе будет в такой компании? Желаю тебе удачи — я умываю руки».

— Тогда не буду вам мешать, удалюсь в свои покои, или ещё раз прогуляю перед сном Ромашку, а потом уже удалюсь в свои покои. До завтра!

И уже переступая границу спальни, виконтесса услышала в спину сказанные слова Беллоны:

— Мадам Бланж, а вы не могли бы позвать господина Дрезена? Габриэль, задержись, пожалуйста, ещё на пару минут.

Глава 11. "Его величество"

Робин Третий вернулся утром и сразу отдал приказ накрыть обед ровно в полдень. Король был в добром расположении духа. Постоянно, или почти постоянно хорошее настроение делали его значительно моложе своих лет. Он вернулся из Риджейсити, довольный, но немного уставший. Даже занятия политикой и важными делами не мешали ему найти время для развлечений. В 2079 году он перевёз всех своих фавориток в столицу, но не забывал навещать их. С тех пор в количестве они только увеличились. Несмотря на это, делалось всё для того, чтобы королеве не было известно о похождениях своего супруга. Но делать это становилось всё сложнее и сложнее. Последнее увлечение Робина, тридцатипятилетняя маркиза Кетрин Полле, требовала к себе большого внимания, а король был в том состоянии, когда хочется сделать приятно и уступить женщине. И всё же, даже немного назойливые женщины быстро надоедали властителю Феира, и он находил другую забаву.

Возвращаясь из её объятий в реальность, монарх понимал, как много есть нерешённых дел, которые без него никак сами себя не исчерпают. Сколько всего навалилось на его плечи! Раньше это были чисто государственные или междупланетные вопросы, с которыми он легко справлялся с помощью красноречия, дипломатических подходов, или советников, первым среди которых всегда был и оставался Стенли Фиерман. Теперь же начали появляться ещё и семейные заботы, в которых его министры мало что понимали. От этого улыбка с лица короля сошла. Тут ему никто помочь не мог.

Первой головной болью, конечно же, был наследник. Робин-младший создал о себе не лучшее мнение в обществе и среди народа. Король вспомнил свою молодость — он сам творил тоже самое, и о нём думали также не самое лучшее, но почему-то в этой ситуации Робин Третий почувствовал тревогу. Эти МакДжойны...особенно старший. Они оказывают плохое влияние на принца, который всё время попадает в грязные истории именно из-за них. Князь Сториан. Надменнейший человек, без авторитетов и чего-либо святого. Вопреки его титулам, его уже давно пора бы посадить под стражу, или хотя бы под домашний арест, за его убийства ни в чём неповинных людей, пьяные драки, разбои в деревнях и сёлах. А сколько бедных невинных девушек пострадало от него? И этому нужно как-то положить конец, показать, что вседозволенность ему запрещена, но юный Робин всегда вмешивался и выгораживал друга. Плюс ко всему ещё и сам оставался замешанным то в избиении крестьян, то в хищении пастушек, но самое страшное — в убийствах на ночных улицах. Король понимал, что его сын не способен на такое. В душе наследник не был жестоким и беспардонным. Но народу это доказать было трудно, учитывая факт, что принц сам не старался оправдаться.

Разочаровала короля и последняя выходка его сына. Он нашёл гостей с Олтерна, которые приехали к будущему правителю с дружескими намерениями, шатающимися по Риджейсити и предоставленными самим себе. Как такое могло случиться? Робин-младший обязан был их повсюду сопровождать. Если бы король не подоспел вовремя рыцари уехали бы обратно, докладывая, что их оскорбили и не приняли, как положено. «Нельзя ничего доверять этому мальчишке! Как он посмел бросить всё? И где его носит? Наверняка опять с

братьями МакДжойнами. Нужно отослать их куда-нибудь подальше, а то так до беды не далеко. Сколько насилия претерпевает от них местный люд!».

Робин Третий пригласил олтернцев, дабы исправить положение, к себе во дворец и распорядился выделить им лучшие покои южного крыла. Он старался засыпать их почестями, чтобы они забыли о том, как с ними некрасиво поступили. Понимая, что отношения между ним и Элиосом Третьим и так не самые лучшие, он желал хоть как-то укрепить мир и, по возможности, не разрушить его. Тем более, сейчас, когда оба его ребёнка находились на выданье, и им нужно было искать выгодную партию, ссора с Олтерном обозначала бы потерю доброй половины кандидатов. А самое главное, это стопроцентный отказ Южных Ветров родниться с Феиром. О Голубом Квазаре он и не мечтал, но Южные Ветра не давали ему покоя. Там, в данный момент, было два свободных от каких-либо обязательств принца. Одному восемнадцать, покладистый и спокойный юноша, другому двадцать один. Этот с норовом, заявил, что женится только по собственной воле. Но в прелестях Беллоны её отец не сомневался и был уверен, что стоит этому Луису её увидеть — он сразу сделает ей предложение. Но все эти семьи слишком дружны с этим проклятым Олтерном, на котором белый свет клином сошёлся, и на котором тоже уже три принцессы! Элиос Третий сделает всё возможное, чтобы сосватать их на одну из шести планет Южных Ветров — этой богатейшей системы, засыпанной золотом, вооружённой неплохой армией.

С сыном всё обстояло сложнее. «Он завидный жених, но кто отдаст добропорядочную девушку за такого болвана? Все слышали о его распутстве, неугомонности, неумении думать. Что за наказание!». К тому же очень некстати он дал обещание жене не обручать детей без их ведома. А мало ли что они сами себе выберут? Нет, за Беллону в этом плане он не волновался, она всё сделает правильно, потому что её хорошо воспитали, но Робин!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Король сидел в своём кабинете. От волнения он стал дышать тяжелее обычного. Кожа покраснела и этот эффект усиливал тёмно лиловый камзол. Робин расстегнул воротничок и попросил принести ему зелёного чая с кусковым сахарком, которым любил закусывать чай, не кладя его внутрь. Да, он уже не тот решительный и известный скоропалительными поступками монарх, каким был до последнего времени. Ему почти шесть десятков лет.

Рядом, само собой, стоял Фиерман, как обычно угадавший ход мыслей короля и решивший его приободрить и успокоить.

— Ваше величество, вы зря волнуетесь. Свободных принцесс на выданье огромное множество! Мы найдём вашему сыну отличную супругу — здоровую, красивую, умную, и с прекрасным приданным — влиятельными родителями со связями в любом уголке Вселенной.

— Тогда нам следует побыстрее познакомить одну из них с Робинем. Может быть ранняя свадьба, которая, я чувствую это, ему необходима, образумит его.

— Несомненно, если это будет сильная женщина.

— Сильная женщина? Зачем нам такая? Чтобы подмяла под себя всю власть и её родственнички прибежали грабить моё государство? Ну уж нет!

— Вы хотите найти кого-то вроде нашей доброй королевы Весты?

— Нет, нет и не такую. Веста слишком покладистая и мягко характерная. Мой сын просто проигнорирует подобную невесту. К тому же Веста не принесла мне пользы в отношении моего места в Галактике. Иногда я жалею, что женился по чувствам и принципам, а не по расчёту, тогда с моими потомками не было бы столько мороки.

— Что же тогда мы ищем?

— Не знаю! Не зна-ю! Дай-ка посмотреть список всех девиц на выданье, который мне составили.

Главный королевский советник полез в свой портфель, из которого вытянул весомую папку с бумагами и положил её на стол перед королём.

— Сейчас посмотрим. Хорошо бы если мы решили это как можно в более короткий срок, потому что мне уже надоело слушать в ратуше жалобы на наследника. Полгода назад, один лорд даже посмел сказать, что вместо моего сына, меня заменить должен Себастьян Карлеаль, сын Кевина, двадцатидвухлетний мальчишка, который хорош только тем, что ничего не унаследовал от нашего рода и обручился с маркизой Олтерна, как же её...

— Нифелия Дерланова.

— Да. А тот лорд. Ты помнишь? Его ещё обвинили в измене и отправили за южное море, в Швейцария. Надеюсь, там ему жизнь покажется адом. За свои слова надо отвечать! Но что-то я отвлекся. Давай посмотрим, что тут у нас в документах.

Король развернул папку и взял первый лист. Пробежав глазами по строчкам, он стал читать вслух.

— Эмма Вилленпарт, принцесса Троиинджинская, пятнадцать лет. Им будет за счастье выдать её замуж за моего сына, а нам этот брак принесёт одни хлопоты и никакой пользы. К тому же у неё не самые приятные родственники и красавицей она не сльвёт. Нет, дальше. Мелинда Шенде, принцесса Нептунская, четырнадцать лет. Ребёнок. Никуда не годится! Пока мы её дождёмся, мой сын доведёт Феир до революции. Ядвига де Монтен, звучит многообещающе, всё-таки королевская фамилия Южных Ветров. Принцесса Изоиресская. Изоиресская? Боже, как это могло случиться? Изоире — это самое забытое Богом и людьми место. Надо разобраться повнимательнее, может здесь какой-то подвох? Так, шестнадцать лет, вполне подходящий возраст. Её мать герцогиня Южных Ветров, дядя, соответственно король. Хм, неплохо. Нужно разыскать её портрет, вдруг это то, что надо?

— Прошу вас, продолжайте, ваше величество, возможно, будет что-то ещё более притягательное.

— Хорошо, посмотрим. Лейла Шенде, принцесса Лондская. Четырнадцать...тьфу! Опять младенец. Нужно было заранее отобрать всех, кто уже способен идти под венец. Билли Шенде. Да это семейство просто обогатило генофонд нашей галактики. Девятнадцать лет, принцесса Зендская. Это уже что-то. И портрет уже есть...

Робин вытащил миниатюрку, на которой была изображена девушка. Он повертел этот предмет в руках и так, и сяк. Потом швырнул в верхний ящик стола.

— Если учесть, что художники приукрашивают своих натурщиц, то эта, — король ткнул пальцем в стол, куда только что откинул изображение неудавшейся невесты, — настоящая дурнушка!

— Может быть, вы слишком строги в своих критериях? Вдруг вашему сыну она бы приглянулась?

— Тогда он либо слепой, либо идиот. Не морочь мне голову, я знаю Робина.

— Вам виднее. Но это была последняя из списка...

— Как? Это всё? Позор. Неужели перевелись все достойные невесты?

— Никак нет, ваше величество, просто они уже все заняты.

— Ох, где моя молодость. Тогда все были свободны, и можно было выбирать сколько угодно. Недаром я женился в тридцать три года. А может поискать среди тех самых «уже

занятых»? Помолвку всегда можно расторгнуть.

— Но ваше величество, как же...

— Никаких возражений. Завтра я жду от тебя новый список, ясно?

Диалог был прерван докладом слуги о том, что советник по делам внутренней политики просит аудиенции. Король махнул Фиерману, что он может быть свободен, и приготовился к очередному докладу о том, что творится на его собственности.

Беллона собиралась к встрече с отцом за трапезой. Ей до сих пор не верилось, что она поддалась на авантюру Габриэль и, что самое удивительное, она удалась! Доктор Дрезен внял словам виконтессы и с удовлетворением закивал, сказав, что полностью согласен и сам уже где-то, когда-то о подобном слышал. Он посоветовал принцессе ходьбу, частые прогулки и верховые поездки. Сначала радости девушки не было предела, но к утру радость порассеялась и она угрюмо смотрела в зеркало, виня себя во лжи, которую ей предстояло произнести отцу. Итог раздумий был таков — перестать ввязываться в сомнительные мероприятия и всегда быть честной, не только с родственниками, но и с людьми вообще. Когда постучали в дверь, Беллоне не хотелось отвечать, а хотелось сделать вид, что её нет в комнате, чтобы побыть ещё немного одной. Но на её молчание ответили непрошенным открытием двери и вторжением на частную территорию. Это была вездесущая мадам Бланж.

— Что вы хотели?

— Ваше высочество, я пришла помочь вам одеться.

— Спасибо, я уже нарядилась.

Гермия Бланж не скрывая скепсиса, оглядела принцессу и скривила лицо.

— Вы это называете «нарядилась»? Да на вас же обычное прогулочное платье и ни одного украшения!

— Вам никогда не нравится, как я одеваюсь.

— Что вы такое говорите?! Это не так. Но сегодня... я хочу, чтобы вы переоделись.

— А зачем мне выглядеть вычурно среди бела дня на семейном обеде?

— Ну, во-первых, не вычурно, а нарядно, во-вторых, вы должны показать его величеству, что рады его приезду, а в-третьих, он приехал не один, поэтому при гостях не надо выглядеть просто, как провинциальная дворяночка.

— Я не собираюсь красоваться перед партнёрами отца по делам, к тому же они меня и не заметят за обсуждением своих дел.

— Боюсь вас огорчить, ваше высочество. Приехали вовсе не соратники вашего батюшки. Даже не министры и не лорды. Это какие-то дворяне.

— Какие ещё дворяне?

— Понятия не имею, я видела их издали — несколько богато выглядящих мужчин. Жена камердинера его величества сказала мне, что это почётные гости короля.

— Почётные гости? Раз так, то я согласна сменить кое-что в своём внешнем виде.

— Обязательно, обязательно!

Принцесса неохотно вылезла из платья с завышенной талией, довольно свободного и удобного. Служанка в мгновение ока сбегала за другим и принялась зашнуровывать корсет на и без того тонкой талии Беллоны. Верхние пряди волос её забрали на затылке, спустив два локона обрамлять лицо, а остальные оставили распущенными. Серебристо-горчичное платье выглядело официально, чему девушка про себя порадовалась, потому что у неё мелькнула мысль, что среди гостей может быть какой-нибудь принц, которого отец хочет

навязать ей в мужья. А в этом строгом наряде, она сумеет достойно дать отпор любому не понравившемуся ей. Дополнением всему служили россыпи светло-серого жемчуга, которые вплели в причёску, повесили на шею, и подвески из которого закрепили на рукавах из полупрозрачного кружева, тончайших серебряных нитей.

— Совсем другое дело! Вот такой вы больше походите на принцессу, а то... — Гермия Бланж фыркнула на унесённые вещи, — рядитесь в чёрти что.

— Спасибо за заботу. Если бы вы меня не предупредили, я непременно бы опозорилась. Беллона ехидничала, вспомнив два момента. Тётя Коломбина говорила, что не костюм красит человека, а человек украшает то, во что он одет. А второе принцесса вспомнила, как первый раз столкнулась с орденосцами, в своём любимом летнем платье, и никто даже не обратил на это внимание. Мадам Бланж определённо всегда всё преувеличивала.

Девушка отправилась в главную трапезную залу, у дверей которой её наставница, впервые осталась и не вошла внутрь. При званном обеде ей не пристало присутствовать. Беллона даже потерялась в первый момент, но взяла себя в руки и вошла, переживая, что немного опоздала. Не отрывая от пола глаз, принцесса поприветствовала его величество и извинилась за задержку.

— Ничего страшного, дочка, ты почти вовремя, к тому же ты ещё не последняя. Кое-кто заставляет себя ждать и подольше, — Робин Третий покосился на единственный, оставшийся свободным стул, и недовольно ухмыльнулся.

Только теперь Беллона подняла голову и оглядела всех, кто сидел за столом. У неё чуть не зазвенело в ушах, и не ушла из-под ног земля. Сознание готово было покинуть её; Джордан Льюмен, князь Вальядов, шевалье ля Мерлоут, Сержио о'Лермон и, в это трудное было поверить, Дерек Аморвил. Все они были здесь. Ну, и ещё четверо кавалеров соответственно занимали места рядом с друзьями. Принцесса встала, как вкопанная и не сразу заметила, что помимо мужчин здесь ещё было много людей.

— Дочка, в чём дело? Может, ты присядешь? — король внимательно следил за Белл.

— Да, да, конечно.

Беллона, прихрамывая, подошла к месту, оставленному для неё, и осторожно заняла его, с благодарностью взглянув на лакея, который задвинул под ней стул.

— Боже, что с тобой? Почему ты так идёшь? Ты себя плохо чувствуешь?

Рыцари ордена переглянулись, так как все до единого знали, что с принцессой. Они думали, что сейчас им придётся выслушать гнев короля, который после того, как узнает, что произошло, непременно выплеснет все эмоции на чужестранцах. Вмешалась виконтесса.

— Позвольте, ваше величество, объяснить вам, что же такое с вашей дочерью.

— Я слушаю тебя, Габриэль.

— Видите ли, вчера её высочество почувствовала боль в ноге и поняла, что ей неприятно на неё наступать. Мы непременно позвали королевского врача, — Нови специально сказала «королевского» и не назвала фамилию, чтобы Робин Третий мог подумать на своего доктора, который был отличным специалистом почти во всех областях, — врач после осмотра сообщил, что у её высочества — сейчас вспомню точное название, — застой суставов и сухожилий лодыжки.

Некоторые олтерницы с нескрываемым удивлением посмотрели на виконтессу, другие сдержали смешок, а третьи, к которым относился и Дерек Аморвил, сидели, как ни в чём не бывало.

— Боже мой, это серьёзно? Что же нужно делать? Он прописал какие-нибудь средства,

процедуры?

— Да, он сказал, что это от малоподвижного образа жизни и что принцессе следует как можно больше двигаться — танцевать, гулять и ездить на лошадях.

Король нахмурился. Как поступить? При нём дочь всегда была тихой и спокойной, но он не раз слышал жалобы её учителей и наставников. Они сообщали о её необузданном нраве и непокорности. Ему с трудом это представлялось, но всё же когда он в своём кабинете выговаривал ей за донесённые на неё замечания, Беллона ничего не отрицала. Если дать ей воли, может принцесса распуститься ещё больше, или наоборот? Может некоторые её выходки — это протест слишком строгому надзору? В любом случае, что-то нужно было изменить, хотя бы разрешить ей частые конные прогулки.

— Мы обдумаем всё это сегодня же, а сейчас, давайте приступим к обеду, — ещё немного подумав, король добавил, — а других средств избавиться от этого недуга нет?

— Никак нет, ваше величество, — печально произнесла Габриэль и взялась за вилку с ножом.

Под эти слова в помещение влетел, резко затормозив, наследник. Вид его был еле заметно помятый. В каком состоянии была его голова, никто не успел заметить, так как он моментально пригладил руками волосы, после чего величественной походкой сел по правую руку от отца.

— Прощу меня простить за моё невольное опоздание. Дела, дела...

Робин Третий грозно сверкнул очами в сторону сына и глухо, холодно бросил в его сторону:

— Сразу после того, как ты поешь, я желаю тебя видеть в своём кабинете, причём ни на секунду позже.

Принц уткнулся в тарелку с явным раздражением. Он не любил, когда ему делали замечания, тем более при посторонних. Хотя определённая благодарность за то, что он предоставлен сам себе, и никто не мешает его полной свободе, присутствовала.

Правитель Феира решил пристыдить сына. Ему не терпелось сделать так, чтобы тот почувствовал вину и всю свою безответственность, а так же изменил манеру поведения. Специально для этого он начал компрометирующий принца разговор.

— Скажите, пожалуйста, господа, вы обсудили с Робинем все дела, ради которых приехали? Наверное, в возложенной на вас миссии много нюансов и понадобилось много времени, прежде чем всё решилось?

Обрадовавшийся прекрасной возможности высказать всё своё недовольство, Джордан Льюмен поспешно начал говорить.

— Знаете, ваше величество, хотелось бы заметить, что мои ожидания по поводу вашего сына и будущего правителя этой планеты...

— Полностью оправдались, — завершил вдруг Дерек Аморвил, переняв речь с языка старшего рыцаря, — он оказался очень способным, вдумчивым и адекватным человеком. Мы быстро уладили все наши дела, во многом сошлись, и доложу вам, было приятно иметь с их высочеством дело. Всем бы относящимся к политике людям брать с него пример!

Граф Льюмен от изумления застыл, открыв рот. Он хотел сказать совершенно не то, и не понял, с чего Дерек был так всем доволен и удовлетворён. Джордан, конечно, давно знал принца, и в узком кругу даже имел право называть его на «ты», но он всегда был уверен, что Робин дурачится только на публику, а у себя дома будет вести себя серьёзней и нормально проведёт встречу. Но, разочаровавшись, он решительно отказался от более близкого общения

с королевским отпрыском и хотел пожаловаться. А тут! Вот те на! Объект, о котором велась дискуссия, сам поперхнулся от неожиданной похвалы. Откуда вдруг такие мнения о нём, когда он нормально провёл с ними всего полдня, а остальное время — три дня с момента их приезда, за развлечениями, а не обсуждением межпланетных отношений?

Король недоверчиво поднял брови. перевёл взгляд с графа Аморвила на сына, потом обратно.

— Неужели? Что ж, рад принять такие сведения.

Беллона осмотрела всех присутствующих, ища подвох. Не верилось, что речь шла о её родном брате. Ответ она нашла в заговорщической гримасе сэра Дерек. Он незаметно кивнул принцессе, и она сразу вспомнила об их договоре, что они сделают всё, чтобы никто не узнал о прошедшей в лесах Финкер-Оренстоффа охоте. Значит, рыцарь соврал, что принц находился с ними и занимался тем, что было ему поручено, для того, чтобы никто не упомянул о присутствии Беллоны во всей этой истории. Девушка засияла от осознания, что Дерек её своеобразный благородный спаситель. «Он почувствовал, что всё это я делаю для него, что я пытаюсь встречаться с ним, нарушая этикет, почувствовал, что мне нужен в его лице сообщник. Значит, он тоже хочет видеть меня, как можно чаще. Кажется, я счастлива. Как здорово, что вчера я послушалась Габриэль, ведь меня ожидало такое открытие!».

— Но, простите меня господа, — снова заговорил Робин-старший, — я совершенно забылся и, наверное, выгляжу невоспитанным недотёпой. Я не представил вам мою дочь — принцессу Беллону.

Джордан Льюмен снова хотел вставить, что они уже знакомы, но, посмотрев на графа Аморвила, передумал. Раз уж тот взял на себя ответственность главного, то пусть и дальше отдувается сам. Пусть отвечает за то, что не сказал о том, что с принцем вообще никакие дела нельзя решать. Ими можно заниматься, только когда избавляешься от его присутствия. Дерек, не моргнув и глазом, встал, поклонился.

— Очень приятно. Для нас невероятная честь узнать принцессу до того, как её увидит свет. Разрешите сказать и не сочтите за дерзость, ваше величество, что ваша дочь просто образец красоты и девушки прекраснее я ещё не встречал.

Беллона не знала границ своей радости и чтобы заглушить взрыв восторга, с аппетитом уделяла внимание еде. Король от удовольствия даже разругался. Ему льстило не только то, что Беллону признали прекрасней олтернских принцесс (он не учитывал, что старшей из них всего десять и об их внешнем виде судить рано), но и то, что о её жизни осведомлены и знают, что она ещё не представлена обществу. Как наивно он ошибался в своих суждениях, относительно источника осведомлённости рыцарей! Ведь им был Робин-младший, сообщивший всё это три дня назад гостям.

— Что ж, если вы теперь знаете мою семью, и знаете о моей семье, то позвольте поинтересоваться о вас. Кто из вас начнёт и расскажет что-нибудь о себе?

— Ваше величество, мы не слишком важные персоны, чтобы говорить о себе, — заметил Дерек Аморвил, — лучше вы говорите, а мы с удовольствием слушаем.

— Нет, что вы. Не прибедняйтесь. Я в курсе, что каждый из вас из славных семей Олтерна и вы являетесь представительными лицами своей родины. А обо мне что говорить? Про меня всё известно. Печальная участь королей — всегда быть на виду и не иметь тайн от народа. Так в моём роду было всегда. Карлеали открытые и честные, они никогда не злоумышляли и не плели интриг, интриги часто плели против нас, но никак не наоборот!

— Мы наслышаны об отменной благородности вас и ваших предков, — подтвердил

Джордан Льюмен.

— Горячее сердце и неиссякаемая справедливость, — процитировал монарх и довольно сощурился. Он всматривался в лицо каждого из присутствующих. Без всякой задней мысли, просто по привычке определять оставшееся недосказанным по выражению глаз, губ. Это был положительный талант, если учесть, что правителю постоянно приходилось иметь дело с льстецами, подхалимами, людьми, которые старались проникнуть в доверие к своему повелителю. Разоблачать женщин ему получалось гораздо сложнее, поэтому он иногда оказывался жертвой чар прекрасной половины человечества. Робин был рад, что его супругой стала Веста. От неё он никогда не ждал подвоха и всегда ей доверял. За ней не приходилось следить или всматриваться в неё — королева сама всё докладывала мужу. Воспитание и голубая кровь не позволяли поступать иначе.

Робин тут же вспомнил сестру своей жены. Последний раз он её видел, когда наследник был ещё совсем крошкой, а Беллоны не было и в помине. Минерва слыла настоящей красавицей даже в те свои тридцать с лишним лет. Спору нет, Веста тоже необычайно красива, но она слишком женственна и подвластна влиянию, она слишком правильная и возвышенная. Сестра же её отличалась мужской напористостью, откровенностью, своеобразная амазонка. И как только у одних родителей появились такие разные дети? Не только внешне, но и внутри. Одна брюнетка, другая блондинка. Первая искательница приключений, а вторая домоседка.

Выйдя из раздумий, король заметил, что обед в самом разгаре, но никто не решается завести беседу, потому что он сам молчит.

— Кажется, наши дорогие гости загрустили. Поверьте мне, я завтра же постараюсь сделать всё, чтобы вы развеселились. Я устрою настоящий праздник.

— Право же, мы не стоим таких беспокойств, — произнёс барон Ван Стройер.

— Это, позвольте, решать мне. Вы, кстати, обязаны увидеть, что такое торжество на Феире, когда ещё приедете к нам! Тем более, вы не на один день прибыли, а на, если не ошибаюсь, две недели?

— Верно, всё планировалось так, — объяснял граф Льюмен, — возникли кое-какие обстоятельства, и дополнительные неразрешённые вопросы. Оказалось, что главный орденосец Феира, сэр Корнелио Модис, сейчас в отъезде и прибудет в неизвестные нам сроки обратно с рыцарями нашего ордена с Северной Луны. Без него мы не можем закончить наш съезд, поэтому вынуждены задержаться, если вы дадите на то разрешение.

— Какие могут быть разговоры! Гости с Олтерна для меня дороже всех других! А что за вопросы вы решаете, и нужен ли будет вам в совещаниях мой сын, этот, как оказалось, гений ораторского искусства?

— Несомненно. Мы сейчас на пороге назначения приемника магистра ордена. До недавнего времени, буквально ещё до начала этой недели, я должен был занять это место после Маурицио Стеллона. Но потом, как мы узнали, приехав сюда, Корнелио предъявил претензии на это место и возник спор. Результат мы получим, только когда соберёмся все вместе, рыцари с каждой планеты, на которой орден официально признан. Если изберут сэра Модиса, то наш штаб перекочует в Риджейсити, наша казна и все наши благотворительные фонды передут на Феир, наш отряд должен будет получить разрешение от ваших законодательных органов для размещения сыскных комитетов, которые занимаются нашей главной задачей...

— Ох, увольте, увольте меня от подробностей занятий вашего ордена. У меня столько

своих дел, что они толком не укладываются в голове, но я думаю, мой мальчик, Робин, ты всё уяснил, понял, во всём разобрался и проследишь, чтобы у господ дела прошли гладко.

— Конечно, отец, — наследник судорожно пытался запомнить всё, что наговорил сэр Льюмен. Хотя он и так неплохо осведомлён обо всём, о чём нужно. Ведь порой он только притворяется, что не слушает и не слышит.

— А что вы будете делать, когда дождётесь нашего маркиза? — снова любопытствовал король.

— Мы отправимся на Астеру, где должны будут собраться оставшиеся участники собрания. Император Гектор, свергнувший в прошлом году своего отца, нуждается в защите и в обмен на нашу помощь согласился временно обеспечить нас кабинетом на нейтральной территории. Там, в Эскивель-Гарде, и будет сделан выбор.

— Что ж, даже не знаю, кто мне больше по душе — вы, милейший граф, или всё-таки мой подданный, этот замкнутый Корнелио.

— Вы его хорошо знаете?

— Приходилось иметь с ним дело. Его сводный брат — превосходный дипломат, один из моих советников, поэтому я очень уважаю этот дуэт. Они по натуре определённо философы. А вы, сэр, так уж его ни разу и не видели?

— Отчего же. Я встречался с ним пару раз. Этот человек действительно производит впечатление интроверта.

К диалогу присоединился Сержио о'Лермон.

— Сэр Модис очень предан своему делу. Он свято соблюдает все заповеди нашего ордена, поэтому в своём возрасте ещё не женат — он фанатично разыскивает Стеллу Нордмунскую, или тех, кто знает, что с ней произошло.

— А кто из нас не таков? — обиделся сэр Джордан.

Сержио умолк, отведя взгляд на принцессу. Одно её присутствие окрыляло его, а смотреть на неё было несказанным удовольствием. Но на столь высокую персону долго глазеть воспрещалось, и маркиз снова вслушался в разговор. Король обсуждал самую волнующую для гостей тему — их орден.

— Несмотря на то, что его создал, или организовал, как вам удобнее, мой дед, не я, не мой отец, да и, видимо, мой сын, не вступим в него. Не потому что нам что-то в нём не нравится, а просто потому, что нам некогда самим заниматься такими вопросами, как жизнь и судьба одной женщины. Мы ответственны за миллиарды людей! Но мы с удовольствием поддерживаем вас. К тому же вашей покровительницей является моя мать, внучка Стеллы. Она желает узнать до того, как покинет этот бранный мир, что же стало с её бабушкой.

— Мы все хотели бы встретиться с ней. Королева Виктория сможет нас как-нибудь принять? — поинтересовался князь Вальядов.

— Я считаю, что её порадует ваше появление у неё в салоне. Только она сейчас далеко отсюда. В её возрасте нужно много думать о здоровье, чем она и занимается. Дворец Флай-о-Фреш находится на юге, у тёплого моря, лечебных источников и волшебных долин нимф. Туда ехать около двадцати дней, если на лошадях. При перелёте на пегасах это займёт значительно меньше времени.

— Что ж, тогда как-нибудь в другой раз, в этот у нас нет столько времени, что обидно, — заключил Льюмен.

— Да, у нас, как это ни странно, если учесть нашу цель, огромное количество дел, поэтому то, что мы пробудем на одном месте почти месяц, просто невероятно, — подивился

сэр Аморвил.

— Когда-то я тоже разъезжал каждую неделю на новую точку, теперь за меня путешествует сын, а если кому-то нужен я лично, то этот человек приезжает сам. Вытащить меня с Феира может только дружеское приглашение другого венценосного мужчины... — Робин хотел добавить «или женщины», но резко передумал, посмотрев на жену, молчавшую и не умевшую вмешиваться в публичные разговоры. Если бы здесь было сугубо мужское общество, он непременно позволил бы себе шуточки и рассказы о своих злоключениях и любовных похождениях.

Опустошив кубок с красным вином, монарх поднялся.

— Я закончил трапезу и ухожу. Господа, прошу чувствовать себя везде, как дома. Только не заходите в восточный двор, а то вдруг, ненароком, повредите цветы, которые так любит моя дочь, — Робин-старший смерил глазами принцессу и юную виконтессу, которые не поняли намёка короля. — И вечером, после ужина, я жду вас у себя в гостиной зале, где, я надеюсь, мы проведём прекрасно время. До встречи.

Все встали, кланяясь вслед уходящему монарху. Веста жестами указала сыну на то, чтобы он поторопился и шёл следом за отцом, который хотел поговорить с ним. Робин-младший смёл остатки десерта с тарелки и, простившись со всеми присутствующими, покинул столовую.

Глава 12. "После обеда"

Беллона вышла через дверь, ведущую в её покои, вместе с Габриэль. Они немного замешкались в небольшом помещении, потому что принцесса пыталась отойти от того, что снова находится под одной крышей с Дерекком. Виконтесса, воспользовавшись моментом, прихорашивалась у зеркала, которое висело во всю стену, обрамлённое золотой рамой. Она кокетливо уложила выбившийся локон, поправила воротничок из белых кружев, идущий вдоль декольте. Обе девушки молчали, не зная, что и сказать. А через минуту были и вовсе повергнуты в изумление, когда через другой вход, сюда же, к ним, вошёл граф Аморвил. Вдох застрял у Беллоны в горле; ей хотелось провести перед собой рукой, чтобы развеять, как она подумала, видение, хоть и сладкое, но мимолётное.

— Простит ли мне её высочество мою дерзость, что я вошёл в недозволенные мне владения?

Принцесса растерялась, пытаясь найти золотую середину между тем, чтобы поругать рыцаря и показать, что она ему всё-таки рада. Первой, как всегда, нашлась Габи. У неё речь появлялась в мгновение ока, даже казалось, что она её готовила заранее.

— Даже если принцесса, известная своим добрым сердцем и милосердием, извинит и как-то оправдает ваш поступок, то его величество, непременно, сурово вас покарает.

— Если принцесса Беллона не будет держать на меня зла, то гнев короля мне не важен.

— Вы зря думаете, что я шучу. Если ваш король никогда не наказывал вас, это не значит, что наш не сумеет поставить вас на место.

Дочь монарха нервно глянула на подругу, заставив её замолчать.

— Мне интересно, что же руководствовало вами, заставляя нарушать правила приличия? Если это весомая причина, то я отпущу вас и ничего не скажу отцу.

— Я всего лишь хотел подольше посмотреть на самое прекрасное творение природы и богов. Я хотел выказать вам своё восхищение и почтение.

— Я польщена, — Беллона решила держаться отрешённо, насколько хватит её сил и вести себя, отталкиваясь от того, что она высокопоставленная персона, которая должна указывать на своё превосходство. Гордо вскинув голову, она продолжила после короткой паузы, — однако вам лучше вернуться к своим друзьям, пока о вашей смелости никто не узнал.

— Могу ли я надеяться, что ваше высочество разрешит мне ещё встретиться с ней и поговорить?

— Вы, должно быть, знаете не хуже меня, что по всем правилам, мы с вами не можем разговаривать без присутствия моих старших родственников.

Беллона чуть не прикусила себе язык, чтобы замолчать и не произносить слов, явно запрещающих отныне приближаться к ней, но всё уже было сказано, и граф поклонился, пятясь, чтобы уйти. Его лицо не было видно, так как он смотрел в пол. «Что он чувствует? Разочарование? Обиду? Безразличие? Для него наверняка нелегко было прийти сюда, но он всё-таки сделал это, а как же отреагировала я? Развернула его в направлении, противоположном мне. Ах, глупее меня на всём белом свете не найти девушки! Срочно нужно исправить положение». Принцесса взглянула на Габриэль, которая всем своим видом подталкивала её к тому, чтобы изменить всё. Она недоумевала, как можно отказываться от

идущей в руки счастливой случайности? Будь здесь Мария, она бы сказала, что случайности не бывают счастливыми, но её не было, и Беллона послушала внутренний голос будущей графини Нови.

— Я сама не в восторге от этих правил, но ничего не могу с ними поделать, вы же понимаете...

Дерек внезапно выпрямился и, упав на одно колено перед принцессой, поцеловал ей руку. В его чёрных глазах заиграл азарт. Вдохновлённый поправкой принцессы, он прошептал на одном дыхании:

— Если вам не нравятся эти правила, я сделаю всё, чтобы их нарушить, дабы угодить вам.

— Наглец... — виконтесса вздёрнула свой маленький носик и, несмотря на то, что была ниже принцессы, посмотрела на пару сверху вниз, — мы расстроены вашей откровенностью. И не надо приписывать свои капризы, желаниям её высочества.

По длинному коридору разнеслись звуки шагов, которые не очень скоро, но убедительно, приближались. Из-за большого количества комнат, акустика была запутывающей, и непонятно было, как быстро здесь появится этот кто-то, идущий сюда.

— Уходите! — приказала Беллона, сама удивившись властности своей интонации.

— Ещё немного, не прогоняйте меня. Я просто наслажусь вашими небесными чертами и посмотрю на них ещё раз, чтобы в точности запомнить до нашей следующей встречи, — он любил риск, опасность завораживала его. Улыбка говорила о том, что ему нравится эта игра в недозволенность, хотя Дерек прекрасно знал, что максимум, что его ждёт, это немедленный отъезд на Олтерн. Король Феира не имел права наказывать чужих верноподданных.

— Её может не быть, если вы не уйдёте отсюда сейчас же!

Сэр Аморвил ещё раз поцеловал руку принцессы.

— Да бегите же! — взмолилась Беллона.

Габриэль подтолкнула его к выходу и наспех, со стуком, закрыла за ним дверцу, которой чуть не защемила атласный плащ рыцаря, напоминающий шкуру пантеры, блестящей на солнце, когда она охотится. В тот же миг из-за угла появилась мадам Бланж.

— Что за шум? Ваша светлость, почему вы ходили в южное крыло?

Габи стояла, облокотившись спиной на дверь, и, видимо, по характерному хлопку, наставница принцессы сделала вывод, что девушка только что вошла через этот вход.

— Мадам Гермия, я всего лишь искала будуар, я так долго не была во дворце, что совершенно забыла, что тут где находится.

— Не пытайтесь обмануть меня. Я вас прекрасно знаю. Королева просила меня приглядеть и за вами, а вы, как я вижу, уже собрались хулиганить и безобразничать. Признайтесь, вы заинтересовались гостями короля и решили пошпионить за ними?

— Вы ошиблись. Ничего подобного. Белл, пошли, погуляем?

— Идём, Габи.

— Я буду наблюдать за вами, девушки, — услышали они в затылок.

В этом Беллона и не сомневалась. Куда уж без этой старой зануды?

Робин стоял в кабинете отца. Он видел много кабинетов и приёмных различных монархов, министров, консулов, должностных лиц, но ни один не был таким уютным и тёплым. Яркие лучи пробивались сквозь тюль. Комната полностью освещалась большим

окном, спиной к которому восседал Робин Третий. Он удобно и свободно расположился в широком кожаном кресле, положив кисти рук на подлокотники. Откинувшись на спинку, государь думал, размышлял, наблюдал, а может быть и ждал, когда его сын первым что-нибудь промолвит. Дубовый стол, разделявший их друг от друга, выглядел старинным, крепким, своеобразным третьим полноценным участником предстоящего разговора; неприятно было видеть, как он беспардонно завален бумагами, документами, вензелями, письмами, которые не лежали ровными стопками, а беспорядочно валялись на полированной крышке стола. Вдоль стен высились шкафы с книгами, архивами, тетрадями и дневниками. За одним из них, Робин знал это точно, но не знал за каким, располагается тайная дверь, ведущая в узкий коридор, который тянулся внутри стен всего замка. Из него можно было попасть в любую комнату, а так же тоннели, подземные лабиринты. Ими пользовались для секретных свиданий или побегов, в случае крайней необходимости, потому что, по легендам, они выводили в храм ближайшей деревни, а если пойти в другую сторону — то в одно старое полузаброшенное имение, неподалёку от замка. Возможно, были и другие выходы, давно забытые или не столь важные.

Слева от окна была ещё одна дверь. Там обычно сидели секретарь и первый советник короля. «Интересно, они и сейчас всё будут слушать и записывать?» — подумал принц. Он был далёк от истины. Робин Третий не любил, когда в его семейные дела вмешивались, даже его друзья или доверенные лица. Досадно было сознавать, что вообще приходится разговаривать с собственным отпрыском в столь официальном тоне.

За спиной принца висело две картины — его деда и бабушки. Покойному Робину Второму его внук всегда подражал и продолжал это делать. Ведь этот его предок познал любовь многих императриц, принцесс и даже, как говорят, однажды сошёлся с нимфой, или богиней удачи, не суть важно, потому что сам Робин никогда не подтверждал этот факт, но и не старался опровергнуть. Он так же был бессменным кумиром Антонио и Вильгельма, которых наследник хорошо знал и уважал. Бабушку он уважал гораздо меньше. Она была серьёзной, чёрствой женщиной, не позволяющей ни себе, ни другим ничего лишнего, даже лёгкого кокетства или флирта. Вот если бы она была такой, как Стелла...но от неё ей досталось только чувство собственного достоинства, а всем остальным она пошла в мать — Салли Мери Эл Рой.

Всё чаще принц ловил себя на мысли, что во многом согласен с этим странным орденом, который свалился на него, как снег на голову. Робину тоже нравились девушки, с которыми можно было вести себя так, как хотелось сию минуту. Которые сами открыто выражали свои мысли и желания, если они у них были, потому что у большинства современных леди не было ничего собственного — ни мнений, ни слов, ни идей, и самое главное, желаний. Всё было продиктовано их родителями, тётушками, дядюшками, наперсницами или попросту правилами приличия. С такими делать было нечего, только скучать и зря терять время. Да, ему действительно симпатизировало не то, что девушки не являли собой образец порядочности, а то, что в них был характер, уважение к себе, свои убеждения и взгляды.

— Итак, ты ничего не хочешь мне сказать? — спросил король.

— Я не знаю, о чём ты хочешь поговорить со мной, отец.

— Не прикидывайся, Робин. Ты прекрасно знаешь, что я осведомлён о твоём поведении и хотел бы научить тебя жизни, если ты сам не в силах ей научиться. Я буду говорить с тобой о делах сугубо личных и если мы придём к согласию в этом вопросе, то тогда я скажу всё по

поводу политики и того, что ты должен сделать для своей родины и будущих владений. Ведь ты же не забыл, что когда-нибудь этим всем придётся управлять тебе?

— Я хорошо об этом помню.

— Замечательно, тогда объясни мне, почему ты ведёшь себя недостойно? Почему ты порочишь имя Карлеалей, ввязываясь в сомнительные дела? И мне совсем не нравится твоя дружба с этими МакДжойнами. Это отвратительные личности!

— Ты их плохо знаешь. Они отличные друзья, верные люди, смелые, отважные...

— ...мерзкие, и в них нет ничего благородного!

— Ты не прав...

— Не ты будешь говорить мне, что я не прав. Если они такие, какими ты их рисуешь, то почему они творят такие бесчинства? Откуда столько жалоб на насилие? Только глубоко безнравственные и ничтожные люди, могут позволить себе то, что делают они.

— Тебе кто-то донёс сильно преувеличенные сведения! Ну да, мы развлекаемся иногда, но разве ты никогда ничего подобного не делал?

— Я не доходил до низостей и оскорбления, пусть и простых, но всё же людей. Я не трогал крестьян и городских жителей только потому, что они не могут защититься или отомстить.

— Отец, я тоже не позволял себе ничего подобного!

— Я знаю, но твои товарищи...а ты всегда рядом с ними! Ты соучастник всех их преступлений! За их грехи в ответе будешь и ты, мой мальчик.

Принц замолчал, опустив голову. Он не мог примириться с тем, что его лучший друг, Сториан, вдруг стал плохим. Он всегда такой находчивый, с ним весело и интересно, а как князь нравится девушкам! Хотя, надо признаться, что селянки, когда слышат его имя, сразу начинают дрожать и разбегаются, кто куда. Но разве это важно? Для Робина дружба была тем, что нельзя предавать, и он выдержит гнев отца, но оправдает Сториана, как делал уже не раз.

— Что ты хочешь от меня? Чтобы я пообещал больше с ними не видеться? Этого не будет, слышишь, не будет!

— Я ожидал, что ты заупрямишься. Твоё своенравие уже мне известно. Поэтому я не стану запрещать тебе ничего. Поступай, как знаешь. Но кое о чём я всё же хотел тебя попросить.

Робин, поражённый добротой короля, расслабился.

— Конечно, говори, я постараюсь выполнить твою просьбу.

— Я хочу, чтобы ты нашёл себе жену.

— Что?!

Принц не ждал такого подвоха. Он был совсем не готов к разговору об устройении личной жизни. «И что это взбрело ему в голову? Мне ещё и двадцати пяти нет, а он уже говорит о свадьбе!».

— Не удивляйся так. Это само собой разумеющееся дело — женитьба наследника.

— Да, но...ты же говорил, что я могу жениться по собственной воле?

— А я разве заставляю тебя жениться на той, которую сам тебе нашёл? Я тебе так и говорю — выбери себе супругу.

— Но зачем? Разве это сейчас актуальный и острый вопрос? Или у нас какие-то проблемы? Вроде нет, так зачем же торопиться?

— Послушай, что бы я ни думал о тебе, что бы твои дружки ни думали о тебе — у

народа всегда своё мнение, и сейчас оно не самое лучшее! Если так будет продолжаться, то лорды, судьба которых наполовину зависит от людских масс, примут их сторону и лишат тебя трона! Кабинет министров может к ним присоединиться и тогда тебе уже ничто не поможет.

Наследник не знал, что и ответить. Он всегда считал, что Карлеали, приемники власти волей каких-то высших сил и что никто не в силах что-либо изменить. Всегда забывая печальную кончину прапрадеда, Робин вёл себя крайне неосторожно и надменно.

— Молчишь? Вот так-то. Будет над чем поразмыслить на досуге. И если у тебя достаточно ума, то ты поймёшь необходимость, если не венчания, то хотя бы обручения или формальной помолвки.

— Необходимость? Что за громкое слово! Ей-богу, отец, ты принимаешь всё близко к сердцу. Я часто бываю среди простых смертных, они любят меня и прекрасно ко мне относятся.

— Во-первых, ты такой же простой смертный, а во-вторых, ты ничего не делаешь, чтобы сохранить их приязнь к тебе, а только разжигаешь ненависть к власти имущим!

— А что же я должен делать? Я участвую в благотворительности, общаюсь с ними на специальных вечерах, помогаю, чем могу...

— В первую очередь ты должен подавать пример своим подданным!

— Пример в чём?

— Во всём, в манерах, в жизни, в отношении к ней. Стань не только светским, но и духовным предводителем. Ты должен измениться.

— Не слишком ли поздно меня перевоспитывать? Я не могу, да и не хочу меняться!

— Я и к этому был готов. Тогда тебе нужна невеста, которая своей добродетелью затмит твои недостатки, согласен? Все переключат своё внимание на новое лицо в нашей семье и не станут тщательно присматриваться к тебе и твоим действиям. И вообще, перестань кривляться. Ты умеешь говорить серьёзно, что мне сейчас и нужно.

Принц понял, что действительно не время для вечной игры, которую он вёл, и что с отцом нужно поговорить нормально, как бы ни хотелось не брать на себя никакую ответственность, а придётся.

— Я всё понимаю отец, в какие сроки ты хочешь, чтобы я нашёл себе невесту?

— Вот это разговор! Теперь я вижу перед собой нормального собеседника, а не ярмарочного ряженого клоуна. Сроки будут зависеть исключительно от обстановки. Если она не будет накаляться, то мы не будем спешить, но если опять возникнет какая-нибудь тёмная история, в которой примут участие твои дружки и ты, я срочно обручу тебя с первой встречной-поперечной, которая угодит мне благочестием и милосердием. И свадьба тогда состоится, не откладывая дела в долгий ящик. Согласен с моим решением?

— Да, полностью полагаюсь на твою волю.

— Тогда приступим к обсуждению дел государственных. Что ты думаешь по поводу этого ордена?

— Что это довольно крупная, влиятельная, богатая организация, которая быстро развивается, имеет покровителей и поклонников. Что ещё можно о нём думать?

— Я думаю, что этот орден может принести нам много пользы, и я собираюсь использовать его в своих целях, приобщить к своим действиям, в которых они невольно помогут мне выйти победителем.

— Если не секрет, что ты задумал, и как они могут тебе помочь? Я уже понял, что они

занимаются не только поиском нашей исчезнувшей прародительницы, но и некоторыми миссиями, возложенными на них королём Олтерна, но направить их на путь, который принесёт пользу нам... даже не могу себе этого представить.

— Я объясню тебе. Как все знают, Феир и Олтерн больше не собираются воевать, мы должны заключить официальный мирный договор. Но какая из сторон сделает первый шаг? Это никому неизвестно, однако все ждут этого от меня. Почему-то считается, что наше государство незначительно по сравнению с их и не сможет добиться большего влияния, чем эти Назаровы!

— В нас тоже течёт их кровь.

— Забудь об этом далёком родстве, как о страшном сне. Нет, это не столько личная неприязнь, сколько дань почтения к отцу и деду. Я не стану чернить их память, соглашаясь с тем, что мы слабее и никчёмнее Олтерна. Я хочу доказать, что это ошибка! Я переманю на свою сторону всех, кто пока держит нейтралитет между нами, к ним относится и Астера с молодым императором Гектором. Он пока ещё не дружен ни с нами, ни с ними, но он знаком с Маурицио Стеллоном, благодаря чему примет рыцарей у себя. Понимаешь ход мыслей?

— Догадываюсь. Ты хочешь, чтобы я поехал с рыцарями и завёл дружбу с Гектором, так?

— Совершенно верно!

— Но с чего ты взял, что он выберет меня, а не орден с Олтерна, который уже помогает ему?

— Мы предложим ему более выгодные условия, мы поддержим его не только в одном направлении, как рыцари, а во всех его начинаниях. К тому же, я слышал, что этот Гектор, такой же, как твои друзья, так что вы найдёте общий язык.

— Вполне возможно.

— Подумай хорошо, прежде чем отважиться на это. Продумай все ходы, не только войди в доверие к императору, но и убери оттуда олтернских рыцарей, пусть знают своё место.

— А что насчёт того, если их следующим магистром будет наш кандидат? Может не стоит принижать орден в глазах правителя Астеры?

— Стоит, стоит. А вот на счёт магистра — постарайся, чтобы им всё-таки стал Модис.

— Но зачем? Разве тебе нужны их сыскные командорства по всей нашей планете? Подумай только, что эти кавалеры и чужеземцы будут шнырять повсюду и делать всё, что захотят под предлогом, законно одобренным на Феире!

— Ты не понимаешь, они же будут учениками нашего магистра! Это многое меняет. Тогда не чужеземцы будут шнырять у нас, а наши соотечественники поселятся под благовидными предлогами на Олтерне, в Южных Ветрах. Везде будет наше влияние и постепенно король Элиос поймёт, что теряет своё могущество.

— То, что ты задумал, довольно сложно. Многое зависит от случая, а не от нас.

— Я часто полагался на удачу и интуицию, и почти никогда не проигрывал.

— Почти?

— Тоже мне, нашёл время для уколов моего самолюбия. Разговор не о процентном соотношении моих побед и поражений, а о том, что надо рискнуть, действовать. Как же иначе чего-то добиться, если сидеть, сложа руки? Нет, Робин, так не поступают.

— Что мы можем предложить ордену, чтобы их главный пункт стал нашим достоянием?

Чем привлечь рыцарей?

— Да хотя бы внучкой Стеллы Нордмунской и моей матерью в одном лице. Они её невероятно почитают!

— Не больше чем свою королеву Эстель.

— А её за что им так высоко чтить? Не говори мне, что она им дороже, чем их главный идол поклонения.

— Отец, я был при дворе Олтерна, я знаю, поверь мне, они больше оценят королеву Эстель, чем твою мать, мою бабушку.

— С чего ты так уверен?

Принц немного помялся, посмотрел куда-то за спину короля, потом себе под ноги и, наконец, ответил:

— Видишь ли, самые главные рыцари и кавалеры ордена — любовники и фавориты королевы.

— Что?! Не может быть...

— Может. И они пользуются благосклонностью короля только из-за королевы, которая их протезирует, своему ничего не подозревающему супругу.

— Боже, это просто невероятно! Каким же идиотом является этот Элиос Третий, если допускает такое?

— Я не вникал в суть и не углублялся в их семейные междоусобицы. Но король не выглядит, как идиот, скорее всего ему просто всё равно на то, что происходит у него под носом.

— Такого не бывает! По крайней мере, я так думал, до этого момента. Неужели его не беспокоит собственная честь?

— Очень даже беспокоит, поэтому всё держится в строжайшей тайне, то, что я узнал об этом, было великим трудом моего друга — маркиза о'Лермона. Он, как один из рыцарей, или, скорее, как обаятельный юноша, попался на глаза королеве Эстель, когда мы два года назад там были. Так и раскрылась сущность её величества...

— Не слишком ли она стара для...хм, таких жизненных позиций, точнее будет сказать, для такого образа жизни?

— Ей, кажется, сорок один год, она хорошо выглядит, по крайней мере, выглядела, когда я её видел в последний раз. И она чем-то напоминает Стеллу Нордмунскую, изображённую на портрете в главном зале замка Назаровых. Я даже слышал, что её считают перевоплощением Стеллы, мол, та умерла, а её душа переселилась в родившуюся после её возможной смерти Эстель.

— Может они ещё откажутся от поисков и правил ради этой распутной, не достойной своего имени правительницы?

— Из разговоров с Льюменом я сделал приблизительно такие же выводы. Он очень озабочен и огорчён тем, что восторг перешёл от одной личности к обобщённому понятию «легкодоступной женщины». Он втолковал ближайшим к себе кавалерам, что их идеал была вовсе не такой, она была гордой, себе на уме... Не мне тебе рассказывать, сам об этом знаешь от бабушки, а те, которые вступают в орден и не имеют возможности видеться лично с магистром и его помощниками, считают, что главное не уважать скромность и отрицать понятие невинности, непорочности. В общем, долго и нудно объяснять их внутренние расколы, распри и так далее.

— А я было не поверил словам сэра Аморвила, когда тот сказал, что ты толковый

парень. Мне нужно чаще за тобой приглядывать, ты действительно кое в чём разбираешься. Если бы не твои порочащие тебя связи, я бы тобой гордился, а народ радовался. На тему ордена мы ещё понаблюдаем вечером и поболтаем завтра, а теперь давай опять вернёмся к тебе.

Король вынул из ящика стола небрежно отброшенный перед обедом портрет и протянул сыну.

— Ну как?

Робин покрутил миниатюрное изображение девушки в руках и вернул монарху.

— Если ты хочешь узнать, готов ли я провести всю жизнь с таким безобразием, то мой окончательный и бесповоротный ответ — нет!

— Я так и думал. Похоже, у нас с тобой схожие вкусы. Тогда присмотришься к другому варианту; через пять дней ты едешь к своему другу, принцу Дональду. Его младшая сестра...

— Эмма? Она же ребёнок! Я её видел пару лет назад, это настоящий младенец, наивный и благочестивый.

— Ну, скорее всего она подросла. К тому же одна из немногих, кому до сих пор не нашли жениха. А вот описанием её характера ты меня заинтересовал. Если она не успела испортиться за время твоего отсутствия, то это как раз то, что нам нужно — простая, чистая душа, близкая к людям. И она единственная, кто обручится с тобой, в случае чего, без промедления, потому что ей такая партия, как ты, даже не снилась.

— Я, разумеется, присмотрюсь к ней, как ты этого хочешь, но всё-таки настаиваю на своём, что она не тот вариант. У неё, да и у Дональда, кроме меня, даже нет престижных знакомств.

— Тут я с тобой согласен. Не самая выгодная партия, но что ты хотел? В Голубом Квазаре нет принцесс, там на славу удались одни мальчишки! А в Южных Ветрах, сам знаешь, всех девочек царской крови не выдают за чужаков и оставляют себе, им не нужны королевы со стороны, видите ли, только свои!

Пока отец и сын продолжали разговор, за окном постепенно сгущались сумерки. Небо становилось всё темнее и на редких облачках заиграли розовым и сиреневым цветом лучи заката. Появились три луны, освещающие все доступные уголки, недосыгаемые для тени. Одна из них была крупной, и казалось, что это волшебный хрустальный шар навис над головой, а через него кто-то смотрит и наблюдает за тем, что творится на земле. Другая, напротив, совсем маленькая, и её легко можно спутать со звездой. Но сильное впечатление они производили ночью, когда космический купол превращался в черноту, говорящую о своей бесконечности, а вечером это были лишь бледные подобия позднего зрелища.

Беллона просидела на подоконнике с Габриэль до полуночи. Со второго этажа им отчётливо виделись слуги, заканчивающие рабочий день и отправляющиеся на покой в свои дома. У старого садовника не было ни родственников, ни дома и он жил в хозяйственной постройке, предназначенной под кухню. Он с последними лучами солнца поклонился своей госпоже и удалился. Марк шмыгнул в проход к северному двору, оставшись замеченным только принцессой. Она ждала, грела надежду, что её все-таки позовут на ужин вместе со всеми гостями, но приглашения так и не было. Беллона вспоминала трапезу два дня назад, где была центром внимания, где чувствовала себя хозяйкой, хоть это ощущение сильно перебивалось смущением перед сэром Дерекком. Почему она так стеснялась его и могла спокойно разговаривать с другими? Перебарывая себя, ей всё же удалось нормально ответить ему сегодня, но страх перед тем, что в следующий раз это не получится, остался.

Пусть она допустит какую-нибудь оплошность, но главное что бы ещё одна встреча произошла! «Тем более, я сомневаюсь, что смогу допустить большую оплошность, чем «уважаемая» Стелла, вот уж кому нужно бы краснеть за свои поступки и за славу, оставленную после себя». Беллона была нерасположена обсуждать свои чувства и признаваться в том, что полюбила — она и себе-то в этом с трудом признавалась, поэтому говорила Габи. Подруга по-прежнему возносила и расхваливала свою новую мишень для влюблённости и совершенно не пренебрегала громкими словами, чтобы описать испытываемые чувства. Хорошо, что Беллона была не злопамятной, иначе обязательно бы потом, как-нибудь, упрекнула виконтессу и напомнила ей о заявлениях вроде «Сержио я буду преданна до конца своих дней». В такие моменты принцесса была совершенно уверена в том, что зрелость — это не прожитые годы, а умело извлечённый из них опыт. И, кажется, такого важного фильтра, Габи напрочь лишена. Сколько лет Белл знала и помнила подругу, она всегда вела себя одинаково и кидалась пафосными речами. Слава богу, её никто никогда кроме принцессы и Марии не слышал! «Ах, даже моя младшая кузина, которая сейчас в Интермедии, обладает здравым смыслом в большей степени, нежели Габи».

К тому времени, когда мадам Бланж пришла и строго-настрого приказала расходиться и ложиться спать, виконтесса смогла отвлечь Беллону от мыслей о рауте, который проходил в другой части замка, и заставила подумать о том, что впереди ещё несколько недель ежедневного присутствия рыцарей во дворце. И как вытекающие из этого, частые столкновения с теми, с кем так хочется увидеться принцессе. Габи посетовала на то, что Дерек хотя бы пытается и делает шаги навстречу, в то время как маркиз совершенно не обращает внимания на девушку, которой он так понравился! После этого, разбудив Ромашку, уснувшую на кровати высокопоставленной особы, будущая графиня проследовала в свои покои. Остановившись в галерее с которой открывался вид на южное крыло, Габи заметила, что все окна темны, стало быть, мужчины собрались у принца. «Ну вот, теперь мне даже не получится разглядеть силуэт Сержио» — расстроилась она и в совсем мрачном настроении ушла спать.

Глава 13. "Запоздалое решение"

Выспавшаяся и приятно взбудораженная, Беллона сидела у небольшой керамической ванны бежевого цвета, в которой плескалась виконтесса. Сама уже вымытая, принцесса сушила волосы, натирая их шёлковым лоскутом. Встав не очень рано, что было ей несвойственно и узнав, что на семейном обеде снова будет кое-кто из орденосцев, она сразу начала готовиться к любому повороту событий. Старательно приводя себя в порядок, Беллона хотела ещё поплавать в бассейне, но нога не дала ей в полной мере этим насладиться и она, просто окунувшись в прохладную глубину, пошла в покои, отведённые будущей графине Нови. Та очень любила подолгу отмокать, поэтому уже замучила служанок, прося подливать горячей воды.

— Габи, ну нельзя быть настолько чистюлей! Ты уже почти час тут сидишь!

— И что же? Мне нравится. Принесите мне ещё лавандового масла!

Прислуга мигом убежала выполнять распоряжение.

— Смотри, не перестарайся, может маркизу что-нибудь не понравится, — смеялась принцесса.

— Ой, да ладно. Главное верить в себя и собственные силы. Как я могу, ему не понравиться? Если ты в его вкусе, то, — виконтесса взяла в руки круглое зеркальце и тщательно разглядела своё лицо, — я тоже в его вкусе! Мы ведь похожи, правда?

— Несомненно, — подтвердила подруга, сильно сомневаясь, что в них вообще есть что-то общее. Но, считая, что раз у самой хорошее настроение, то не стоит его портить другим, Беллона готова была подтвердить всё.

Габриэль взбила пену и лопала мыльные пузырьки, забавляясь, как ребёнок.

— А этот твой Дерек, хитрец, не находишь?

— Что ты такое говоришь? В чем же он хитрит?

— Смотри, ты ему понравилась, верно?

— Я очень на это надеюсь.

— Он решил непременно завести с тобой интрижку.

— Что за отвратительное слово! Ты прекрасно знаешь, что это слово никак со мной не может быть связано, да и граф совсем не такой...

— Это ты так думаешь! Не хмурься так, хорошо, он хочет завести роман с тобой, так лучше?

— Немного, но всё-таки...

— Да не в этом дело! Какая разница как это назвать. Я хочу сказать, что он не пытался рискнуть собой, несмотря ни на что, а если бы ты ему сильно нравилась, он непременно именно так бы и поступил. Сэр Аморвил пытался всё взвалить на тебя! Как будто бы ты дала ему повод.

— Что за чепуха?

— Может это чисто мои домыслы, но как-то слишком неискренне звучат признания в симпатии, когда постоянно делается акцент на том, что ты должна дать своё согласие, надежду, согласиться с тем, что сама хочешь того же. Если бы он сам этого сильно хотел, стал бы тебя спрашивать?

— Это говорит лишь о его воспитанности. Разумеется, какой-нибудь пройдоха не стал

бы интересоваться мнением девушки, а он интересуется. Значит ему не всё равно, что я думаю, а это лишь доказывает его небезразличие ко мне.

— Возможно всё именно так, но я бы не стала сейчас останавливаться на одной из наших теорий, а постоянно всё оценивала бы с двух сторон.

— Да, так было бы разумнее. Сегодня вернётся Мария и вот тогда у нас появится ещё одно мнение. Представляю, как она удивится, когда узнает, что тут без неё приключилось!

— Не то слово! Даже затрудняюсь прогнозировать её реакцию. Хотя, она такая у нас правильная, что, скорее всего, возмутится компании такого количества мужчин, но мы её научим нормальному поведению, — девушка засмеялась.

— По-моему, это нам следует кое-чему у неё научиться. Мари старше нас и, во многом, умнее.

— Но её пуританские замашки уже надоели, разве нет?

В дверях появилась фигурка молоденькой горничной виконтессы.

— Простите, что перебиваю вас. Там графиня Тревор, она ищет вас, ваше высочество, хочет поговорить.

— Что ж, пригласите её сюда, пусть скажет, что у неё за дела.

— Но она вас ждёт в прихожей.

— У меня нет секретов от виконтессы, я выслушаю её тут.

— Как скажете.

Девушка ушла за фрейлиной королевы.

— Габи, как ты думаешь, что ей надо? Она, конечно, любит поболтать со мной, но вроде бы сейчас не тот случай, иначе она не стала бы искать меня.

— Не знаю, я с ней мало знакома. Может, пришла что-нибудь передать от твоей матери?

— Сейчас станет известно.

В ванную комнату зашла Алиса Тревор. Очень приятная и стройная женщина, для своих лет. Она улыбнулась и, не дожидаясь приглашения, присела на табурет, поближе к принцессе и её подруге.

— Добрый день, девочки. Прихорашиваетесь? Я отвлеку вас всего на пару минут.

— Я вся во внимании, тётя Алиса.

— Белл, твой отец просил меня передать, что завтра он отправляет тебя с сопровождением в Риджейсити.

До Беллоны не сразу дошёл смысл сказанного. Она едет в столицу? С сопровождением?

— Простите, я правильно поняла — я уезжаю из дворца?

— Да, всё правильно, а чему ты так удивляешься? Ты же иногда бывала в городе, хоть и давно.

— Но зачем? Двор перебирается на лето поближе к развлечениям? Так ведь, рано же ещё...

— Нет, все остаются на месте. Едешь только ты, и несколько человек из твоего окружения. Вижу, как ты растеряна. Ты ни разу не была нигде без его величества или королевы, но у них есть дела, а, как ты нам вчера сообщила, для твоей ноги нужно движение, вот твой отец и придумал тебе замечательную прогулку с променадом. Ты рада?

— Но вы же знаете, что это всё неправда, что это ложь и я просто вывихнула лодыжку!

— Я — да, но король думает иначе. Да что с тобой? Белл, ты всегда хотела развеяться, почувствовать свободу! Предоставляется прекрасная возможность!

Принцесса не чувствовала радости, ей стало безумно горько и одиноко. Как же случилась такая несправедливость? Всё, что она хотела обернуть себе на пользу, действует против неё. Зачем она послушала Габриэль? Могла бы сейчас прихрамывать, ходя по дворцу, и ждать встречи с Дерекком. А теперь... не рассказывать же отцу о том, что она обманула его?

— Тётя, это всё было раньше. Да, я хотела развеяться, но сейчас я хочу побыть дома и никуда не ездить!

— Но, дорогая, разве ты придумала историю с врачом не для того, чтобы добиться чего-то подобного?

— Для этого, конечно. Но мне непременно нужно остаться!

— В любом случае, это от меня не зависит, всё решает твой отец и что-то изменить в силах только он один.

— А почему он прислал именно вас?

— Его величество попросили моего сына сопроводить свою дочь, а так как вы с ним не знакомы, я решила представить вас друг другу, поэтому и оказалась здесь.

— Очень любезно с вашей стороны, но я не готова и не одета для знакомства...

— Тогда я представлю тебе своего сына перед обедом. Я могу идти или что-то ещё?

— Нет, нет. Идите.

Графиня встала попрощаться, а принцесса решительно произнесла:

— А я немедленно направляюсь к отцу!

Алиса Тревор пожала плечами в знак того, что больше её ничто не касается. Оставшись одни, подруги переглянулись.

— Белл, сделай что-нибудь! Приводи королю любые доводы, только оставь нас в замке! Мы не можем покинуть его в тот момент, когда здесь рыцари. Мы так этого хотели и не вправе испортить себе жизнь отлучкой в город.

— Я постараюсь. Для меня это так же важно, как и для тебя. Нет, для меня это ещё важнее! Потому что Дерек рано или поздно покинет Феир, а твой маркиз здесь так и останется!

Девушка накинула шаль на прозрачную сорочку и вышла вон. Не обувшись, босыми ногами по прохладному полу, она хотела бежать, но травма не позволяла ей двигаться быстрее, чем она уже двигалась. «Зачем, ну зачем я солгала папе? Ложь никогда не оправдывается. Я всегда это знала, и, тем не менее, думала, что за выдумку буду вознаграждена». Дойдя до центрального строения, Беллона яростно распахнула очередную дверь и чуть не сшибла какую-то преграду, о которую ударилась. Сделав шаг назад, принцесса не без удивления, вернее будет сказать — в тихом шоке, обнаружила графа Аморвила. Увидев за его спиной прохлаждающихся лакеев и спешащую куда-то служанку, она поспешила удалиться обратно, потянув за собой рыцаря и закрыв за ним дверцы. «Если кто-то увидит нас вместе, ни мне, ни ему не будет сладко» — пронеслось в голове. Не осознав, что находится в полураздетом виде, Беллона посмотрела в щёлку, не заметил ли кто их столкновения и, убедившись, что всё в порядке начала разговор.

— Вы направлялись в восточное крыло, не так ли? — сознание медленно, но верно возвращалось к ней, хотя всё как-то беспорядочно вертелось, и она себя до конца не ощущала, сконцентрировав все силы на том, чтобы не сделать или не сказать чего лишнего. К тому же ещё нужно было быть внимательной, чтобы снова не пришла мадам Бланж или ещё кто, — куда вы шли?

— А вы не догадываетесь?

— Не нужно уклоняться, скажите сами, — Беллона злилась не на него, а на себя, на свою слабость и незнание, что делать.

— Хорошо. Я искал встречи с вами, и мой поиск оказался успешным. Судьба сделала мне невиданный подарок! — граф немного отстранился и провёл глазами по принцессе от ступней до головы.

Девушке показалось, что в этот момент она стоит на охапке хвороста и соломы, и их внезапно подожгли, причём так, что вспыхнувшее пламя моментально охватило всё её тело. Беллона вспомнила, что на ней есть, а точнее, чего на ней нет. И в таком позорном виде её видит мужчина! Она страшно засмушалась, несмотря на то, что знала о своей привлекательности. Но сейчас принцесса показалась себе недостаточно взрослой, чтобы не разочаровать такого зрелого мужчину.

— Отвернитесь сейчас же! И не смейте поворачиваться!

— Ладно, ладно, — послушался рыцарь, — ничего страшного не произошло, успокойтесь.

«Какой кошмар! Стыд! — Беллона чувствовала себя самой большой грешницей и распущенной девчонкой, — моя честь, несомненно, пострадала, что же делать? Рассказать маме? Отцу? Нет, это не решение проблемы, лучше, если об этом никто не узнает и не вспомнит».

— Ничего страшного?! Послушайте, сэр Аморвил, вы хоть понимаете, что вы творите?

— По-моему, ничего особенного. Кстати, можете называть меня по имени.

— Может, я вообще не собираюсь вас больше никак называть! После того, что только что случилось, нам лучше не видеться. Ничего особенного! Вы увидели принцессу Феира в таком виде и говорите, что это ничего особенного?

— Извините, не хотел задеть ваше самолюбие и имел в виду совсем не то, что вы подумали. Кстати, насчёт того, что нам лучше не видеться. Когда вы неистово потянули меня за собой, мне показалось, что вы думаете иначе, ваше высочество, — заметил граф.

«Да он надо мной насмехается! Я о нём же заботилась, а он делает такие упрёки! Но в его голосе совсем нет иронии, неужели я так выдала чувства, и он их заметил?». Беллона поводила вокруг глазами, благо, граф не видел её растерянности. «Лучшее, что можно сделать, как я уже не раз поняла, это сказать правду!».

— Да, я действительно буду не против ещё одной встречи. Возможно, я даже буду ей рада, но поймите положение, в которое вы меня вводите! Это просто неприлично!

— Не переживайте, об этом никто не узнает! По крайней мере, на моё молчание можете рассчитывать, вы мне верите?

— Вы доказали мне, что вам можно доверять, — принцесса вспомнила вчерашний обед и реакцию Дерека, который готов был её прикрывать, — надеюсь, вы и впредь меня не разочаруете.

— Приложу все усилия, чтобы оправдать возложенные на меня надежды, ваше высочество. Так, значит, мы договорились? Я могу навестить вас завтра снова?

— Боюсь, что нет...

— Вы всё ещё сомневаетесь в моей порядочности или считаете меня недостойным вашего внимания? Понимаю, я ведь простой придворный...

— Ничего вы не понимаете! В гробу я видела ваши титулы, и свои тоже, — сгоряча грубо оговорила Беллона, краснея ещё гуще от сорвавшихся слов, — мне никогда не нравилось это неписанное правило, что люди разных сословий не могут общаться на равных.

Дело совсем не в этом. Просто, завтра я уезжаю отсюда в столицу. Меня здесь не будет.

— Так, отмените поездку, какие вопросы?

— Это не моя инициатива, это приказ моего отца и я обязана ему повиноваться.

— Какие-то важные дела?

— Нет, всего лишь прогулка. Простая прогулка по городу, в котором я очень давно не была.

— Могу ли я сопровождать вас?

— Не скомпрометировав меня при этом? Такое невозможно. К тому же его величество позаботился уже и об этом. Он лично выбрал мне эскорт из людей, которым доверяет и которые кажутся ему самыми подходящими.

— Как долго продлится ваше отсутствие?

— Дня два. Дольше вдали от дома я не выдержу... — поймав себя на том, что говорит уже лишнее, и слишком разоткровенничалась с почти незнакомым человеком, Беллона плавно исправилась, — хотя со мной будут подруги, мы не заскучаем и найдём, как максимально интересно провести пару дней.

— Я найду способ, как пересечь наши пути.

— Это чистое безумие граф... Дерек.

Мужчина довольно улыбнулся, хотя у девушки не было возможности этого увидеть.

— Ваше высочество — безумие, это моё второе «я».

— Что ж, вам виднее, а сейчас мне нужно спешить к отцу, возможно, поездки и не будет.

— Возникли какие-то трудности?

Приняв непроницаемый вид и постаравшись произнести, как можно холоднее, принцесса выговорила:

— Дела нашего государства вас мало должны волновать.

— И всё же не советую идти к королю.

— Что?!

— У его кабинета, скорее всего, толкуются мои братья по ордену, а вы в таком виде... не хотел бы, чтобы кто-нибудь кроме меня увидел вас...

— Ах, вы!!!

Безумно хотелось отвесить отменную пощёчину, но в распоряжении был только затылок. Не найдя слов для своей яростной речи, Беллона развернулась и поспешила к себе в спальню. Как она только могла забыть, что на ней нет платья! Злоба иногда застилает глаза и отказывает в способности трезво мыслить. Уже на подходе к своему гардеробу, принцесса пожалела ещё об одном. Как она могла так быстро покинуть Дерек? Да что же такое, опять она не знает, как лучше было поступить! Уйти нужно было вообще сразу, но сердце говорит, что можно было бы поговорить ещё немного. «Что я только там несла! Какие глупые слова... а это — «в гробу я видела», что за ерунда, так не выражаются высочества Феира. Нам непременно нужно ещё повидаться и тогда я смогу исправить положение, если буду в надлежащем виде».

— Яна, пойді сюда!

Из соседней маленькой комнатки вышла служанка.

— Пожалуйста, помоги мне как можно скорее одеться, принеси платье, любое, не слишком нарядное, но и не очень простое.

— Слушаюсь, ваше высочество.

Беллона принялась расчёсывать волосы и чтобы не возиться с ними, убрала их в обычный хвост, перевязав зелёной лентой. Через короткое время, принцесса, повторяя маршрут, снова спешила к венценосному отцу. Переубедить его в решении было первой проблемой. Хотя граф Аморвил и обещал, даже если она уедет, встретиться с ней, Беллона сомневалась, что он станет так напрягать себя ради одного разговора. Только разговора... а что если Габи была права, и он хочет нечто большее? Но что? Какие глупости, разумеется, Дерек просто хочет видеть её, причём, как можно чаще. Может, стоит проверить его этим отъездом? К сожалению, подозрения закрались слишком поздно, когда девушка уже постучала в кабинет короля. «Ну, зачем я это делаю? Наверное, надо бы съездить, но всё-таки поговорю с папой».

Дверь открыл первый советник короля. Согнувшись в поклоне, он пропустил принцессу в комнату.

— Ваше величество, к вам её высочество...

— Я вижу. Дочка! Я безумно рад, что ты навестила меня, чем обязан такой чести? — король, как всегда, разговаривал в шутовском тоне.

— Я хотела поговорить с тобой.

— Конечно, всегда, пожалуйста, только я немного занят...

— Правда? Ну, тогда я зайду в другой раз, — Беллона обрадовалась тому, что всё решено за неё. Отец занят, стало быть, спрашивать ни о чём не надо, да и нет возможности. Девушка развернулась в сторону выхода.

— Погоди, погоди. Что за спешка? Вся в деда, всё у него было на бегу. Никогда ничего толком не объяснял и не делал. Стенли, будь другом, оставь нас. Когда ещё по-семейному посижу со своей девочкой?

— Папа, но у тебя же дела?

— Не столь важные. Обычные рядовые дела. Присаживайся. Стенли, скажи Эдварду, чтобы принёс чего-нибудь выпить и немного перекусить. До обеда ведь ещё долго. И отпусти секретаря, пусть возвращается, когда я за ним пришлю.

Фиерман вышел через боковую дверь. Беллона безысходно посмотрела ему в спину и села напротив Робина Третьего.

— Давай, рассказывай, что тебя привело ко мне? Или тебя снова послала мадам Бланж, оправдаться за какой-нибудь пустячный проступок?

— Нет, я сама решила прийти.

— Рад вдвойне. Как твоя нога?

— Уже значительно лучше, я как раз и хотела поговорить по этому поводу...

Король внимательно, не перебивая, слушал.

— Я знаю, врач советовал мне больше ходить, двигаться, но... Мне сказали, что ты отправляешь меня в Риджейсити?

— Да, это так, решил развлечь тебя немного, тем более, раз тебе это полезно. Так что там про врача?

— Мне кажется, что не стоит отправлять меня в город.

— Это почему же?

— Ну, мне очень неудобно ходить, к тому же, зачем столько хлопот? Я и здесь могу найти занятия по душе. Если ты разрешишь мне ездить на лошадях из своей конюшни, то я могу двигаться и в седле... ты ведь, наверное, уже знаешь, что Фиалка, моя добрая верная кобыла, поранилась о гвоздь в стойле, и ей нужно немного отдохнуть и подлечиться.

— Да, я уже отдал соответствующие распоряжения, чтобы тебе дали смиренного коня.

— Ой, папа, спасибо!

— Но! Но только после того, как ты вернёшься. Ведь подлечиться нужно не только твоей кобыле, — засмеялся Робин, — дочь у меня всего одна, и я буду о ней заботиться.

— Поверь мне, я и без заботы обо мне через пару деньков забегаяю и запрыгаю!

— Не знаю, не знаю. Лучше перестраховаться. И, между прочим, принцессам не пристало бегать и прыгать, они должны быть элегантны и грациозны.

— Хорошо, я образно выразилась. Так, может, отменишь поездку?

— Ни за что не стану этого делать! Объясню почему. Должен тебе сказать, что эти наши гости...

У Беллоны дыхание перехватило. Он обо всём знает! Кошмар!

— Ты говоришь о рыцарях?.. — чуть дрожа, спросила девушка.

— О них самых. Так вот, они не внушают мне доверия и не вызывают тёплых чувств. Я слышал, что некоторые из них пользуются нехорошей славой.

— Это тебе насплетничали злые языки! Всё из-за того, что они с Олтерна.

— Не спорю, этот факт тоже мне не нравится, потому что наши орденосцы, с Феира, как-то благороднее, и выглядят приятнее.

— Вот я и говорю, у тебя просто плохие ассоциации с их родиной.

— Что бы там ни было, я хочу избавить тебя от их общества. Не хочу, чтобы ты как-то с ними сталкивалась. Как-никак, а они светские, а не военные рыцари, поэтому и манеры у них соответствующие. Пока езжай, а когда они удалятся, тогда и вернёшься.

— Что?! Так моя поездка не кратковременна?

— Нет, я только сейчас решил, что, пожалуй, тебе будет лучше задержаться в городе.

— Папа, но это же будет некрасиво выглядеть. Подумай сам, стоило им приехать и дочь короля увезли. Пойдут недобрые слухи. Избавь нас от них! Давай я вернусь, как и было запланировано, через два дня? — Беллона уже была согласна и на эту отлучку, лишь бы её не увезли на всё время пребывания Дерека здесь.

— А ты в чём-то права...если всё сделать, как хотел я, непременно эти олтернцы наделают конфликт, а то и, чего доброго, будут трепать у себя на родине, что принцессу прячут, потому что с ней что-то не так или она какая ненормальная.

— Вот именно! — Беллона была уверена, что никто из девяти рыцарей не скажет о ней ничего отрицательного, однако поддакивала отцу, чтобы тот передумал.

— Что ж, вот мы и пришли к согласию. Ты поедешь на два дня, а на третий вернёшься, довольна?

— Несказанно, — улыбнулась принцесса, не зная, выиграла она от такого компромисса или проиграла?

— Славно. Ты знаешь, а у тебя со мной всё-таки много общего. Хоть и говорят, что ты больше пошла в мать, но это только внешнее сходство. В тебе моя кровь, кровь Карлеалей.

— Из чего ты сделал такой вывод?

— В тебе живёт бунтарский дух, настоящий интерес к жизни. Любопытство и желание новизны, правда?

— Бывает, порой я ощущаю что-то такое...

— Ты ведь не хотела ехать из-за рыцарей, так?

Беллона зарделась. Так отец просто играл с ней! Он всё знал, знал с самого начала, все подробности, все её проделки и проказы. Но если так, то почему он так спокоен и не

гневаются? Когда девушка, наконец, решилась поднять на него глаза, то не увидела на его лице и тени из того, что напридумывала. Нет, он не в курсе, просто догадался о её симпатии.

— По мне так заметно, что я хочу пообщаться с новыми людьми?

— Дочка, да весь твой вид кричит об этом! Я тоже в юности не умел скрывать мысли, и выставлял напоказ всё, что творилось внутри. Но благоразумие взяло над тобой верх, и ты перестала со мной спорить, это замечательно. В отличие от своего брата, ты умеешь вовремя остановиться. Да, должен признать свою вину, что я не даю тебе нормально общаться с окружающими, но у тебя впереди ещё много времени для этого, а сейчас я это делаю для твоей же пользы.

— Не сомневаюсь, папа, поэтому больше не буду оспаривать твои решения. Тогда я пойду?

— Как, не останешься выпить со мной чаю?

— Спасибо, но нет, — Беллона слегка присела в реверансе и вышла в коридор. «Если я буду продолжать так ярко отстаивать свои интересы, доходя до пререканий с отцом, то весь двор будет знать о моих чувствах к Дереку. В этом нет ничего постыдного, однако, пусть лучше это останется тайной».

Принцесса не успела ещё далеко отойти от кабинета короля, как перед ней снова появилась Алиса Тревор. Её сопровождал молодой человек приятной наружности. Он был очень высок — выше Беллоны больше чем на голову, а девушка никогда не считалась сама маленькой. Почти одновременно с тем, как принцесса подумала, что это сын графини, та заговорила.

— Белл, разреши познакомить тебя с моим мальчиком. Бернардо, познакомься — это её высочество, Беллона — это Бернардо, виконт Тревор.

— Очень приятно...я... — раздалось с обеих сторон, от чего оба смутились, потому что перебили друг друга.

— Извините, ваше высочество.

— Ничего страшного, — принцесса только сейчас сообразила, что часто видела этого юношу при дворе и даже когда-то слышала о том, что это сын графини. Но как-то это вылетело из головы. К тому же лично она общалась с ним действительно впервые.

Бернардо держался сдержанно и строго, хотя в нём еле-еле ощущалась неловкость. Строгая и элегантная одежда подчёркивала бледность кожи, которая, однако, не портила общего приятного впечатления. Особенно хорошо смотрелись умные, глубокие синие глаза, опущенные длинными, по-девичьи загнутыми ресницами, резко выделявшиеся на лице. Тонкие черты, серьёзный лоб, красивый ровный нос — всё выдавало в нём знатного дворянина самого благородного происхождения. На чувственных руках был виден всего один перстень, странность для моды королевского двора, понравившаяся Беллоне, которой надоедали увешанные в драгоценности друзья принца, да и он сам. Девушка считала это немужественным, хотя Бернардо с виду тоже трудно было назвать примером мужества.

— Что ж, оставлю вас немного поболтать, королева меня уже заждалась, — сказала графиня и удалилась.

— Ваша матушка очень любезна, — сыронизировала Беллона, — я почти никогда не общалась с молодыми людьми, а она оставила меня с одним из них один на один.

— Понимаю вас, ваше высочество. Я сам не однажды оказывался в незнакомом окружении, или с людьми, которых не понимал я, или они не понимали меня. Но, прошу вас, можете меня не стесняться, а то я сам начну краснеть и запинаться, — Бернардо деланно

опустил глаза и затеребил рукава. Принцесса засмеялась.

— Вы очень милый, не поверите, но я никогда не чувствовала себя так спокойно и раскованно с человеком, с которым так мало знакома. Буквально с первых же слов!

— Ну почему же, охотно верю, перед моим обаянием трудно устоять, — пошутил виконт. «А без матери он ведёт себя гораздо проще, — оценила Беллона, — что ж, может быть, мы и станем друзьями».

— И где вы только ему научились?

— О, это определённо природное дарование. Хотя я немало перенял у отца и его коллег — консулов и дипломатов.

— Да, эти люди точно могут войти в доверие к кому угодно и добиться чего угодно.

— На то они и дипломаты.

— У вас среди них много знакомых?

— Не только среди них. Я ведь являюсь членом делегации консульства Феира, и по службе приходится быть всегда и везде к месту.

— Это, скорее всего, невероятно трудно?

— Мне нравится моё занятие. Что может быть лучше и достойнее для будущего графа, как не служение своему государству?

— Вы правы, это самое уважаемое дело. Вы преданный поданный.

— Не думайте обо мне слишком хорошо! Не такой уж я примерный слуга его величества. Мне и самому доставляет удовольствие делать что-то хорошее так, чтобы врагам Феира было плохо.

— Вы ещё и коварный?

— А как же без этого? Добрым можно быть только среди ангелов — среди людей всегда нужно быть осторожным.

— Бернардо, когда вы успели стать философом в столь молодом возрасте? К тому же таким хитрым и изобретательным.

— Все эти качества я использую исключительно для дела. Сейчас я могу расслабиться и быть добрым, потому что рядом со мной — настоящий ангел.

— Вы тоже сильно преувеличиваете мои заслуги. Расскажите мне о том, что вы повидали в мире? Что вам понравилось, а что нет? И, если не против, давайте заодно продвигаться в сторону моих покоев, мне нужно будет скоро быть у себя, до обеда у меня ещё есть кое-какие дела.

Виконт и принцесса медленно, прогулочным шагом направились в восточное крыло, при этом мило беседуя. Беллона часто смеялась и всё больше проникалась симпатией к этому юноше, такому серьёзному, и одновременно с этим, забавному. Такому надёжному и немного женственному.

Когда путь закончился, девушка с досадой вздохнула, разочарованно посмотрела на двери в свою прихожую и пожалала руку сыну графини Тревор.

— Большое спасибо за то, что сопроводили меня и развлекли интересными историями и случаями из вашей жизни. Как бы мне ни хотелось остаться и ещё поговорить с вами, Бернардо, но мадам Бланж всё равно быстро примчится и прогонит вас подальше отсюда.

— Тогда, я думаю, мне нужно скорее скрыться, чтобы не навлечь на себя гнев этой горгоны. Но если она появится, я притворюсь камнем, и она не станет напускать на меня свои чары.

— Вам повезло, что она этого не слышит!

— Ваше высочество, я видал нечто и пострашнее, чем ваша наставница, — оба от души засмеялись.

Их прощание прервала появившаяся из-за угла Мария. В дорожной накидке, она выглядела обеспокоенной и взволнованной. Увидев принцессу, она тут же побежала к ней. Та в свою очередь кинулась навстречу.

— Мари! Ты приехала! Как я рада, ты так вовремя! Мне столько нужно тебе рассказать!

— Мне тоже нужно о многом поговорить с тобой.

Заметив неважное настроение подруги, Беллона спросила потише:

— Что-то стряслось?

— Да, я была у Габриэль и теперь хочу услышать всё от тебя, как так получилось... — наконец обратив внимание на юношу, эрцгерцогиня осеклась. — Берни? Что ты тут делаешь?

Принцесса удивилась тому, что Мария знает виконта. И не просто знает — судя по тому, как она к нему обратилась, они были хорошо знакомы.

— Мари, а я хотела вас представить друг другу...откуда вы знакомы?

— Ну, у меня же немного больше свободы, чем у тебя, вот мне и приходилось сталкиваться с ним во дворце.

— Причём довольно-таки часто, — заметил Бернардо.

— Тогда я рада, что вы уже общаетесь, и мне не придётся быть связующим звеном между вами.

— Что ты хочешь этим сказать? Белл, объясни.

— Я хочу сказать, что нам предстоит провести в обществе виконта пару дней.

— Как, он едет с нами? Берни, это правда?

— Да...прелестная Мари.

— Так и поездка — это тоже правда?

— А разве Габи тебе всё не рассказала? Странно, это на неё не похоже, — изумилась Беллона.

— Да нет! Она мне всё рассказала, но она и сказала, что ты пошла к его величеству...

— Мне кажется, я уже лишняя, разрешите откланяться! Ваше высочество, до завтра, польщён честью сопровождать вас.

— До встречи! Очень рада, что именно вы будете рядом со мной в отлучке. Признаться, когда познакомилась с вами поближе, даже обрадовалась, что уезжаю.

Молодой человек ушёл, а подруги, взявшись за руки, направились в спальню её высочества, чтобы поделиться всем, что другая ещё не знает. Девушки провели в комнате совсем немного времени, после чего мадам Бланж проводила Беллону на обед, оставив Мари со словами: «Его величество не велел вам присутствовать на обеде». Так происходило всегда, когда в замке появлялся кто-то издалека. Незаконнорожденной не разрешалось порочить имя Карлеалей при посторонних своим присутствием. Мария приняла распоряжение без обиды, очень спокойно и привычно.

Глава 14. "Отъезд"

После обеда, на котором, к величайшему расстройству Беллоны, не присутствовал граф Аморвил, она и Габриэль поспешили в комнату эрцгерцогини, чтобы втроём, более подробно, всё обсудить и спланировать ещё раз. Принцесса расстраивалась и переживала, Мария успокаивала и говорила, что решения судьбы нужно принимать, как должное, виконтесса фантазировала, мечтала и предвкушала ждущие их приключения. А не расстраивалась она по следующей причине — в эскорт девушек, помимо гувернантки Беллоны, виконта Тренора и слуг с охраной, включили маркиза о'Лермона. Этот факт так радовал будущую графиню Леонверден, что та почти не замечала грусти младшей подруги. Если бы она знала, что он ехал исключительно ради её высочества, её счастье было бы менее ярким. Хотя она, несомненно, об этом догадывалась, но неуверен — не говори! Вот в таких разных настроениях девушки разошлись поздно вечером, каждая со своими мыслями, и своим мнением.

Наступившее утро принесло кому облегчение, кому напряжение. Вставшие около шести утра, через тридцать минут все уже были готовы. Задержка означала бы, что им придётся терпеть жару полудня в дороге, поэтому, чем раньше был выезд — тем приятнее было передвижение. Несмотря на то, что лето ещё толком и не наступило, и были всего лишь последние дни мая, воздух быстро накалялся и не облегчал этим дыхание. Днём температура достигала даже тридцати пяти градусов! Иногда спасал ветерок с севера, но сегодня и он подвёл путников, исчезнув в никуда. Мадам Бланж верещала, что это к грозе и с ней соглашались все горничные.

Два экипажа стояли наготове. Первый — по-царски украшенный и вычищенный, с гербами на дверцах, золотыми гравюрами нимф и животных. В упряжке красовалась прекрасная квадрига из породистых, отличных скакунов одной масти, на них виднелись султаны, вышитые чепраки, богатые украшения и золотые колокольчики, издававшие такой мелодичный звон, будто в карете, которую они везли, ехала волшебница из сказочной страны. Два лакея соответствовали всей пышности — они были экипированы в монаршие цвета, голубой с золотом. Второй был попроще, он принадлежал виконту Тревору, однако сам он ехал верхом, предоставив экипаж служанкам принцессы и её фрейлин.

Встать и проводить Беллону в столицу не поленились в это раннее утро никто, даже Матильда фон Даберлэф, которая про себя ухмылялась над тем, что ей не придётся терпеть общество принцессы. Кстати, она не ехала только потому, что буквально за десять минут до описываемого момента, принцесса слёзно просила у отца не посылать с ней ни молодую баронессу, ни врача для постоянного присмотра. И спор на этот раз был выигран дочерью, сумевшей переубедить венценосного родителя.

Но для сознания принцессы, победа так и осталась за Матильдой, потому что та стояла неподалёку от рыцарей, обозначив этим то, что она остаётся здесь, с ними, в их обществе, тогда как Беллона уезжает. Барон Ван Стройер уже сейчас не обращал внимания ни на кого, кроме дочери баронессы, что же было говорить о том, что будет, когда она останется единственной молодой девушкой при дворе? Густаво ля Мерлоут тоже немногим ушёл от поведения Августина.

Беллона заметила Дерека, который провожал маркиза. Мужчины о чём-то

переговаривались, пытаюсь, как можно незаметнее друг для друга, посмотреть в сторону уезжающих юных леди. Габриэль нарядилась не к случаю богато, совсем не по-дорожному, чем вызвала негодование мадам Бланж и Марии. На их придирки она передёрнула плечами и продолжала важно расхаживать по двору, не участвуя во всеобщей суматохе. Беллона не могла не улыбнуться этому детскому способу привлечь к себе внимание и даже почерпнула оптимизм своей подруги, решив постараться быть такой же непосредственной, хотя за виконтессой в этом деле угнаться просто невозможно! Королева подошла дать дочери последние напутствия.

— Белл, я никогда раньше тебя одну никуда не отпускала...

— Но я и не буду одна! Посмотри, сколько со мной едет людей. Даже моя любимая гувернантка.

— Прошу тебя, не обижай мадам Гермию, она уже далеко не молода, чтобы терпеть твои и Габриэль выходки. И больше слушай Марию, она умная девочка.

— Я знаю, мама, не беспокойся так, всё будет в порядке.

К жене присоединился и король.

— Не поддавайся на провокации Габи. Она милая, но ей не мешало бы быть более покладистой и менее авантюрной.

— Но именно из-за этого она всем так нравится! И тебе, папа, в том числе!

— Людям свойственно симпатизировать порокам, но это не значит, что добродетель хуже! — Робин развернулся в сторону той, о которой шла речь, — Габи, прошу тебя, не доставляй много хлопот правоохранителям Риджейсити, твои родители не в том возрасте, чтобы пережить какую-нибудь очередную твою проделку!

Граф Гордений укоризненно покосился на дочь, но всё равно не смог перебороть нежность, каждый раз загоравшую в его глазах при взгляде на свою единственную наследницу. Это создание было отрадой всей его жизни, и он не мог её ругать, даже если бы этим рассердил его величество. Габриэль, всегда этим пользовавшаяся, снова не приняла близко к сердцу замечания, продолжая расхаживать, как ни в чём не бывало.

Король продолжал.

— А вы, мой дорогой Бернардо, отвечаете головой за всю поездку и за всех её участников, а, особенно, участниц. Вы прекрасно знаете, почему именно вас я выбрал для столь важного задания, и жду от вас исполнения моих ожиданий.

— Разумеется, ваше величество. Слово чести, вы не пожалеете, что доверились мне.

— Молитесь об этом, мой друг.

— Боюсь, для молитв мне не хватит времени, так как я буду присматривать за принцессой.

Робин Третий похлопал юношу по плечу и, извинившись перед присутствующими, удалился, сославшись на неотложные дела. После этого появился принц.

— О, кажется, я успел, ну надо же, чуть не опоздал! Речи уже произнесли? Гимны спели? Нет? Тогда сейчас я всё организую!

— Робин! — гневно прикрикнула королева, — подойди ко мне. Хватит беситься, как малолетка! — последнюю фразу она сказала сквозь зубы, чтобы никто, кроме того, кому она предназначалась, не смог её услышать, — хватит высмеивать всё и выставять нас на посмешище!

— Это я выставяю на посмешище? Да побойтесь Бога, матушка! Вы тут устраиваете театральное представление из отъезда Белл, а мне что-то вменяете в вину. Честное слово, тут

есть над чем посмеяться.

— И всё же, я приказываю прекратить тебе этот фарс! Белл не такая, как ты, и для неё эта поездка — не рядовое событие, а нечто важное, поэтому будь так добр, прими надлежащий вид и проводи сестру вместе со всеми.

Принц скучающе закатил глаза, покачал головой и направился к принцессе. Подойдя к ней, он расцеловал в обе щеки Марию, Габи и, наконец, её саму.

— Удачно тебе доехать, сестрёнка. С приключениями, но без такого финала, как предыдущее.

— Тише ты! Огромное спасибо за пожелание, однако, я предпочитаю спокойно и быстро добраться до места.

— И ещё быстрее вернуться обратно... — съехидничал брат.

— Ты прав, но попрошу тебя не распространяться обо всём, что тебе известно.

— Ну, ты прямо уже как взрослая интриганка! А о распространении не плохая идея, пожалуй вышлю в столицу срочного курьера с листовками о твоих злоключениях, ты как, не против?

— Перестань, а то я тебя сейчас больно пну.

Молодой человек, задрав голову, заулыбался и отошёл. Поцеловав в щёки всех служанок, которые должны были сопровождать принцессу, он остановился.

— Берни, мадам Гермия, извините, с вами уж целоваться не буду, боюсь скомпрометировать вас своей недоброй репутацией.

Рыцари дружно развеселились, а королева с фрейлинами, выведенная из себя, фыркнула и ушла прочь. На этом все восемь женщин и девушек заняли места в экипажах, а мужчины сели на коней. Маркиз о'Лермон поехал чуть впереди, виконт Тревор параллельно карете её высочества, а отряд из гвардейцев, который он возглавлял, разбился по парам и окружил путешественников. Ворота отворились, перекидной мост, откинувшись, упал, стукнувшись о противоположный берег. Кавалькада пересекла его, расположившись на широкой дороге и начала путь. Нужно заметить, что ров, который отделял замок от главной дороги, в отличие от привычного, кругового, имел дугообразную форму и служил защитой от нежелательных вторжений только с южной и немного с восточной стороны. Как уже упоминалось ранее, с запада это было ненужно из-за непроходимого леса, по которому трудно было пробраться большому количеству людей и тропой, которая проходила через него, пользовались только компании, не превышавшие десять-пятнадцать всадников. С севера же были болота ещё непроходимей, через которые и одинокий путник не имел возможности перебраться.

Беллона ехала в карете, слушая шуточки Габи, которая смогла развлечь всех, даже гувернантку, чем отвлекла женщину от причитаний о невыносимом укачивании. Девушки переглядывались, молча отмечая, что четыре дня назад, в другой карете, принадлежащей Мартину Бенку, они ехали по дороге хуже этой, и тряска была сильнее, но, к счастью, ни одна из них не страдала морской болезнью, в отличие от мадам Бланж.

Потом беседу возглавила Мария, упоминая об интересных случаях, которые происходили у неё в институте. Она так же рассказывала о городе, в который они должны были сегодня прибыть, так как единственная из присутствующих была его уроженкой, воспитанницей, и, почти постоянной, жительницей. Габи не любила такие познавательные рассказы, поэтому отдернула маленькую занавеску на окошке, сквозь которое обычно обращались к кучеру, в случае надобности. Но она не собиралась к нему обращаться, а напротив, пытаясь не замечать его, сквозь его спину, старалась разглядеть маркиза Сержио,

что было совсем непросто.

— Мы обязательно должны будем навестить хоть один театр! — тем временем повествовала эрцгерцогиня, — основных в столице три — они самые роскошные, шикарные. В них играют талантливейшие актёры нашего поколения; комедианты, трагики, романтические герои. Белл, у тебя дух захватит, когда ты посетишь хоть один спектакль. Обедать мы обязательно пойдём в тот же ресторан, который посещает твой отец, в «Золотое небо». Там собираются самые-самые.

— Мария, девочка, не забивай нам голову одними развлечениями, — пожурила мадам Бланж, — в городе, скорее всего, есть места и посерьёзнее, например музеи?

— Вы правы, их там немало. Музей старинных искусств, современного творчества, выставка прославленных мастеров скульптуры и художеств. В нём находится одна скульптура; говорят, что это изображение матери Робина Первого, но в это трудно поверить, ведь во времена революции уничтожилось всё, связанное с королевским домом.

— А ты её видела, Мари? — оживилась принцесса.

— Да, очень тонкая работа. И женщина изображена очень красивая, кем бы она ни была. Ещё есть музей других государств. Там выставлено всё, что привезено с других планет.

— А с Олтерна там что-нибудь есть? — ещё больше заинтересовалась Беллона, чем вызвала недоумение у своей наставницы.

— Конечно, ему отведено отдельное крыло здания, хотя оно и не пользуется особым успехом, мы же все знаем, как не любят на Феире представителей этого государства и всего, что к нему относится, даже произведения искусства.

— Неужели там нет ничего настолько интересного, чтобы оно могло перебороть неприязнь к олтернцам?

— Не знаю, кому как. Самая известная картина — это семейный портрет Стеллы Нордмунской и Элиоса Второго, возле неё всегда кто-нибудь, да топчется.

— Хотелось бы взглянуть... — прошептала Беллона. Стараясь преодолеть брезгливость к такому историческому персонажу, как родная прапрабабка, девушка невольно начала им интересоваться. Как она выглядела? Нет, Беллона видела её портреты, но сейчас хотелось увидеть ещё больше, чтобы осталось более целостное впечатление. Несомненно, это была обворожительная женщина, даже на самых поздних её изображениях, где ей было за сорок, она не уступила бы ни одной юной деве в расцвете красоты. «Я не должна любопытствовать по её поводу. Недаром Мария как-то говорила, что человек, которым ты интересуешься, рано или поздно становится твоим примером для подражания. А я ни в коей мере не хочу соответствовать Стелле! А что нужно делать, чтобы не стать похожим на кого-либо? Правильно, совершать противоположные его поступкам, свои». Эрцгерцогиня тем временем перешла на описание всего, что виднелось за окном. Дорога стала ещё шире, чем прежде. По обе стороны от неё виднелись поля, слева — бескрайние, справа — заканчивающиеся лесом. Местность была ровная, без единого холмика, и на этих равнинах раскидывались живописные деревушки, деревянные, с низкими крышами, маленькими окошками, пристроенными сараюшками, огородами за плетёными изгородями. Надобность в высоких заборах отпала после того, как Робин Третий, ныне правящий король, вступил на престол и усилил охрану территории своими войсками, которые успешно патрулировали огромные площади земель, удачно расправляясь с разбойниками и шайками грабителей, которых близ дворца на много километров уже практически невозможно было встретить. Да и во всём государстве это была редкость. Последней проблемой короля пока оставались морские

разбойники — пираты, жалобы на которых прибывали постоянно, на их бесчинства, жестокости и нападения на прибрежные города. Но всё это не могло беспокоить принцессу, её фрейлин и слуг, так как они были слишком далеко даже от самого близкого моря, а их охрана из восьми гвардейцев являлась скорее данью королевскому величию и доказательством того, насколько монархи выше простого народа, чтобы тот никогда не забывал о разнице. Беллона бы отказалась от военного сопровождения, но не хотелось снова и снова вступать в конфликт с отцом.

Показался поворот налево. Дорога уходила почти до горизонта, разделяя очередное поселение от вспаханных полей. Габи оторвалась на мгновение от своего пункта наблюдения, увидев мельницу. Она была не такая милая и прелестная, как ветряные, но всё-таки заинтересовала виконтессу, которая вообще любила разнообразие, а не монотонный вид полей и домишек, домишек и полей. К тому же ветряная мельница здесь была совсем ни к чему, потому что эти места редко продувались хорошим ветром. Северный приносил вместе с прохладой ещё и неприятный запах сырости и затхлости с болот, а западный был не очень сильным, хотя и значительно более частым. Принцесса достала блокнот и карандаш.

— Ваше высочество, что вы собираетесь делать? — спросила мадам Гермия.

— Я не так часто вижу что-то новое и испытываю свежие эмоции, поэтому хочу записать всё увиденное и впечатления от него, чтобы потом, когда заскучаю, перечитывать и вспоминать.

— Неплохой способ развлечься, — заметила Габриэль, — однако я не люблю читать, поэтому мне это не пригодилось бы.

Девушка снова посмотрела на маркиза, с которым поравнялся Бернардо Тревор, и теперь оба юноши вели такую же оживлённую беседу, как и та, которая велась в экипаже. Габи жалела, что она обременена обязанностями будущей придворной дамы и не может скакать верхом третьей в мужской компании. Если бы не эти глупые условности этикета... Она бы делала всё так же, как у себя в Леонвердене, где она была полноправной хозяйкой. Там не такие строгости. Как там чудно! В провинциальных традициях и манерах есть свои прелести. И Сильвио более раскованный, чем рыцари и высокосветские дворяне. Виконтесса поймала себя на мысли, что думает о чём-то не том. Зачем рассуждать о том, что где-то в прошлом? Лучше решить, что делать сейчас. Больше Габриэль не отвлекалась от мечтаний о маркизе. Хотя где-то в подсознании осталась скука, навеянная дворцовой жизнью и тоска о доме...

Беллона же представляла свой въезд в город. Она не была в нём три, нет, четыре года! Как её там встретят? Да и встретят ли вообще? Король хотел послать герольдов, чтобы они предупредили горожан о приезде принцессы и те приготовили ей торжественное появление, но девушка наотрез отказалась от таких мер, решив, что мнение о себе должна заслужить какими-то действиями, а не баснями, сочинёнными придворными поэтами, которые вполне могут не совпасть с реальностью. А ведь эти люди — и её подданные тоже, и она не должна их разочаровывать. Хватает уже и того, что о принце начинают ходить нелепые слухи, которые частично достигли и ушей Беллоны. Если теперь и его сестра окажется столь же легкомысленной, то это будет вдвойне неприятно.

После часа пути, завиднелись пролески. Поля остались позади, а дорога медленно изгибалась вправо, оставляя слева небольшую холмистость, слегка затенённую деревьями. Среди них виднелись хутора, из пяти-шести домов. Принцесса начала смутно вспоминать свою давнишнюю поездку в Риджейсити. Она была осенью, и поэтому пейзаж был тогда

ярче и разнообразней, в своих жёлтых и алых красках. Некоторое время спустя, минув пару поворотов, кавалькада начала притормаживать и, в конце концов, остановилась у постоянного двора. Дверцу экипажа перед Беллоной распахнул виконт Тревор, предложив свою руку, для спуска из него.

— Ваше высочество, предлагаю вам немного размяться, так как нам предстоит проехать ещё около двух часов. Может, немного меньше.

Вслед за принцессой высыпались из кареты все остальные девушки, а последней — мадам Бланж, которая с удовольствием поставила ноги на твёрдую землю. Расправив юбки, она отошла в тень подышать лесным воздухом. Виконт направился внутрь двухэтажного здания. Оно стояло на капитальном каменном фундаменте, а само было бревенчатым, с живописным крыльцом и окнами, украшенными резными дощечками. От него исходил приятный запах, какой-то странной смеси парфюмерии и съестного. Кроме двух только что примостившихся экипажей, во дворе стояли загнанными ещё два. В стойле топтались сменные лошади, несколько были свежими и бодрыми, а другие отдыхали, уставшие от езды. Беллона поняла, что это место довольно многолюдное и проходное, недаром они как можно скорее в прошлый раз пытались его обойти.

В дверном проёме показался Бернардо, жестом приглашая всех леди пройти внутрь. Они не спеша проследовали за ним. Приняв свой обычный, спокойный вид, Беллона вошла в помещение, за одним из столов которого её уже ждали подруги, вошедшие вперёд, чтобы не привлекать к принцессе лишнего внимания видом свиты. Остальные столы занимали какие-то знатные люди. Мужчины и женщины — по-видимому, дворяне — которые так же остановились здесь передохнуть и перекусить. Они поглядывали на прибывших, кто откровенно, кто менее заметно. Разумеется, все поняли, что это её высочество Феирская.

Беллона почувствовала себя неуютно, даже неприятно. Она не привыкла к такому количеству внимания, но ей приходилось к нему привыкать. Ведь пятнадцать-двадцать человек максимально вежливых персон, это ерунда, по сравнению с тем, что её ждёт по приезду в Риджейсити. Толпы народа, людские массы, глазающие, что-то кричащие, тянущиеся, да кто знает, что ещё делающие! Принцесса слегка поёжилась, но постаралась перевести мысли на другое. Бернардо, заметив растерянность своей подопечной, которую она тщательно старалась скрыть, сразу же понял, что есть и отдохнуть у Беллоны в таких условиях, не получится. Он взял её под руку и повёл на второй этаж, в отгороженную кабинку, где никто не мешал, и было очень тихо. Маленькое открытое окошко смотрело в лес.

— Спасибо, Бернардо, я вам очень признательна. Мне было непривычно чувствовать на себе взгляды стольких чужих людей.

— Не за что. Но знайте, что эти люди вам не чужие, они — ваши подданные. И если вы не будете делить с ними всё и вся своей жизни, они будут разочарованы и возмущены. Поэтому для начала можете уходить от этого любопытства, но позже, лучше наоборот стараться показываться как можно больше в обществе.

— А вдруг я сделаю что-нибудь не то? Невозможно всегда находится на всеобщем обозрении, и ни разу не ошибиться!

— Это и есть монаршая доля — уметь и делать невозможное.

Виконт удалился, оставив Беллону подумать над сказанным и над ожидающей её судьбой. «Я не выдержу этого, не выдержу всегда следить за собой, думать о каждом жесте, о каждом шаге... пусть Робин думает, что каждое действие коронованной особы — это что-то

идеальное и непререкаемое, а я знаю, что я обычный человек, наделённый волей судьбы определёнными правами и обязанностями. Но если бы всё зависело от меня, я бы с радостью поменялась местами с Габриэль, или Марией. Они такие счастливые!» Принцесса удручённо вздохнула и посмотрела на небо в распахнутом окне; светлое, ясное, с безграничным простором. Меланхоличные мысли Беллоны прервал грубый мужской голос внизу, раздавшийся под окном внезапно, поэтому девушка не поняла, что именно он произнёс. Потом раздался второй голос, тоже мужской, но более тихий, почти шепчущий. Первый тоже стих, но даже по интонации было слышно, что он еле себя сдерживал, чтобы снова не взорваться. Любопытство, по природе свойственное принцессе, хоть она его и хорошо умела скрывать, на этот раз взяло верх, и она осторожно посмотрела, что же происходит за стенами таверны. Не желая быть замеченной, она слегка выглянула из-за шторки и, к своему изумлению, не то радостному, не то возмущённому, негодующему, обнаружила Дерека, который стоял спиной к лесу и разговаривал с кем-то, кого нельзя было увидеть, не высунувшись буквально по пояс, так как его собеседник стоял у самой стены. Растерянная и ошеломлённая, Беллона некоторое время наблюдала за графом, не зная, что и думать. Не мог же он ехать следом за ней? Это было бы крайним безумием, грозящим не только её репутации, но и его общественному положению. Тогда что он забыл здесь? Приехал на встречу с кем-то? Нет, ерунда, у него здесь нет никаких дел, кроме как относящихся к ордену, ведь он, вроде как, первый раз на Феире, стало быть, и встречаться не с кем. Вконец запутавшись и заинтересовавшись странной ситуацией, принцесса решила выйти и лично спросить всё у Дерека. Выскользнув из кабинки, она медленно, как можно более безмятежно, спустилась по лестнице и столкнулась с Бернардо, в сопровождении официанта.

— Ваше высочество, что-то не так?

— Нет-нет, всё замечательно, просто я решила подышать воздухом.

— А разве... — виконт многозначительно взглянул на второй этаж, где было достаточно прохладно и вполне свежо — Ах, ну да, конечно! Возвращайтесь скорее, а то прохладительные напитки нагреются, и их будет неприятно пить.

Беллона, благословляющая про себя доверчивость её нового знакомого, покинула помещение и торопливо направилась на задворки, где шёл разгорячённый спор графа и ещё кого-то. Шагнув за угол, принцесса нашла мужчин схватившимися за шпаги. Вторым оказался маркиз о'Лермон, который уже встал в позу дуэлянта и ждал первого выпада. Дерек Аморвил, заметивший появление девушки первым, опустил оружие и поклонился.

— Ваше высочество, моё почтение, — отправив шпагу обратно в ножны, он непринуждённо улыбнулся. Гораздо труднее пришёл в себя маркиз, который растерялся и не знал, что делать. Он не произнёс ни слова.

— Господа, может быть, вы объяснить мне, что здесь происходит?

— Ваше высочество, видите ли, мы встретились и решили поупражняться в фехтовании, — откровенно солгал граф.

— Неужели? Что ж, по-моему, вы выбрали неудачное место и вид ваш не говорит о мирных намерениях вашего, чуть было не состоявшегося, сражения. Так как изволите мне это понимать?

— Принцесса, вы поняли всё превратно, если подумали, что у нас тут дуэль...

— Мне кажется, я вполне объективно оценила увиденную мной картину, чтобы сделать верный вывод, — перебила Беллона Дерека, — маркиз, может быть, вы объясните, в чём

дело? И уберите, наконец, оружие!

Сержио растерянно спрятал шпагу, и его лицо стало почти такого же цвета, как и его любимая одежда красного цвета, не то от гнева, который ещё не прошёл, не то от смущения, которое только что наступило.

— Прошу простить меня, ваше высочество, мы...я...я действительно не из дружеских намерений заставил обнажить оружие графа Аморвила...

— Вот как? Значит, всё-таки, у вас была назначена здесь дуэль?

— Ваше высочество, говорю же, мы встретились тут случайно... — снова начал Дерек.

— Граф, дайте сказать маркизу, я вижу, он более честный человек, чем вы!

Сержио расправил плечи, после того, как принцесса поставила на место так разозлившего его дворянина.

— Он прав, принцесса, мы встретились тут случайно. Наша ссора произошла здесь, а причиной её стала...

Из-за угла вышла Мария, которая изумлённо подняла брови и остановила взгляд на Беллоне, после небольшой паузы, она, казалось, почувствовала себя неловко, опустила глаза вниз и в реверансе сказала:

— Маркиз, могу ли я отлучить вас ненадолго, мне нужно кое о чём поговорить с вами.

Юноша упрямо остался стоять на месте.

— Маркиз, это минутное дело, право...

Улучив момент, эрцгерцогиня подмигнула подруге, как бы говоря, что если та хочет, то может остаться наедине со своим возлюбленным. Беллона, всё поняв, но не успев подумать, нужно ли ей это, всё же поддержала уловку кузины.

— Маркиз, если вас зовут, будьте так добры, откликнитесь на просьбу юной леди. А дальше я разберусь сама, если вы понадобится, я найду вас.

Молодой человек, с неохотой, но покорно, удалился вслед за фрейлиной её высочества. Помолчав несколько секунд и убедившись, что все лишние ушли, Беллона вопрошающе посмотрела на мужчину напротив.

— Ваше высочество, поверьте, я был против этого мальчишества и глупой драки.

— Да? Тогда почему же вы всё-таки на неё согласились?

— Потому что Сержио не внимал моим словам и упорно желал меня покалечить.

— Может, вы ещё скажете, что он ни за что хотел избить вас, и у него не было причин на сей счёт?

— Да, совершенно ни за что! Представьте себе! — Дерек невинно качал головой, но изгиб губ и глаза говорили совсем о другом. Вот уж непредсказуемый человек, со стороны он казался Беллоне серьёзным, хмурым и сердитым, а при более близком общении открывалась, в некотором смысле, прямо противоположная личность. Или сейчас он лишь претворялся таким?

— Ох, граф, как же с вами трудно! Вы понимаете, что маркизу это ничем не грозит, а вот на Олтерне дуэли запрещены, и вас ждут большие неприятности, если там об этом узнают.

— Пускай узнают, мне это не страшно, ведь я дрался из-за вас.

— Из-за меня? Побойтесь Бога! Разве я давала повод?

— Что вы! Ваше поведение здесь абсолютно ни при чём! Всё дело в характере этого необузданного юнца, который приревновал вас ко мне...

— По-моему, вы уже слишком далеко заходите! Это полная чушь! Маркиз, приревновал,

меня... — У Беллоны начала складываться в голове определённая логическая цепочка. Да, это вполне возможно, она замечала, что он на неё смотрит, да, и Габи уже говорила ей об этом, а она, дурочка, не хотела слушать. Граф, заметив неуверенность на лице девушке, моментально воспользовался этим и не дал усомниться в его словах.

— Вот видите, вы сами поняли, что я прав, посмотрите в глаза этому факту; маркиз влюблён в вас и не желает видеть конкурентов на своём пути. А, узнав, что я еду за вами, хочу встретиться с вами и ищу этих встреч, он просто взбесился!

— Что ж, тогда ему следует сделать выговор. Но почему вы сразу не сказали мне всё это?

— Я не хотел ставить брата по ордену в неловкое положение, Вы же сами теперь видите, что он повёл себя довольно глупо...

— Да-да, я вижу. Однако, вы не более умны в том, что делаете! Вы понимаете, к чему ведут ваши поступки?

— Принцесса, вы восхитительны, когда читаете нравоучения, — Дерек склонился и поцеловал руку Беллоны, которая замерла в нерешительности, озираясь по сторонам, — но ваши беспокойства беспочвенны. Я взял на себя маленькое, ничего не значащее дело ордена и вполне легально направился в Риджейсити.

— И всё же, будьте осторожнее.

Бернардо прервал завязавшуюся беседу своим появлением и взял принцессу под локоть и потянул вон с этого места, шепнув на ухо:

— Ваше высочество, если кто-то узнает, что вы оставались наедине с мужчиной, будут грозить неприятности. Давайте уйдём отсюда, пока никто ничего не заметил.

Распрощавшись с графом кивком головы, он не дал сказать девушке даже «До свидания». За углом им на встречу уже шёл по-прежнему разгорячённый маркиз.

— Ваше высочество, разрешите всё-таки объяснить...

— Не стоит, ваша светлость, оставьте слова при себе. А я, в свою очередь, хочу сказать вам только одно — не нужно вмешиваться и лезть туда, куда вам не следует.

Беллона гордо направилась в таверну, чтобы наконец-то отдохнуть. Сердитая на маркиза за то, что своими чувствами он мешал её чувствам, она не обратила внимания, как удивлённо и непонимающе посмотрел он ей вслед.

Глава 15. "Гроза"

И вот принцесса увидела город, столицу своего королевства, в котором не была несколько лет. Что ждало её здесь и как она её встретит? Это всё ей предстояло узнать в ближайшие несколько часов. Дорога на въезде была свободная, но как только в карете узнали королевские гербы, её сразу же начали окружать и кричать восторженные приветствия. Так как занавеси были задвинуты, никто не догадывался, что приехал не король, а его дочь, иначе, возможно, восторг был бы ещё более бурным. Жители Риджейсити притормаживали, а некоторые и вовсе останавливались. Монарх часто посещал этот город, но его очень любили, поэтому каждый приезд короля был небольшим праздником. Бернардо тем временем пытался успокоить толпу и отодвинуть её с пути при помощи гвардейцев.

— Беллона, уже обеденное время, мы едем в «Золотое небо»? — спросила Мария.

— Ресторан, о котором ты говорила? Но Бернардо сказал, что в нашем дворце на площади Фонтанов...

— Там, скорее всего, ещё ничего не готово! Ты же отказалась от того, чтобы о твоём приезде предупредили. А «Золотое небо» отсюда совсем недалеко, поэтому давай, пока мы будем есть, кто-нибудь отправится во дворец и распорядится всё обустроить.

— Ты права, так будет лучше. Скажу одному из гвардейцев, чтобы ехал.

Приказав кучеру повернуть и отправив посыльного с депешей, принцесса принялась разглядывать городские постройки. В основном это были двух-трёх этажные дома, с большими окнами, маленькими балкончиками, увитыми зеленью. Вдоль дороги, по тротуарам, гуляли женщины и мужчины, кто-то торопился куда-то, кто-то напротив, не спеша, брёл по улице. На дамах были шляпки, защищающие от солнца, так как жара была просто невыносимой. Многие кивали проезжающей карете или, затаив дыхание, кланялись, видя королевскую символику на дверцах. На повороте в улицу, которая была уже, чем предыдущая, с ними простился маркиз о'Лермон, извинившись за неотложные дела и невозможность сопроводить их компанию дальше. Габи печально проводила его глазами.

— Ну вот, и когда я его теперь увижу?

— Не расстраивайся, обратно мы точно поедem снова вместе, — успокаивала Беллона, а сама тем временем была рада, что маркиз удалился. Если Дерек будет искать её или пригласит на свидание, этот неуместный ревнивец не вмешается опять! Как ей было обидно и стыдно, за то, что Сержио влюбился в неё, а не в виконтессу, вот глупец! Принцесса прекрасно понимала подругу в том, что не видеть возлюбленного очень тяжело, но ещё большим ударом было бы знать, что ты ему абсолютно неинтересна...

В своих мыслях она и не заметила, как они остановились у роскошного здания, ничем не отличающегося от дворца, на котором сияла не менее шикарная надпись «Золотое небо». У входа стоял лакей, открывающий дамам и господам дверь. Мадам Бланж, из последних сил терпевшая тряску, первой соскочила с подножки кареты. Бернардо вежливо подал руку всем остальным девушкам и повёл их на шикарную трапезу.

— Послушай, Белл, — говорила Мария на ухо принцессе, пока они усаживались за столик под пристальным вниманием богатых людей, которых уже здесь потчевали, — мне кажется, твоя гувернантка не выдержит за сегодняшний день ещё одного переезда в транспорте, да и меня, признаться, порядком укачало. Что если мы прогуляемся пешком до

дворца? Подумай, пока в городе не успели на шуметь, что приехала принцесса, тебе представляется прекрасная возможность посмотреть всё без толпы народа, которая тут же окружит тебя, как только узнает, кто ты такая.

— Даже не знаю... а это будет не опасно?

— Белл, если люди узнают, что ты боишься своих подданных, они в тебе сильно разочаруются. Я же не предлагаю гулять поздно ночью, или в каких-нибудь окраинных районах. Это всего лишь пеший переход отсюда до дворца. Ну, как?

— Вообще-то, предложение заманчивое. Я и сама с радостью пройду и посмотрю тут всё. А как же гвардейцы? О них-то я и не подумала. Не могу же я идти по узким переулкам с десятком вооружённых мужчин?!

— Так скажи Берни, чтобы он отпустил их, пусть они едут во дворец и там нас ждут. К тому же, я так поняла, что некто, с кем ты виделась пару часов назад, тоже здесь.

— Да, Мари. Я не успела поблагодарить тебя за таверну, спасибо...

— Не стоит. Это ерунда. Я тебя прекрасно понимаю. Хотя ты и знаешь, что я против всего этого, не забывай, вы ведь совсем не пара, и свидания с ним только опорочат твою репутацию!

— Да знаю я всё, знаю, но ничего не могу с собой поделать...

— Я уже поняла, Белл, но прошу тебя, будь осторожнее. Он ведь опять может взяться из ниоткуда прямо среди бела дня.

Принцесса не сразу смогла уговорить виконта Тревора о том, чтобы он отпустил охрану. Но потом она привела много доводов, и он всё-таки согласился, приняв это за простой каприз. От королевской дочери можно ждать чего угодно, поэтому нужно быть предельно внимательным, чтобы угодить и ей, и не разгневать самого короля, которому, может, не понравится свобода действий его излюбленного чада.

Итак, после прекрасного сытного обеда, включившего в себя лёгкий суп, салаты, вторые блюда из осетрины, лангустов, разнообразных гарниров и десерт, принцесса и её сопровождение вышли на улицу, где, конечно же, уже не было кареты. Вельможи, оставшиеся в ресторане, догадались, что за девушка находилась рядом с ними, и поспешили обсудить это, каждые за своими столиками. Некоторые, с нетерпением пошли домой, чтобы рассказать соседям и друзьям, что им пришлось нынче увидеть. Другие стали придумывать причину, по которой принцесса могла бы тут оказаться. Выдвигались предположения, что она выходит замуж, поэтому прибыла сюда либо встретить жениха, либо отправиться на свою новую родину, или например такое, что принц Робин смертельно захворал, и Робин-старший, чтобы не потерять семейный трон, послал дочь обучаться политике, чтобы она смогла занять его место.

Беллона не зная ничего этого, спокойно шагала по тротуару, который начал покрываться тёмными точками от дождя. Люди спешили под укрытия, и никто не обращал внимания на прохожих. А капли тем временем становились всё тяжелее, предвиделся ливень, который обещали принцессе с утра, когда её провожали. Тучи чернели на глазах и грозили серьёзным ненастьем с грозой.

— Господи, как же я не люблю грозу! Я её боюсь, вернее из окна тёплой и уютной комнаты — это даже романтично, но вот так оказаться во время неё на улице под открытым небом...долго ещё до дворца? — возмущалась Габриэль. Она любила авантурные выдумки или приключения, но только когда они входили в её планы. А попадать под дождь она и

вовсе терпеть не могла, потому что её, и без того кудрявые волосы, при сыром и влажном воздухе, становились просто-таки пушистой копной.

— До дворца ещё где-то минут сорок...и как назло нет извозчиков, чтобы подвезти нас! Придётся переждать где-нибудь эту непогоду, — рассуждал Бернардо, — но я не знаю ни одного достойного заведения на этой улице, а возвращаться обратно займёт столько же времени, сколько и идти до площади Фонтанов...

— Что ж, если ни у кого нет никаких предложений, то, я надеюсь, не будет и возражений, если я предложу свой скромный дом, где живёт моя мать...он в пяти минутах отсюда, да и мама, я думаю, с удовольствием примет всех нас. Что скажешь, Белл?

Виконт посмотрел на принцессу с мольбой в глазах. Простой купеческий дом был совсем не тем местом, куда следовало идти такой персоне.

— Ваше высочество, может быть, переждём под каким-нибудь навесом?..

Беллона, которая терпеть не могла социальные неравенства и различия, поняла, о чём думал Бернардо, и, обозлившись на извечную несправедливость, которая особенно мучила её последнюю неделю, сразу согласилась на приглашение кузины.

— Ваша светлость, вы хотите, чтобы я простудилась и заболела? Я — нет, поэтому мы немедленно направляемся в гости к Марии, любезно предоставившей нам кров. Мари, показывай, куда идти.

Гордо следуя за подругой, она представляла, как когда-нибудь совершит благое дело, отменив все предрассудки человечества, только как — пока она не имела ни малейшего представления.

Из-за струй дождя всё вокруг потемнело. Задул ветер, и стало довольно холодно. Но принцесса с друзьями, оставшаяся без охраны и слуг, была довольна, так как они стояли на пороге дома, тёплого и сухого. Беллона не видела отличий этого жилища от других — обставленное с достатком, совсем не обветшалое или потрёпанное, почему спрашивается, оно не могло послужить временным пристанищем для неё, дочери короля? Чем хозяйка этого дома была хуже других? Тем, что не родилась у титулованных родителей? Тем, что зарабатывает себе на жизнь собственным трудом? Или может быть тем, что родила дочь без брака? А не всё те же ли предрассудки тому виной? Если бы можно было, дядя Антонио наверняка бы женился на матери своего ребёнка, ошибочно рассуждала принцесса. Если бы она знала, что просто невозможно жениться на том количестве женщин, которые сделали Антонио отцом!

Дверь открыла высокая девушка, по всему виду, служанка. Она впустила гостей в зал, где ярко пылал камин. Мария пригласила всех снять мокрые накидки и присесть. Взяв одежду, которую ей подали, служанка убежала сушить её на кухне.

— Вот и мой дом. Здесь я родилась и провела всё детство, да и до сих пор провожу много времени.

— Очень приятная обстановка, так мило и уютно... — оглядывала всё Беллона. Ей было непривычно находиться в столь маленьких, относительно замковых, помещениях. Тут не было никаких антиквариатов, предметов зажиточной жизни. Каждая вещь стояла по делу, всему было применение. Сделав круг вокруг себя, девушка остановила взгляд на лестнице, на которой появилась женщина. По удивительному сходству сразу стало ясно, что это мать Марии. Если бы убавить возраст женщины в два раза, то точно бы была копия эрцгерцогини. Однако и так ей трудно было дать сорок лет, она выглядела молодо и ярко. Сначала

Беллона изумилась, почему у такой интересной женщины родилась хоть и симпатичная, но не очень выразительная дочь, но потом заметила, что она просто искусно и умело накрашена, чем делала себя значительно лучше, чем была на самом деле.

— Здравствуйте, ваше высочество, здравствуйте дамы, синьор, — купчиха присела в поклоне, который ни чуть не уступил бы самой изысканной светской даме, — я Оливия, мать Марии. Очень приятно, что вы зашли ко мне, хотя я понимаю, если бы погода не вынудила...

— Нет-нет, что вы! — остановила её Беллона, — напротив, я давно мечтала с вами познакомиться, а тут выдалась такая возможность. Поверьте, будь моя воля, я была бы у вас частой гостьей. Но, как вы догадались, что я принцесса?

— Это было не трудно, вы безумно похожи на отца и его братьев, — Оливия сделала жест рукой, указав куда-то. Посмотрев в том направлении, Беллона нашла портрет, висящий на стене. Это была скорее миниатюра, поэтому девушка сразу и не обратила на неё внимание. На ней был изображён юноша, и если бы на рамке не было выгравировано «**Антонио**», то она непременно подумала бы, что на портрете её отец.

— Да, в последнее время я замечаю, что всё более похожу на отца и его семью, нежели на мать...

— Может быть, вы хотите выпить чего-нибудь? Сейчас же пойду, приготовлю кофе, или глинтвейн.

Габриэль и Мария ушли вслед за Оливией, решив ей помочь, а заодно и забежать в дамскую комнату. Беллона злорадно посмотрела на свою наставницу и виконта, так, как благородный победитель смотрит на проигравшего — с гордостью и состраданием.

— Ну что, видите, ничего страшного нет в том, что мы зашли сюда и спрятались от дождя.

— Ваше высочества, не все действия имеют быстрые последствия.

— О чём вы, Бернардо?

— Когда-нибудь поймёте на собственном опыте, объяснить будет довольно проблематично...

— Если вы думаете, что пойдут дурные слухи, то ошибаетесь, о нашем присутствии тут никто не знает. А если и узнают, я не вижу ничего плохого в этом. Все знают, что Мария моя подруга.

— Принцесса, я не стану с вами спорить, это недостойное занятие. Но всё же останусь при своём мнении, что этот дом не для вас.

В комнату вернулись три дамы, неся в чашках согревающие напитки. Как ещё не совсем взрослой, Беллоне преподнесли кофе, а не глинтвейн, на что она неожиданно рассердилась.

— Мадам Бланж, в этом году будет моя премьера на планете моей тётушки, к тому же мне уже шестнадцать лет! Почему я не могу попробовать чего-то нового? К тому же, я не очень люблю крепкий кофе, — и, не спросив больше соизволения, она поменяла стаканы и попробовала горячего красного вина, с приправами. Не поняв, от чего она обожглась — от крепости или оттого, что вино было очень горячим, Беллона закашлялась, но, переждав немного, стойко стала пить дальше. «Карлеали назад слов не берут, и не останавливаются на середине дела» — внушала она себе. Мадам Бланж хотела было возмутиться, да и Габриэль открыла рот и остановила почти подругу, но виконт Тревор успокоил всех, дав принцессе распоряжаться собой, как она пожелает.

— Поверьте, я знаю их семейство, если кто-то из них что-то хочет, то он непременно

это сделает. По крайней мере, так им некого будет винить кроме себя.

Беллона слабо улыбнулась, внутри стало хорошо, ноги обмякли, а голова пошла кругом. «Бернардо очень мудро решил научить меня жизни — моими же ошибками. Отец сделал хороший выбор, назначив его мне в сопровождение. Виконт нравится мне всё больше и больше, с ним замечательно было бы быть друзьями. И, пожалуй, ему я перечить постараюсь как можно реже. Несмотря на его двадцать лет, ума у него хоть отбавляй».

— Что-то меня клонит в сон, — призналась принцесса, — думаю, нам стоит остановиться тут на ночь, к тому же, ливень всё ещё идёт, а раскаты грома просто ужасные. Вы не против, мадам Оливия?

— Ну что вы, ваше высочество, сочту за честь. Пойду, приготовлю комнаты.

Среди ночи Беллона проснулась. Сон как рукой сняло. Видимо действие горячительного напитка прошло, и пары вина выветрились. Капли уже совсем редко стучали по подоконнику и стеклу, гроза кончилась. Посмотрев на маленькие механические часы, стоявшие на тумбочке, девушка обнаружила, что прошёл всего лишь час с того момента, как она легла спать. Вздвогнув от скрипа открывающейся двери, принцесса обнаружила крадущейся в комнату Габриэль.

— Габриэль?..

— Ты не спишь? Как хорошо, мне хотелось поболтать с кем-нибудь, потому что на новом месте мне так непривычно...

— Мне тоже не очень уютно, наверное, это всё погода...

— Может быть. Представляешь, мадам Бланж заболела.

— Правда? Как печально, это всё ливень, простудиться так легко, я и сама думала, что непременно заболею.

— Да нет, она не простудилась. Хотя жар у неё и поднялся, она так плохо себя чувствует, что даже встать с постели не может. Ещё у неё странная сыпь по всему телу и ужасный зуд. Оливия вызвала врача, он подозревает, что у неё аллергия на что-то, но точного диагноза не поставил, сказал, не исключено, что это какая-то зараза. Представляешь? Бернардо выгнал меня и Марию из её спальни и сказал, что пока мадам не поправится, мы не должны к ней заходить, а то ещё тебя заразим. Он очень трепетно относится к возложенной на него миссии.

— Бедная Гермия, мне её так жаль. И что же, мне нельзя даже её проведать?

— Нет, по крайней мере, Бернардо тебя не пустит. Да ты подумай, это же замечательно! Теперь она не будет нас везде сопровождать и говорить что надо, а что не надо делать. Почувствуй лёгкую свободу!

— Как ты можешь так говорить, она всё-таки болеет, возможно, ей сейчас плохо...

— Доктор сказал, что это не опасно, и что через пару дней она будет в полном порядке.

— Я рада. Хоть и не хочется злорадствовать, но должна признать, что завтра с удовольствием проведу день без неё. Поедем во дворец, посмотрим на сады, фонтаны, может быть, устроим званый вечер? Как считаешь?

— Я думаю, завтра мы здорово проведём время. Планы будут грандиозные. Осталось заманить на нашу сторону Бернардо и Марию уговорить расслабиться, а то она будет, как всегда, читать морали.

— Это будет не трудно, когда ещё выдастся такая возможность? Кстати, а что Мария сейчас делает?

— Она ушла спать, да и я пойду. Хочу завтра быть свежей, бодрой, выспавшейся. Запасу побольше сил на развлечения. Мало ли какие непредсказуемые вещи могут произойти? Такие, как сегодня этот дождь.

— Да, нужно хорошенько отдохнуть. Спокойной ночи!

Габриэль на цыпочках выбежала из спальни. Беллона подождала, пока утихли половицы, скрипящие под ногами подруги, и легла на подушки. Сон по-прежнему не шёл. «Ну вот, не стоило рано ложиться спать, нужно было перетерпеть, а то буду ещё мучиться бессонницей. А ведь где-то в этом городе сейчас Дерек. Наверняка он остался на ночь, не мог же он сделать все дела и уехать, не повидавшись со мной? Скорее всего, завтра меня ждёт встреча с ним. А если я проведу беспокойную ночь, то буду выглядеть неважно. Нужно подышать свежим воздухом и тогда я буду чувствовать себя лучше». Подойдя к окну, принцесса растворила его и вдохнула сырой, влажный аромат мокрого города. Улица была не очень освещенная, фонарей горело мало, а в домах свет уже почти все потушили. «Как бы я хотела сейчас видеть Дерек, поговорить с ним. Что он делает в эту минуту? Думает ли обо мне? Я думаю о нём постоянно!». В конце улицы показалась тень. Она старалась идти бесшумно, по местам, на которые менее всего попадал свет. Беллона спряталась за тюль. Поведение движущейся фигуры показалось ей любопытным, и она решила понаблюдать за тем, куда она двинется. Через некоторое время стало ясно, что она направлялась как раз к их дому. Принцесса разглядела в этой тени мужчину, одетого во всё тёмное, может быть чёрное. У девушки защемило в груди, на миг ей показалось, что это граф Аморвил. Боже, неужели он выследил, где они остановились, и решил заявиться сюда вот так и встретиться с ней? Ей стало немного неловко. Если он способен на такие безумства ради неё, почему она не отвечает ему тем же? Почему она ничего не делает ему на встречу? Сама презирая условности между людьми разных классов, она полностью подчиняется им! Это нужно исправить! Как только представится момент, она открыто заявит о своих чувствах, и будь что будет. Ей не страшны ни гнев отца, ни матери, ни народа. Что ей мнение масс? Они ведь не знают, почему она так поступит.

Не успев додумать до конца своё героическое поведение, свой маленький бунт с большим скандалом, Беллона увидела, как этот мужчина стал осторожно забираться по стене на балкон их дома. Так. Всё правильно. Он не стал ломиться в дверь, это умно. Зачем будить весь дом, если можно обойтись таким способом? Но почему не в её окно...ах да! Он же не знает, где её комната, поэтому и забрался в другую. Там, кажется, был зал. Значит, он сейчас пройдёт через него и пойдёт искать её спальню. Нужно выбежать ему на встречу! Нет, это будет слишком откровенно...к тому же, вдруг это всё-таки не он? Да, вдруг это... кто? Что за ерунда, кто ещё может среди ночи залезть через балкон в дом, где находятся почти одни девушки? В нерешительности Беллона накинула халат, чтобы не повторить свою вчерашнюю оплошность, осмотрела ещё раз помещение, закрыла окно и решила выйти в коридор. Стараясь тихо распахнуть дверь, принцесса не учла, что она скрипит. Поругав тех, кто не смазал петлицы, девушка покинула спальню. К своему удивлению, она обнаружила пустоту, ни единой живой души. «Он перепутал и зашёл не туда. Что ж, подожду немного, обнаружив не то, что он хотел видеть, он сразу же выйдет обратно». Однако время шло, но никто не появлялся. Принцесса хотела осмотреть дом сама, но вспомнила, что не знает, кто в какой комнате остался ночевать, так как ушла спать первой. В конце коридора у одной из дверей горел светильник. Под ним сидел в кресле, с книгой в руке, Бернардо. Там была спальня мадам Бланж. «Лучше пойду обратно, если Бернардо заметит меня, может начать

спрашивать, зачем я вышла. А у меня вовсе нет настроения, кого бы то ни было обманывать». Вернувшись на кровать, Беллона уставилась в потолок. «Значит, это был не Дерек... иначе он непременно нашёл бы меня. А если не он, то кто? В дом ночью пробрался мужчина, и никто этого не заметил... странно. Вдруг это грабитель? Боже мой, вот я дурочка, нужно немедленно сообщить об этом Бернардо!». Вскочив, и уже не думая о том, издаёт она шум или нет, принцесса поспешила к виконту.

— Бернардо, послушайте меня...

— Ваше высочество, что с вами? Вы бледны и испуганы, вы не заболели?

— Нет, слава Богу, со мной всё в порядке. Дело не в этом. Я видела в окно, как в дом залез мужчина! Слышите? Залез и испарился!

— Как это испарился? Куда он залез? Принцесса, расскажите всё по порядку.

— Хорошо, хорошо. Я лежала, мне не спалось, я подошла к окну, просто подышать свежим воздухом, понимаете? И там увидела, что кто-то забирается на балкон второго этажа, вот этой комнаты, — Беллона указала на дверь, которая находилась через одну от её комнаты, — я вышла посмотреть в коридор, но кроме вас никого не увидела!

— Странно, Мари тоже только что выходила и спрашивала, что за шум был, но я ничего не слышал...

— Мари слышала шум? Значит, мне не показалось, что кто-то тут всё-таки был. Прошу вас, давайте осмотрим здесь всё!

— Да, конечно, мне и самому уже стало не по себе. Когда дома посторонний человек, ни к чему хорошему это не ведёт.

Распахнув двери в комнату с балконом, в которую забрался некто неизвестный, виконт и его подопечная не нашли ничего интересного, ни шороха, ни звука, ни движения. Даже когда там зажгли свет и осмотрели всё более тщательно, всё равно ничего не обнаружилось. Беллона постучалась к Марии, её спальня оказалась соседней с этим залом.

— Мари, можно к тебе?

— Конечно, заходи, — девушка отложила чтение. На столе горела свеча.

— Бернардо сказал, что ты слышала какой-то шум?

— Да, буквально несколько минут назад за стеной что-то загрохотало, я проснулась и вышла посмотреть, что там такое творится. Ничего не обнаружив, вернулась обратно, но сон, как рукой сняло, вот и подумала, что можно почитать. А что стряслось?

— Я видела, как в ту комнату забрался какой-то мужчина.

— Мужчина, о Господи! Это наверняка вор, грабитель. Пойду, скажу матери, чтобы она позвала на помощь, обратилась к властям...

— Подожди. Бернардо уже пошёл к ней, сказать что произошло, но я уверена, что переполох устраивать не стоит. Во-первых, по всему вышесказанному, я делаю вывод, что этот «кто-то» как забрался в дом через балкон, так сразу его и покинул тем же путём. А во-вторых, мне показалось, что этот человек вовсе не разбойник, который хотел поживиться чем-нибудь, а вполне порядочный дворянин...

— Порядочные люди не шастают по чужим жилищам среди ночи!

— Это как посмотреть, — Беллона заговорила шёпотом, — мне кажется, это был Дерек.

— Что?!

— Тише, тише. Я не уверена, я плохо видела. Лицо не видела вовсе. Было темно, а он был весь в чёрном, а так одевается Дерек... Он, скорее всего, хотел увидеться со мной, но что-то ему помешало...

— Неужели я? Боже, прости меня, Белл, ведь это я услышала грохот и пошла разбираться, в чём дело.

— Ничего страшного! Не вини себя. Я думаю, наша встреча всё равно была бы ненужной, в такое время, в таком месте...

— Но, тогда зачем ты подняла переполох, если знала, что этот гость был к тебе?

— Не знаю, я так растерялась, не знала, что и думать. И потом, я не уверена до конца, что это был он. Что мне теперь делать?

— Для начала успокойся. Я почти уверена — сейчас всё прояснится.

Но прошло полчаса. Все были подняты на ноги, пустые комнаты проверены, а результат равен нулю. Никто никого не видел. Единственное, что вызвало убеждение, что кто-то всё же здесь был — это мокрые следы на ковре под окном в зале на втором этаже. Кто-то тщательно вытер ноги, чтобы не оставить ни капли где-нибудь в другом месте, по которой его можно было бы найти.

Наутро за завтраком все сидели уставшие и утомлённые. Понятно, что молодые девушки долго не могли заснуть после того, как узнали, что в доме, возможно, находится посторонний человек, тем более, мужчина. Ещё до рассвета Бернардо умчался во дворец за гвардейцами и каретой, чтобы больше никаких неожиданностей не было, а если и случились бы, то он был во всеоружии. Теперь все сидели за столом и готовились перебраться на площадь Фонтанов. Только мадам Бланж оставалась здесь, так как была ещё не в состоянии перенести переезд. Оливия любезно согласилась поухаживать за ней, пока той не станет лучше или она совсем не выздоровеет. Попрощавшись с радушной хозяйкой, принцесса со своей свитой покинули приютивший их дом.

Улицы города наполнились лужами. Солнце не успело согреть остывший за ночь Риджейсити, поэтому Беллона и её фрейлины кутались в шали от прохлады. В карете все сидели молча — не могли дожидаться, когда же попадут в покои, настоящие, королевские, с ваннами, широкими альковами, шёлковыми простынями, солнечными большими комнатами, в которых окна во всю стену, повсюду зеркала, золотые канделябры, слуги и лакеи. И, самое главное — стража, которая бдительно охраняет каждый метр дворца.

— Да, весёленький вчера выдался денёк, — выдохнула Габриэль.

— Радует то, что он хорошо закончился, — согласилась принцесса.

— А меня радует, что он вообще закончился, — добавила Мария.

Габриэль поняла, что пока ещё никто не в настроении поддержать беседу, хотя она уже почти взбодрилась и была готова к дальнейшим передрыгам. Какое удовольствие не ощущать за собой пристального наблюдения кого-то из взрослых! Как же к случаю заболела мадам Бланж. Теперь можно будет провести день по своему усмотрению. Никаких музеев и посещений достопримечательностей, как мечтала гувернантка её высочества, только театры и званые вечера, вот что их ждёт сегодня. Ну а если Бернардо не согласится... Что ж, в конце концов, он следит за принцессой, а не за ней, поэтому легко будет найти возможность ускользнуть.

Добравшись до дворца, Беллона увидела, что её уже приготовились встречать. Не успев выйти из кареты, она попала в окружившую её толпу знатных людей, высокопоставленных лиц, дворян, местную власть, которые спешили засвидетельствовать своё почтение. Бернардо, как всегда, оказался рядом.

— Дамы, господа, прошу вас, дайте принцессе пройти в свои апартаменты и отдохнуть.

Я понимаю, что вы здесь уже с вечера ожидаете их и устали, но поймите, непредвиденные обстоятельства заставили нас задержаться и мы устали не меньше вашего.

— Отчего же, — громко прервала девушка виконта своим мелодичным голосом, — думаю, я не настолько устала, чтобы не суметь познакомиться с подданными моего отца. Рада приветствовать вас!

Даря улыбки и приветствия, Беллона приняла всех собравшихся и спокойно слушала, как представляли всё это огромное количество народа, большая часть которого пришла в восторг от принцессы, сойдясь во мнении, что она прекрасна и очаровательна. И лишь немногие молодые леди решили между собой, что его высочество Робин, куда приятнее и обаятельнее. Пригласив самых значительных людей из высшего общества отобедать в королевском дворце вместе с ней, принцесса покинула центральную дорожку, ведущую к парадному входу, и направилась в свои покои, которые, должно быть, уже давно её ждали. Как она и думала, внутри суетились обеспокоенные дворецкие, камердинеры, горничные. Им ещё вчера пришла весть, чтобы они готовили комнаты для её высочества, однако она не появилась. Догадавшись, что всему виной непогода, они хоть и не подняли тревоги, но всё же сильно волновались.

Спальня принцессы выглядела как сахарный домик из детской сказки. Подушечки, кружева, покрывала, обивка мебели — всё в розово-кремовых тонах. Повсюду фарфоровые и хрустальные вазочки с цветами, фарфоровые куклы. Всю обстановку придумывал король, он считал, что о лучшем ни одна девушка и мечтать не может, к тому же Беллона была и будет для него ребёнком. Она же напротив, вспомнила, что ещё в прошлый раз, давным-давно, ей здесь не понравилось, и она громко возмущалась, жаждающая изменить эту детскую и приторную атмосферу. Сейчас Белл тоже бы с радостью всё поменяла, но времени на это совершенно не было, да и терпения у неё с тех пор прибавилось, поэтому вынести один день все эти рюшечки и оборки не представлялось для неё чем-то невозможным. «Как же хорошо, оказаться в родном месте, в котором можно делать всё, что угодно. Первым делом нужно как бы начать день заново! Тогда он весь пройдёт отлично и без хлопот». Принцесса плюхнулась на воздушные перины и зарылась в мягкие подушки. Потом встала, будто бы только что проснулась, и направилась распахивать окно, как она любила делать у себя дома. В принципе, и это был её дом, но загородный замок она любила намного больше, если не сказать — обожала. Там она родилась и проводила почти всю свою жизнь. Резко раздёрнув шторы, Белл ахнула от открывшегося ей вида. Перед ней во всей красе предстала площадь Фонтанов; сотни скульптур, из которых бурными потоками извергалась вода, вверх и в стороны, на большую высоту с сильным напором, или наоборот, спокойными потоками и ручейками опускалась вниз. Золотые фигуры юношей, девушек, хищных зверей с открытыми пастьями, рыб, переливались ослепляющими бликами на взошедшем солнце. Это было самым настоящим олицетворением могущества и власти Карлеалей — горящие огнём, искрящиеся статуи, льющие воду. Беллона попыталась сосчитать все композиции, но ей это не удалось с первого раза. Вокруг главной, центральной, располагались, по три слева и справа, чуть меньшие группы фонтанов, каждая из которых была трёх ярусной. Венчали их изображения какого-либо животного, ниже шли киты, дельфины или другие морские обитатели, а в самом низу находились кувшины, вазы и рога изобилия. Чуть дальше за ними были разбросаны композиции ещё мельче, по два за каждым. Ну а одиночным фонтанам просто не было счёта! Казалось, вырос целый лес из них. Пытаясь объехать эти чудеса искусства, экипажи и всадники спешили по государственным делам, кто ко дворцу, кто от него.

Вдоволь восхитившись великолепием, Беллона закрыла глаза, пообещав обязательно ещё раз посмотреть на эту площадь из своей спальни до того, как уедет из Риджейсити. А сейчас нужно было приготовиться к обеду с местными дворянами. Что ж, так как это её первый самостоятельный обед и знакомство с самостоятельной жизнью, то много ей говорить не придётся — это гости должны будут рассказывать ей и объяснять всё, что ей будет непонятно. Хотя для последнего рядом будет виконт, а уж ему принцесса верила, как самой себе. Да и Мария с Габриэль тоже будут там же.

В спальню постучалась служанка, которая сообщила, что ванна для её высочества готова, а горничные ждут распоряжения, какое из платьев ей приготовить.

Не будем останавливать своё внимание на званом обеде, который прошёл без происшествий, и на котором не было ничего интересного. Обычные светские беседы и пустые вежливые разговоры. Однако следует отметить, что два присутствующих министра, мэр Риджейсити с супругой и несколько лордов, восхитились осведомлённостью принцессы во многих вопросах, её разносторонностью и умением общаться в обществе. Она ни разу не растерялась и не сбилась. Когда ей было что-то непонятно или неизвестно, она так ловко умела выйти из положения, что этого никто даже не заметил. Виконт Тревор был счастлив, что ему не пришлось её поправлять или подсказывать что-либо. Он с удовольствием доложит королю, как гладко всё прошло, и какая его дочь чудесная девушка, просто предназначенная для выходов в свет и фуроров на балах и вечерах.

А пока Габриэль протискивалась сквозь всех этих людей, которые пытались обратить на себя внимание Беллоны уже после обеда. Некоторые ради того, чтобы она потом выделила их в разговоре с отцом, другие из личной симпатии, появившейся у них к принцессе. В общем, причины у всех были разные, а результат один — они теперь не давали девушке ступить и шагу по дворцу в одиночестве. Виконтесса пришла на помощь подруге, беспощадно растолкав всех локтями и вытащив ту из толпы.

— Простите великодушно, дамы и господа, но у нас срочные дела и я вынуждена забрать у вас её высочество.

Потасив Белл за собой, Габи довела её до своей спальни и усадила там на диван.

— Что у тебя за срочные дела такие, из-за которых ты вырываешь меня из приятного общества и волочишь за собой через все коридоры?

— А ты ещё скажи, что тебя это всё не утомило?

— Только если самую малость... Честное слово, я не ожидала, но мне понравилось всё это! Да и им, кажется, тоже...

— Ещё бы, появился новый наивный человечек из королевской семьи, к которому можно влезть в доверие, а потом оказывать на него влияние по своему усмотрению и ради своей выгоды.

— Не будь такой однозначно недоверчивой! Я сама всё знаю, но для того у меня и есть рядом верные друзья, чтобы не позволить никому мной манипулировать. Так ты отвлекла меня только ради того, чтобы я отдохнула от них? Очень мило... — засмеялась Беллона.

— Будешь смеяться — я не скажу тебе, что Бернардо согласился побывать сегодня вечером в театре — королевском театре, где сегодня идёт самая популярная пьеса!

— Как, мы едем в театр? Боже, как замечательно! Настоящий театр, не простое выступление артистов в дворцовом зале, а сцена, оркестровая яма, партер, балконы...

— ...королевская ложа, — уточнила виконтесса.

— Да, и мы будем там сидеть! И... — принцесса осеклась, её лицо стало печальным и приобрело мрачное выражение.

— Что? Что-то случилось? Ты плохо себя почувствовала?

— Нет, Габи, всё в порядке, просто я вспомнила сегодняшнюю ночь, и мне стало не по себе. Мы ведь не стали говорить об этом, или не успели, не знаю, но это не решило проблемы. И никто не ответил на вопрос, что делал в доме тот неизвестный мужчина и кем он был.

— У меня тоже мурашки по коже бегали всю ночь, но, в конце концов, он ведь никого и ничего не тронул? Да мало ли кто это был! Мадам Оливия свободная женщина, может это её любовник?

— Господи, откуда ты набралась такой пошлости? Как ты можешь говорить такое? Но даже, как бы ни было это неприлично, представим, что всё так и было. Он бы постучал в дверь, и смело пришёл к ней, или залез сразу в её окно, а не прятался по другим комнатам. В итоге-то он и вовсе исчез!

— Да, ты права. Самым странным было его исчезновение, — Габриэль задумалась и у неё, как всегда, моментально родилась идея, — а что, если всё было так: этот ухажёр Оливии забрался, понял, что перепутал окно, решил исправиться, а тут поднялся такой шум, что он и вовсе передумал. Бедная мадам, кажется, мы спугнули её поклонника!

— Ты ужасно испорченная, Габи, но эта твоя мысль мне импонирует. Если поверить в неё, то наш страх пройдёт, — и подруги вместе засмеялись.

— Вот увидишь, Белл, после театра, мы выберем к кому поехать на раут и там все тревоги навсегда покинут нас. От угнетённого состояния ничто так хорошо не спасает, как развлечения и всяческие соблазны!

Вечером трёх девушек уже ждал открытый экипаж для летних парадных выездов. К Бернардо присоединился маркиз о'Лермон и они вдвоём стояли у дворца, ожидая принцессу с фрейлинами для того, чтобы их сопровождать и оберегать.

— Слушай, Берни, мы давно с тобой знакомы. Я тебя неплохо знаю — ты проницательный человек и всегда всё правильно подмечаешь. Скажи, что ты думаешь о её высочестве, после того, как познакомился с ней и стал её близким другом?

— Я вовсе не её друг, я всего лишь её временный опекун.

— Пусть так, но всё-таки. Какая она?

— Хорошо, я скажу тебе, но сначала послушай — я тебя тоже давно знаю, мы выросли во дворце рядом и были отличными друзьями детства. Поэтому в память о весёлом прошлом мой тебе совет — не нужно так откровенно проявлять свою симпатию к её высочеству. Веди себя посдержанней и менее эмоционально.

— По мне так заметно, что она мне понравилась?

— Господи, он ещё спрашивает! Мне кажется, об этом уже знает всё окружение принцессы, включая её саму.

— Что ж, мне всё равно, мне скрывать нечего, а тем более стыдится.

— А ты уверен, что такие романтики и прозрачные насквозь юноши, нравятся столь высокопоставленным девушкам?

— Какой тут разговор! Я и не думаю о взаимности, к тому же, она начинает мне казаться совсем не такой, какой показалась вначале...поэтому-то я и спрашиваю тебя, какая она на самом деле. Сам я никак не могу понять.

— Ты хочешь сказать, что она разочаровывает тебя?

— Да нет, как можно так сказать о принцессе! Хотя, кому я вру — да, я думал о ней немного иначе. Я думал она нежное и невинное создание, слабое и незащищенное, которому нужна опора, помощь. На первый взгляд Белл...прости, её высочество скромная, хотя и пытающаяся перебороть себя, так как ей предстоит нелёгкая судьба, в силу её положения. Ей нужно быть готовой к трудностям, к которым она себя заставляет привыкнуть.

— Bravo! Что же ты хочешь от меня, когда ты сам практически безошибочно угадал её характер?

— Мне кажется, мы оба пришли в заблуждение, поверив её словам и внешнему обаянию.

— Что заставило тебя сделать такие выводы?

— Видишь ли, когда мы остановились вчера в таверне, ну ты помнишь, я увидел там графа Аморвила.

— Это мужчина, с которым принцесса разговаривала? Я его как-то видел, но близко общаться не приходилось.

— Да, он самый.

— Ты бы сейчас себя видел, у тебя глаза кровью налились. Если ты разочаровался в её высочестве из-за того, что увидел её в обществе другого кавалера, то тебе просто стоит попридержать свою глупую ревность, или зависть, потому что она не твоя невеста, и быть ей не может, — участливо похлопал виконт по плечу маркиза, — а я не вижу ничего плохого в том, что она пообщалась с личностью противоположного пола. Она сама признавалась мне, что совершенно не умеет вести себя с молодыми людьми и ей нужно бы набраться этого опыта до того, как она окажется перед огромной массой самых разнообразных монархов и их наследников, в совершенно незнакомом месте.

— Это всё верно, но меня смущает не то, что её высочество общается, а с кем она общается. Этот граф, сэръ Дерек, определённо не подходящая личность.

— А вот тут поподробнее. Сам понимаешь, мне необходимо знать как можно больше о людях, которые приближаются к моей подопечной.

— Если я тебе расскажу, ты мне не поверишь, подумав, что я желаю просто удалить от принцессы человека, который ей, по-видимому, приятен.

— Это ещё почему же? Всё настолько серьёзно?

— Всё настолько серьёзно и плохо, что, узнав об этом человеке то, что знаю я, ты не подпустишь его к её высочеству и на километр!

Двери дворца распахнул лакей. Оттуда по широкой лестнице спускались девушки, чьё появление не дало завершить разговор, так взволновавший виконта Тревора. Первой спускалась Мария, в блестящем чёрном платье, которое отличалось простотой и элегантностью. Чёрные перчатки выше локтя обтягивали стройные руки, а на плечах висела серебряная мантилья из тонкого кружева, такими же нитями были переплетены волосы, убранные красивым высоким узлом на затылке. Из-под подола иногда выглядывали мягкие серебряные туфли. Следом вышли Беллона и Габриэль. Их распущенные волосы развевались по плечам пышными локонами. Принцесса была в платье глубокого тёмно-зелёного цвета из искрящейся ткани с золотыми кружевами. А её подруга в тёмно-синем, того же фасона, только без кружев. Обе девушки были ослепительны.

— И ты хочешь, чтобы я смог сдерживать своё восхищение перед принцессой? — только и смог шепнуть Сержио виконту.

Глава 16. "Трагедия"

Ступив первый раз на порог театра трудно передать эмоции, которые охватывают душу. Так и Беллона поднималась по ступенькам его главного входа, словно в тумане. Вокруг столпотворение людей в вечерних туалетах, пахнущих дорогими духами. Народа было не счесть! Многие из зрителей большие почитатели примы — Луизианы Арфа, молодой талантливой актрисы приятной внешности и удивительного живого и яркого характера. Некоторые, особо ярые поклонники, пришли с цветами, которые уже не первый раз будут бросать к ногам своей обожаемой Лузи, как её называли среди своих. Но она была не склонна отвечать на их ухаживания, почти весь Риджейсити знал, почему, а принцессе это ещё предстояло узнать в не таком уж далёком будущем.

Пройдя мимо гардероба (принцесса оставила свою накидку в карете, так как Мария уверила её, что она слишком жаркая для зала, где будут гореть сотни свечей, а накидки её и Габи, можно вовсе не снимать) девушки очутились в фойе, в котором продавали фрукты, лимонад, шампанское и разнообразные закуски. Почти все присутствующие были осведомлены о том, что сегодня здесь будет их высочество и, наконец, дождавшись её, уже забыли, зачем изначально сюда пришли, остановив всё своё внимание на дочери короля. Беллона, побывавшая днём в такой ситуации, всё-таки немного смутилась, хоть и не подала никакого вида. Это случилось оттого, что во дворце она знала — никаких неожиданностей не будет, а здесь...здесь она искала глазами Дерека, который, девушка была уверена, не пропустит такой возможности встретиться с ней. А пока она была весьма расстроена тем, что он до сих пор не дал о себе знать. И блуждающий взгляд выдал её растерянность, которую особо внимательные и придирчивые персоны заметили и поспешили обсудить.

Девушки, виконт и маркиз прошли в зрительный зал и заняли ложу, в которой все привыкли видеть короля и принца с их свитой и друзьями. Королева редко посещала не только это заведение, но и вообще столицу, что уж говорить о принцессе, приезд которой был для всех настоящим сюрпризом. Однако все списали её появление на празднование шестнадцатилетия, которое Беллона отметила меньше двадцати дней назад. По меркам Феира и всех подобных ему планет, это был возраст совершеннолетия, в котором можно подыскивать себе супруга, а в лучшем случае — уже выходить замуж.

Её высочество взяла программку и ознакомилась с кратчайшим содержанием пьесы; название «Трагедия», жанр — комедийный. Смысл: двое влюблены, но никак не могут открыться друг другу, пытаясь признаться через третьи лица, из-за чего и происходят забавные случаи и путаницы. Они долго томятся и мучаются, думая, что возлюбленный любит другую, а возлюбленная другого. В конце концов, всё проясняется и их ожидает счастливый конец.

— Забавно, — констатировала вслух Беллона, — Габи, прочти, мне кажется, представление будет увлекательным. Странно, что называется «Трагедия», ведь обещают счастливый конец, да и сама ситуация смешная.

— Что же тут смешного? — сказала Мария, — Белл, по-моему, это вполне трагический сюжет.

— Смешно то, что девушка и юноша стесняются собственных чувств и из-за этого все их проблемы. Они сами себя лишают счастья, думая, что любовь — это порок, а будь они

посмелее, не было бы ошибок и недопонимания.

— Возможно, но ты не заметила, что есть подтекст, в котором трагизма больше, чем у главных героев.

— Да? Сейчас прочту ещё раз, наверное, я была невнимательна... — принцесса снова взяла буклет и тщательно изучила каждое предложение, — нет, признаться честно, я ничего не нахожу.

— Так вот: ошибочно признавшись другим людям, они более обманули других, нежели обманулись сами. Таким образом, помимо них, страдали те, кто поверил, что его любят и были обнадёжены фальшивыми признаниями. И если главных персонажей ждёт счастье и, возможно, свадьба, то второстепенные так и остаются с разбитым сердцем.

Беллона сильно удивилась, насколько глубоко вдумалась её кузина в несерьёзную, на первый взгляд, постановку. Но ей было известно, что «сказка ложь, да в ней намёк», а юмор — это всего-навсего оптимистично воспринятая реальная жизнь, которую каждый воспринимает по-разному. И тут же принцессе на ум пришла другая мысль. Сначала, увидев, о чём будет пьеса, она сразу же подумала о Габриэль, которая не могла открыться в симпатии к маркизу. А ведь если бы она это сделала, он хотя бы обратил на неё внимание. Теперь же её потревожил совсем другой факт — а было ли признание графа Аморвила настолько искренним, чтобы оказаться правдой? А что если он что-то другое имел в виду... Что если он любит другую? Что если он вообще никого не любит? «Нет, как можно! Он ведь не делал намёков, не передавал записок, не говорил в третьем лице — он чётко и ясно признался, что я ему сильно нравлюсь, так что же мне ещё надо, чтобы убедиться в его чувствах? А может, я ещё просто не уверена в своих? Нет! Я решалась на такие поступки, что у него не должно остаться сомнений. Одна охота чего стоила! И это из-за неё я сейчас здесь!». Но больше девушка не смогла вернуться в беспечное состояние, которое наступило у неё в начале вечера. И хоть она уже и не думала о таинственном происшествии в доме мадам Оливии, но теперь у неё болела голова по другому поводу — во что верить, а во что нет? Или кому верить, а кому нет? «Что ж, если сюжет пьесы натолкнул меня на мрачные мысли и навёл на вопросы, которые я раньше себе не задавала, может быть, если я внимательно её посмотрю, то и ответы найду там же». Заиграла вступительная музыка, и занавес стал подниматься.

Во время спектакля все зрители смеялись, некоторые даже очень громко. Абсолютно все без исключения аплодировали стоя после финальной сцены. Бурные овации взорвали зал; от первых рядов до последних, от кресел, до самого потолка слышались звуки хлопающих ладоней, сотрясающих помещение. Принцесса и её фрейлины тоже не смогли сдержаться и встали, что было верхом признания того, что пьеса превзошла все ожидания и стала успешной. Теперь её ожидают аншлаги, хотя королевский театр и до этого не пустовал. Виконтесса Леонверден от восторга кричала «браво». Беллона вдоволь нахохоталась и расслабилась, совершенно забыв о грусти и страхах. Как правильно заметила днём Габриэль — развлечения, а тем более получение новых и положительных эмоций, прогоняют прочь меланхолию и угрюмое настроение.

Бернардо попросил подождать её высочество немного и посидеть ещё, пока толпа не разойдётся, и тогда они смогут беспрепятственно покинуть здание. Этим девушки и воспользовались, чтобы обсудить увиденное. Как обычно, больше всего впечатлений и слов было у Габи.

— Это просто чудо! Никогда не видела ничего подобного! Какая музыка, какие шутки,

какие актёры! Я бы смотрела снова и снова. Так жаль, что завтра придётся покинуть этот прекрасный город, который я только начала любить. Мари, ты такая счастливица, что живёшь здесь и можешь посещать такие места!

— Я хожу сюда не так часто. Ты же знаешь, всё то время, что я нахожусь дома, я провожу за учёбой, книгами и тетрадями, а все мои развлечения как раз в загородном дворце его величества.

— Девчонки, мы обязательно ещё побываем в этом месте, — пообещала Беллона, со светящимися от полученного удовольствия глазами, — но сейчас нам нужно ехать, или вы забыли? В наших планах ещё посещение мэра и его супруги, которые устраивают приём в мою честь. Я думаю, там будет не менее весело и интересно. Почти всё высшее общество соберётся у них.

— Подожди, туда ехать пока рано! — воспротивилась будущая графиня Нови, — давай сначала пойдём за кулисы и выразим своё восхищение актёрам?

— А что, это обязательно? Я думаю, им сейчас совершенно не до нас, они устали и хотят отдохнуть, ведь это мы получали удовольствие, а они работали, — возразила принцесса.

— Как?! Разве ты не пойдёшь знакомиться с Лузи? — удивилась Мария, — я согласна, что они устали, но ты их очень обидишь, если не окажешь хотя бы маленького знака внимания. Можно сказать, сегодня они играли для тебя.

— Да, вы правы, что-то я не подумала о том, что, приехав сюда, я тем самым обязала себя к определённым вещам. Что ж, идёмте. Бернардо, пожалуйста, проводите нас за кулисы, кажется, люди уже почти разошлись.

— Мари, и скажи мне, как зовут актёра, который был партнёром Луизианы? Такой милый... — не унималась виконтесса. Беллона уже не обратила внимание на реплику подруги, потому что та ещё во время пьесы прожужжала ей все уши хвалебными речами в сторону «очаровательного, милого и безумно обаятельного» артиста.

Виконт Тревор увидел, что за кулисы тянется большая вереница мужчин, вставших в очередь, чтобы ещё хоть на миг увидеть приму.

— Идёмте за мной, сейчас я разгоню этих ротозеев, фанатично обожающих ту, которая на них даже не обращает внимания.

— Нет-нет, стойте! — воскликнула Беллона, — не нужно никого разгонять ради меня. Мне не хочется выглядеть эгоистичной, нетерпеливой, зазнавшейся выскочкой. Я никогда такой не была и не собираюсь быть. Возможно, есть другой способ увидеться с артистами?

— Можно, — засмеялся Бернардо, — подождать час-полтора, пока удовлетворённые поклонники не разойдутся. Хотя, есть ещё один выход. Сзади театра есть служебный ход, там экипажи ждут тех, кто работает в этом здании, чтобы развозить их по домам. Обычно там нет такой толпы, и мы должны пройти беспрепятственно, как вы и хотели.

Решив отвести подопечную и её подруг через задний двор, где должен был находиться свободный вход, виконт повёл их из зала. Когда они вышли на улицу, было уже темно и довольно прохладно. Беллона поёжилась и потёрла плечи руками.

— Бернардо, а далеко до этого «запасного входа»?

— Нет, ваше высочество, буквально два поворота и мы уже у него.

— Белл, да что ты будешь мучиться, иди и возьми свою накидку. Вон наша карета, прямо напротив, — указала Габи, — к тому же, вдруг мы ещё захотим пройтись пешком, — сострила она, намекнув на прошлый день, когда они так неудачно попали под дождь.

— Да, мало ли что ещё случится. Кто знает, куда нас занесёт, — соглашаясь, засмеялась принцесса и пошла к экипажу. Но стоило ей сделать три шага, как она услышала топот лошадиных копыт, всё больше и больше нарастающий и приближающийся. Она повернула голову в ту сторону, откуда доносился звук, и в ужасе замерла. Прямо на неё, на огромной скорости, несся конь, выбивая подковами из булыжной дороги страшные раскаты грядущей беды.

Более ужасный момент Беллона не могла вспомнить. Это странное состояние, когда понимаешь, что ты могла бы что-то исправить, но всего секунду назад, а сейчас уже поздно, но секунды продолжают тянуться, а ты по-прежнему не в состоянии что-либо предпринять. Вмиг похолодев, девушка пыталась призвать какие-то потусторонние силы или чудо, которые могли бы её спасти. Её спина промокла, ладони стали влажными, и дышать стало нечем. Вдвойне плохо было оттого, что всего пять дней назад с ней происходило почти то же самое — несущийся конь, вящий ужас и она на волосок от смерти. Тогда рядом оказался маркиз. Сержио. Это имя ей хотелось произнести как заклинание, останавливающее все напасти, но перед глазами возникло лицо графа Аморвила, испуганное, переживающее и умоляющее. Что это? Мираж или она уже где-то в другом мире? А может всё это сон? Всё-всё, начиная с того утра, когда она увидела рыцарей во дворе своего брата. После этого Беллона потеряла сознание.

Испуганные Мария и Габриэль издали крики, увидев то, что происходило прямо перед ними. Сержио стоял дальше к принцессе, поэтому не успел ничего предпринять.

— Я не знаю, как и благодарить вас, сэръ Дерек, — еле выдавил из себя бледный, как полотно, Бернардо, подойдя к месту происшествия, — вы рисковали своей жизнью, спасая её высочество, и спасли её.

Рыцарь молчал. Он ещё не отдышался от того стремительного прыжка, который ему пришлось совершить, чтобы выбить девушку из-под копыт животного. Но всё-таки он это сделал. Он спас её. До него дошёл смысл слов виконта и Дерек начал приходить в себя. В его руках лежала без чувств королевская персона, но она ещё плюс к этому была и удивительно прекрасна. Прекрасна, и равнодушна к нему, потому что даже в момент, грозящий смертью, она прошептала «Сержио», а не его имя...

Глава 17. "Заговор"

Открыв глаза, Беллона первым делом увидела знакомый потолок. Да, это определённо был он — светло-бежевый цвет, на нём белым и зелёным нарисованы нарциссы и голуби. Стало быть «тот свет» похож на её спальню загородного дворца. Повернув голову набок, она узнала и стены, и картины, висящие на них, и даже всю мебель. Неужели такое бывает? Как оказалось не больно и не страшно терять жизнь.

Перед лицом возник образ прекрасной девушки. Это, наверное, был ангел. Странно, но он сильно кого-то напоминал. Кого-то хорошего и знакомого. Принцесса попыталась сесть. У неё это получилось. Что ж, совсем неплохо, значит, душа не теряет материальную оболочку, когда покидает землю. Настолько не теряет, что у этой оболочки ужасно болит локоть. С губ сорвался стон, который привлёк внимание ангела.

— Ваше высочество, вы очнулись? Как вы себя чувствуете? — голос был таким же нежным и добрым, как и внешность. «Господи, — подумалось Беллоне, — неужели же и здесь существуют титулы и звания?»

— Я...спасибо, хорошо, только вот рука — она сильно болит, — «Надо же, я тоже могу разговаривать! Это радует, хотя бы скажу им тут всё, что они неправильного сделали там, откуда я сюда попала».

— Да, вы ударились при падении. Но это всё ерунда, всего лишь синяки да ссадины. Главное, что вы живы и здоровы!

«Как, я жива?! Это просто какое-то чудо, в которое с трудом верится, но, судя по тому, как всё-таки ноют мои царапины на локте, это чистая правда».

— Да, главное, что я жива...но, что произошло?

— Вы ничего не помните? Бедняжка, представляю, испытав такое можно позабыть всё на свете!

— Я помню только лошадь. Она мчалась на меня, — Беллона удивилась своему спокойствию, с которым она об этом говорила. Наверное, пережив дважды что-то ужасное, уже привыкаешь ко всему. — А потом...потом я, кажется, потеряла сознание.

— Всё так и было. За вас все сильно испугались и скорее повезли сюда, к вашим родителям и лучшим докторам. Должна сказать вам, что вы не только практически не пострадали, но ещё у вас полностью выздоровела нога. Я слышала, у вас была какая-то болезнь суставов из-за малоподвижного образа жизни?

— Была. Но это пустяки. Боже, уже день?! — принцесса увидела свет, падающий в прорезь между шторами, — скорее раздвиньте окно. Сколько же я проспала?

— Не волнуйтесь так. Сейчас лишь раннее утро, что-то около восьми, — говорила девушка, выполняя просьбу Беллоны, — а волноваться вам нельзя. Это именно из-за переживаний вы впали, так сказать, в своеобразное забытьё. Ещё раз нужно сказать спасибо вашим ангелам-хранителям, которые так вас оберегают. Или, вернее, вашему спасителю, который спас вас от неминуемой гибели.

— Боже мой, Сержио! Он снова спас меня?! Как он?

— А при чём здесь он? — нахмурилась девушка, — и почему вы говорите «опять»? Что-то уже случалось с вами? И я думала, что вы с ним едва знакомы...

Поняв, что сболтнула лишнего, принцесса попыталась исправить положение.

— Да, я с ним действительно знакома не больше недели, а про спасение — я просто заговариваюсь, знаете, моя голова ещё не достаточно хорошо работает, моменты мелькают перед глазами, и я пытаюсь выстроить их по порядку, — Беллона посмотрела на девушку более внимательно. Ну, наконец-то! — Я поняла, кого вы мне напоминаете. Вы удивительно похожи на Сержио!

— Ну, ещё бы, — улыбнулась в ответ собеседница, — я же его родная сестра.

— Родная сестра? Я ни чего о вас не знала. Да что и говорить, я ничего не знаю о маркизе.

— Это и не удивительно, ведь вы не общаетесь с компанией своего брата, насколько мне известно. Вы только вступаете в возраст, когда девушка помимо подруг и кукол заводит другие знакомства.

— Это так. Позавчера я вообще впервые покинула замок без родителей, и вот чем всё закончилось. Стоп. Так вы сказали, что ваш брат здесь ни при чём? Тогда кто же сохранил мне жизнь?

— Некто рыцарь, по имени сэра Аморвил.

Чувства снова стали покидать Беллону. Всё завертелось калейдоскопом. Вот, стало припоминаться: лошадь, опасность, мысль о маркизе и, взявшееся ниоткуда, лицо графа. Всё так и было. Значит, это он рисковал жизнью ради неё! Значит, он её любит...

— Ваше высочество! Что с вами, вы снова теряете сознание?! — сестра Сержио поднесла ей к носу нюхательную соль, от которой сознание резко вернулось.

— Простите, просто вспомнила этого проклятого коня, и стало дурно. Как вас зовут? Я раньше никогда не видела вас при дворе.

— Меня зовут Британика. Дело в том, что всего два часа назад я с мужем впервые приехала сюда. До этого я не была ни то что во дворце, но даже в этих окрестностях.

— Как, вы замужем? Мне казалось, что вы совсем ещё юная...

— Осенью мне будет девятнадцать, я на три года младше Сержио. Ещё у нас есть младшие сестрёнка и братик. Они остались с матерью, на нашей родине, далеко отсюда.

— Я что-то слышала о том, что маркиз приехал издалека. А, ваш муж, кто он? Он тоже впервые при дворе и приехал за сотни километров от родного дома?

— Нет, Бенвор, напротив, уже больше десяти лет служит его величеству. Он член парламента, советник вашего отца, один из дипломатов и офицеров его тайной полиции. Обычно он всегда рядом со своим сувереном, но месяц назад мы поженились, и ему позволили отбыть в заслуженный отпуск в честь медового месяца. Сегодня этот отдых закончился, и мы прибыли дальше нести верную службу его величеству.

— Ах, вот оно что! Как это романтично — вы сыграли свадьбу всего несколько недель назад. В последнее время я всё чаще думаю о таких вещах. Мои родители уже говорят мне о том, что пора бы и обручиться с каким-нибудь принцем. Но это ведь так ответственно! Это не простое дело — это выбор человека, с которым проведёшь всю оставшуюся жизнь. Скажите, Британика, а как вы познакомились и волновались ли, когда шли под венец?

— Ваше высочество, я вышла замуж за совершенно незнакомого мне человека и впервые увидела Бенвора, когда оставалась неделя до свадьбы.

— Господи, это, наверное, так ужасно! Я бы не смогла, я бы не выдержала, сбежала бы...

— А у меня не было особого выбора. У нас нет отца, поэтому Сержио выполняет роль главы семьи. Он заочно сосватал меня тому, кого сам выбрал. Он остановился на самом

удачном и успешном варианте, который нашёл здесь. Во-первых, он сделал это ради выгоды, а во-вторых, чтобы я перебралась к нему поближе, и он видел, как относится ко мне мой муж. А останься я там, у себя на родине, я бы была женой сельского, полу-необразованного дворянчика.

— И как вы теперь живёте? Вы счастливы? Хотя понимаю, что за месяц нельзя сказать точно, правильно ли ты поступила или нет.

— Пока я могу сказать, что более счастливой я не была за всю свою жизнь. Я благодарна брату за то, что он не ошибся и устроил мне такой брак. Я полюбила Бенвора почти в первый день после свадьбы, и он относится ко мне, как нельзя лучше. А что ещё нужно женщине, как не заботливый и понимающий супруг? Сейчас меня печалит только одно — теперь у него появится столько дел, что на меня не останется времени. Он всегда полностью отдаётся делам и если есть какая-то проблема, он не будет думать ни о чём другом, пока не решит её.

— Что ж, это неплохое качество для человека, у которого такие обязанности. Но, вроде, пока на Феире всё спокойно и много забот у него не будет.

— Если бы, как только мы приехали, его величество сразу же вызвал его к себе. К тому же он мне что-то говорил о своём брате, который вскоре может стать магистром какого-то ордена и ему нужно будет очень многое с ним обсудить.

— Пойдите, я слышала о вашем муже! Я вспомнила, совсем недавно отец упоминал об этом человеке, как раз в связи с его братом. Это ведь не родной брат, да? Сводный?

— Да, ваше высочество, так и есть, но, кроме того, что его зовут Корнелио Модис, я ничего о нём не знаю. Но мне очень хотелось бы с ним познакомиться, так как я совершенно ничего не знаю о семье Бенвора.

— Пока, к сожалению, вам это не удастся. Корнелио Модис на Северной Луне и прибудет неизвестно когда. Но в этом есть и положительные стороны — вашему супругу не придётся заниматься его делами. Британика, а не могли бы вы поподробнее рассказать, что же всё-таки происходило, пока я спала?

— Ваше высочество, я не очень осведомлена. Меня попросили присмотреть за вами лишь по двум причинам — я немного знакома с медициной, и у всех других — дела и занятость выше крыши. Боже, но что же я сижу! Мне нужно сказать всем, что с вами всё в порядке, и вы очнулись.

— Конечно, и, пожалуйста, позовите кого-нибудь из моих друзей. Я хочу, чтобы мне всё-таки рассказали о событиях этой ночи.

Британика кивнула и убежала за дверь. Принцесса осталась наедине со своими мыслями. На всякий случай она зажала в руке нюхательную соль, чтобы снова не упасть в обморок. «Вот так чудеса. Всё вроде бы и прояснилось, но всё равно, события кажутся мне нереальными. Взять хотя бы то, что меня спас Дерек. Я до глубины души удивлена, рада, обеспокоена. Много противоречивых чувств. Почему, если он был в театре, то не подошёл, не поговорил со мной, а где-то притаился и решился показаться только в столь экстренной ситуации? Ещё больше меня мучает то, что за неделю я второй раз чуть не погибла по вине лошади. Что это — проклятье? Чистая случайность и совпадение? Какой-то злой рок». Голова раскалывалась от невозможности понять, что происходит. Беллона уже хотела зарыться под подушки и попытаться забыться сном, тяжёлым, тревожным, кошмарным — каким бы он ни был, но лишь бы перестать думать. Но в этот момент в дверь тихо постучали. Настолько тихо, что если бы не крайне напряжённые нервы девушки, она и не заметила бы

этого звука.

— Войдите, пожалуйста.

Дверь отворилась и в комнату, со склонённой головой и опущенным взглядом, вошёл маркиз о'Лермон.

— Разрешите поговорить с вами, ваше высочество?

— Да-да, разумеется. Прошу вас, сядьте вот на это кресло, не стойте в дверях. Я и сама хотела бы поговорить о многом.

Маркиз повиновался и робко сел. Без своей красной шляпы и алого плаща он смотрелся немного моложе, а по его скромному выражению лица стало ясно, что обычно наглый и распущенный вид он делает специально, в угоду принцу и друзьям, а так же братьям по ордену.

— В первую очередь, я хотел бы извиниться...да нет, нет мне прощения за то, что я не смог оказаться вовремя...

— Перестаньте, вы же видите — я жива и почти в порядке, Вам не за что себя корить.

— И всё же, себе я никогда не прощу! Если бы не сэр Дерек!

— Маркиз, простите и вы меня за то, что я так грубо говорила с вами у таверны, я очень некрасиво себя повела.

— Ваше высочество, не нужно, вы ставите меня в неловкое положение. Я всё понимаю... — Сержио зарделся от стеснения.

— Нет, я прошу прощения и признаю, что была неправа. Я неблагодарная и невоспитанная девчонка! Ведь вы тоже спасли мне жизнь, а я никак не отплатила вам за это.

— Какая тут может быть и речь! Любой благородный человек поступил бы так же. Это был мой долг, но я выполнил его с огромным удовольствием и, если бы пришлось, поступил так ещё тысячу раз.

— Что ж, когда мы поняли и простили друг друга, позвольте задать вам несколько вопросов о событиях накануне?

— Я сам пришёл поговорить именно об этом!

— Тогда расскажите всё, как было.

— Хорошо. Извините за волнение, мне трудно со спокойствием вспоминать, что вчера чуть не произошло на моих глазах. После того, как конь...лошадь...одни словом животное умчалось и исчезло на горизонте, я и Берни — виконт Тревор, помчались к вам и увидели, что вас отбросил в сторону граф Аморвил. Всё было так быстро, буквально молниеносно, что мы не поняли, как и откуда он появился. Набежало много любопытных людей, которые не могли оставить такое без внимания. Бернардо пришлось оттеснять их вместе с гвардейцами и объяснять, что вы впервые в городе, поэтому растерялись, и с вами чуть не случился несчастный случай. Ваши подруги переживали и что-то верещали, но нам было не до них. Мы повезли вас во дворец. Виконт написал письмо с извинениями мэру и официальное заявление по поводу случившегося. Он отдал его прибежавшим корреспондентам из газет. Сказал, что вы ужасно испуганы и желаете уехать домой. Но тем временем вы в себя не приходили, поэтому мы решили, что вас следует показать королевскому доктору, а, как известно, он находился здесь.

— Кого вы подразумеваете, когда говорите «мы»?

— Я, Бернардо и сэр Дерек. Ни один из нас не согласился отойти от вас ни на шаг, поэтому все решения принимались совместно. Всё это время вёлся поиск всадника, который был виновником всего. С огорчением должен заметить, что найти его не удалось. Сразу

напасть на его след не получилось, а потом... потом это стало невозможным. Сами понимаете, молодого человека никто не разглядел, а юношей, у которых есть конь, огромное множество.

— Ну и что же? Вы хотели поймать бедного, куда-то спешащего человека, да ещё и наказать за несчастный случай?

— Тут-то и вся загвоздка. Видите ли, мы трое пришли к заключению, что на вас кто-то покушался. И уже не в первый раз.

— Что?! — Беллона почти впала в панику, но после своего вскрика неожиданно успокоилась. Она была готова к этому. Где-то в глубине души она ещё после неудачной охоты чувствовала, что её жизни грозит опасность. И эта опасность исходила от кого-то, от живого человека, который преследовал её и пытался лишить жизни. Или это было несколько человек...

— Я понимаю, как вам сейчас нелегко. Нет ничего хорошего, когда против тебя существует заговор, о котором ты ничего не подозреваешь, и не можешь с ним ничего сделать. Ваше высочество, я и Дерек решили, что следует рассказать Бернардо об охоте, что мы и сделали. После этого он ещё раз подтвердил, что сомнений нет, и у вас есть враг, или враги...

— Но кто? Кто может мне желать зла? Я никогда никому не делала ничего плохого, не оскорбляла и не напрашивалась на ссору.

— Всё это всем известно. Из этого следует вывод, что против вас лично никто не имеет антипатий, вы просто стали удобной мишенью для недругов вашего отца или брата. Это всё политика, поймите. Жестокий мир не терпит удачливых людей, у которых есть всё, включая власть. Всегда найдутся те, кому станет завистно и он захочет побороться.

— Так, мой отец знает об охоте и...И я хочу поговорить с Бернардо, и сэром Дерекком!

— Успокойтесь, его величество ничего не знает, хоть и попросил присмотреть за вами Бенвора Эскорини, мужа моей сестры. Но он мой хороший товарищ, поэтому я, он и сэр Дерек будем вести расследование с ним заодно, и, само собой, присматривать за вами. Его тоже пришлось посвятить во все ваши приключения, но на него можно положиться, королю он ничего не сболтнёт. А тех, кого вы хотите видеть, я сейчас позвать не могу. Граф Аморвил готовится к торжественному награждению орденом Храброго сердца, который присвоил ему король Робин, а Бернардо собирает чемоданы в путь...

— Что?! Куда он уезжает? Он не может оставить меня в такую минуту!

— Он покидает Феир не по своей воле. Его величество приказал ему отбыть в ссылку за то, что он не справился со своими обязанностями и допустил роковую для него ошибку. Если бы не заступничество его высокопоставленных родителей, он мог бы отправиться, как изгнанник, на далёкий остров, или в далёкий город, но он всего лишь на время уезжает погостить на другой планете, а потом возвратится с возможностью снова вернуться к своей должности.

— Когда и как надолго он отбывает? Я хочу успеть с ним попрощаться.

— Не переживайте, успеете. Он покинет Феир завтра, вместе с принцем Робинем и его товарищами. Их отсутствие не продлится дольше двух недель. На дне рождения короля все определённо будут присутствовать.

— Слава Богу, а я уж испугалась, что не увижу его больше. Мне будет его не хватать, что ни говори, а он очень приятный человек. К тому же, он мог бы сильно помочь следствию. Он всё это время был рядом со мной, он всё знает. У вас есть уже хоть какие-нибудь

подозрения?

— Мы выдвинули массу теорий, которые по той или другой причине пришлось отместить. Сначала Бернардо предположил, что покушения организуют рыцари ордена Стеллы...

— Нет, такого быть не может! — замотала головой Беллона.

— Подождите, послушайте. Если я выскажу вам все наши догадки, может быть, у вас появится какая-нибудь идея. Так вот. Я поначалу склонен был с ним согласиться, хотя и сам состою в этом ордене, ведь все неприятности начались после того, как эти олтернцы приехали к нам на Феир. Но были две мешающих детали: во-первых, просто из-за них мы стали покидать территорию замка, став тем самым доступнее для тех, кто покушался на вас. А во-вторых, какой смысл был сэру Дереку спасать вас, если их целью было от вас избавиться? Вы уж простите за то, что я говорю такие неприятные вещи...

— Ничего страшного. Правда — она и есть правда, какой бы она ни была. И лучше мне тоже всё знать, чтобы по возможности самой защититься. Кстати, — решила Беллона на предположение, которое ей самой стало крайне отвратительным, — а вы не подумали, что граф Аморвил сам подстроил и сам спас для того, чтобы отличиться перед королём и попасть ему в доверие?

— Да, была и такая мысль, но тогда с какой целью было то покушение в лесу, в Финкер-Оренстоффе, если он заведомо был осведомлён, что король не знал и не узнает о происходящем? Нет, тут много разных мелочей, которые не сходятся.

Беллона тут же подумала о ночи в доме матери Марии. Сейчас она была почти уверена, что мужчина залазил в дом, с одним желанием — убить её. И как же ей стало стыдно за то, что она приняла незнакомца за Дереку, который ради неё чуть ли не погиб сам. Как будто перехватив мысли принцессы, маркиз заговорил о том же самом.

— Бернардо так же рассказал нам о непонятной ситуации прошлой ночи. Я и Дерек были в недоумении, что бы это могло значить, но потом, простите за откровенность, я не должен говорить такие прямые слова при вас, но чтобы вы успокоились, всё же скажу к чему мы пришли. Мадам Оливия не отличается безупречной репутацией, и этот гость, скорее всего, был к ней. Она спрятала его где-нибудь, устыдившись, и не призналась.

— Возможно...это было бы логичным объяснением. Так есть ещё предположения по поводу покушений?

— Есть одно серьёзное. Но оно не очень лицеприятное. Кроме рыцарей совсем недавно во дворец прибыла ваша подруга — виконтесса...

— Нет, я даже не хочу слушать это! Габи самое невинное создание из всех людей, которых я только знаю. Она не то, что человека, она насекомое не тронет. К тому же, она одна из двух моих самых близких подруг. Эти девушки относятся к людям, в которых я уверена, как сама в себе!

— Кстати о Марии, она тоже очень интересная личность.

— Да вы с ума все посходили! Вам просто больше некого обвинить! Или, может, себя обелить пытаетесь?! Я скорее поверю, что это вы, маркиз, или Бернардо хотели избавиться от меня! Подумайте сами, зачем им меня вообще трогать?

— Я же говорил, тут ни при чём личная симпатия, это всё политика. Они могут быть приверженцами определённых взглядов или позиций. Сейчас множество девушек-шпионов.

— Всё, хватит, вы начинаете говорить полную чушь! У вас есть хоть одно доказательство? Лесник, которого видел шевалье в лесу? Он был ряженой девушкой? Или, может, работал на них? А всадник? Что о нём скажете? Когда его успела нанять Мария или

Габи, если они не отходили от меня и Бернардо целые сутки? Так вот, если у вас появится хоть один нормальный довод, я готова буду вас выслушать.

— Извините, принцесса, моё дело было предупредить. Я признаю, что предположил то, что наполовину фантастично, но всё-таки, я смею просить вас не говорить ни слова о начавшемся расследовании своим подругам. К вам должен с минуты на минуту прийти Бенвор, он задаст кое-какие вопросы и после этого можете делать, что хотите. До свидания.

— Пойдите, маркиз. Я просто сорвалась, поймите, каково, когда лучших подруг обвиняют в том, что они тебе вовсе и не подруги. Как бы вы поступили, если бы заподозрили, что мой брат или кто-то из ваших друзей желает вашей смерти? У меня такое ощущение, что весь мир перевернулся с ног на голову, я не знаю, кто есть кто, но очень хочу узнать. Но от того, как сильно я хочу, ничего не меняется. Сержио, — можно я буду вас так называть? — скажите, может всё-таки есть шанс, что это всё делает кто-то посторонний? Какие-нибудь заговорщики?

Беллона с надеждой посмотрела в чистые голубые глаза кавалера о'Лермона, но там даже не за что было зацепиться. Он печально качал головой в ответ на мольбу в её взгляде.

— Вы можете называть меня Сержио, — в конце концов, улыбнулся он, — только ничего ободряющего я вам всё равно сказать не могу. Если бы ваше присутствие на охоте было общеизвестным фактом, тогда да. Но так — подозревать можно только тех, кто о ней знал и непосредственно присутствовал при её планировании или вообще, участвовал в ней.

— Сержио, тогда, можно последний вопрос?

— Конечно.

— О чём вы спорили с сэром Дерекком за постоянным двором?

— Я думаю, это неважно, моё мнение всё равно покажется вам неправильным.

— Нет, сейчас я готова всё выслушать и понять по-другому. Не думайте, что я заранее займу его сторону.

— Я просил его не преследовать вас, так как у него не самая лучшая репутация и близкое знакомство с ним может только опорочить любую порядочную девушку. Тем более принцессу. Я был бы не против, если бы вы с ним стали друзьями, он не слишком плохой человек, но проблема в нём — он не умеет дружить с женщинами.

— И что же он сам ответил вам на это?

— Что это не моё дело, и что он не хочет причинить вам никакого вреда.

— И это всё? Вы что-то не договариваете, вы не могли из-за этого схватиться за шпаги!

— Мне больше нечего сказать по этому поводу. Простите, мне нужно идти, пойду, позову Бенвора, — откланялся маркиз и удалился.

После того, как ушёл Бенвор, с которым Беллоне, может, и приятно было бы познакомиться, но в другой ситуации, она уткнулась в подушку и долго и горько плакала. Что ей теперь оставалось делать? Подругам верить нельзя, отцу всего говорить нельзя, малознакомым людям тем более. Она рассказала князю всё, что знала и смогла вспомнить. Теперь у неё осталась только мать, которая почти всё знала и которая точно не желала смерти единственной дочери. Ещё тётя Алиса, тётя Коломбина. Хотя, кто их знает? Что уж говорить о графине Перфери и баронессе, а её дочь Матильда... Её дочь Матильда! Господи, как же она забыла о ней! Она была на охоте, она давно не любит принцессу и ничего хорошего ей не желает. А шевадьё в неё точно влюбился, это было видно и, увидев, как она кидает кинжал в Беллону, мог прикрыть её, сказав, что видел лесника. Это всё так

элементарно и складывается, как мозаика. Да даже если она не самолично кидала тот нож, что ей мешало подговорить кого-то из знакомых? У неё столько поклонников, что один из них вполне мог решиться на такое за какой-нибудь поцелуй или свидание. Случай у театра тоже относился к такому же варианту. Но как это доказать? Нельзя же просто показать пальцем на человека и всё. Само собой разумеется, что если дочь короля сильно захочет и потребует ареста молодой баронессы, то так это всё и будет, но что скажут о ней люди? Что она позавидовала красивой Матильде, что она из ревности отправила её в изгнание. Так ни куда не годится. Нужно искать улики и поделиться этими мыслями с Сержио, Дерекком или Бенвором. А вдруг и тут ошибка? Нет, баронесса не похожа на убийцу, в это до сих пор слабо верилось. Просто она единственная, на кого бы Беллона подумала без страха и отчаяния. Она вспомнила, как после охоты все сразу же ополчились на рыцарей, но потом это как-то быстро замяли. Наверное, из-за того, что именно один из них спас ей жизнь, да и второй раз тоже это был рыцарь их ордена. Вот бы поговорить сейчас с кем-нибудь. Странно, но маркиз совершенно отбил желание болтать с подругами обо всём этом. Как-то неприятно в памяти всплывали два момента. Первым был тот, когда, подъезжая к театру, Мария уговаривала Беллону оставить накидку в экипаже, потому что в помещении жарко, а вторым, последовательно после него, как само собой, появлялся следующий: как Габи произносит «Белл, да что ты будешь мучиться, иди и возьми свою накидку. Вон наша карета, прямо напротив». Неужели возможно, чтобы обе подруги, которые были ей, как сёстры, сговорились против неё, и предали? Из глаз снова хлынули солёные слёзы, которые душили принцессу, пока она, измученная, не заснула.

Разбудила её королева. Солнце уже вовсю светило в окно. Был полдень.

— Дочка, я так волновалась за тебя! Когда я узнала, что произошло, я думала, мне самой потребуется врач. Я молилась за тебя, я просила все силы небес и земли придти тебе на помощь и вот, слава Богу, всё обошлось и ты жива, и даже невредима!

— Почти невредима, мама. У меня болит рука, но даже не это беспокоит меня, а моё душевное состояние. Знаешь, мне никогда не было так плохо и пусто внутри. Ты одна у меня осталась, кому я могу довериться и всё рассказать.

— Бедная моя девочка, сколько тебе пришлось пережить! — королева обняла дочь, и они долго сидели молча.

Беллона не стала ничего рассказывать матери, та могла нечаянно поделиться с подругами — баронессой или графинями, а это было совсем ни к чему — достаточно было и того, что Веста понимала принцессу и чувствовала, что происходит что-то нехорошее. После того, как девушка успокоилась, женщина решила снова заговорить.

— Знаешь, отец хотел, чтобы ты присутствовала на награждении рыцаря, который героически спас тебе жизнь. Он просил позвать тебя, но если ты не хочешь, или ещё не в состоянии, то, разумеется, никто не будет на этом настаивать.

— Нет, я вполне способна подняться, одеться и участвовать на торжестве. Было бы верхом неприличия не отблагодарить этого человека.

Королева посмотрела в глаза дочери и печально улыбнулась.

— Ты очень сильная. Мне показалось, что передо мной сидит моя покойная сестра. Знаешь, Минерва могла бы быть прекрасной девушкой, но я прошу тебя, не будь похожа на неё, иначе и тебя ждёт её судьба, а она была совсем не лёгкой и не радостной.

— Не волнуйся мама, я никогда не сделаю того, что бы могло тебя расстроить. И тем более, возможно своим характером я пошла в папу, он ведь у нас тоже не из слабого десятка.

— Это правда, он такой, и ты на него безумно похожа.

Через час принцесса уже стояла на возвышении, в тронном зале, рядом с отцом. Под торжественную музыку, после долгих благодарственных речей, король прикалывал на грудь Дерекка Аморвила орден Храброго сердца. В присутствии более чем пятидесяти знатных лиц Робин Третий заверил графа, что тот отныне его друг, а он — его должник. Пожав руки, мужчины прошли к столу, где устраивался обед, чествовавший героя дня. Ему выделили место по правую руку от монарха. Беллоне хотелось бы улыбаться от счастья, но почему-то, на лице застыла маска недоверия, а глаза по-прежнему были влажными, стоило им встретиться с кем-то из друзей или подруг, которые теперь относились к подозреваемым.

Глава 18. "Догадки"

Наступил следующий день. Накануне Беллона попрощалась с виконтом Тревором. Их встреча была короткой и грустной, такой же, как и комната молодого человека, которая, казалось, уже скучала без своего хозяина; потемневшая, слегка опустевшая. Принцесса зашла к нему, когда уже стояли собранными вещи. Судя по тому, что их было немного, девушка ещё раз убедилась, что он уезжает ненадолго.

— Бернардо, мне жаль, что всё так получилось. Из-за меня и моей, как бы сказать поточнее, моей нерасторопности, глупости, моей нелепости, по причине которой у меня появились недоброжелатели, страдаете вы.

— Всё в порядке, мне досталось по заслугам, — усмехнулся виконт, — я жалею только об одном: теперь не смогу присмотреть за вами, как следует. Всё-таки, создавшаяся конъюнктура — это не шутки...

— И не говорите, я сама уже нахожусь в какой-то прострации. Просто не знаю, что и делать, а, тем более, что думать. Даже нет желания ни с кем видеться, потому что не знаю, чего ждать от этих людей.

— Ваше высочество, разрешите напоследок дать вам один совет. Не говорите никому о своих подозрениях по поводу покушений на вас, это может спугнуть того, кто это всё делает. Примите наивный и доверчивый вид, но всегда будьте начеку. Если вы хоть каплю верите мне, то я вам скажу, что единственные люди, которые точно не причастны к происходящему, это Сержио, его сестра и её муж — Бенвор Эскорини. Ну, и разумеется, король с королевой. Все остальные, без исключений, находятся, лично в моём, подозрении.

— Я верю вам, Бернардо. Большое спасибо, за всё. Но как же сэр Дерек? Он ведь спас меня...

— Это так, но слишком уж он подозрительная и мрачная личность.

Так и получилось, что после этого разговора, принцесса стала сторониться своих подруг, да и вообще большинства придворных. Её постоянно окружали те самые три человека, которых назвал виконт Тревор. Иногда она ещё общалась с матерью. Мария уехала в город по учебным делам, а Габи была в недоумении по поводу странного поведения своей подруги и целыми днями сидела в комнате или гуляла с Ромашкой.

Беллона поделилась с князем и маркизом своими мыслями по поводу баронессы и обмана шевалье, на что Сержио вызвался подробно допросить его. Тот уклончиво отвечал и отнекивался, пока к кавалеру не присоединился сам офицер тайной полиции. Каково же было всеобщее удивление, когда Густаво на самом деле признался, что наврал по поводу лесника. После этого его почти замучили расспросами, кого же он прикрывает на самом деле, но он клялся и божился, что не видел вообще никого, а ложь была выдумана с одной целью — отвести подозрения от ордена, который на самом деле, не причастен и не виновен.

Итак, теперь не оставалось сомнений — никого постороннего тогда не было, и нож кидал кто-то из известных присутствующих людей. От этой новости Беллону пробил дрожь. Метать ножи её фрейлины явно не умели, по крайней мере, насколько ей это было известно. Стало быть, убийца-неудачник мужчина. Оставалось только методом исключения его вычислить. А впрочем, к чему такие мучения? Это не Сержио и не Дерек, а значит и не орден, иначе они бы были осведомлены о каких-нибудь тайных планах и не мешали их

воплощению в жизнь. Оставался Мартин Бенк, друг принца, но, в целом, лицо, о котором принцесса ничегошеньки не знала.

Когда следствие сошлось на его персоне, было уже поздно — принц с друзьями, к которым относился и граф Финкер-Оренстофф, отчалил на Троинджи, на празднование дня рождения одного из многочисленных товарищей Робина-младшего — принца Дональда. Из участвовавших в расследовании с Мартином был хорошо знаком только Сержио, который готов был поручиться за невиновность придворного, если бы сам не зашёл в тупик в своих размышлениях. Хотя существовал ещё один, последний вариант, с которым маркиз ещё менее охотно соглашался — Джордану Льюмену поручили секретное дело, избавиться от принцессы Феира, при этом посвятив в план только пару человек, помимо себя самого. Таким образом, всё будет происходить, как по писанному; несколько рыцарей пытаются, вполне искренне и честно, спасти девушку, в то время как другая их часть пытается её убить. Однако Сержио было не переспорить — ни один рыцарь или кавалер, носящий на груди имя Стеллы Нордмунской, не только не поднимет руку на женщину, но даже не помыслит ничего подобного. А вот друзья принца уже давненько славились своей жестокостью и необузданностью, особенно по отношению к женскому полу. Что ж, приходилось с этим согласиться. Делать до возвращения Мартина Бенка всё равно было нечего.

Прошло четыре дня после возвращения принцессы из Риджейсити. Наступило двадцать девятое мая. День стоял удушливый. Все готовились к открытию летнего сезона, поэтому никому в южном дворе не было дело до двух прогуливающих девушек — Беллоны и её новой подруги, Британики Эскорини, которая оказалась простой и милой девушкой, приятной в общении и полезной в разных вопросах. Они бродили здесь потому, что князь, как всегда, суетился при короле, а сестра маркиза, как верная и добропорядочная жена, везде следовала за супругом, а принцессе, разумеется, было намного спокойнее с этой парой. Девушки избегали людных мест и, тем более, приближения к конюшням и лошадям. Нет, у Беллоны вовсе не появился панический страх от этих животных, но, дабы не тревожить не очень приятные воспоминания, она старалась держаться от них подальше. Девушка так много времени тратила на мысли о происшествии последних двенадцати дней, что теперь мало что выводило её из состояния задумчивости, а каждая мелочь, связанная с тем или иным событием вводила её в ещё более глубокое философствование. Особенно задевали её нечаянные и мимолётные столкновения и встречи с графом Аморвилем. Он приобрёл при дворе большую значимость, был окружён повышенным вниманием. Даже король часто общался с ним и, что было просто невыносимо Беллоне, постоянно приглашал его на семейный обед монаршей семьи, где тот снова становился центром всех бесед и разговоров. Девушка каждый день записывала в дневник все его слова и фразы, а потом перечитывала. «Я никогда не знала, что такое любовь, — писала принцесса, — но то, что я испытываю к Дереку, это, скорее всего, и есть она. А что же ещё? Как можно назвать чувство постоянного желания находиться с кем-либо, видеть его, слышать, ощущать... Боже, я влюбилась, как дурочка. Забываю обо всём на свете, когда думаю о нём. Но нет, ещё рано говорить о серьёзности моих чувств. Только время может доказать их. Мама была права, когда говорила: то, что быстро вспыхивает, так же скоро потухает. Но я никогда не была такой ветреной, как Габи, поэтому, вполне возможно, что я составлю исключение из правил. Дерек, кажется, тоже что-то ко мне чувствует. Интересно, то же самое, что и я? Или сильнее? Или слабее? Ах, как хочется узнать ответы на все вопросы». Это было удивительно даже для самой Беллоны — после двух покушений на её жизнь, опасностей и неизвестности,

которая хранилась до сих пор, она умудрялась ломать голову над чувствами, романтикой и любовью. Вот он — оптимизм юности! Что ни происходит, а ты всё равно продолжаешь верить, надеяться, мечтать. В зрелом возрасте мало кто смог бы так себя вести.

Шагая вдоль стены по теньку, чтобы не сгореть под палящим полуденным солнцем, девушки то молчали, то перешёптывались, пока им на встречу не вышел граф Аморвил. Обе не были удивлены, так как мужчина часто попадался им во дворце. Но в этот раз это был тот случай, когда можно было начать непринуждённую беседу, потому что он шёл без сопровождения, да и Беллона с Британикой были одиноки в этот час.

— Добрый день, миледи, гуляете?

— Да, сэръ рыцарь, — улыбнулась княгиня. Она была очень открытой и добродушной, ещё не приученной к светскому этикету и тонким манерам, но уже понятливой и многое замечающей, поэтому она сделала вид, что заинтересовалась цветами в клумбе и немного приотстала от принцессы, присев нарвать себе маленький букетик. Беллона безразлично посмотрела на всё это, хотя в душе похлопала в ладоши от радости, как это любила делать Габриэль.

— День добрый, Дерек. А вы, как всегда, всё спешите по делам и пытаетесь уделить немного времени каждому из всех ваших новых поклонников и почитателей?

— Не смешите, какие почитатели?! Все эти прихвостни, которые стали вокруг меня собираться, надеются только на одно — что я замолвлю за них словечко перед вашим отцом, как будто я его лучший друг.

— Смею заметить, что вам недолго до этого осталось, — улыбнулась принцесса. Это была её первая настоящая улыбка с того самого несчастного дня.

— Не поверите, но у меня их оказалось не так много, поэтому я остался свободным на всё время до позднего вечера.

— А потом?..

— А потом ваш батюшка устроил какое-то собрание, на котором попросил меня снова присутствовать. Впрочем, не только меня, но и моих братьев. Так может быть, разрешите присоединиться к вам и пройтись немного вместе?

— Да, конечно, — Беллона двинулась вперёд рядом с графом, заметив, что Британика пошла следом, но чуть поодаль, — у меня не было возможности за всё это время нормально поблагодарить вас. К сожалению, нет такой награды, которая сполна оплатила бы вашу храбрость и благородство, но если я могу надеяться, что вы примите мою дружбу...

На ум пришли слова маркиза о'Лермона, что сэръ Аморвил дружить с женщинами не умеет. Что же тогда предложить? Не красиво вот так оборвать речь на полуслове. Решено, нужно набраться наглости и смелости, и сделать то, что так хочется с самой их первой встречи.

— И нечто даже большее, чем дружбу, — вот так-так. Девушка вдохновилась собственным порывом и хотела продолжить объяснения и заверения, но её остановил вид графа. На его лице не читалось ни малейшего удивления. Он воспринял её слова, как что-то само собой разумеющееся. Самое обидное, что Дерек ничего на это не ответил, а только загадочно, довольно, или самодовольно, кивнул. Принцесса никогда не была зазнайкой или напыщенной гордячкой, но то, что такие важные для неё признания остались без особого внимания и ответа, стало не просто обидным, а горьким и досадным. «Я не считала себя романтиком, но рассчитывала что-то от него услышать...а оказывается вот как всё примитивно, в этом мире мужчин, или просто взрослых людей — сказал, принял, сделал. А

может быть так и правильнее? Зачем лишние фразы». Но это ненадолго омрачило Беллону. Один разговор с рыцарем её сердца поднял ей настроение и заставил забыть обо всех тревогах. Она вспомнила, как не знала, что сделать, чтобы с ним увидеться, как заманить его в замок, или наоборот, вырваться самой отсюда, устроить встречу. И вот, наконец, всё сбылось само собой. Хоть за ложь отцу и непослушание ему девушка была уже не раз наказана судьбой, или злыми людьми, но зато она убедилась, что если чего-то очень-очень хочешь и пытаешься добиться этого всеми возможными способами, то цель непременно будет достигнута. Только вот радости от этого результата получаешь мало. Но Беллона выкинула из головы печали и постаралась развеяться в обществе Дерекы. С каким бы удовольствием она сейчас проехала на лошади рядом с ним! Как жаль, что теперь эти животные приводили её в состояние лёгкого ступора. А когда она мечтала о том, чтобы целыми днями скакать галопом по окрестностям. Что ж, не исполнилось одно желание, исполнится другое. Параллельно с ней шёл мужчина, которым она грезила последние двенадцать дней, и который нравился ей всё больше и больше. Хотя куда больше? Наверное, только в состоянии крайней влюблённости можно совершать всяческие глупости, проказы и безумства. А если граф тоже делает нечто подобное, значит ли это..? В этот миг принцессу охватило такое волнение и счастье, что она чуть не бросилась на шею рыцарю, или Британике. «Господи, да он, возможно, влюблён в меня! Тогда, конечно же, он засмутился от моего признания. Я сама долго на него не решалась, но оказалась смелее. Даже странно, что такая юная девушка, как я, оказалась проворнее такого взрослого мужчины, как Дерек».

Этот день и вечер Беллона запомнила надолго. Первый раз ей удалось без помех и выговоров провести время так, как ей хотелось, не позволив, однако, себе ничего лишнего. Никто не смел что-либо сказать принцессе, которая из благодарности составляла компанию человеку, спасшему ей жизнь. А король, когда перед ужином увидел эту мило беседующую пару, пригласил обоих в свой салон, на дружеский приём. Робин Третий искренне поверил в то, что дочь гуляет с рыцарем «из благодарности» и подивился её добродушию и почтительности к окружающим людям. Он попросил Беллону спеть под аккомпанемент фортепиано, так как у неё был чудесный голос. А в этот раз девушка пела ещё лучше, ведь присутствовал её любимый. И только королева заподозрила что-то странное в блеске глаз дочери и в пылком взгляде храброго рыцаря. Она стала догадываться, от чего у принцессы был такой жгучий интерес к приехавшим олтернцам. Поделиться с мужем она не смогла, потому что сама была впутана в приключения Беллоны. Как же быть? Нужно во что бы то ни стало помешать этим дальнейшим романтическим отношениям. Не хватало ещё, чтобы принцесса Феира связалась с каким-то графом, пусть и очень благородным и уважаемым. «Теперь понимаю, что я чувствовала в недосказанности Белл, когда мы с ней разговаривали. Она скрывала от меня то, что влюбилась в дворянина. Даже если я сейчас сильно преувеличиваю, и у них возникла простая дружеская симпатия, это ни к чему хорошему не приведёт. Скоро её премьера, и не стоит появляться на ней со сплетнями и слухами за спиной. Я определённно должна убрать этого рыцаря подальше от своей девочки!».

Глава 19. "Предпраздничная суматоха"

Габи и Мария никак не могли успокоить подругу. Вернее успокаивать её было не нужно, а вот вывести из состояния грусти и расстройств, как они не пытались, у них не получалось. Эрцгерцогиня, вернувшись из Риджейсити, пыталась развлечь последними новостями из города, а виконтесса вообще, что только не вытворяла, лишь бы принцессу посетила улыбка. Но Беллона оставалась непреклонной. Целую неделю она уже не могла обмолвиться хотя бы словечком с Дерекком! Либо её вызывала мать для прогулок, либо тётя Алиса донимала беседами и разговорами, либо тётя Коломбина просила сопровождать её в церковь. Потом почитать вместе с ней и порукодельничать. А когда, наконец-то, она вырывалась от постоянного присутствия женщин, и пыталась найти графа, то он непременно оказывался занят. То снова король вёл с ним душевные беседы, то муж тётя Алисы, консул Бруно Тревор, приглашал его к себе и обсуждал то Феир, то Олтерн, то все планеты, какие он только в силах был вспомнить! Что это ещё было за невезение? А выезд на природу первого числа, в честь начала лета? Это было что-то невероятное! Весь двор выехал на свежий воздух; лес, река, большая поляна и веселье. Своеобразный пикник, о котором так мечтала Габи по приезду во дворец, только с меньшим количеством людей, чем ей бы хотелось. И что же? Принцессу заставили сидеть с мадам Бланж, которая уже поправлялась, после её болезни, и которую привезли тоже поприсутствовать на празднике. Вроде бы всего на несколько часов, а как она успела за них надоесть Беллоне! Она ей так не надоедала за все те многие годы, которые неотступно следовала за подопечной. А тем временем дни безвозвратно утекали, как вода сквозь пальцы, и рыцари ордена Стеллы Нордмунской скоро должны были уезжать. Оставалось около десяти дней, дней насыщенных, суматошных. А что можно было сделать за столь короткий срок? У всех столько дел и такая занятость, что сложно было что-либо предпринять. Всё это вводило девушку в глубочайшую меланхолию. В конце концов, виконтесса, знающая такую черту характера принцессы, как умение соболезновать, решила сыграть на ней.

— Белл, ты, по крайней мере, знаешь, что нравишься Дерекку. А ты посмотри на меня! Мало того, что я редко вижу Сержио, так он ещё и в тебя влюблён. И ничего, я не впадаю в состояние глубокой задумчивости и траура.

— Может это потому, что он не слишком-то тебе и нужен? — нашла, что ответить, девушка, — ещё пару недель назад тебе нужен был Сильвио, а пару дней назад, ты восхищалась каким-то актёром и горела желанием с ним познакомиться. Так с чего же ты начнёшь страдать, если тебя волнует только тот человек, который находится в поле твоего зрения?

Габриэль открыла рот и замерла, задержав дыхание. Ей хотелось что-нибудь ответить на это. И не просто что-нибудь, а выдвинуть речь, как-то оправдывающую её, как-то делающую её правой в этой ситуации. Но ничего подобного придумать было невозможно, и она, обидевшись, отвернулась от подруг и уставилась в окно, за которым суетились слуги. Шла активная подготовка к великолепным десятидневным праздникам. Они каждый год начинались пятого числа, достигали своего апогея десятого, в день рождения короля, и заканчивались пятнадцатого. За это время во всех городах устраивались маскарады, карнавалы, балы, ярмарки, фестивали. Любой человек мог найти развлечение по своему

вкусу, будь то простые танцы, или карточные игры, а может быть даже гонки на пегасах. До последнего события возле театра, девушки с нетерпением ожидали этого, и планировали, что именно выбрать и как к их досугу привлечь рыцарей, но теперь, хотя ни Мария, ни Габи не знали о введущемся расследовании и догадках принцессы, они понимали, что веселье фактически отменяется или просто будет не таким бесшабашным, как хотелось бы. Расстройство же по этому поводу испытывала только будущая графиня Леонверден, а эрцгерцогиня, напротив, радовалась, что всё будет, по возможности, тихо и мирно. Она часто была противницей проказ младших подруг и теперь хотела бы сыронизировать, что вот, наконец, её предупреждения не оказались беспочвенными, но не стала давить на и без того угнетённое, состояние Беллоны. Что от этого было толку? То, что случилось, уже не исправить.

Сама принцесса тем временем только всё больше накалялась. Завтра должен был вернуться брат с друзьями, Бернардо и главным подозреваемым — Мартином Бенком. Девушка почувствовала, что от неё зависит судьба человека, поэтому тщательно вспоминала все детали, и прокручивала различные варианты. Её первое впечатление от графа было приятным, общение доброжелательным и итогом всех мыслей на его счёт был таков, что он честный и порядочный человек, что он искренний друг наследника и у него нет даже малейшего мотива для убийства принцессы. С чего вдруг? Он имеет расположение к себе принца, будущего короля, богат. Значит, о зависти и политике речи быть не может. Тогда он невиновен? Это тоже рано заявлять. Беллона подсознательно чувствовала, что здесь что-то не так. Вся эта возня, заговоры, покушения, так или иначе, связаны с рыцарями. Об этом настойчиво говорила женская интуиция. Да-да, именно интуиция, потому что логика здесь становилась совершенно безоружной. Никаких доказательств, никаких улик, а самое главное — свидетелей. Хотя порой вещи говорят правдивее, чем люди. Иногда глаза видят больше, чем слышат уши. Но бывает, когда обманывает и то, и другое. Порой исключительно сердце верный советник, но принцесса не хотела его слушать, ведь оно было не объективно относительно сэра Аморвила. Взять и взвалить вину на кого-то, лишь бы не на него — это было не в духе Беллоны, а именно такие мысли посещали её, когда она в сотый раз доказывала сама себе, что Дерек тут не при чём.

Король стоял в тронном зале и принимал гостей. На его грядущие именины собралось много иноземных королей, императриц и принцев с принцессами. Разнообразие нарядов и непривычных местным жителям внешних видов пестрело повсюду. Все приехали со свитами, поэтому во дворце стало тесновато, хотя добрая половина и осталась в Риджейсити. Даже в крыло принцессы поселили одну своенравную наследницу соседней с Феиром планеты. Эта юная особа была воспитана в королевстве, в котором был установлен матриархат. Там всегда правили только женщины — её мать, до неё бабушка и так далее. На этой планете, именуемой Гигантом, совсем не обязательным было замужество и рождение сына, так как девочки были главнее и важнее. Девушку звали Энжел. Она громко разговаривала, имела манеру высказывать в лицо то, что ей нравится, а что нет. Но на официальных и светских приёмах она умела себя вести. Не наглость и не грубость, а именно прямота и смелость выделялись в её характере. Привыкшая к свободному поведению, к раскованности и будучи раскрепощённой до мозга костей, Энжел не могла сидеть за вышивкой, шитьём, рисованием, или, не дай Бог, петь и танцевать для того, чтобы развлечь кого-то. Она привыкла, чтобы развлекали её, и только её. Ходили слухи, что прабабка девушки была рождена от Робина

Первого, который по-соседски навевался на Гигант и завёл роман с тогдашней королевой Урсолой, которая безумно в него влюбилась. Если это было так, то мать Энжел приходилась Беллоне четвероюродной сестрой. Габриэль заинтересовалась приезжей, и, вскоре, неусидчивость обеих столкнула их, и они познакомились. Девушки быстро нашли общий язык, особенно сошлись в том, что жизнь должна быть насыщенной и увлекательной. Только виконтесса искала юношеских забав и лёгких развлечений, в то время как Энжел привлекали гораздо более взрослые занятия...

В свите принцессы Гиганта было шесть фрейлин, две из которых являлись уроженками Амазонки, планеты, которая придерживалась крайних матриархальных убеждений, где не было различия в классах и было только два деления — на мужчин и женщин. Мужчины не имели права голоса в политике, не имели возможности служить в армии, не имели отношения к экономике и правлению, и даже не могли быть хозяевами какого-либо имущества, ни дома, ни лошади, ни оружия, ни драгоценностей. Они жили на Амазонке в качестве продолжателей рода, но, несмотря на то, что они содержались, как производный инструмент, им не разрешалось принимать участие в воспитании детей. На этой планете было множество своих законов, традиций и правил с церемониями, которые могли показаться глупыми и странными непосвящённым. Однако, с тех пор как властвовать там начали женщины, на Амазонке ни разу не было войны, революции или даже намёка на бунт, заговор. Беллоне даже из рассказов всё это казалось диким, а тем более, когда она увидела этих двух фрейлин Энжел — высоких, около ста восьмидесяти пяти сантиметров роста, очень смуглых, с широкими плечами и грубыми руками. Они не вешали на себя украшений, а их платья были предельно просты, да и носили они их просто как дань вежливости чужому государству. Обычно амазонки одевались в штаны, сапоги или ботинки, а сверху — невообразимые, почти ничего не прикрывающие кофты летом, и куртки с жилетами зимой. Холода эти девушки не боялись, как и дождя, ветра или сильной жары. Недаром их сравнивали с солдатами, ведь все они имели военную подготовку и сражались не хуже, а может и лучше, мужчин.

Сначала Беллона не хотела знакомиться с ними, но потом, по настоянию Габи, всё-таки решилась, а потом и сама уже не могла оторваться от такой любопытной и многое повидавшей знакомой. Две девушки словно нашли себе добрую няню-сказочницу, которая увлекала их рассказами о какой-то другой жизни. Многие импонировало принцессе, а многое смущало, но всё равно, она продолжала слушать. Мария дольше всех привыкала к новой компании. Когда она приняла для себя общение с этими, как она их назвала «варварскими» девушками, то до конца, по-прежнему, так и не сумела воспринять их, как равных собеседниц. Энжел была склонна отвечать людям тем же, с чем и они приходили к ней, поэтому она про себя прозвала Марию «снобом» и старалась не вступать с ней в какие-либо трения. Матильду она окрестила «казнайкой», хотя перемолвилась с ней лишь пару раз короткими фразами. К Британике она отнеслась с жалостью и состраданием, как будто бы замужество той было чем-то наподобие неполноценности, или неизлечимой болезни. Ну а в двух, самых младших девушках, она увидела ещё не окончательно завядшие бутоны цветов, которые можно успеть спасти и научить настоящей жизни. К раздражению Беллоны и Марии, Габи поддавалась самым пагубным сторонам влияния Энжел. Хотя, и девушки признавали это, в обществе заграничной принцессы никогда не бывало скучно, и чувствовалась уверенность, которая передавалась от неё, как по звеньям цепочки. Её высочество Феира наконец-то ощутила полную безопасность рядом с Энжел и её

окружением. Как выяснилось, амазонки были не только подругами, но и надёжными телохранительницами, которые не отступали ни на шаг от своей госпожи.

А пока происходило это знакомство, на родину вернулся принц Робин, расслабленный и отдохнувший. Бенвор Эскорини не теряя времени, воспользовался суетой, шумом и всеобщей возбуждённостью, и взял под стражу графа Финкер-Оренстоффа. Арест Мартина Бенка в егс загородном особняке удалось произвести незаметно и скрыть на некоторое время, как от наследника, так и от самого короля. Но до того, как те об этом узнают, нужно было доказать вину мужчины, иначе бы получился весьма неприятный скандал, да и князь бы приобрёл в лице принца непримиримого врага, так как тот был известен тем, что горой стоял за своих товарищей и ничего важнее дружбы в своей жизни не видел.

Итак, праздники были в разгаре, но ещё не на самом своём пике. К основным великолепиям продолжали вести подготовку. Беллона сидела в спальне, отказавшись пойти на прогулку с Габриэль, Марией и новыми подругами. Она была очень взволнована новостью, что вчера Мартина Бенка сопроводили на допрос в канцелярию тайной полиции. Девушка с нетерпением ждала того, что же из этого всего выйдет. На обед не пошла, попросив принести всё в комнату, и теперь еда, красиво расставленная на подносе, остывала на прикроватной тумбочке. На людях принцесса побоялась выдать себя излишне тревожным видом. Когда появился маркиз о'Лермон, нервы Беллоны уже были на пределе.

— Ну, что? Сержио, прошу вас, говорите, как можно быстрее, как всё прошло?!

— Рассказываю всё, по порядку. Арест очень удивил Мартина, он находился в полном недоумении, что от него хотят и какие к нему предъявляют претензии. В течение часа мы упорно повторяли, в чём он обвиняется. Дошедший смысл наших слов поверг его, если не сказать в ужас, то уж в шок точно. Он всё отрицал и не понимал, на каких основаниях подозрения пали на него. Я и сам с трудом мог объяснить, почему расследование остановилось на нём...

— И что вы сказали?

— А что мы могли сказать? Улик у нас не было, свидетельских показаний тоже. Ничего у нас не было! Поэтому мы довольно уклончиво обрисовали ему ситуацию, пытаясь вывести его на чистую воду, но он был настолько самоуверен и спокоен оттого, что ему покровительствует Робин, то есть его высочество, что мы поняли — Мартин Бенк не тот человек, которого можно легко провести, или на которого можно давить.

— И вы ушли ни с чем?

— О нет, вы плохо знаете Бенвора! Он никогда не сдаётся. Он попросил разрешения опросить слуг и обыскать поместье. Я к тому времени уже хотел согласиться с тем, что мы не на того подумали и извиниться перед Мартином. Но тут сэру Дереку пришла в голову идея сравнить нож, который он вытащил из крупы вашей лошади, с ножами из сервиза графов Финкер-Оренстофф. И в этом он попал в точку! Нож был именно оттуда!

— Что?! — Беллона ощутила одновременную неприязнь и облегчение, — но вы спросили, какие у него были мотивы? Ради чего он хотел убить меня?

— Мартин отказался говорить что-либо дальше. Он сказал, что хочет справедливого суда и более веских доказательств, а до этого он не хочет разговаривать ни с кем, кроме самых близких людей.

— И что с ним сейчас?

— Мы предложили ему сознаться во всём и добровольно покинуть ближайшие территории. Бенвор сказал, что он должен уехать под охраной в Свицстрон, город

изменников государства. Но Мартин бурно воспротивился, заявив, что никогда не творил поступков против короля, закона и не делал дел перечаших чести. Признаюсь, я склонен был ему поверить, но я был один против двоих. Сейчас он в окрестностях Риджейсити, в небольшой крепости тайной полиции, ждёт своей дальнейшей участи.

— Какова она будет?

— Я думаю, что его арест и изгнание дело решённое. Теперь осталось только продумать, как избежать скандала и вмешательства Робина. Ведь он сделает всё возможное и невозможное, лишь бы Мартин оказался на свободе. А если он начнёт что-то для этого делать, то его величество вскоре узнает обо всём, что произошло за последнее время.

— Да, это было бы крайне нежелательно. Если отец узнает, то больше всего вреда это принесёт мне. Что я могу сделать для того, чтобы этого не произошло?

— Как можно дольше держать принца в неведении, если это будет вообще возможно. Да и не в наших это силах. Найдутся люди, которые расскажут ему об этом. Кстати, виконт Тревор вернулся вчера вместе со всеми и уже спрашивал о вас и хотел вас видеть.

— Бернардо? Боже, как я рада! Я тоже хочу его видеть и немедленно направляюсь к нему, — принцесса осеклась и внимательно прислушалась. Странно, но Беллоне снова, как и при одном из разговоров с матерью показалось, будто за дверью кто-то стоял и тихо удалился. Нет, наверное, это уже мания преследования! — Так, где он?

— У себя в покоях. Вы как-то растерялись, с вами всё в порядке? Может, вас проводить?

— Нет-нет, всё нормально, это так — облегчение и радость вскружили мне голову. Сейчас же хочу собрать всех своих друзей и обнять. Сержио, огромное вам спасибо за всё, что вы для меня сделали! Я никогда не забуду вашей преданности и доброты!

Бернардо был рад не меньше, чем принцесса. Он бесцеремонно обнимал её и целовал в обе щеки, убеждаясь, что она жива и невредима. Молодой человек прожужжал девушке все уши тем, что видел за десять дней отсутствия и как переживал за свою бывшую подопечную, а потом слушал, что тут происходило без него. Беллоне хотелось провести побольше времени в компании вернувшегося друга, пока никто не спохватился, что она находится один на один с мужчиной. Ей не терпелось поделиться во всех мельчайших подробностях тем, какие страхи она испытывала, покуда покушавшийся на неё человек не был раскрыт и обезврежен. Виконт соглашался, улыбаясь, и всё внимательно слушал, не перебивая. Свои новые, молниеносно появившиеся мысли он не стал озвучивать, дабы не подвергнуть Беллону очередным кошмарам и подозрениям. А смысл их был таков: что-то во всей этой истории не так, многое не сходится и откровенно не склеивается. Пробелы и белые пятна просматривались повсюду. Однако пока Мартина Бенка не было на Феире, принцессу действительно никто не трогал! Но если так, то почему он не трогал её до приезда виконтессы и рыцарей? Ждал, пока появятся люди, на которых можно было списать вину? Что ж, нужно поговорить лично с графом, иного выхода Бернардо не видел.

Но принцесса уже привыкла к тому, что часто после удачи и успешного окончания чего-либо, появляется очередной повод для огорчения. Этим поводом на этот раз стала королева, позвавшая дочь к себе на разговор. Мало того, что она оторвала Беллону от приятного собеседника и сделала выговор за то, что она общалась с человеком, которого король удалил от неё и велел больше не приближаться ближайшее время к принцессе, так ещё и удручила девушку неприятным для неё содержанием диалога. Она сообщила, что не разрешает дочери присутствовать на празднествах, потому что это не безопасно для молодой девушки и потому что там будет много иноземных правителей, которым она ещё не представлена,

поэтому не стоит появляться перед ними до премьеры. Никакие доводы не сумели переубедить королеву, и принцесса вернулась к себе весьма огорчённая. Беллона хотела апеллировать к отцу, но Веста предупредила, что супруг с ней полностью согласен. «Отлично! — злилась про себя девушка, — вот тебе и пиршества, они предназначены для всех, кроме королевских особ, уж лучше бы мне быть простой крестьянкой, я была бы намного счастливее и беззаботнее. Что даёт мне моё высокое происхождение, знатность, если я не могу быть с человеком, которого люблю? Мне кажется, однажды я откажусь от этого всего, предпочту волю золотой клетке. Если бы этим я не навредила своим близким, я бы сделала так прямо сейчас, но, боюсь, это принесёт много горя родителям».

Только стоило разобраться с одними тяготами, относительно возможного заговора против принцессы, как появились следующие препятствия, которые томили Беллону не меньше прежних. Теперь не было возможности встретиться с Дерекком среди толпы, когда можно делать всё, что угодно, и никто этого не заметит. Разумеется, Беллона не подразумевала под этим ничего, кроме общения или, в лучшем случае, танцев. Без подруг девушка никак не могла придумать решения проблемы, а они, как назло, ушли допоздна, куда-то бродить. Не дождавшись, их возвращения, принцесса рано уснула.

Глава 20. "Нелегкое утро"

Беллону разбудил стук двери — она громко столкнулась со стеной. По всей видимости, её кто-то с силой распахнул. В сумерках комнаты было плохо видно, кто же это влетел в спальню принцессы, но, судя по тому, что это был королевский дворец, никто посторонний сюда проникнуть не мог, тем более, таким нахальным образом. Дверь закрылась изнутри, а испуганным служанкам приказали замолчать и подождать. По голосу Беллона узнала брата. И что ему нужно? Не заставив долго себя ждать, он начал шумно возмущаться, при этом плюхнувшись на кровать.

— Скажи, пожалуйста, сестрица, чем тебе так не угодил Мартин, что ты приказала его арестовать и посадить под стражу? Я жду объяснений и веских причин, иначе не знаю, что сделаю!

Принцесса просыпалась и приходила в себя, поэтому не смогла быстро ответить. А Робин не любил, когда ему не отвечали, поэтому стал сыпать вопросами дальше, которые уже не укладывались в голове Беллоны, а потому ей пришлось остановить его словоизлияния.

— Подожди, подожди! Во-первых, как ты смеешь заявляться ко мне подобным образом? — девушка посмотрела в сторону щели под шторой, из которой сочился слабый отсвет рассвета, — а во-вторых, с каких пор ты стал так рано вставать?

— Ха, придумала, а я ещё и не ложился! И хватит увиливать! Вопросы сейчас задаю я!

«Боже, да он настроен очень и очень серьёзно, такой сердитый, как будто ему кто на ногу наступил, хотя и это его бы меньше огорчило. Минутку, о чём он говорит? Он осведомлён об аресте графа Финкер-Оренстоффа! Откуда же он знает об этом?».

— Робин, кто тебе сказал об аресте Мартина Бенка?

— Какая разница, или ты хочешь отрицать столь очевидный факт?

— Нет, я вовсе не собиралась этого делать. Граф, действительно, находится под стражей.

— Так-так, и где именно, позволь мне узнать? Его нет в Финкер-Оренстоффе!

— Я не могу сказать тебе, это тайна. К тому же, стоит тебе узнать это, как ты штурмом возьмёшь любую крепость, лишь бы вытащить одного из своих дружков.

— Именно этого я и хочу! И не путай слова, у меня друзья, а не дружки. Так что, давай, выбирай, либо ты приказываешь освободить Мартина, либо я сам подниму на ноги всё королевство, но найду его и освобожу! У тебя пять минут, а моё терпение иссякает ещё быстрее!

«Да что же это такое! Я и не ждала, что вести по дворцу расходятся так быстро. Откуда же он всё-таки узнал?! Сейчас я не смогу ничего решить сама. Я и понять-то не могу, что происходит. Нужно как-то оттянуть время, хоть немного, хотя бы до обеда, а там найдётся решение и кузина, Габи, они посоветуют...»

— Послушай, милый брат, если ты сейчас же не покинешь мою комнату и не дашь мне доспать...

— А вот так со мной разговаривать я бы не советовал! Условия ставлю я, а тебе, я делаю такую милость, предоставляю выбрать единственно правильный вариант твоих дальнейших действий. Но, как вижу, ты не настолько умна, чтобы сделать себе лучше. Что ж, пойду

поднимать на ноги дворец...

— Стой-стой-стой! — заторопилась усадить Беллона брата обратно на кровать. Ей на счастье, он, как и чаще всего, был немного нетрезв, поэтому упал на перины с лёгкостью. — Я просто думала, что ты не готов говорить серьёзно, ты еле на ногах-то стоишь!

— Зато соображаю замечательно!

— Так, я чувствую, это уже мне придётся звать стражу, чтобы они уgomонили тебя.

— Ничего не выйдет! У дверей стоят мои люди, и ты не покинешь эту комнату, пока не расскажешь мне всё по порядку.

— Я крикну служанкам!

— О, поверь, им не много радости будет перечить МакДжойнам, а они как раз в прихожей и с радостью пообщаются с твоими юными горничными.

— Ты не посмеешь!

Принцесса наконец-то впустила свет в помещение и увидела на лице наследника решительность и уверенность в своих действиях. Ладно, придётся поговорить по душам. Как показал один из опытов общения с этим человеком, он умеет быть адекватным и восприимчивым к чужим проблемам, когда они, разумеется, касаются и его.

— Робин, я буду с тобой откровенна. Я ничего плохого против Мартина не держу за душой.

— Вот и отлично, говори, где он и всё забудется!

— Да выслушай же! Ты помнишь охоту, которую тогда согласился мне помочь организовать?

Принц, хоть и не сразу, но постепенно, становился внимательнее и вдумчивее. После того, как он медленно опустошил два бокала с прохладной водой, история была выслушана до конца. Расследование, подозрения и все детали пребывания Беллоны в Риджейсити дошли до его сведения. Пусть князь Эскорини и просил не посвящать никого лишнего, но наследник сейчас был необходим, как соучастник.

— А ты, Белл, серьёзно напортачила за всё это время. Я-то думал, ты у нас ангел, а тут даже у тебя неприятели есть. Признаться честно, я запутан и сбит столку. Прекрасно понимаю, что Мартин не при чём здесь, но при таких обстоятельствах больше и думать нечего. Давай сделаем так — ты скажешь мне, где он, и я с ним разберусь сам, а ты дальше тем временем спокойно живи себе!

— Спокойно? Да как это возможно, если человек, покушавшийся на меня, будет бродить на воле поблизости!

— Слово чести, он не покушался на тебя! И пусть это тебя не тревожит, если я за кого-то ручаюсь, то на него можно положиться.

— И всё же, я не могу так. Нет, Робин, нет! Мне нужно время подумать! Прошу тебя, дай мне хотя бы день! Один день, и я всё решу, всё проанализирую...

— Боже! Она будет анализировать, пока невинный благородный человек кормит крыс и питается сухарями! Значит так, если до вечера ты ничего не решаешь, то пеняй на себя! Я позабочусь о том, чтобы отец устроил тебе сладкую жизнь. Что насчёт Интермедии? Прекрасная школа-монастырь! Нет, погоди, замужество — вот уж хуже не придумаешь для такой глупышки, как ты!

Принц встал и собрался уходить.

— Эй, Сториан, Рикардо, отпускайте этих девок, только смотрите, чтобы не визжали!

— Робин, подожди же ты, я прошу тебя!..

— И не удерживай меня боле! Сразу после обеда жду вас у себя в салоне с визитом, а больше заявляться сюда не стану, а перейду к прямым действиям.

Служанки, растрёпанные и обеспокоенные, с округлившимися глазами, вбежали в покои осведомиться всё ли в порядке с дочерью короля. Они были уверены, что она цела и невредима, потому что, каким бы развязанным и бесчеловечным ни был наследник, он никогда бы не опустил до того, чтобы сотворить зло своей семье. Поэтому их стремительное падение к подолу принцессы скорее обозначало поиск защиты для себя самих, от вездесущих и аморальных друзей Робина, в будущем Четвёртого.

— Ваше высочество, как вы? Вам нужно что-нибудь? Снотворного?

— Нет, милые девушки, спать я сегодня более не намерена. Выпейте сами успокоительного и идите отдыхать, если увидите бодрствующими виконтессу или эрцгерцогиню — пришлите их ко мне.

— Хорошо, но...можно мы останемся у ваших дверей? Мало ли что...

Принцесса ещё раз взглянула на служанок с жалостью. Она кивнула. Как Беллона и обещала, до кровати она не дотронулась. Сидя с усталым видом, наклонившись над столом, девушка набредала на разные мысли. Конечно же, легко было согласиться с братом и сказать, что граф невиновен, но тогда появлялось столько лишних вопросов! Снова начинался замкнутый круг: рыцари, Матильда, подруги. Причём, принцесса отметила это для себя, что подозрения, падающие на Дерек, оказывались всё более болезненными, чем даже на Габриэлю или Марию. Наверное из-за того, что в безвредности последних она была уверена на все сто процентов, а вот сэр Аморвил...Ну зачем он появился в её жизни? Поначалу казалось, что он как первое весеннее тепло после долгой зимы, какое-то сказочное чудо и невероятность, которая случилась с ней по счастливой судьбе. Беллоне думалось — вот оно! Не каждая принцесса в своей жизни встречает любовь, не каждая вообще встречает подобного мужчину, а ей повезло. Но теперь всё менялось и рассматривалось как будто совсем с другой стороны. Это как декорации, которые меняют после первого акта на второй и там оказывается иная картина. Вот снова мысли о театре. Там Дерек спас ей жизнь, а разве может одновременно один и тот же человек хотеть убить и защитить? Нет, с такими сложными психологическими загадками Беллоне сталкиваться не доводилось. Будь граф Аморвил хотя бы одет менее мрачно, всё бы сразу выглядело намного безоблачнее, а он ещё и ведёт себя под стать костюму — таинственно, немногословно. Вот Сержио — другое дело, у него хоть и есть желание соответствовать рыцарю такого же образа и характера, но у него всё на лице написано — честнейшее и дружелюбнейшее создание. «Но всё всегда происходит к лучшему, — убеждала себя принцесса, — когда бы ни сложившиеся обстоятельства, я не подружилась бы с рыцарями, не узнала много нового, а, может, была бы спокойнее и продолжала воспринимать всё как должное, и распоряжения матери, и приказы отца. Вдруг я зря встретила с Дерекком? Где же найти верный ответ? Почему всему судьёй всегда является время? Если бы знать, как всё случилось, не прояви я тогда излишнюю изобретательность и не напросись на ту охоту. А действительно, было ли бы хоть одно покушение, если бы не та охота? Вот головоломка, которую стоит подкинуть Бенвору и Сержио!».

Когда восточное крыло достаточно осветилось солнцем, Беллона вышла подышать свежим воздухом на открытую террасу второго этажа. Один её конец выступал на южный двор. Как же девушка не любила этот период года, когда здесь, в таком замечательном и живописном уголке нельзя было посидеть в тишине и спокойствии, обязательно разносились

голоса слуг и рабочих, которые мастерили, готовили, ремонтировали и украшали. Сдвинув кресло подальше от перил на краю, девушка поставила его в тени увитой вьюном белоснежной решётки, которая хорошо скрывала с улицы, кто же сидит за ней и наблюдает. Впрочем, всем местным было известно, что только принцесса и её фрейлины могли находиться там и заниматься своими делами. Какое было дивное раннее утро! Даже сонное состояние и нападки принца не смогли сломить бодрый настрой Беллоны, которая вдохновлялась ещё больше, ведь ей предстояла серьёзная встреча с братом, а для этого нужны были и силы, и трезвый ум, и правильные слова. Найдя под рукой забытую книжицу, она стала её читать. Это была явно не её литература, не Марии, и уж тем более, не Габриэль, которая от чтения отскакивала как от чумной вещи. Ага, значит, этот увесистый томик принадлежал принцессе Энжел. Любопытно, чем же интересуется просвещенная девушка свободных нравов? Тоже мечтает о любви, о рыцаре или о каких-нибудь далёких путешествиях? Открыв заглавие, Беллона была заинтригована ещё сильнее: «Похождения молодого человека» — гласила крупная надпись. Как к месту! Можно будет узнать, о чём думают мужчины, что их волнует и ради чего и к чему они стремятся. Вот уж ценная находка. Однако, начав читать, принцесса не нашла там ни изречений, ни мудростей, ни афоризмов, ни простейшего диалога, а, самое страшное, она нашла там иллюстрации к тексту, содержащие в себе совсем не двузначные рисунки. Обнажённые девушки и юноши сплетались друг с другом руками, ногами, буквально сливались в поцелуях, а на некоторых картинках было изображено что-то такое, что Беллона и вовсе не могла разобрать. Попытавшись отвлечься от неприличных фантазий художника-оформителя, принцесса открыла одну из глав и стала читать. К её изумлению в строчках было много непонятных слов, и описывались вещи, которые она не могла представить. Руки начали дрожать, как будто она совершала преступление, или грех, однако слова и фразы завораживали и не давали отпустить из виду ни одной чёрточки.

Прямо перед креслом что-то с тихим шорохом опустилось на пол. От испуга и неожиданности Беллона выронила книгу и слабо вскрикнула. Присев за книгой, чтобы скорее спрятать её и больше никогда не видеть, она столкнулась лбом с графом Аморвиллом, который так же нагнулся поднять уроненный предмет.

— Вы?.. — только и выдохнула принцесса.

— Что же поделать, снова я, — улыбнулся в ответ рыцарь. В розовых лучах рассветного солнца, его кожа выглядела смуглее обычного, как у корсара, прошедшего много дней на палубе, под открытым солнцем. Ветер слегка трепал неприкрытые шляпой волосы, а на плечах, впервые, не болтался плащ, который так напоминал Беллоне шкуру хищного животного. Без него Дерек смотрелся осанистее, уже в бёдрах и шире в груди. Он был выше девушки больше чем на голову и от него, по-прежнему, исходил тонкий запах, смешивающий в себе мяту, лаванду и полынь.

Первым делом принцесса провела по себе рукой, убеждаясь, что на этот раз выглядит прилично. Хоть с этим не сплеховала! Плотный шёлковый пеньюар сине-зелёного цвета был надет и тщательно подпоясан, но тонкая материя позволяла просмотреть каждый изгиб молодого, упругого и девственно-соблазнительного тела.

— Думаю, глупо будет с моей стороны спрашивать, что вы тут делаете, поэтому, давайте поговорим о чём-нибудь другом.

— Вы чрезвычайно проницательны! Давайте, ваше высочество. К сожалению, так получалось в последнюю неделю, что нам этого никак не удавалось...

— Я заметила, и у меня и у вас было достаточно дел...

— Но всё то время, когда вы были в поле моего зрения, я не мог оторвать взгляда от ваших глаз, ваших рук, волос, чудесных ресниц, — рыцарь попытался коснуться ладонью щеки девушки, но она, отстранившись, с грохотом повалила книгу на мраморные плитки пола, заставив задрать голову на шум садовников и крестьян под террасой. Торопясь укрыться от посторонних взоров, пара снова присела, пригнувшись, как можно ниже. Граф Аморвил взял том в свои руки и стал тихо цитировать то, что попадалось и особо бросалось в глаза.

— «...и они предались своей страсти среди прохлады свежей зелени, у ручья...», «он поднял её на руки и отнёс на их альков, который уже не первый раз...»

— Сэр Дерек, замолчите немедленно!

— Что такое? Вы боитесь, что кто-то услышит?

— Нет.

— Тогда в чём дело? Вам не нравится? Вы меня поражаете, как можно читать то, что вызывает неприязнь?

— Я...да нет же, — Беллоне, в самом деле, не понравилось, что она прочла, даже вызвало лёгкую брезгливость. Воспитание давало о себе знать, но, впрочем, кому бы понравилось то, что непонятно какие чувства у тебя вызывает? — А вам, Дерек, нравится эта книга?

— Я читал её, когда был совсем мальчишкой, она произвела на меня положительное впечатление. Но, наверное, потому, что это было одно из редких изданий такого типа, который доходил до рук читателей с трудом, сквозь сильную и цепкую цензуру. У нас на Олтерне подобное чтение запрещено и подвергнуто жёсткой цензуре, я думал, на Феире тоже...

— Так и есть, — смутилась принцесса. Граф понимающе поднял брови, как бы говоря: «Значит любите новое и запретное? Ладно, я сохраню вашу тайну».

— Что ж, а место мы действительно выбрали неудачное, и людно слишком, да и прохладно ещё, а вы босиком на голом полу, может, пройдёте к вам в покои? — Дерек помог подняться Беллоне, подав руку и, уже хотел оторвать от земли её ноги с холодного мрамора, но она ловко отступила назад.

— В моих покоях спят мои служанки, их до смерти напугал мой брат с друзьями, и я не решусь попросить их покинуть свой приют.

Что за странности порой совершают с нами наши инстинкты! Ещё пару дней назад Беллона таяла оттого, что могла оказаться в руках графа и ждала с нетерпением каждого его прикосновения, а теперь сама сторонится. Но ведь тогда было оправдание, почему она себе может это позволить, а теперь её поведение можно было просто списать на бесстыдство!

— Ах, вот оно что! Что же снова натворил проказник-Робин, ведь ещё не маскарад и не время рядиться в чудовищ да бегать за барышнями?

— Не хотелось портить наши встречи, и без того редкие, разговором на эту тему, но дело в том, что брат уверен в непричастности Мартина Бенка к покушению на меня, вот и пошумел нынче ночью.

— Вот как? Ну, а сами вы что по этому поводу думаете? Так же, как и изначально, уверенны, что рыцари ордена Стеллы Нордмунской приехали со злым умыслом против вас?

— Не буду скрывать, я слишком долго так и полагала, пока не зашла в тупик, виной появления которого стали и вы. В хорошем плане.

— Я развеял ваше убеждение насчёт того, что наш орден является нанятыми убийцами?

— Я не думала так о вашем ордене в целом...

— Ах, вы думали преступник кто-то один и это, конечно же...

— Прошу вас, простите, мне стыдно за то, что я так думала! Но мои подозрения падали на вас и я ничего не могла с этим поделать, пока вы не доказали свою самоотверженность и преданность.

— Я готов доказывать дальше, и не только это...

— Что? — Беллона еле успела повернуть лицо в другую сторону, поэтому губы графа Аморвила прижались к щеке, которая моментально загорелась, как от солнечного ожога. — Сэр Дерек, сюда в любую минуту могут войти! — Как не хотелось нести весь этот светский кавардак слов, которые пытаются через отрицание донести согласие, но если бы кто-то на самом деле сейчас застал всю эту картину, то было бы очень нехорошо.

— А я думал, вам нравится риск...

— Да-да, всенепременно, но не откровенное безрассудство! Поймите, мне сейчас и без этого хватает проблем, если бы всё было так просто, как хотелось бы...

— Так вас смущает моя репутация, или то, что я до сих пор в подозреваемых? Как жаль, что у меня здесь нет друзей, они б непременно сказали вам...

— Мне не нужно ничего говорить! Я сама ваш самый искренний и верный друг, я верю вам, и знаю то, что мне нужно знать! — Где-то в глубине дворца послышались шаги в сторону спальни принцессы, которые развеяли последние мгновенья романтики и свидания украдкой. — Боже, сэр Дерек, это ко мне, я не могу более здесь оставаться, прощайте!

— Вы не подарите мне даже одного поцелуя? Как знать, когда ещё наши пути пересекутся!

«Если бы он знал, что я боюсь этого поцелуя, как своей смерти! Я ведь совершенно не умею этого делать!»

— Разумеется, подарю, но не сегодня! Мы встретимся, обязательно встретимся!

— Когда?

— Не знаю! Завтра, послезавтра, на карнавале! И тогда, я обещаю, что одарю вас сполна! — «Какие глупости я говорю! Это уже, по правде, непристойно! Да и чем тут одаривать, может ему и не понравится вовсе? А мне? Как мне может не понравиться что-то связанное с ним? Глупости! Я сама хочу этого большего всего на свете, но так неловко, так неловко!»

Дерек крепко сжал девушку в объятьях, заглянув в её изумрудные, чистые очи, в его же глазах, чёрных, как ночь, трудно было что-либо разобратить. Что таила в себе эта бездонная глубина? Проведя по густым светлым прядям ладонью, мужчина провёл по плечам, спине, остановил руку чуть выше бедра и прижал к себе трепещущую принцессу ещё сильнее.

— Я уйду, но слишком ценный мне обещан подарок, чтобы забыть про него, поэтому не сомневайтесь, что приду за ним, чего бы мне это ни стоило. Прощайте!

Спугнувшей с террасы пылкую пару была горничная, которая пришла доложить, что скоро подадут завтрак, а ещё с принцессой хочет поговорить какая-то девушка, которая очень просит аудиенции и надеется на разговор. Девушка выглядит простовато, растеряно и весьма плачевно, поэтому дальше прихожей залы на первом этаже её не пустили, но она чрезвычайно настойчива и не отступает. Беллону привлекла странная гостья, и она попросила накрыть стол на двоих у себя в салоне, чтобы побеседовать и узнать, в чём же дело? Не заставляя себя ждать, принцесса уже через двадцать минут спешила к трапезе. На

тарелке располагались лёгкие утренние блюда: яичница-глазунья с зеленью, салат из моркови, яблок и кабачков, посыпанный зелёным луком, тёплые булочки с изюмом, вазочка с абрикосовым повидлом рядом с горячим фарфоровым чайничком. Так как Беллона не очень любила яйца, ей, в разнообразие, всегда ставили ещё какое-то блюдо, на этот раз им была пшенная каша с черносливом, которая и теперь пришлась ей больше по душе. Напротив уже сидела та, которая так просила у принцессы свидания. Беллона сразу узнала её — это была Дария Салис, кузина Мартина Бенка. Она, действительно, выглядела довольна просто. При первой встрече, в павильоне, среди трав и растений, её сельский вид был очарователен и даже выигрывал перед теми же фрейлинами, которые были наряжены, по привычке. Но среди стен дворца эта милая и бойкая девушка потерялась и утонула в gobеленах, коврах, выделках и картинах. Её тёмно-вишнёвое платье, со строгим воротником, вышитым маленьким жемчугом, выглядело до того немодно, что казалось безвкусным, хотя в другой обстановке Беллона едва ли так подумала бы.

— Большое спасибо, что не затруднили себя принять меня, ваше высочество, — привстала она в почтении к королевской персоне. И хотя её натянутые застывшие губы пытались показать любезность и безмятежность, слегка припухшие глаза говорили о том, что она успела поволноваться и даже расстроиться.

— Садитесь, Дария! Не за что, я очень вам рада. Я ведь была вашей гостьей. Не стесняйтесь, чувствуйте себя свободно. Я не отец, который принимает людей только на пышных балах, а на скромные дружеские вечера у него и времени будто нет. Мне приятно пообщаться со всеми, тем более с такой милой и доброй девушкой, как вы.

— Ах, ваши слова внушают мне уверенность в том, что я правильно сделала, что пришла к вам. Видите ли, мне ужасно неудобно, но мой визит, он содержит в себе просьбу, очень личного характера...

Конечно же, Беллона всё поняла с самого начала! Для чего ещё может придти так рано и так неожиданно кузина человека, которому грозит тюрьма или ссылка. «И почему появилась такая странная тенденция, что мне приходится общаться и знакомиться с людьми только в связи с печальными событиями? Как будто бы других поводов не бывает!».

— Я знаю, о чём вы хотите говорить, Дария. Мне всё известно о Мартине.

— Господи, благодарю вас! Как он? Где он? Что с ним? Прошу вас, скажите, что с ним всё в порядке, и я скоро снова увижу его!

— Дария, я бы хотела ответить на последний ваш вопрос утвердительно, но это единственное, что я не могу сделать. Он находится под арестом. Не просите сказать где, вас всё равно не пустят туда ни на минуту!

— Да, его высочество сказал мне об этом, но он сказал, что помочь, хоть и возможно, но будет довольно затруднительно. Но вы! Я знаю, вы очень великодушная и хорошая, вы не останетесь немой к моей мольбе...

— Его высочество? Вы говорили с Робинотом? Это вы сообщили ему, что ваш кузен взят под стражу?

Из глаз молодой дворянки хлынули слёзы. Она, видимо, вспоминала потрясение, которое ей пришлось пережить накануне.

— Нет, я сидела в кабинете Мартина, в Финкер-Оренстоффе, я не знала, что делать, он пропал куда-то, а мне даже и спросить было не у кого, у меня ведь нет связей, друзей, весь мой мир — это Мартин и его имение. Конечно, кузен и раньше надолго уезжал, часто попадал в неприятности, но он всегда предупреждал меня! А здесь, так странно, приехали

какие-то люди, все вели себя официально, одеты были богато, с ними были два юноши из тех, что тогда были с вами, помните? Рыцари. Они увезли его с собой, а Мартин на прощание даже не сказал ничего вразумительного. Так прошёл день. И тут, поздно ночью, я услышала стук копыт. Я не спала, вскочила, обрадовалась. Думала, он вернулся, наконец. Но это был принц с друзьями, они тоже искали Мартина. Ваш брат сообщил мне, что кузена арестовали по вашему приказу. Я ушам своим не поверила, да и его высочество тоже, поэтому и приехал проверить и убедиться! Когда он уверился, что всё на деле так, как ему и было известно, то уехал в неизвестном направлении, пообещав разобраться. Но я не в силах была долго ждать в неизвестности, приказав заложить карету, я примчалась во дворец, сюда, узнать, что же выяснил его высочество. К сожалению, он ничего точного не сказал, лишь пообещал, что всё наладится, и ему нужна будет моя помощь. Ну, тут я и отправилась к вам. Коли правда, что Мартина по вашему приказу схватили, так кто же объяснит всё лучше, нежели вы сами?

— Дария, вы правильно сделали, что пришли ко мне. Я могу всё растолковать вам, но мои слова ничем не помогут, это очень неприятная история...

— Да скажите хоть, в чём обвиняют Мартина? Я знаю, он легкомысленный, где-то слабый, поддающийся дурному влиянию, но все его тяжёлые пороки ушли в прошлое! Он исправляется! С тех пор, как я приехала в Финкер-Оренстофф, он сильно изменился, стал лучше и степеннее. Поверьте, это самый лучший и достойный придворный, какого вы можете найти на Феире.

Беллона напряжённо посмотрела на девушку. Та снова была готова разрыдаться. Как сказать этой непросвещённой душе, что при дворе царят другие правила, что личные качества человека меняются, в зависимости от окружающих его стен? А выхода другого не было, кроме как сказать правду.

— Дария, ваш кузен подозревается в том, что хотел меня убить, — гробовым голосом изрекла принцесса и сама похолодела от своих слов, которые превратились в ледяной воздух и осели невидимым инеем на присутствующих.

— Нет! — дворянка упала со стула на колени перед принцессой, — нет! Я не верю! Ваше высочество и вы, вы не можете верить в этот обман, это клеветническое измышление! Он никогда — слышите! — никогда не был и не будет способен на столь жестокое преступление!

— Встаньте, умоляю, я рада поверить вашим словам, счастлива буду когда-нибудь узнать, что ошиблась, и Мартин, на самом деле, святой, снизошедший на землю, но у меня улики и факты, которые никто не может отрицать!

— Я не поднимусь с места, пока вы не согласитесь пересмотреть своё твёрдое, но, поверьте, неверное убеждение! Я готова поклясться в его непричастности чем угодно. Я сделаю всё, что вы прикажете, но прошу, помогите Мартину, простите его, смените гнев на милость.

— Дария, не нужно! Я вижу, как дорог вам ваш кузен, но очень часто мы, ослеплённые любовью к людям, не видим их недостатков и сильно ошибаемся сами. Хорошо, если я окажусь в заблуждении, а что, если вы? Что если граф Бенк не такой уж и чистый на руку, как вы думаете?

— Пусть будет так! Но, ваше высочество...я так его люблю, — девушка опустила лицо в колени принцессы и зарыдала так, что её плечи сотрясались от всхлипов.

Беллона хотела отпрянуть от Дарии, но потом положила руку ей на голову и слегка

приобняла. Впервые ей приходилось выступать в роли утешительницы и советчицы. Что же будет дальше, когда она ещё повзрослеет, станет влиятельнее, мудрее? Становилось ясно, почему королева Веста предпочитает не выходить часто на публику — среди неё столько просящих и жалующихся! Но большинство простые лентяи и вечно недовольные мерзавцы, не знающие, чего хотят в жизни. А с Дарией совсем другой случай. Как сильно она любила своего кузена! И вовсе не как брата, а как мужчину. Сейчас перед глазами принцессы нарисовался пример высокой и сильной любви. До чего больно осознавать, что становишься причиной чьего-то горя и печалей. «Окажись Дерек коварным убийцей, стала бы я его так защищать? Была бы так одержима идеей его спасения, что бросилась бы в омут с головой и, забыв о себе, старалась помочь ему? В любом случае, не хотела бы оказаться на месте Дарии. Она так несчастна! И ничего не может поделать. Это самое страшное — когда ничего не можешь сделать для близкого человека. Как могу я отказать ей в такой искренней просьбе и как могу её выполнить, без страха за себя?». Тем временем родственница графа Бенка немного успокоилась, и, вытащив платок из рукава, вытерла мокрые глаза и щёки.

— Извините мне мою несдержанность, ваше высочество. Я не должна была вас беспокоить.

— Ну что вы! Это вы простите меня, я совершенно разучилась решать чьи-то проблемы и понимать чужую боль. Встаньте, выпейте, поешьте, вам станет легче.

— Вот уж легче мне сейчас вряд ли от чего-нибудь станет. Ваше высочество, у меня к вам последняя просьба. Если кому-то и нужно понести наказание за проступки Мартина, то только мне.

— Что? Дария, Вы здесь причём?

— Это не важно. Я ведь даже не знаю, что за покушение он на вас совершал, но, прошу вас, накажите меня вместо него, отправьте меня в ссылку, посадите в тюрьму, да хоть казните, как позорную преступницу, но отпустите его и не заставляйте страдать!

— Боже мой, Дария! Вы так сильно...так крепко привязаны к кузену, — Беллона восхитилась девушкой и собралась с мыслями, — смертная казнь ему и так не грозит, но я обещаю сделать всё, что в моих силах, чтобы наказание было как можно менее жестоким. Возможно, его даже не лишат дворянства. Обещаю, как только я сделаю всё для вашего кузена, я немедленно напишу вам. А вы пока возвращайтесь домой, не стоит тратить силы и нервы понапрасну.

— А как долго мне придётся ждать?

Вспомнив об уговоре с братом, Беллона быстро прикинула, что проблема должна решиться сегодня же, дольше это тянуться не может, иначе всё дойдёт до короля, и вот тогда и начнётся самое страшное, как для принцессы, так и для всех к ней относящихся.

Глава 21. "Хорошо иметь друзей"

Закадычные друзья-товарищи сидели в покоях принца. Их вид, как всегда, был вальяжным, непринуждённым и фривольным, только вот обычного громкого смеха слышно не было. Все цвета, мебель и декор являли собой странную смесь деловитости, вульгарности и роскоши. Каждый шкаф и стол, и стул (которых было мало, по большей части предметом обстановки были лежащие принадлежности вроде кушеток, диванов, низких оттоманок) стояли по делу и были хорошими дорогими вещами, из редких и ценных пород дерева, в основном тёмных цветов. Это была деловая часть, ну и, пожалуй, к ней ещё относился серо-бежевый цвет стен и камин, выложенный чёрно-кофейной плиткой. К роскоши можно было отнести удивительные яркие и животрепещущие картины и скульптуры, персонажи на которых были так талантливо изображены, что будто находились за стеклом и могли ожить. А вульгарным это всё делали сюжеты произведений искусства, их огромное, чрезмерное количество, и недостаточно яркий свет, который приглушал золото и краски, делая их порочными и участвующими в происходящих тут безнравственных событиях. Между тремя центральными софами, разместился приземистый стол, на коротеньких острых ножках. На него в свою очередь было взгромождено множество фруктов, холодных закусок и немного выпивки. Последнее было вполне нормальным, ведь для настоящих гуляний было слишком рано, да и настроения сегодня особого у молодых людей не было.

— Робин, — говорил Сториан, отправляя в рот виноградину за виноградиной, — я не знаю, что там у тебя с сестрой стряслось, но я никогда в жизни не поверю, что Мартин мог на неё покушаться.

— Да тут нет даже разговора! Это просто кто-то под него хорошо подкопал. Но согласитесь, если на Белл покушались не единожды, это уже не личная неприязнь, а какие-то политические интриги!

— Ты прав, — вмешался Рикардо, — я думаю, что и не её-то вовсе убрать хотели, а просто кого-нибудь из Карлеалей! Сколько дураков-то развелось по городам, и всем чего-то нужно и не хватает. А твоя сестра самая удобная и доступная мишень для любого психопата. Известно, что она не любит окружать себя вниманием и приставлять к себе много стражи, вот так и случилось.

— Да, я сотни раз думал о том, что у неё самые глупые предрассудки по поводу того, что нужно быть как можно ближе к народу и не отгораживать себя от него охраной. Как ей втолковать, что не всегда к тебе будут относиться так, как ты этого хочешь!

— Объяснил бы ты ей это! — укорительно посмотрел на наследника старший МакДжойн, — что бы она ни делала, и какой бы совершенной ни пыталась казаться, у всех свои идеалы, и каждый всё растолкует по-своему. А она из-за этого будет лишать себя удовольствий, и терять молодость понапрасну, да ещё, как оказалось, и жизнью рисковать. Вела бы себя достойно Карлеалям, была бы счастлива и невредима.

— Золотые слова, Сториан! Может быть, ты сам с ней потолкуешь на эту темку? У тебя вот-вот представится возможность, когда она придёт нам сообщить о своём решении по поводу Бенка. Думаю, оно будет в его пользу, она так не хочет, чтобы папа узнал о её маленьких проказах...

— Шантажируешь родную сестру! До чего дошёл, а?! — все хором хотели повеселиться,

перейдя на другую волну, непринуждённую, о развлечениях или историях из собственной жизни (из чужой они редко пересказывали, так как их собственная судьба была такой насыщенной, что интересоваться чьими-то приключениями было просто некогда), но Робин продолжал гнуть своё.

— Ну, допустим, что она отпустит Мартина на все четыре стороны, самого факта покушения это не убирает. Что вы думаете? Может быть, это было только предупреждение нам и вскоре на наши головы полетят напасти?

— Глупости! — отмахнулся Сантьяго Эливерсон, — ты и её высочество настолько разные концы одной прямой, что никому и в голову не взбредёт как-то вас связать и пытаться воздействовать на одного через другую.

— Тогда я продолжу настаивать на том, что просто кто-то хотел очернить Мартина. Но ведь я-то никогда не поддамся на то, что мои друзья могут сделать что-то плохое, ребята, я же вас знаю. А вот к Беллоне легче подкопаться, надавить, и она уже на любого свалит все смертные грехи! Вот чем я не люблю незрелые личности, они ни в чём до конца не уверены и не имеют чётких понятий, ни чётких представлений.

— Да ладно, дорастёт ещё! — успокоил всех Рикардо и, как раз вовремя, потому что за дверью камердинер объявил, что её высочество пришла.

— Так, ребята, давайте посерьёзнее, и не слишком её затравим, а то совсем сейчас доведём до белого каления, она разнервничается и откажется помочь Мартину. А мне и самому не очень хочется посвящать отца во всё, а если он прознает, без него тогда уже будет не обойтись, и не разобраться.

Но Робин не рассчитал того, что его сестра в последнее время стала менее доверчивой и наивной, а тем более перестала любить состояние незащищённости и начала чаще искать поддержки и опоры. Беллона уже шла с твёрдым решением отпустить графа Финкер-Оренстоффа, как и хотел принц, только с условием, чтобы этот человек покинул территорию на много миль вокруг дворца, да желательно под тщательным присмотром. И чтобы убедительно это потребовать и настоять на своём, принцесса захватила с собой свиту. Не просто, как обычно, Габриэль и Марию, а артиллерию гораздо тяжелее, плюс к двум подругам она пригласила с собой принцессу Гиганта. «Если Робин думает, что имеет право всем и всё рассказывать, или кто-то думает, что его друзья лучше моих подруг, то они сильно заблуждаются!». Подумав так днём, Беллона наконец-то рассказала обо всём своим фрейлинам и теперь, не стесняясь, могла говорить о расследовании и преступлении Мартина Бенка. И хотя девушка была против посвящения в эту феирскую тайну Энжел, Габи уговорила довериться и ей, потому что та была надёжной и положительной, если к ней, само собой, подобающе относиться. Что ж, когда сам не оставляешь за собой секретов, потом трудно будет найти против тебя какие-то порочащие известия. Вот Беллона и рассудила придерживаться такой линии, какой когда-то советовал Бернардо — жить напоказ. Ничего не скрывать и не бояться и тогда уже многим будет просто неинтересно лезть в твои дела. И не прогадала, Энжел отнеслась с уважением к оказанному ей доверию и теперь готова была грудью стоять за свою «маленькую подругу». К радости, оказалось, что она ещё и очень хорошо знает компанию Робина Четвёртого, которая часто бывает на Гиганте, поэтому могла являться связующим звеном между двумя баррикадами. Но для принцессы это было крупинкой на чашу её весов, а для принца, растерявшегося от появления знакомой, напротив.

— Энжи, здравствуй, какими судьбами! — молодой человек встал со своей мягкой лежанки и, взяв девушку за руки, усадил рядом с собой, расцеловав ей ладони, — ты, как

всегда, превосходна, ослепительна, очаровательна...

— Полно, полно. Я тут уже несколько дней, а ты только соблаговолил обратить на меня своё зоркое око.

— О, прости! Прости меня, — вспомнив, что тут кроме него и его товарищей ещё и «малолетняя» сестра с такими же подругами, он прекратил поток излиятий и стал посдержаннее, — да, я ведь на самом деле сам только второй день как тут, вернулся от Дональда.

— Дональда? Сколько же ему исполнилось? Когда я его видела в последний раз, был таким мальчишкой.

— Что ты, он серьёзно возмужал! Ему стукнуло двадцать, настоящий мужчина. Очень хотел приехать и присоединиться к нам, но отец так строг с ним, что без его ведома бедный Дональд не может и шагу ступить.

— А как его разбитое сердце? Его рана зажила, или он по-старому не спит ночами, вспоминая глаза прекрасной герцогини Южных Ветров?

— Нет-нет, из этого он тоже вырос, хотя страдал довольно долго. И его несчастная любовь была такой трогательной, что дама его сердца обещала, если у неё родится племянница в Южных Ветрах, непременно обручить её с его племянником.

— Вот так дела, какое будет странное родство! Захудалый королишка женится на герцогине ди Фьяцо.

— Да что мы всё об амурных делах, как будто кроме этого ничего интересного вовсе нет!

— Помимо есть, а более интересного — нет. Что ты так засуетился, Робин? Я тебя смущаю или ты уже забыл, как я выгляжу, и не можешь узнать?

Энжел вела себя так непринуждённо и естественно, что Беллона не понимала, почему её брат начинает вести себя рядом с ней, как школьник, почему его друзья смотрят на неё не так, как на неё с Габи и Марией? Она излучала женственность, обладала шармом, но писаной красавицей не была, хотя и бросалась в глаза. Но это скорее внутренняя энергетика была настолько сильна, что перехлёстывала все внешние черты, как положительные, так и отрицательные. Пока принцесса разбиралась в характере наследницы Гиганта, она заметила краем глаза, что виконтесса пытается перенять повадки и облик Энжел, незаметно растягивая своё декольте до размеров декольте старшей подруги, у которой оно было фантастически открытым. Ткнув Габи локтем в бок (на девушек всё равно пока никто не обращал внимания), Беллона цыкнула ей, чтобы та не увлекалась в своём идолопоклонничестве.

— Так что же ты, Робин? Предложишь обсудить мне коллекцию оружия твоего батюшки? Или, Сториан, Рикардо, может мне поговорить о банковских делах ваших родителей? Сантьяго, а твой отец увлекается собаками, насколько я помню? И что же вы, заставьте меня говорить о вещах, в которых я ровным счётом ничего не понимаю?! Жестокие, и не доставите мне удовольствия, поговорив о чём-нибудь дорогому моей душе.

— Дорогая Энжел, — придвинулся к ней старший МакДжойн, — поскольку я не страдаю плохой памятью, то разговоры никогда не доставляли тебе особого удовольствия, а наслаждения ты всегда получала от другого. Я замираю в испуге, предположив, что что-то поменялось!

— Нет, Сториан, со мной всё в порядке. И я потому здесь, чтобы быстренько разделаться с делами и продолжить эти дни, которые должны быть праздниками и

нескончаемой чередой веселья. Робин, а я, кажется, угадала причину, по которой ты так охотно избегаешь тем супружества и брака. Уж не нашёл ли папаша Робин тебе невесту?

— Ой, Энжи, давай не будем об этом!

— Угадала, угадала! — девушка от всего сердца засмеялась, уже практически демонстрируя свою пышную грудь мужчинам. Ещё она перекинула ногу за ногу и обнаружила тем самым разрез в своём платье, который обнажил одну из них чуть выше колена, смуглую и стройную, — дай подумать, кто бы это могла быть!

У Беллоны и Марии челюсть хотела опуститься почти до ковров на полу. Им была совершенно дика культура Гиганта с её откровенностью, бесшабашностью и такой вседозволенностью. Или это могла себе позволить только принцесса той планеты? Девушки залились краской от шеи до ушей, даже Габриэль, которая смотрела на Энжел с истинным обоготворением и светлой завистью, смутилась, но с жаром захотела уметь вести себя так, и иметь право вести себя так!

— Это малышка Эмма! Ну конечно! Как я могла сразу не понять! Сестра Дональда!

— Ну, всё, хватит, Энжел, моё терпение сейчас кончится!

— Робин, прости, я так давно тебя не видела, не могу сдержаться и не расшевелить тебя. Ну, назови меня Энжи и перестань дуться. Мир, мир, мир!

— Хорошо, Энжи, я тебя простил.

— Так, когда свадьба? — В салоне поднялась такая кутерьма, смех и веселье, что всем пришлось долго успокаиваться. Никак не предполагавшая такого поворота событий Беллона, сидела в полном недоумении. Она думала, что будет натянутый сухой разговор, выяснение отношений, упрёки, укоры и, в конце концов, компромисс, после которого все разойдутся сердитые и неудовлетворённые, хотя ничего не выиграют и не проиграют. Но Энжел сумела превратить диалог в забаву, а договор в игру. Толком никто и не понял как, но как-то между делом, все сговорились, что Мартина Бенка отпустят на свободу, а через неделю он покинет Феир на неопределённый срок, пока судьба его не прояснится здесь, Беллоной, Бенвором Эскорины и принцем. Всё прошло как нельзя лучше! «Как бы мне хотелось научиться манере Энжел заводить со всеми дружбу! Глупости придумывают, когда говорят, что всем хорош не будешь! Видимо эти люди не были знакомы с Энжел! Она даже с моим братом отличные друзья, а я думала, что он девушек всерьёз не воспринимает, а они с ней, как на равных. И даже не ясно, кто главнее. Она просто задавила Робина своим лидерством». И пока Мария с Беллоной находились в роли наблюдательниц и рассуждали о чём-то своём, делали соответствующие выводы, Габриэль всё глубже вовлекалась в кокетство и заигрывание наследницы Гиганта и принца Феира с друзьями. Она начала чувствовать себя среди этого, как сыр в масле. И только ужин смог отвлечь молодёжь от увлекательных рассказов и чудного времяпрепровождения. На него почти все пошли с неохотой, потому что трапезничать предстояло всем совершенно другими компаниями.

— Пошли, Белл, чего ты там застряла? — окрикнула виконтесса подругу.

— Смотрю, не видит ли кто, куда мы направились.

— Да какая разница? Ты же не из дворца бежишь, а идёшь в покои к своему брату, а там тебе не запрещено появляться!

— Ну, вообще-то мама наказала мне не высовываться во время праздников из своих покоев. И зачем я тебя послушала? Что я забыла в западном крыле!

— Я тебе сотню раз объяснила, что слышала, как Энжел сказала, что ещё увидится с

Робином, Сторианом и другими попозже вечером, а потому, почему бы нам не присоединиться к их занятиям? Они, наверное, сейчас уже так веселятся! А твоего графа мы всё равно не нашли, так чего попусту сидеть в комнате? Вон как развеяться можно!

— Замечательно развеваемся! Перебегаем без фонаря от угла к углу по замку, как шпионки. Не много-то в этом удовольствия!

— Ну, перестань! Иногда ты мне нравишься, но когда занудой становишься, как Мари, я тебя готова больше никуда с собой не брать.

— В такой потере горя мало, — шепнула себе под нос принцесса.

— Что?

— Я говорю, помедленнее иди, я в таких сумерках не вижу, куда наступить. Ещё столкнётся с кем-нибудь из стражи или гостей. Сраму не оберёшься, что такие высокородные девушки по темноте одни шастают!

— Беллона, будь терпимее, осталось совсем немного, и мы будем на месте, в безопасности и недосыгаемости для надзора за нами, — не успела Габриэль произнести свои слова, как дверь слева от неё открылась, и в коридор пролился яркий свет из сверкающих апартаментов. Удачливая виконтесса, как всегда, успела выбраться из ситуации, уже перешагнув эту полоску света и шмыгнув за распахнувшуюся дверь, прижаться к стене, спрятавшись за гобеленом. Беллона осталась стоять на самом виду, и деться было некуда.

— Кто здесь? — из комнаты шагнула женщина в ночном халате, тянущемся по полу красивыми атласными складками. По спине, до самой талии, струились чёрные волосы, переливаясь отблесками света из ламп. В руке у неё был подсвечник, в котором ровно и чётко горел фитиль одной свечки. Её-то она и подняла к лицу Беллоны, осветив тем самым не только девушку, но и саму себя.

— Тётя Сивилла? — вопросительно всмотрелась в женщину принцесса.

— Беллона? Девочка, что ты тут делаешь? Такая темнота к порогу крадётся, а ты одна по замку бродишь. Зайди скорее!

Девушка послушалась, про себя представив, каково сейчас виконтессе остаться одной там, за дверью, Габи ведь иногда такой трусихой бывает, что зайцы так волков не боятся, как она какой-нибудь тени или шороха. Проследовав в спальню за своей тётей, Беллона присела на край дивана возле камина. От напряжения у неё успели занеметь руки, и она автоматически пыталась их отогреть.

Королева Сивилла была любимой тётей принцессы, женой брата отца — Вильгельма. Как писалось в начале книги — нежная и кроткая, но, вдобавок ко всем своим достоинствам, ещё и необычайно красивая. Так что, в её тридцать семь лет, ей могли дать и двадцать пять, а при желании и меньше. Своей одарённости она была обязана гордому и достойному происхождению, корни которого шли от одной из великих волшебниц позапрошлого века. Это была Альбина из рода Артикус, со своими подругами воительницами-волшебницами уничтожившими Тёмную армию. В то время магия бурлила только так во Вселенной и пользовалась огромной властью, но так как ей пользовались не только во благо, но и для вреда, её приходилось уничтожать, иногда безвозвратно теряя секреты того или иного колдовства. Теперь совсем немногие, если не сказать единицы, знали и умели хоть что-то. Но поверья и легенды, мифы и сказки остаются на века, а то и вовсе не умирают, поэтому такие истории, как про ту же Стеллу Нордмунскую, остаются актуальными и интригующими каждого. Кстати, Альбина, не менее легендарная личность, первая жена Робина Первого, одна из спасительниц вечности от хаоса, сильнейшая волшебница и заклинательница, так же

знала Стеллу лично и до сих пор была жива. Но она, как и оставшиеся из живых хранительниц магии и тайн прошлого, предпочитала общаться только с самыми избранными и хоть немного равными себе. Она не отвечала на вопросы и имела право только их задавать, хотя и спрашивать ей что-либо было незачем. Создавалось ощущение, что она всё обо всё знает. А последние шесть лет Альбина и вовсе уделяла только своему четырнадцатому мужу. Сивилле приходилось встречаться со своей могущественной прабабкой и, говорят, при этих встречах, та ей передавала какие-то секреты, зелья, информацию и даже магическую силу, которую снова пыталась возродить в лице своих потомков, разлетевшихся по свету. Но Беллона знала тётю, как самую обыкновенную женщину, прекрасную, мудрую и выделяющуюся какими бы то ни было отличительными качествами, но не более.

Сейчас, сидящая у огня, в тёмно-синих материях, шитых серебряными звёздами и полумесяцами, она вполне могла сойти и за чародейку, даже напугать детей и ещё несмышленных подростков. Но принцесса нашла у неё временное убежище от проделок Габи и их последствий, поэтому ассоциировала её с феей или ангелом-хранителем.

— Не видела тебя около полутора лет, а ты стала за него взрослой девушкой, Беллона, — заключила Сивилла, оглядев племянницу при свете тщательней и сев на кресло.

— Да, тётя, я подросла. А вот вы, как и прежде, не меняетесь, сколько вас знаю.

— Всему рано или поздно придёт завершение, настанет и моя пора угаснуть. Просто такова природа, что нескоро со мной это случится. Беллона, каждый раз, как я приезжаю, ты начинаешь заново называть меня на «вы», давай обойдёмся без этих условностей.

— Хорошо, тётя.

— Куда ты шла? Мне показалось, что ты была немного сконфужена тем, что тебя застали.

— О, я просто растерялась. Я узнала, что ты и дядя Вильгельм остановились где-то здесь, и решила вас проведать, да только точных покоев не определила.

— Не лги мне, — Сивилла произнесла эта так спокойно и бестрепетно, будто поправила ребёнка, делающего первые шаги. Её не разозлила неправда, даже не возмутила, она просто указала, что ей не место быть в разговоре. Беллона зарделась. Меньше всего ей хотелось разочаровывать свою любимую тётю.

— Не нужно волноваться, девочка, кто я такая, чтобы наказать тебя или поругать? Просто пойми, ложь — это удел слабых, людей, которым нечего о себе сказать из правды такого, что бы понравилось другим.

— Простите, я всё знаю, но ведь, бывает ложь во спасение.

— Ах, вечное заблуждение. Она не спасает, она на время отводит от нас неприятности, которые накапливаются и потом ударяют со всей силой, разом и в одночасье. Если же сразу признаться в чём-то, пусть самом неприглядном, постыдном, неуместном, мы создаём вокруг себя бурю, ураган, который расставляет всё на свои места и делает сильнее нас же!

Беллона, в который раз, подивилась мудрости этой женщины. Её письма она хранила, как инструкции, как руководство по тому, как и что нужно делать. И вот очередная фраза, которая показалась достойной того, чтобы принять её к сведению, как жизненный опыт.

— Я думала над этим, тётя. Но не всегда есть силы признаться в чём-либо.

— Если дать слабости проникнуть в тебя, то она начнёт поглощать. Да что-то я тебе совсем голову забила всякими поучениями. Ты ещё так молода! Тебе пока это не нужно.

— Почему же, напротив. Когда знаешь, что правильно и верно, можешь избежать многих ошибок!

— Но нужно ли тебе это?

— Что ты имеешь в виду?

— Представь, если бы жизнь каждого была запланированной, точно по расписанию. Все делали то, что им надлежит, не возмущались, не противились, со всем соглашались и никогда бы не ошибались. Как тебе?

— Даже страшно представить. Наверное, это было бы хорошо, но мне ужасно от такой картины мира.

— Скучно, не правда ли? Пойми, природа — это не механизм, её не создали руками, не планировали и не вычисляли, чтобы собрать по схемам, как конструктор, поэтому и нельзя её подчинить ни одному единому закону. Он рано или поздно даст сбой. Всему есть противопоставление: правде — ложь, уму — глупость, а ошибкам — их исправление.

— Значит, ничего страшного нет в том, что я могу поступить плохо? Тогда для чего все стремятся быть правильнее? Где же истина?

— Девочка моя, абсолютной истины нет. Если бы она существовала, она бы давно всё перетянула на какую-либо сторону и расставила по порядку, или, если она напротив, другого характера, превратила бы всё в полную неразбериху. Хотя, Вселенная в сущности и есть одна большая неразбериха. А я тебе скажу вот что. Не нужно быть лучше или хуже, чем ты есть, не подстраивайся, не меняй под себя. Делай то, что нужно для твоего блага, при этом, не вредя другим. Если тебе удастся сохранить вокруг себя гармонию при любых обстоятельствах, ты будешь счастлива.

Беллона слушала тётю, как заморожённая. Как бы ей хотелось быть такой же! Если кому и стоило подражать, то только ей. Она, действительно, великая, не то, что какая-то Стелла Нордмунская! Уж та точно не думала ни о гармонии, ни о благе других, да и думала ли она вообще о чём-нибудь? Если она даже в своих чувствах разобраться не смогла, что уж говорить о том, что творилось у неё в голове! А королева Сивилла была непоколебимой, как океан, во всём, в поведении, в убеждениях, во мнениях, в своей любви к мужу. Как бы принцессе хотелось, чтобы Сивилла была её матерью, или хотя бы просто появлялась почаще у них в гостях. Осталось совсем немного, после премьеры Беллона сама будет ездить туда, куда сочтёт нужным. Это будет таким счастьем!

— Тётя, а как Альфа? Я давно с ней не обменивалась письмами, наверное, стала на тебя совсем похожа, у меня была её маленькая миниатюрка, у неё так много твоих черт.

— Да, растёт моей маленькой копией. Удивительно, что от Вильгельма ей почти ничего не досталось, разве что этот необузданный характер Карлеалей, но я не держу её порывов. Если она не поймёт всё что нужно на себе, то не сможет это понять, наблюдая со стороны. Трудности нужны любому человеку, без них он растворяется.

— А разве не нужно пытаться обходить неприятности стороной?

— Смотря, какие неприятности. Разумеется, нарываться на них понапрасну — это в высшей мере безрассудно, но, что нас не убивает, то делает сильнее. Но моя дочь достаточно подготовлена ко всему. Этим летом она будет дома, потом ещё год отучится в Интермедии и будет самостоятельна. Мне будет интересно посмотреть, как она воспримет взрослую жизнь.

— И ты не будешь следить за каждым её шагом?

— Зачем? Я всегда буду переживать за неё и помогу в любом случае, чтобы с ней не стряслось, но то, что я дала ей жизнь не значит, что она мне принадлежит. Да что-то мы заболтались, тебе уже пора идти спать. Не буду тебя мучить вопросами о том, куда же ты всё-таки шла. Будет желание, расскажешь как-нибудь сама.

Принцесса подошла к двери и взяла подсвечник. Ей вслед смотрели удивительной яркости голубые, огромные глаза, которые были словно не из мира сего.

— Тётя, спасибо большое за всё! Я запомню все твои слова. Мне нужно ещё найти подругу, которая, скорее всего, снова и снова безрассудно ввязывается в неприятности.

— Ступай, Беллона, только, она уже в своей комнате и не расположена к разговору, — произнесла женщина и захлопнула дверь.

— Отку... — не успела удивиться девушка, как осталась перед фактом стоять одиноко в коридоре.

«И всё-таки тётя Сивилла волшебница. А я не хотела верить. У неё есть какие-то способности, не явные, но иногда она видит и знает то, чего другие даже представить не могут!».

Идти к себе ещё не хотелось. Со свечой было не так страшно, и теперь была веская причина, почему она находилась здесь. Почему бы не побродить немного по западному крылу? Кто знает, может быть, и Дерек сейчас был где-то поблизости. Какой удачный день! Такое утро, радостное, обещающее, подающее надежды. Вечер отлично дополнил впечатление от всех событий, осталось только ночь встретить как-нибудь хорошо и можно со спокойной душой отправляться на покой.

В кои-то веки во владениях принца была не шумно, несмотря на то, что он и его друзья никуда не уехали. Не верилось, что они так рано легли спать. И вряд ли заняты чтением или философскими беседами за бокалами красного вина. Беллона не торопясь, переходила от одной двери к другой в сторону своего крыла, пока не дошла до спальни самого брата. Из-за неё не доносилось громких звуков, но там горел свет, и чувствовалось присутствие людей. Принцесса подошла поближе. Каким бы постыдным она не считала подслушивание, но вдруг интуиция обманула тётю и Габи до сих пор где-нибудь здесь? Прислонив ухо впритык к дубовому дереву, Беллона услышала голос Робина, который разговаривал с девушкой.

— Ну, чего ты боишься? Я же не съем тебя.

— Простите, ваше высочество, я так волнуюсь...

— Понимаю, понимаю. Хочешь выпить? От этого тебе сразу станет легче.

— Нет, благодарю.

— Тогда подойди ко мне. Да не дрожи ты, такая симпатичная, чего стесняться? Сейчас я приглушу свет.

Пока Беллона слушала эти короткие фразы, которые были ни о чём, но ясно говорили к чему они ведут, ей показалось, что голос девушки ей так же знаком и она слышала его буквально сегодня. Только он был чуть более дрожащим и печальным, а сейчас немного приобрёл какого-то равнодушия и сдержанности. Да, это была Дария! Так вот её великая любовь к Мартину! Она уже в комнате наследника, если не в кровати.

Робин, отличавшийся некоторой рассеянностью, снова проявил её, забыв запереть замок, чем и воспользовалась принцесса. Распахнув обе дверцы с маху, Беллона оказалась в состоянии дежавю. Пушистый ковёр, золотые фазаны у водоёма, которые смотрели на новоприбывшую, как на давнюю, и порядком надоевшую, знакомую. На этот раз на полу никто не лежал, но стояла Дария в одной ночной сорочке возле принца, который тоже уже был не очень одет. Беллона не выдержала и сразу перешла на громкое возмущение.

— Дария, как я должна это понимать, что тут творится вообще?

Принц подскочил от неожиданности, но так же быстро сел обратно, увидев младшую сестру.

— Господи, опять ты! Кто тебя звал, никто не обязан перед тобой отчитываться! Уходи по добру...

Молодая дворянка между тем пыталась прикрыться своим платьем, которое покоилось на кресле, но она никак не могла попасть в рукава.

— Ваше высочество, прошу вас, простите, я могу всё объяснить...

— Не нужно, я всё с вами поняла. Вы отвратительны. Прибегаете со слезами просить о милости одному, а вечером встречаетесь с другим. А я поверила вашей искренности и освободила вашего кузена от наказания. Господи, как я ошиблась, как это всё неприятно и низко!

— Как, вы...освободили Мартина? Не может быть!

— Что значит «не может быть»? Хотя верно, я ещё пересмотрю своё решение. Теперь я вижу, чего вы стоите оба!

— Нет-нет, умоляю! Оставьте всё как есть, поймите, я не знала о вашем решении. Его высочество Робин сказал, что ситуация складывается безнадежная...

— Что? Робин, что ты сказал Дарии?

— Боже, уйдите обе, я хочу спать! — принц упал на кровать и накрылся сверху подушкой.

Беллона стояла в шоке. Можно было бы сразу догадаться, а она вечно не понимает очевидного. Робин, уладив всё с другом, снова встретил отчаявшуюся девушку и решил извлечь для себя пользу по полной, сообщив ей трагическую новость, что граф находится в сложнейшем положении, и он бы рад ему помочь, и может, но вот чего собственно ради? Если бы юная леди соблаговолила подарить ему ночь любви, то, разумеется, он рыцарским образом вызволит её кузена из заточения. Чего бы ему это ни стоило. Она соглашается и на следующий день узнаёт, что дорогой ей человек находится дома в полном благополучии. Забыв про принесённую жертву, она радуется и никому ничего не говорит.

Принцесса провела рукой по лбу, не то отмахнувшись от понятого, не то облегчённая тем, что успела вовремя.

— Простите, Дария, я всё превратно разобрала. Идёмте отсюда, ваше место в Финкер-Оренстоффе. Эту неделю Мартин ещё будет там.

Глава 22. "Подмена"

— Ваша светлость Уныние ничего не хочет нам сказать?

Беллона и Мария уже полчаса за завтраком не могли узнать причину молчаливости подруги. Вид у неё был обиженный и надутый, но она уверила их, что они тут не при чём и продолжала в немой грусти поглощать чай. Чашка за чашкой наливались и опустошались, заедались пирожными с конфетами. Ложечка без конца звякала о края фарфора. Принцесса бы, скорее всего, не выдержала и попыталась вывести девушку из этого состояния, как делала в свою очередь та, но стала рано утром свидетельницей отъезда рыцарей из замка, которые освободили место более высокопоставленным персонам и отчалили в Риджейсити. Так что теперь и у неё на душе скребли кошки, но она держалась явно лучше виконтессы. С обеда в столице открывался самый главный бал-маскарад, который будет длиться три дня. В этом увеселении, таком роскошном и великолепном, Беллона увидела надежду для себя, ведь главным его правилом была таинственность, которая так нужна была принцессе. Вот только где, не привлекая к себе внимание, костюмы маскарадные взять? Девушка уже видела, как примерно должно выглядеть её платье. Этот козырь обязательно должен был взбудоражить будущую графиню Леонверден, поэтому Беллона припасла его на конец.

— Габи, ну поплачь что ли, легче станет, а то у тебя такой вид, будто ты несвежих фруктов объелась.

— Мне всё равно. И, ты же знаешь, я не плачу. Это глупо и бесполезно. Слезы ничего не дают и не решают, просто пустая трата времени.

— Ладно, допустим. Но можешь ты поделиться с нами, что такое произошло? Что-то с Ромашкой?

Принцесса поискала взглядом любимицу подруги и убедилась, что та в полном порядке, умывается лёжа на шёлковых подушках с бахромой по краям. При упоминании о ней сердце виконтессы слегка оттаяло. Она протянула руку и пощекотала за ухом своей питомицы.

— Нет, с ней всё отлично. Это всё...он.

— Сержио? — в один голос спохватились эрцгерцогиня и принцесса. Ну, как же они могли не понять, он же тоже покинул дворец! Да уж, проблема из неразрешимых. — Да, к сожалению, он уехал, но, как будто, мы ни разу не сталкивались с такой проблемой! Это легко поправимо. Рыцари всего лишь в Риджейсити, а не в другом измерении, поэтому найдём, и всё снова будет хорошо!

Беллона просияла удавшейся успокоительной речи. К её расстройству, на Габриэль она не сильно подействовала и та лишь покачала головой.

— Да при чём здесь Сержио! Я говорю не о нём.

Принцесса опустила руки в недоумении. Что на этот раз? Если новости о маркизе не смогли подействовать на подругу, то она явно серьёзно заболела. Её любимый перестал волновать её, с чего бы? Виконтесса никак не могла дождаться следующего навещающего вопроса от подруг и продолжила сама.

— Да, не о нём. И только не нужно ругать меня или осуждать, но...маркиз мне больше не нравится.

— И как давно? — уточнила Беллона.

— Со вчерашнего дня. Я, кажется, полюбила другого. Не буду томить вас в неведении,

этот человек — Сториан МакДжойн, самый прекрасный мужчина, которых мне только доводилось встречать.

Мария в ужасе замотала головой.

— Нет, Габи, скажи, что это неправда! Только не он! Ты что, с ума сошла? Ты хоть знаешь, что это за человек? Знаешь, какой он, и какие слухи о нём ходят?

— Какая разница? Да, я сошла с ума — от любви и ревности! Потому что вчера вечером, когда я хотела снова его встретить, я увидела, как он ушёл с Энжел в её покои. Боже, я убить её готова, мерзавка, я к ней со всей душой, а она пытается разрушить моё счастье!

— Признаться, я была больше рада твоему увлечению маркизом, — констатировала Беллона.

— Я тоже, — согласилась эрцгерцогиня, — князь не будет таким любезным, чтобы мило проигнорировать твою влюблённость, в отличие от Сержио. Он, непременно, воспользуется этим, стоит ему только намекнуть. Поэтому, прошу тебя, веди себя как можно сдержанней, скромнее, не привлекай к себе внимание.

— Что? Ещё чего! Нет уж, мне надоело быть незамеченной, и я твёрдо намерена добиться расположения Сториана.

— Габи, остановись! Его и добиваться не надо! Как только он увидит твой блаженный взгляд — он всё поймёт и станет твоим...на час, максимум.

— Мари, откуда такое плохое мнение о человеке, которого ты совершенно не знаешь?

— Я, к твоему сведению, живу в Риджейсити, и у меня там много знакомых, которые рассказывают мне все последние новости.

— Сплетни и слухи, не имеющие основания!

— Две мои подруги пострадали от него лично!

— Да они придумали себе это, чтобы было чем гордиться!

— Ну, всё, мне надоело. Пеняй на себя, моё дело было предупредить.

Беллона наблюдала за разговором и понимала, что Габриэль нужно выручать от неё же самой. Во дворце тоже было достаточно рассказов о МакДжойнах, которые не несли в себе ничего прекрасного и возвышенного. Нужно немедленно сделать так, чтобы виконтесса переключилась на что-то или кого-то другого. Однако, по тому, как она говорила о новом своём увлечении, было видно, что она уже настроена фанатично и заметно приободрилась от одних только воспоминаниях о князе. И как они недосмотрели за ней вчера, когда ещё можно было её остановить и увести из салона принца! Можно было бы догадаться, что туда её вообще вести не стоило. На её воображение и эмоциональную душу всё связанное с развлечениями и свободой действовало, как удав на кроликов. «Последняя попытка — я использую, как приманку, маскарад, она увлечётся им и в эйфории всеобщего праздника найдёт себе много нового и интересного. Я так рассчитывала на помощь Энжел, но, видимо, Габи теперь относится к ней с неприязнью».

— Габи, а что ты скажешь, чтобы поехать тайком в столицу и отлично провести там время?

— Да вы обе сумасшедшие! Мало вам того, что уже случилось, вы ещё хотите! — возмутилась Мария. Принцесса отмахнулась от неё. Некогда было объяснять план действий, а виконтесса уже встрепенулась от услышанной фразы.

— Белл, я всеми руками «за»! Но как мы это всё организуем? Это ведь почти невозможно. Твой брат нам теперь вряд ли будет помогать, королева тем более, а больше положиться и не на кого...

— На самом деле, у меня уже сложился в голове приблизительная схема. Небольшая помощь Энжел...

— Что? Этой предательницы?!

— Ты хочешь повеселиться или нет?

— Ладно, я слушаю.

— Значит так. Сегодня вечером дворец покинут совершенно все, включая маму с её фрейлинами, поэтому некому будет наведываться ко мне и проверять, на месте ли я. Горничным я скажу, что могут быть завтра свободны, в честь дня рождения короля и меня обслужат твои. Ты то же самое скажешь своим. Дальше мы оставляем вместо себя трёх фрейлин Энжел. Уверена, она поймёт и поддержит нас. Едем вместо них. Так и безопасно и никто не догадается заглянуть под маски придворных дам с Гиганта. Вот так мы выберемся завтра после обеда отсюда, но вернуться нужно будет до рассвета.

— А почему не сегодня?

— Габи, но ведь нам ещё нужно приготовить платья! К тому же десятое число завтра, это самое бурное торжество, самые великолепные фейерверки, самый громкий смех и столпотворение, в котором можно затеряться так, что никто вовек нас не разгадает! И ещё мне нужно будет предупредить Бернардо и Сержио, мне нужна от них одна услуга.

— Какая?

— В общем-то, самая мелочь. К сожалению, в эти три дня никто не имеет права появляться на улице с открытым лицом, а мне всё-таки хотелось встретиться с Дерекком в этой суматохе, поэтому я попрошу их узнать, в каком он будет костюме и где именно находится.

— Беллона, ты гений! Я знала, что мы с тобой можем покорить весь мир! Ну что же, тогда не будем терять времени понапрасну и начнём приготовления. Девчонки, вперед! Праздник ждёт нас!

Взбурдаженные младшие подруги быстро доели и унеслись с азартом обеспечивать себе радостные события. Мария лишь бесстрастно покачала головой и громко вздохнула. На что ещё хватит этих безобразниц, которым ни одно предупреждение судьбы ни о чём не говорит? Как можно так относиться к происходящему? Что ж, оставалось лишь снова смотреть, чем всё это закончится.

Бернардо со страшными муками совести согласился помочь принцессе. Он отговаривал её, умолял почти на коленях не делать этого, обещал исполнить любое её желание, если она откажется от задуманного, но Беллона осталась при своём мнении. Она заявила, что и без его участия поедет в город, только тогда поднимет сверху на голову всё и найдёт графа Аморвила сама. Да, ей пришлось признаться виконту, что у неё чувства к этому мужчине, от чего Бернардо и вовсе выпал в осадок. Но, осознав серьёзность ситуации, ему было лучше подсобить ей и побыть рядом в Риджейсити, чем бросить всё в руки злого рока.

И теперь, прискакав на взмыленном коне на квартиру к Сержио о'Лермону, он пытался вместе с ним решить эту непростую задачу. Ведь он дал себе твёрдое обещание не подпустить близко к принцессе этого тёмного рыцаря! Особенно после того, как ему удалось закончить разговор с маркизом, прерванный перед поездкой в театр. Но одно дело мешать какому-то чужестранному дворянину приближаться к её высочеству, и совсем другое не давать королевской дочери быть рядом с этим дворянином. За что на него свалилось такое ненастье! Голова раскалывалась, как можно было отказать принцессе и не узнать, в чём

будет одет граф Аморвил.

— Сержио, ты понимаешь к чему может привести их свидание в таком скопище народа?

Маркиз молчал.

— Сержио, я понимаю, что тебе неприятно узнать о любви принцессы, но ты можешь сейчас отвлечься от этого и сосредоточиться на том, как сохранить её благополучие?

— Извини, просто в голове не укладывается, как такая милая и невинная девушка могла заинтересоваться Дерекком, который всегда водил отношения с довольно опытными, зрелыми женщинами, хотя с девушками тоже, но теми, которые не отличались строгостью нравов.

— Это неважно! Главное, как нам теперь избавиться от этого взаимного притяжения противоположностей! Или не лезть? Обычно то, чему мешают, начинает сопротивляться и укрепляться, и укореняться.

— Да? Может ещё поспособствовать? Ты знаешь темперамент нашего королевского семейства, а я знаю характер графа, который только и ждёт, когда ему постелют соломки. Хотя нет, на готовое он не любит приходить. Ему всегда подавай трудности, интриги. Его азарт перекрывает в нём всё разумное! Чем сложнее, тем лучше. Игрок, что ещё о нём скажешь!

— Значит, ты сто процентов уверен, что добивается принцессы он несерьёзно?

— Почему же, вполне! Он всегда уверен в том, что хочет. Но только когда он достигает цели, она ему становится не нужна.

— А говорят, что рыцари благородны!

— Это так и есть! — разозлился маркиз, — я поэтому сам и удивлён до крайности! Дерек несмотря ни на что, благородный человек, и никогда бы не стал соблазнять юную девушку, порядочную и робкую.

— Может, мы чего не знаем о её высочестве?

— Как ты можешь!

— Прости, просто подумалось. Тогда граф, наверное, впервые влюбился, а мы на него наговариваем!

— Да ты что! Он не любит никого, кроме несравненного образа великой Стеллы, он её во сне видит! Это его единственная и неповторимая любовь, ради которой он сделает всё что угодно и которой посвятит жизнь. Дерек грезит женщиной, которой нет на свете, и которую никогда не видел! За это я всегда считал его немного ненормальным.

— Тогда решено, мы изолируем принцессу от него. Осталось только придумать для этого предлог благовидный. И, кажется, кое-что мне придумывается. Не знаю, пройдёт ли такой номер, и что нам будет после того, как откроется наш обман, но мысль стоящая.

— Говори скорее, я уже весь в нетерпении.

— Я скажу её высочеству, в каком Дерек будет костюме, только опишу при этом твой. Я скажу, где ты будешь, и она весь вечер будет ходить за тобой, а ты, как бы невзначай, всё время ускользать. Таким образом, она не заметит никого другого, и всё время будет под нашим присмотром.

— Бернардо, недаром тебя считают блестящим начинающим политиком! Мозги у тебя работают что надо. Итак, я должен хорошо подготовиться к роли сэра Дерекка, мрачного и загадочного.

— Можешь не сильно стараться, общаться тебе от его имени не придётся, только регулярно исчезать из вида. А это легче лёгкого. Ох, можно вздохнуть. Полдела мы провернули — придумали всё.

— Да, передай принцессе, что её любимый будет в чёрном плаще и шляпе с красным пером, красной маске и в золотом камзоле. Я буду на площади Фонтанов. Там и перемешаться с людьми проще простого, и зная настоящего графа Аморвила, он туда не сунется, ведь там будет ярмарка и танцы, а его привлекают другие забавы.

Виконт Тревор от души рассмеялся.

— Чему ты так радуешься? Самое трудное ещё впереди.

— Представил, что её высочество хотела сама всех обдурить, переодевшись фрейлиной принцессы Энжел, а теперь вот мы пытаемся перехитрить её.

— Как говорится, не рой другому яму.

— Жаль, что нам с тобой приходится заниматься тем же самым.

— У нас миссия достойнейшая — мы спасаем честь своих государей.

— И почему они никогда сами не могут о ней позаботиться? Как будто так трудно вести себя соответственно положению. Хотя бы иногда.

— А для чего бы тогда нужны были придворные?

Глава 23. "Маскарад"

Слабые сумерки спускались на город. Для темноты ещё было рано, ведь летние дни становились всё дольше и дольше. На улицах было не протолкнуться. Казалось, не осталось ни одного человека, который бы на них не вышел. Дети и старики, молодые люди, девушки, мужчины и женщины бродили и гуляли по дорогам и тротуарам. Транспорту проехать было негде, и если лошади ещё протискивались по редким свободным бульжным тропам, то кареты и экипажи оставлялись на въезде в столицу. Дворяне и простолюдины, бедняки и богачи были поставлены на одну ступеньку, все одинаково ходили мимо лавочек торговцев, магазинчиков, небольших помостов, на которых, пользуясь случаем, выступали фокусники, факиры, бродячие артисты или ораторы-самоучки, которые читали свои стихи или просто привлекали к себе внимание запутанными речами. Веселье длилось не первый день, но усталости ни в ком не ощущалось. Даже самые ленивые, загоревшись какой-нибудь идеей, стремились в толчею, где другие уже всюю развлекались и пиршествовали. Чем ближе было к площади Фонтанов, тем становилось теснее, но это никого не смущало, ведь из них сегодня лилась не вода, а вина, шампанское и лимонады. На благотворительных фестивалях раздавали сладости, разнообразные угощения и подарки. В соревнованиях и конкурсах, проводившихся там и тут, можно было что-нибудь выиграть и даже подзаработать неплохие деньги. Специально расчищенные площадки заполнялись парами, которые кружились и танцевали до упада, там выстраивались в очередь, чтобы продемонстрировать и своё мастерство грации и изящества. Но и в такой прекрасный день нельзя было до конца расслабляться, потому что воришки и жулики спешили не упустить свой шанс, забравшись в карман зазевавшегося или срезав его кошелёк.

Беллона до сих пор не могла поверить, что ей всё удалось. Она была в Риджейсити, не узнавшая и не пойманная, радостная и взволнованная. Протискиваясь сквозь толпу, девушка переживала не за свою безопасность или репутацию, а за то, что все были с закрытыми лицами, и людей было так много, что она могла пропустить мимо себя любимого человека. Глаза жадно высматривали чёрный плащ и красную маску. Как можно в такой пестроте что-либо различить? И это уже сейчас, когда ещё светит солнце, клонящееся к горизонту. Что же будет, когда зажгутся фонари, и повсюду будут мигать огни, гореть факелы и мелькать бенгальские искры? Оставалось надеяться, что они сумеют добраться до королевского дворца до того, как начнётся полуночный фейерверк, когда король с королевой выйдут на балкон и Робин Третий будет принимать поздравления от народа в виде ликующих криков. Тогда можно будет и не думать найти там кого-либо.

Принцесса посмотрела на виконтессу. Она не обманулась в том, что такое рискованное и захватывающее предприятие отвлечёт ту от всех её мыслей и ненужных фантазий. Габриэль, как заколдованная, останавливалась у каждого киоска и либо что-то приобретала, либо просто подолгу разглядывала. Иногда её приходилось подталкивать к тому, чтобы идти дальше, иначе она задерживала всю компанию, возглавляла которую Энжел. На той были ярко-розовые шаровары, широкие, как юбка, такая же блуза с неизменно откровенным декольте, интересные золотистые туфли с длинными носами, а сверху на это всё набрасывалась сиреневая прозрачная накидка. Беллона, как всегда, была в замешательстве от экстравагантности принцессы Гиганта, так как в этом костюме полностью оставалась

открытой спина и талия. Но она бы ничего не сказала, если бы накануне не оказалось, что им с Габриелой и Марией придётся довольствоваться нарядами того же фасона. Долго упираясь от столь дерзкого поступка, как одевание таких вещей, принцесса всё же решилась на это. «Всё ради Дерека» — убеждала она себя и, как обычно, черпала уверенность из оптимизма и беззаботности виконтессы. Тем более, среди прохожих дам и леди наблюдались платья и повульгарнее, чем у девушек.

«Как чудно, что никто даже не догадывается о том, что среди них идёт её высочество Феирская» — думал Бернардо, шедший за подопечной след в след. Ему очень хотелось, чтобы это скорее закончилось, а его с маркизом план оказался успешным. Как жаль, что это зависело не от них! А тревога за принцессу была настолько сильной, что виконт даже не чувствовал самого праздника. Его взор ни на секунду не отвлекался от стройной фигурки в алых полупрозрачных тканях и чёрной маске на лице. Она казалась такой хрупкой и ранимой, что не хотелось верить в то, что она сама всегда создаёт себе неприятности, из которых потом выходит с таким трудом. Если бы с ней рядом всегда не оказывался кто-то сильный и умелый, её тяга к приключениям давно бы уже плачевно завершилась. Мария в этом полностью согласилась с Бернардо, и теперь шла по другую руку от принцессы, чтобы тоже, если что вдруг, оказаться рядом. Позади всех шли амазонки-телохранительницы Энжел, со спрятанными под маскарадные костюмы кинжалами. Они всегда носили их с собой, поэтому в этот раз это ничего не обозначало, для них всё было, как всегда. Ничто и никто не могли заставить их ослабить внимание и отвлечься от своей госпожи. Несмотря на кажущуюся рабскую преданность девушек, они с наследницей Гиганта были отличными подругами. Просто для жительниц Амазонки дружба значила гораздо больше, чем для остальных представительниц прекрасного пола. Для них это было самоотречение, полное доверие, верность и способность пожертвовать всем ради другой. Нередко это напоминало настоящую любовь, но, разумеется, чисто платоническую. Такую духовную связь практически ничего не могло разрушить, даже интерес к мужчине...

— Посторонись, посторонись! — послышалось за спиной. Какие-то наглые всадники, наплевав на правила и обычаи, или, скорее, на простую вежливость, расталкивали пешеходов и ехали прямо по направлению к центру города. Люди начали возмущаться, а, успевшие хорошенько выпить мужчины, громко браниться. Дворянин, ехавший в кавалькаде вторым, резко притормозил и спрыгнул с коня. Он внезапно вынул шпагу и начал угрожать ею посмевавшему открыть рот бездельнику.

— Ты раскаешься за свои слова, грязная свинья! Как ты посмел оскорблять меня! Сейчас ты узнаешь, что со мной шутки плохи и навсегда лишишься своего длинного языка!

Люди сгустились посмотреть на ссору, которая могла кончиться дракой и крупной потасовкой. Так случалось всегда, когда какое-нибудь значимое лицо было задето простым жителем. За смелого городского прохожего подошли заступиться его нетрезвые товарищи, хотя, можно было с уверенностью сказать, что мужчины, прибывшие на лошадях, тоже уже успели изрядно принять на душу. Остальные всадники тоже спешили.

— Послушайте, жалкие животные, — крикнул один, — извинитесь сейчас же и мы забудем обиду нанесённую нам!

— Ещё чего! Это вы вели себя, как последние животные, вот и извиняйтесь сами!

Ситуация накалилась до предела и первый разгорячившийся дворянин попытался проткнуть разозлившего его мужчину, но его пока сдерживали те, кто был с ним. Постояв немного, как вольные наблюдатели, принцесса с сопровождением хотела двинуться дальше,

но Энжел схватила её за руку и удержала.

— Погоди, я, кажется, знаю кто это! Это же твой брат со своими друзьями.

— Что? Господи, какой позор! Принц пререкается со своим народом! Как будто ему места мало для забав или ему мешают.

— Да пререкается-то не он, а Сториан. Но всё равно, это может плохо кончиться. Нужно остановить их.

— Но как? Робин меня никогда не слушает, а эти, другие, тем более. И не открыть же мне своё имя, чтобы успокоить и уговорить пьяных веселящихся?

— Да, ты права. Я сама займусь этим. Стойте здесь, а я сейчас вернусь.

Энжел со своими двумя фрейлинами бесстрашно растолкала любопытных и уже через минуту была в центре событий. С того места, где стояла Беллона, было ничего не слышно, но зато хорошо видно, что после коротких объяснений, «благородные» молодые люди переключили всё своё внимание на девушку и её спутниц, а потом и вовсе забыли о яростном незавершенном споре. Ещё через пять минут стал раздаваться смех и зрители, лишённые интересного зрелища, стали расходиться, немного разочарованные. Беллона вздохнула с облегчением. Что бы они делали без этой могущественной наследницы Гиганта? Только вот заболталась она с этими юношами, а время шло. Нетерпение охватило принцессу, и она уже не замечала ничего вокруг, кроме того, что Энжел никак не может оторваться от компании Робина.

Наконец, беседа была закончена. Три девушки вернулись к изначальной позиции счастливые и умиротворённые.

— Ну что, идём дальше? Конфликт исчерпан, и мы можем с чувством выполненного долга заняться своими делами.

— Стойте, — ужаснулась Беллона, — а где Габриэль?

Все огляделись вокруг, но девушки и след простыл. Но через момент Мария указала пальцем в сторону удаляющихся всадников. На крупе коня одного из них виднелся силуэт, одетый в бирюзовые блестящие одежды.

— О, Господи! Мы должны вернуть её! — сказала Беллона, но поняла невыполнимость этой задачи, — Энжел, куда они направляются?

— Во дворец, куда же ещё! А что ты так испугалась? Что плохого в том, что она развеется? У неё как раз было неважное настроение, она со мной даже не разговаривала...

— Энжел, ты не понимаешь, мы обязаны вернуть её назад, сейчас она может наделать глупостей.

— Ладно, ладно. Значит так, вы идите на площадь Фонтанов, а я с девчонками попытаюсь добраться дотуда быстрее, заявимся во дворец, заберём Габи и найдём вас где-нибудь там. Хорошо? Вы не против, что мы вас покинем на некоторое время?

— Нет-нет, наоборот, Энжел, поторопись! Я очень переживаю за Габи, но не могу сама пойти во дворец и бегать под носом у отца и матери.

— Что ж, тогда до встречи!

Группа из шести человек раскололась на две по три и двинулась дальше, каждая своей дорогой. Бернардо напрягся ещё больше. Ну вот, теперь он один защищает двух девушек! Замечательно, лучше и придумать нельзя было. Оставалось поскорее добраться до Сержио и тогда будет поспокойнее.

Продолжая свой путь к цели, Беллона тоже всё сильнее нервничала. Она ни разу не была участницей подобного торжества, хотя три года назад ей приходилось выходить на

балкон всей королевской семьёй и любоваться роскошным салютом, смотреть пятьдесят пять залпов. В этом году их будет пятьдесят восемь. Да уж, король старел, и страшно было подумать, что вскоре его место мог занять Робин-младший. К чему мог привести государство такой правитель? Уж точно не к процветанию и не спокойному, мирному существованию. Он уже сейчас создавал проблемы, а то позже, когда власть будет в его руках! Чем могло всё недавно кончиться, если бы не вмешалась Энжел? Сториан заколол бы ни в чём неповинного человека и ему это, как всегда, сошло бы с рук. Он был лучшей шпагой королевства, это все знали наверняка. А что будет с Габи? Беллона с дрожью представляла себе, к чему приведёт её безрассудный поступок. Странно, сегодня принцесса беспокоилась за всех, кроме себя самой. Почему-то она была уверена, что с ней ничего не случится. Тётя Сивилла обладала хорошей интуицией и просто-таки провидческим талантом, поэтому если бы девушке что-то угрожало, она наверняка предупредила бы её. А пока троица спешила по тесным улочкам (что у них плохо получалось), закат приближался, грозя ночью, которая несла с собой ещё большие гуляния, вседозволенность.

Беллона с Бернардо и Марией пришлось прижаться к стене, чтобы пропустить пивовара, который катил телегу с бочками к одному из мест сборища народа. Колёса, стуча о булыжники, издавали неприятный скрип, но даже он не привлекал внимание подхвативших ажиотаж простолюдинов, поэтому какой-то парень толкнул телегу и она с тянущимся звуком начала валиться набок. Её хозяин еле успел схватиться за один из бортов, но бочки уже наклонились и крайняя, соскочив со своего места, ударилась о каменистую дорогу и разлетелась вдребезги, при этом окатив пенистым пивом с ног до головы принцессу. Беллона встала, как вкопанная, с открытым ртом. Ну почему неудачи с такой настойчивостью сыплются на неё? Как глупо она выглядит. Не показаться же перед Дерекком мокрой, как курица, да ещё пахнувшей хмелем за версту. Пивовар попытался принести извинения, но Бернардо отправил его куда подальше.

— Ваше высочество, как вы?

— Интересный вопрос. Чувствую себя настолько странно, что затрудняюсь сказать, что именно мне хочется сделать.

— Может быть, пока не поздно, вернёмся к карете и уедем во дворец?

— Нет уж, виконт, этого вы не дождётесь. Мне бы только переодеться. Мария, может, до твоего дома недалеко?

— К сожалению, Белл, мы совсем в другом районе. А ты точно не хочешь в загородный дворец? — спросила эрцгерцогиня, оглядев подругу.

— Я настолько плохо выгляжу? — ответом Беллоне стал молчаливый, но многое говорящий взгляд. — Ладно, я всё равно найду выход из положения, только подумаю немного.

Бернардо понял, что сухой или мокрой, живой или мёртвой, но принцесса никогда не отступится от своих желаний и всегда пойдёт до конца. Вся в брата и этих упрямых Карлеалей! Что ж, лучше снова помочь выйти ей из сложной ситуации.

— Ваше высочество, тут, буквально в двух шагах, есть небольшой салон модных платьев, если хотите, мы можем зайти в него, и приглядеть вам что-нибудь. Идём?

— Конечно, конечно, Бернардо, поторопимся! Не терпится избавиться от этих липких тряпок. Мария, а ты, прошу тебя, спеши на площадь, вдруг Энжел оторвёт Габи от Робина и компании, и будет искать нас.

— Как скажешь, но вы тоже не задерживайтесь и будьте осторожны! Мы будем ждать

вас!

Девушка ловко растворилась среди фраков, юбок, плащей и вуалей. По одному было добираться проще, хоть и опаснее. Не нужно было постоянно оглядываться, а не отстал ли кто-нибудь? Принцесса со спутником тем временем направились слегка в другую сторону.

Из магазина Беллона вышла счастливая и довольная. Всё, перед ней лежала финишная прямая, которую нужно было скорейшим образом преодолеть и оказаться там, где жаждали очутиться сердце и душа. И девушку уже вовсе не смущало то, что на этот раз на ней было одето. Выбор был невероятно мал, ведь всё раскупили к таким событиям, а из оставшегося ей подошёл всего один наряд — чёрное вечернее платье, больше похожее на пеньюар, чем на верхнюю одежду, потому что оно было из очень тонкого материала, облегаящего тело, на широких бретельках, от которых вверх шёл высокий стоячий воротник, сзади переходящий в капюшон, под который можно было убрать волосы. Снизу, начиная от колена, оно переходило в крупное кружево, открывающее ноги до щиколотки. Хорошо, что маску не обрызгало! Она очень подходила ко всему этому. Похожая на королеву, Беллона даже не представляла, как прекрасно и вызывающе выглядит в этом всем. Чёрный цвет не только предал ей элегантности, но и прибавил пару лет. А уж на её золотые локоны, выпущенные вперёд, и переплетённые чёрным жемчугом, оглядывались все, не зависимо от пола и возраста.

Выйдя на широкий проспект, Беллона посмотрела направо и налево, чтобы снова не налететь на кого-нибудь или что-нибудь, или не дать застать себя врасплох очередному подвоху судьбы. С одной стороны стоял шарманщик, на плече которого сидел яркий зелёно-жёлтый попугай. Его мелодию перебивала музыка уличной танцовщицы, певшей под звон своего бубна. Шум доносился со всех сторон, мешая сосредоточить внимание на чём-либо. Но тут на принцессу напало онемение, счастливое и умиротворяющее. У неё будто выросли крылья за спиной.

— В чём дело, ваше высочество, мы не идём дальше?

Проследив за взором подопечной, Бернардо увидел на углу одного из зданий компанию мужчин. Сначала он не понял в чём дело, но, присмотревшись, засуетился. Среди них стоял высокий мужчина в тёмном плаще, золотом камзоле и красной маске. Под шляпой, на которой виднелось перо багрового цвета, голова была покрыта чёрным платком, как у пиратов. «Боже, вот и апогей нашей задумки, — тормозился виконт, — но что Сержио делает здесь? Он обещал ждать на площади. Наверное, тоже не смог протолкнуться туда. Ладно, главное, чтобы он заметил нас вовремя и успел испариться». Принцесса прервала поток его мыслей.

— Бернардо, стой здесь и жди меня. Я пошла.

— Погодите, ваше высочество! — виконт никак не мог дождаться, когда же юноша повернёт голову в их сторону и удалится, — может, не стоит? Ну, сами подумайте, как это будет выглядеть. Вдруг с ним рядом кто-то из знакомых, которые вас знают? Они же всё доложат вашим монаршим родителям!

— Прекратите меня удерживать! Я немедленно направляюсь к сэру Дереку, потому что намерена провести этот вечер так, как и планировала!

Беллона вырвала локоть из руки молодого дворянина и осторожно, но твёрдо, зашагала к скучковавшимся мужчинам. Их разделял всего лишь перекрёсток. К радости девушки, внезапного появления лошади можно было не опасаться, она бы не смогла проскакать и

метра в этом столпотворении.

Принцесса поравнялась с тем, к кому так стремилась. Он не сразу обратил на неё внимание, но потом его собеседники толкнули его по плечу, указывая, что рядом с ним встала девушка и ждёт, когда же он к ней повернётся. Беллона специально не подошла к ним вплотную, под тень козырька дома, чтобы её хорошо можно было разглядеть, хоть сама она и не очень чётко могла взглядеться в присутствующих. На развернувшем свою голову к ней, красовалась яркая маска, скрывающая всё лицо кроме рта, но зато в узких прорезях явно виднелись тёмные глаза, которые так завораживали Беллону. Ей было так обидно, что она не может в полной мере насладиться обожаемыми чертами, но всё-таки она была настроена решительно и однозначно. Если не сейчас, то никогда, определила она для себя.

— Ну что же, сэръ Дерек, я рада, что мы с вами встретились, и я готова сдержать своё обещание. Вы можете поцеловать меня, как и хотели.

Мужчина посмотрел с восхищением, но не сдвинулся с места. Беллона снова растерялась. Она опять сделала что-то не так! По голым плечам и спине побежали мурашки. Какая же она дура, начать так разговор!

— Что ж, если вы сами не хотите принять то, что так просили, то я не буду больше вас смущать и удалюсь.

Но не успела она и шага ступить в сторону, как властная и сильная рука вернула её обратно и прижала к груди. Вторая рука проскользила по лопаткам снизу вверх, и слегка коснувшись шеи, притянула голову Беллоны прямо к своей маске. И не успела принцесса опомниться, как горячие губы прижались к её губам с такой страстью, что ноги подкосились и стали, словно ватные. Дыхание перехватило и по нутру прошлось удивительное тепло. В голове всё пошло кругом и перехотелось двигаться, шевелиться, мыслить. Просто хотелось стоять вот так, долго-долго, пока не наступит конец света. Но, к огромному разочарованию девушки, поцелуй закончился, и капкан мужских рук на её фигуре открылся, позволив ей самостоятельно дальше делать что-либо. Слов не было. Беллона даже не подозревала, что поцелуй может быть таким сладким. Это было лучшим, что она могла себе только представить! Она даже не понимала, то ли ей так жарко и приятно от случившегося, то ли оттого, что происходило у неё внутри.

Мужчина почувствовал неловкость и заговорил первым.

— Простите великодушно, я, к моему глубочайшему сожалению, не ваш сэръ Дерек, но вы были столь прекрасны, что я не смог удержаться.

Что это? Мираж? Кошмарный сон? Или злая шутка? Беллоне показалось, что она слышит, как под ней хрустит лёд. Этого просто не могло случиться! Нет, так не бывает, это уже просто фантастика. Столько надежд, ожиданий, веры в любовь, одну преданную и единственную — всё сломалось и пошло ко дну в один миг. Первым порывом девушки стала звонкая пощёчина, которая сняла лишь малую толику обиды Беллоны за разрушенную мечту о том, что первый поцелуй у неё будет особенным и невероятно запоминающимся. Хотя насчёт второго теперь можно было не сомневаться.

— Как вы посмели? Как вы могли? Вы не представляете, что сейчас сделали, я никогда вам этого не прощу! Ваше счастье, что я не знаю, кто вы такой, иначе немедленно отправились бы под стражу! — Беллона поняла, что когда злится, становится похожей на брата, и это её разозлило ещё больше. Что толку теперь винить всех и вся? Этот молодой человек (по голосу принцесса сообразила, что он младше Дерек) ни в чём не виноват. Она, действительно, сама являлась причиной всех своих беспокойств и ошибок.

— Ещё раз приношу свои извинения, прекрасная незнакомка. Я допустил невероятную дерзость.

— И вы простите меня. Я обозналась. Вы одеты так, как должен был быть одет другой человек.

К этому времени подоспел Бернардо. Он уже догадался, что это был не Сержио и кто-то по невероятной случайности оделся точно так же, как и маркиз.

— Сударь, что вы себе позволяете! Вы нанесли оскорбление этой благородной миледи! — виконт схватился за перчатку и пытался её стянуть, чтобы вызвать на дуэль обидчика и вступить за честь своей принцессы. Но ему не дали закончить манёвр. Трое мужчин, внушительного телосложения, стоявших с незнакомцем, моментально схватили Бернардо и что-то шепнули ему на ухо, после чего он успокоился и, почтительно поклонившись, взял Беллону под руку и повёл её прочь.

— В чём дело, Бернардо? Кто это был?

— Я же говорил вам, что не стоит подходить к неизвестным мужчинам! Видите, к чему это привело. Вам повезло, что это был благородный человек, а если бы нет? Вечно вы не слушаете никого.

— Ты можешь мне ответить на вопрос? Кто это был?

Виконт остановился перевести дыхание.

— Это был принц из Голубого Квазара. Наследник одной из его главных планет! Потомок самых голубых кровей, которые только можно найти во Вселенной.

— Да? Ну, слава Богу, хоть не проходимцу свой поцелуй подарила, — невозмутимо сказала Беллона.

— Что? — Бернардо думал совсем о другом. Он подумал, что если бы мужчины узнали, что за персона перед ними была, то уже очень скоро полгалактики бы говорило о нравах принцессы Феира, которая позволяет себе такие шалости, как ходит инкогнито по улицам и увлекает юношей в свои сети. А самой дочери короля было далеко не до этого. Её обуяла печаль. Она беспрекословно шла за провожатым и сожалела лишь о том, что не сохранила верность Дереку. Для неё это было под стать предательству. Простит ли он ей это? Нет, ему не стоит этого знать вообще. Она никогда в жизни не признается, что была так близко с кем-то другим, кроме него. Как хорошо, что она даже лица этого принца не видела! Теперь ей никто не будет грезиться в страшных снах, и представлять перед глазами во время бессонницы. Всё её нетерпение! Виконт Тревор говорил ей, что следует дойти до площади Фонтанов и там будет Дерек, но нет, ей приспичило искать его тут!

Вскоре они добрались и до места назначения. Но Беллона не испытывала никакого энтузиазма. Ей хотелось спрятаться у себя в комнате, зарыться в одеяло с подушками и поплакать. Как стыдно! Стыдно перед самой собой, перед графом Аморвиллом, перед Бернардо, который стал свидетелем её позора и провала. А вокруг было тысячи людей, и бурное воображение принцессы рисовало, что под маской каждый насмехается над ней, над её промашкой, над её неопытностью. Голова разболелась и с каждой минутой Беллона понимала, что Дерек она не найдёт сегодня. Нужно было возвращаться во дворец за городом. Там был необходимый покой. Ах да, ещё же нужно было найти проказницу Габриэль! Впрочем, тут принцесса уже не помощница. Сама себе-то ничего организовать не может, так хоть не будет вмешиваться в судьбу подруг, может те тогда нормально проведут время.

Бернардо понял, в какой апатии находится Беллона, и в связи с чем. Найдя свободное

место на скамье у одного из фонтанов, он заботливо усадил девушку и угостил её шампанским.

— Ваше высочество, не нужно так отчаиваться из-за такой мелочи. — Принцесса подняла на него глубокомысленный взгляд. — Хорошо, допустим, это не мелочь. Но принц Голубого Квазара — это всё-таки что-то замечательное. Вам могла бы позавидовать любая другая, а вы и в этом нашли повод для расстройства. К тому же, вечер не закончился, у нас есть время до часов четырёх утра! Оглянитесь вокруг. Столько всего интересного...

— Бернардо, я благодарна за ваше участие, но мне сейчас ничего не нужно.

Из толпы появился маркиз о'Лермон. В своём обещанном костюме, но с открытым лицом, он направлялся прямо к ним. Вид его был возбуждённый и взбудораженный.

— Как хорошо, что я вас нашёл! Я думал, вы ещё не успели добраться досюда.

Виконт хотел спросить намеком у него, что это всё значит, но Беллона вперёд среагировала на так тщательно описываемый ей наряд, который и стал причиной её духовной драмы. До неё смутно дошёл смысл сговора её опекуна и рыцаря, и тогда гневу её не было границ, хотя бушевало всё только внутри, а выказать своё недовольство вслух уже не было особых сил и желания.

— Да как же вы могли? Вы оба? Кто дал вам право играть со мной такие детские игры? Я думала, что могу рассчитывать хотя бы на вас, но теперь понимаю, что истинных друзей у меня фактически нет...

— Бернардо, пожалуйста, отправляйтесь обратно, за город, — будто не слушая, произнёс Сержио, — здесь небезопасно. Несколько минут назад, в этой суматохе ударили кинжалом Британику. Я даже не сумел ничего предпринять...

Принцесса моментально очнулась от своей меланхолии и поняла, почему маркиз в такой прострации. Сейчас ему было не до выяснений отношений и было бы некрасиво и неуместно пытаться узнать, что подстегнуло их к такому поступку. Сестра рыцаря была ранена.

— Боже мой, какой ужас! Сержио, как она? В каком она состоянии?

— Трудно сказать, ваше высочество, её перенесли в покои замка. Врачи делают всё возможное и зависящее от них. Простите, мне некогда терять время на объяснения, я должен быть рядом с сестрой. Ах да! Чуть не забыл вам передать. Эрцгерцогиня Мария встретила мне, она просила её не ждать. А виконтесса Леонверден во дворце. Она там с отцом, который глаз с неё не спускает, и она еле смогла попросить меня, если я увижу вас передать то, что я её видел и с ней всё в порядке.

Маркиз умчался прочь, как ветер. Двое остались обдумывать прошедший день. Виконт кивнул принцессе на боковую улицу, дав этим понять, что они уходят.

Ночь окончательно завладела городом, когда Беллона ступила на подножку экипажа. В небе завиднелись залпы фейерверков. Оттуда, из самого центра событий, донёсся гул голосов и восторженных криков. Столько человек ощущали праздник! А дочь именинника уносила прочь от всего, что было устроено в честь короля. В грусти, раздумьях и печали она ехала домой, хотя рассчитывала сделать этот день незабываемо восторженным и радостным. Удача повернулась спиной и на этот раз. Когда же наступит тот момент, когда каждая минута, нет, секунда, наполнится счастьем, смехом и улыбками? Когда рядом с ней безраздельно будет любимый человек и им никто не сможет помешать быть вместе? В исполнение этой мечты уже не верилось. Беллона откинулась на сиденье и вспомнила утро, в котором Дерек чуть её не поцеловал. Зачем она оттолкнула его? Если бы она знала, как всё

выйдет позже...

Глава 24. "Надежда на будущее"

Пять дней затишья. Пять отвратительных скучных дней. Беллона не знала, как она их пережила. Единственный кто был рядом — это Бернардо. Он всё это время получал упрёки в свой адрес, но, несмотря на это, стал принцессе ещё ближе, как друг. Виконт, как мог, объяснял, что они с маркизом из самых лучших побуждений пытались оградить девушку от общества рыцаря Дереха Аморвила, но она отказалась от такой опеки, и попросила впредь не лезть туда, куда не просят. Хотя молодой человек и рассказал всё, что знает об этом мужчине, Беллона не хотела слушать сплетни и решила, что даже если всё это правда, то она не мешает Дереху любить её, а ей его.

Мария из города не возвращалась, видимо, оставшись до конца праздников. Энжел с фрейлинами поступила также, собственно, как и все гости загородного дворца. Скорее всего, они уже и вовсе уехали по своим планетам. И вот, наконец, появился первый вестник финала веселья. В столовую принцессы, где она пила чай вместе с Бернардо, постучали. После полученного разрешения, в комнату зашёл маркиз о'Лермон.

— Добрый день, ваше высочество!

Беллона подскочила со стула, уронив его, и бросилась обнять юношу. Только после того, как она это сделала, девушка опомнилась и отошла.

— Сержио, здравствуйте! Я так рада вас видеть! Вы не представляете, в какой тишине мы тут пребываем и как ждём хоть каких-нибудь вестей. Садитесь и рассказывайте, что видели за это время. Вам сейчас принесут перекусить с дороги. Я вижу, вы только из седла. Как завидую вам, я вот уже очень давно не приближалась к лошадям, хотя моя Фиалка больше недели как готова к поездкам, — в голосе девушки чувствовалась неподдельная радость и то, что ей хотелось с кем-нибудь поговорить, так она засиделась в своих покоях в эти жаркие летние дни.

— Да, вы угадали, я ещё не приводил себя в порядок после скачки, — маркиз теребил шляпу в руках, не зная, что ждать дальше и уставил взгляд себе на сапоги.

— Сержио, если вы сейчас думаете о том, как вы с Берни со мной поступили, то я уже всё забыла и не обижаюсь, однако я предупредила его светлость, и повторю вам, чтобы вы даже не думали так ещё раз поступить! Лучше скажите, как ваша сестра? Всё ли с ней хорошо?

— Спасибо, она идёт на поправку и ей уже немного лучше. Доктора сказали, что к концу месяца она сможет перенести переезд сюда, правда...оказалось, что она ждала ребёнка. Был очень маленький срок, и она потеряла его. Они с Бенвором были в отчаянии, но он успокоил её, сказав, что у них всё ещё впереди.

— Боже, какое горе! Я искренне желаю Британике скорее поправиться и завести целую ораву детишек. И как же так случилось? Какому негодню нужно было покуситься на такую милую и безобидную девушку?

— Я понятия не имею. Наверное, это просто был пьяный психопат. Я ведь стоял прямо рядом с ней, отвлёкся буквально на мгновение, посмотрев в другую сторону. Потом услышал её крик, и, повернувшись, нашёл сестру на землес раной в боку. Боже, даже вспоминаю сейчас это в полном ужасе и отчаянии. Но, к счастью, самое худшее уже позади. Ну да ладно, не буду загружать вас всякими печальями, вам тут и без того я смотрю, не очень весело.

— Договорились. Тогда, расскажите ещё какие-нибудь последние новости.

— Лично для вас, ваше высочество, у меня есть две — хорошая и плохая. С какой мне начать?

— Даже не знаю, давайте с хорошей. Пусть у меня будет хоть минута радости. Потому что после плохой вряд ли меня что-то уже приободрит.

— Как знаете. Завтра сюда должна приехать Габриэль. Она мне подробно доложила, как у неё что получилось. Поймав меня во дворце, не отпускала целых два часа, пока я не развлёк её, иначе она сходила с ума в своём домашнем аресте.

— Домашнем аресте?

— Да. Оказывается, она покинула вас тогда на празднике не попрощавшись, надеясь найти лучшие забавы, чем в компании с подругами, но крупно прогадала. Не успев переступить порог дворца, куда она доскакала на коне Рикардо МакДжойна, её нечаянно увидел отец, граф Гордений. У него чуть приступ не случился от того, где и с кем он нашёл свою единственную дочь! Сначала его упрёкам и нравоучением, казалось, конец не придёт никогда, но потом он постепенно утихомирился. Все мы знаем, как он любит Габи.

— На неё невозможно долго сердиться. Габи такой добрый и обаятельный человек, — подтвердила принцесса.

— Да уж, очарования и притягательности виконтессе не занимать.

Беллона всмотрелась в маркиза. Ему нравится Габриэль? Нет, ей показалось. Он сказал это из дружеских чувств. А как жаль! Если бы он начал ухаживать за девушкой, та могла бы выбросить из головы Сториана МакДжойна.

— Что ж, возвращение Габи, действительно, отличная новость. Мне будет гораздо веселей, да и ей тоже. Вместе мы скорее забудем про наши неудачи и начнём строить другие планы. Давайте теперь нам плохую новость.

Сержио немного помолчал, собравшись с силами. Ему совсем не хотелось расстраивать принцессу. Её прелестному лицу так шла улыбка, а он сейчас омрачит ей весь день, а возможно и не один. Глаза потеряют блеск, а уголки губ опустятся вниз. Юноша решил зайти издалека.

— Вчера в столицу приехали рыцари с Северной Луны. Вместе с Корнелио Модисом...

Не успел маркиз договорить, как принцесса снова вскочила с места, уронив стул.

— Как?! Значит, олтернцы покинули Феир?

— Успокойтесь, ваше высочество, как они могли, без меня-то? Вы забыли, я тоже кавалер ордена. Нет, все ещё здесь.

— Слава Богу!

— Но мы уезжаем завтра.

Страшнее слов для Беллоны придумать было невозможно. Ей показалось, что Феир перевернулся вверх ногами и всё пошло кувырком. В глазах потемнело и принцессу заметно качнуло в сторону. Бернардо удержал девушку и, подняв стул снова, усадил её на место.

— Я должна ехать в Риджейсити, я должна там быть. Я хочу попрощаться с Дерекком... и остальными.

— Ваше высочество, не нужно принимать поспешных решений, — попытался успокоить её виконт.

— Сделайте такое одолжение, не вмешивайтесь хотя бы на этот раз! Я обойдусь без вашего участия! Вы уже однажды попытались уберечь меня от излишних проблем, и наделали мне их ещё больше! Я немедленно собираюсь в город. Я не смогу тут находиться

больше ни минуты!

— Ваше высочество, остановитесь! — уже упрашивали оба молодых человека. Но Беллона не слушала их. Она прошла мимо друзей в сторону выхода. Перед её глазами стояло лицо графа, словно маяк для корабля во время бури. На этот раз девушку абсолютно ничего не волновало и не страшило, она даже собиралась сесть на лошадь и скакать пока не остановится перед рыцарями и не увидит Дереха. Решительности ей в этот момент было не занимать. Загоревшиеся какой-либо целью Карлеали были неуправляемы, но раньше это относилось исключительно к мужской половине их рода. Беллона сделала в этом плане открытие для окружающих.

Отворяя и распахивая дверь за дверью, принцесса мчалась изо всех сил к конюшне. Эта постройка, пахнувшая сеном, овсом и животными сейчас представлялась ей раем, или, скорее, плотом, в бескрайнем океане, появившимся рядом с тонущим судном.

На последней ступеньке лестницы, которая вела во двор, Беллона столкнулась с королевой Сивиллой.

— Здравствуй, Белл. Я шла с тобой попрощаться...

— Да, конечно, но я очень тороплюсь, извините.

Девушка хотела пойти дальше, но её остановил властный голос, который сковал её движения сильнее, чем это могли бы сделать цепи.

— А ты уверена, что тебя ждут там, куда ты так спешишь?

Принцесса словно окаменела. Она как-то не задавалась таким вопросом и даже не задумалась над тем, почему Дерек сам не приехал попрощаться? С его стороны это выглядело бы более учтиво и прилично, нежели с её.

— Тётя, к чему ты это говоришь?

— Я думаю, что девушка твоего возраста может так переживать и бежать куда-то только по одной причине — по сердечным делам, а так как дела сердечные подразумевают всё-таки кого-то второго, то разумно спросить, такое же ли нетерпение проявляется с другой стороны?

— Тётя, прошу тебя, не говори маме и отцу... никому не говори, что я...я...

— Полюбила? А ты думаешь, что по тебе этого так не видно? Дорогая, я сегодня уезжаю и не собираюсь ничего говорить, а тем более, вмешиваться в ваши дела, но я бы хотела предостеречь тебя от заблуждений и разочарований. Особенно разочарований.

— Почему ты думаешь, что я непременно разочаруюсь? Этот человек, которого я люблю, он тоже любит меня, и он не раз доказывал это!

— Так почему же не он приехал к тебе, а ты едешь к нему?

— Наверное, у него много дел, он очень занят.

— А если он занят, то найдёт ли он время для тебя, даже если ты сама примчишься к нему?

Беллона не знала, что ответить. Рассуждения Сивиллы были правильными.

— Тётя, но если я больше никогда не увижу его?

— Тогда что даст тебе эта последняя встреча? Громкий скандал? Породит слухи и сплетни? Откроет твою тайну всем? Очернит твою репутацию? Потому что не сомневайся, найдутся люди с крайними предрассудками, которым твой поступок покажется постыдным.

— Что же ты предлагаешь мне делать?

— Я считаю, стоит удостовериться, что вы одинаково сильно нужны друг другу. Потому что одно случайное знакомство — это ещё не судьба.

Принцесса опустила голову. Нет, она ещё не сдалась, но серьёзно усомнилась в надобности очередного отчаянного поступка. А ведь действительно, что такое судьба? В существование этой невидимой силы Беллона несомненно верила, но что она под собой подразумевала? Один шанс, за который нужно было хвататься и не отпускать, продолжая добиваться самому того, что тебе завиднелось на горизонте? Или череду совпадений, которые наоборот сами ведут всё тебе в руки?

Да, если ей суждено было остаться с Дерекком, то её появление в столице ничего не даст, а только усугубит её положение. А если нет...Но она сделает всё, чтобы они были вместе! В конце концов, они уезжают для того, чтобы решить, кто же станет следующим магистром. И если выбор остановится на Корнелио Модисе, то они сразу же вернутся обратно, так как Феир станет их главным командорством. Что ж, светлая перспектива наблюдалась. Было чего ждать и на что надеяться. «Всегда главное не опускать руки. Ведь даже если не выберут Корнелио, то через месяц будет моя премьера, после которой я смогу поехать на Олтерн, или туда, куда сама захочу, а, вернее, туда, где будет Дерек. Сивилла права, сейчас мне не следует ничего предпринимать. Чем закончились все мои предыдущие попытки? Дважды я оказывалась на краю между жизнью и смертью, а последний раз... Последний раз я изменила Дерекку. Нет, ещё хуже — я предала его! Как больно и горько. Обида просто гложет меня изнутри. Обида на саму себя, а не на Бернардо и Сержио. Они следовали своим убеждениям, а я следовала слепому желанию сделать всё по-своему и оказалась обманутой. Только время теперь может расставить всё по своим местам. Я, конечно, не Габриэль, но вдруг и мне через неделю понравится кто-то другой, и я буду долго жалеть о том, как вела себя совсем недавно? Что ж, отдамся на милость судьбы, чем бы она ни была».

Беллона попрощалась с королевой Сивиллой и развернулась обратно, в свои покои. Неужели вот так всё закончится? Нет. Принцесса чувствовала, что впереди было ещё много испытаний и переживаний. Возможно, настанет время, когда ей захочется спокойствия и тишины, но всё будет кипеть и гореть вокруг. Но это ждало где-то в будущем, далёком или близком. Терпение, капля терпения и начнётся другая жизнь. А пока Беллона шла по коридору, ведущему в её спальню, на глазах наворачивались слёзы, и скатывались по щекам, но она верила, что скоро всё изменится к лучшему.

Конец первой части

Продолжение следует...

Больше книг на сайте — Knigolub.net